

Специальное издание к 140-летию ВНИРО

А.В. Базов

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ БАЙКАЛЬСКИХ РЫБНЫХ ПРОМЫСЛОВ

А.В. Базов

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ БАЙКАЛЬСКИХ РЫБНЫХ ПРОМЫСЛОВ

**Москва
2020**

УДК 639.2/3(091)(282.256.341)
Б17

Базов А.В.

Б17 Очерки истории байкальских рыбных промыслов. Москва: Изд-во ВНИРО, 2020. — 292 с.

ISBN 978-5-85382-495-9

В монографии собрана и систематизирована имеющаяся информация по истории рыболовства, становлению и развитию рыбной промышленности на озере Байкал, введен в научный оборот ряд архивных материалов по данной теме. Временные рамки исследования, не считая краткого экскурса во времена древнего мира, затрагивают отрезок, начиная с прихода на Байкал первых русских переселенцев-колонистов в середине 17 века и заканчивая советским периодом. Рассматриваются все аспекты деятельности, связанные с рыбным промыслом: владение рыболовными участками и система арендных отношений при их использовании, орудия лова, история рыбопромыслового флота, организация и календарь промысла, история правил рыболовства на Байкале. Приводится описание исторического развития промысловых районов, вылов рыбы по каждому промыслу за все время рыболовства. Описаны бытовые стороны рыбного промысла: торговля и цены на рыбу, ее приготовление. Дана подборка репродукций по теме монографии.

Книга может быть интересна не только специалистам рыбного хозяйства, но и широкому кругу читателей, интересующихся историей и краеведением, туристам.

Содержание

От автора	5
Система владений рыболовными промыслами на Байкале	17
Орудия лова	35
Из истории рыболовного флота и мореплавания	61
Организация промысла	73
История правил рыболовства	91
Селенгинские рыбные промыслы	111
Ангарские рыбные промыслы	137
Баргузинские рыбные промыслы	161
Маломорские рыбные промыслы	185
Вылов рыбы в озере Байкал	207
Чертовкина пристань	221
Омулевая бочка	231
Байкальская рыбная кухня прошлого	239
Цены на рыбу и рыбопродукты	253
Вместо заключения	271
Примечания	272
Литература	273
Графика, живопись	280

Дорогие друзья!

В канун 140-летия Всероссийского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии мы предлагаем читателю замечательную книгу — «Очерки истории байкальских рыбных промыслов».

История ВНИРО начинается с 1881 года, с момента основания Соловецкой биологической станции. В книге прослеживается связь между отечественной рыбохозяйственной наукой, берущей начало в северных краях, и истоков рыболовства, пришедшего на озеро Байкал с Русского Севера. Землепроходцы и переселенцы, обосновавшиеся на Байкале, принесли с собой родные географические названия, орудия лова, технологию обработки и способы употребления рыбы.

Озеро Байкал — одно из наиболее известных мест в мире с потрясающей красотой природы. С точки зрения рыбохозяйственной науки, оно уникально своими водными биоресурсами, и, в первую очередь, — байкальским омулем, который стал брендом не только Прибайкалья, но и всей России.

Основой современной политики является научный подход, рациональное природопользование, разумная эксплуатация природных ресурсов, включая водные биоресурсы озера Байкал и рек его бассейна. Проводимые нами научные исследования опираются на многолетние данные об изменении климата, гидрологии водоемов, вылове и составе промысловых видов. Эти ценные сведения кропотливо собраны, проанализированы и систематизированы в этой книге.

Главное достоинство работы — сочетание научного подхода к историческим фактам, каждый из которых подкреплён библиографической ссылкой, и доступного широкому читателю стиля изложения, делающего чтение «Очерков истории байкальских рыбных промыслов» не только познавательным, но и увлекательным.

Уверен, что книга старшего научного сотрудника Байкальского филиала ФГБНУ «ВНИРО», кандидата биологических наук Андрея Базова о национальном достоянии России — озере Байкал станет открытием для многих поколений читателей, жителей нашей страны и зарубежья.

К. В. Колончин, директор ФГБНУ «ВНИРО»

От автора

Со времени написания первой работы, где были собраны сведения о байкальском рыболовстве, — «Рыбы и рыбное хозяйство в бассейне озера Байкал» под редакцией М. М. Кожова и К. И. Мишарина — прошло уже более шестидесяти лет. С тех пор было опубликовано множество материалов о разных сторонах жизни промыслового населения, занятого добычей рыбы на Байкале. И таких сведений накопилось немало. Тем не менее, знаменитый «кирпич» продолжает оставаться и останется настольной книгой всех ихтиологов, так или иначе связанных со «славным морем», краеведов и интересующихся историей байкальского рыболовства.

Автором была сделана попытка собрать и, самое главное, систематизировать имеющуюся информацию по истории байкальских рыбных промыслов, изложив ее в предлагаемой читателю монографии. Приехавшему на Байкал в 1988 г., тогда еще молодому специалисту удалось застать в живых дедов, которые могли бы рассказать много интересного из своей жизни, прошедшей на берегах Байкала, о том, как, где и когда они ловили рыбу, сколько добывали. Их рассказы могли бы дать много ценной дополнительной информации. Автор жалеет, что понимание этого иногда приходит поздно, но время уже не вернуть. Кроме уже опубликованных данных, чрезвычайно богатыми в информативном плане оказалась институтская научная библиотека и государственный архив Республики Бурятия, откуда было почерпнуто немало сведений.

Это что касается истории. Тем временем, настоящее вызывает многочисленные вопросы. У всех на слуху то, что на Байкале с рыбой не все в порядке и этим вопросом заинтересовались на высоком государственном уровне. Речь идет об основной промысловой рыбе — байкальском омуле — одном из символов озера. Сознательно избегаю слова «главная» по отношению к омулю, поскольку для ихтиолога все рыбы одинаковы. Автор не ставил целью подробно ознакомить читателя с сегодняшним состоянием рыбных запасов в оз. Байкал. Однако, являясь действующим научным сотрудником, считаю необходимым сказать об этом несколько слов.

В научных отчетах очень подробно приводятся расчеты численности и биомассы, даются рекомендации о допустимом улове, но совсем немного говорится о том, почему эти цифры постоянно идут вниз. Две основные причины уменьшения омуля в Байкале стары как мир — они те же самые, что и в предыдущие века. Это вылов производителей на путях нерестовых миграций и сток рек, определяющий уровень воды в Байкале. Опыт работы на нерестовых реках позволяет говорить о том, что изъятие 60 % производителей популяция еще выдерживает, однако, с начала нынешнего столетия количество омулей, не дошедших до нерестилищ, стало превышать 90 % — и это стало уже губительно для поддержания уровня воспроизводства. Свою лепту внесли и браконьеры в открытом Байкале, успешно помогая осваивать допустимые уловы официальным рыбопромышленникам. Другая причина, равнозначная по своему влиянию, — это увлажненность водосборной территории озера и сток рек, питающих Байкал, имеющие циклический характер. Уровень воды в озере, его сезонная динамика определяют выживаемость молоди многих байкальских рыб. Особенно опасны засушливые годы с низким уровнем воды, когда вокруг горят леса. Тайга горела в результате периодических засух и раньше. Так, метеонаблюдений в середине 19 века еще не велось, но доказательством этому стали письма декабристов, живших здесь на поселении, иногда напоминающие сегодняшние сводки МЧС: «С месяц была ужасная засуха, лес горит везде, так что свету белого не видать», — пишет И. И. Пушину М. К. Кюхельбекер. С конца

прошлого века по настоящее время в регионе наблюдается очередной маловодный период. Таким образом, обе составляющие совместно привели к нынешнему положению дел. Казалось бы, водность Байкала зависит исключительно от сил природы, но и тут человек преуспел. Так, эксплуатация плотины на реке Ангара и вырубка лесов на водосборной территории вносят дополнительный диссонанс в уровневый режим Байкала, что не может не сказываться на его обитателях. Кроме вышеперечисленного, существуют проблемы загрязнения вод, деградации нерестилищ, никуда не деться и от глобального потепления. И еще ..., беда может прийти, откуда не ждали. Река Селенга — место нереста омуля и не только его — является трансграничной, а бурно развивающаяся промышленность нашего соседа и планы строительства каскада монгольских ГЭС могут перечеркнуть все планы и надежды на восстановление былых рыбных богатств.

Немного о временных рамках исследования. Не считая краткого экскурса во времена древнего мира, хронологически это отрезок, начиная с прихода на Байкал первых русских переселенцев-колонистов в середине 17 века и заканчивая советским периодом. Современный российский этап автором практически не затрагивается, краткие сведения о нем имеют место в конце отдельных глав в случае, если это требовало законченности повествования.

Неоценимую помощь при работе над книгой оказали люди, увлеченные сохранением истории родного края. Хочется выразить благодарность за предоставленные материалы Ю.С. Мушинской — директору Хужирского краеведческого музея им. Н.М. Ревякина, О.М. Власовой — директору библиотеки-музея в с. Сухая, О.В. Сурановой — учителю и ее ученикам из средней школы пос. Шигаево, А.К. Башарову — краеведу из пос. Усть-Баргузин, Ю.В. Неронову — рыбоводу и краеведу, ветерану труда, В.Ю. Матанцеву — директору Большереченского рыбопроизводного завода им. Н.Ф. Дзюменко, семье ветерана байкальского рыболовства А.П. Сидорычева за предоставленные фотографии из семейного архива, М.Б. Цыдыповой — библиотекарю БайкалНИРО, А.С. Черниговскому и Н.М. Федосееву за возможность воспользоваться фотоархивом Кабанского рыбозавода. Отдельное спасибо труженикам цифрового фронта: многие дореволюционные и довоенные источники в настоящее время отсканированы и находятся в свободном доступе.

Любознательному читателю предлагается окунуться в историю байкальского рыболовства. Настоящее и прошлое неразрывно связаны между собой, плавно перетекая из одного в другое. Жизнь с каждым годом все стремительнее бежит вперед, мы порой не успеваем за ней. Есть смысл остановиться и обратить взгляд на время, когда никто никуда не торопился, на жизнь предшествующих поколений, возможно, найти для себя что-то полезное, не совершать ошибок, допущенных ими. Думается, что их опыт и наш здоровый консерватизм помогут нам сегодня, оставаясь собой, двигаться вперед.

Глава I

Сведения о рыболовстве на Байкале с древнейших времен до конца 18 века

Пешие тунгусы на Ангаре (по: «История Сибири», 1968)

Люди жили на Байкале и прилегающих территориях с незапамятных времен. В каменном веке здесь обитали лесные племена охотников, рыболовов и собирателей. Предки нынешних жителей Прибайкалья и Забайкалья жили по берегам рек и озер, а пойманная рыба составляла часть их меню. Многочисленные находки: рыболовные крючки, каменные грузила от сетей и неводов, кости рыб, скульптурные фигурки, наскальные изображения, керамика говорят о том, что рыболовство в бассейне Байкала уходит корнями в каменный век, начиная с конца палеолита — начала мезолита (15–12 тыс. лет назад) и заканчивая поздним неолитом и эпохой бронзы (по разным оценкам от 5 до 3 тыс. лет назад). Стоянки каменного и бронзового веков обнаружены во многих местах побережья Байкала, острова Ольхон, рек, впадающих в озеро, а также в верхнем и среднем течении р. Ангара. Жившие в первом тысячелетии нашей эры предшественники современных жителей Прибайкалья и Забайкалья — эвенков и бурят — курыкане, наряду с земледелием, скотоводством, охотой, занимались так же и рыболовством.

Археологические исследования в бассейне р. Селенга указывают на многочисленные стоянки древних охотников и рыболовов. Так, у притоков Селенги — рек Чикой и Хилок обнаружены сетные грузила рыболовов неолита. В конце 19 века в районе паромной переправы ниже п. Острог И.Д. Черским была обнаружена Итанцинская пещера со следами жизни древних людей, где найдены палеолитические орудия труда и остатки шкуры мамонта. В 1948 г. академиком А.П. Окладниковым наряду с другими артефактами здесь также найдены фигурка рыбы из белого мрамора и рыбы кости, однако, к сожалению, в настоящее время пещера разрушена при строительстве дороги на паромную переправу. На другом берегу Селенги, на территории пос. Еловка, непосредственно на откосе бывшей шоссейной дороги на перевал Мандрик находилась стоянка

древних людей. В этом месте А.П. Окладниковым обнаружены отщепы, орудия труда, кости рыб и млекопитающих. Каменные орудия труда и отходы их производства найдены рядом — в самом поселке на обрыве холма, где находится памятник воинам-землякам. К этой же эпохе относится и стоянка, находящаяся в 3 км выше пос. Острог (Окладников, 1950). Несколько стоянок времен неолита обнаружены в нижнем течении р. Итанцы: одна — немного южнее пос. Кома, две другие — близ пос. Острог. Возле железнодорожного моста через р. Селенга, на левом берегу в устье ручья, где в настоящее время проходит федеральная автодорога, также жили первобытные люди. К эпохе бронзы — раннего железа относятся наскальные рисунки у пос. Югово, а также плиточные могилы близ с. Татаурово (оба памятника в настоящее время также разрушены). В нижнем течении р. Селенга следы пребывания доисторического человека были обнаружены на дюнных выдувах близ сел Кабанск, Творогово, Ньюки, Шигаево и в других местах.

Одним из самых известных памятников эпохи неолита, бронзы и железа является Фофоновский могильник, исследованиями которого занимался А.П. Окладников. Здесь также в одном из погребений обнаружены сетные грузила. Могильник находится в полукилометре от села Фофоново на склоне одноименной горы на высоте 40–50 м над уровнем реки (рис. 1.1).

Рис. 1.1. Фофоновская гора

Неолитическая стоянка и погребение обнаружены в 2 км к югу от с. Посольское на правом мысу устья р. Большая Речка, впадающей в Посольский сор на двухметровой террасе. Эта стоянка принесла археологам находки разнообразных орудий лова: гарпуны, множество сетных грузил, стерженьки рыболовных крючков. Наряду с вышеупомянутыми рыболовными орудиями найдены фигурки рыбок-приманок. Среди каменных грузил Посольской стоянки имеются мелкие и крупные экземпляры. Крупные грузила, изготовленные из гальки или плиток, отличаются своей массивностью. Здесь же в большом количестве обнаружены кости рыб, погребение собаки, засыпанной сверху рыбьими костями (Эверстов, 1988). В настоящее время местность распахана.

Захоронения рыбьих костей из уловов рыбаков 1–2 веков до н. э. обнаружены в Иволгинском гуннском городище возле г. Улан-Удэ. Раскопки городища были начаты в 1927 г. и продолжены в 1949 г. археологической экспедицией АН СССР под руководством А.П. Окладникова. Рыбьи кости и чешуя, найденные в городище, принадлежали крупным осетрам до 2 м длиной, омулям, хариусам, карасям. Добывалась эта рыба поблизости в р. Селенга, там, где сейчас расположены пос. Вахмистрово и урочище Тологой. Гунны били осетров в р. Селенга на ямах, по-видимому, гарпунами или острогами, а на течении ловили на наживную крючковую снасть (Окладников, 1950; Егоров, Клеменченко, 1971).

Наибольшее количество поселений древних рыболовов отмечено по берегам острова Ольхон, многочисленных бухт и заливов Малого моря (стоянки Хужир-Нугэ, Сарма, Кулара, Саган-Нугэ, Улан-Хада, Куркут, Берлога, Итырхей, Тышкинэ). Раскопки на обнаруженной в 1913 г. археологом Б.Э. Петри неолитической стоянке в бухте Улан-Хада (рис. 1.2) залива Мухор в Малом море

Рис. 1.2. Мыс Улан-Хада в Малом Море

принесли материал, среди которого значительное место занимали рыболовные принадлежности. Наличие грузил и крючковой снасти (цельные крючки без боронок и составные, состоящие из каменного стерженька и каменного же или костяного острия) позволило предположить существование в Малом Море в неолите неводного способа лова и лова с помощью удочки (Петри, 1916). На берегах Малого Моря найдены также обломки костяных гарпунов, каменные фигурки рыб, игла для вязания сетей (рис. 1.3).

*Рис. 1.3. Рыбка-приманка в виде налима
(из коллекции Хужирского краеведческого музея им. Н. М. Ревякина)*

В поселениях Чивыркуйского залива (бухты Катунь и Окуневая) зафиксированы стерженьки составных рыболовных крючков (Номоконова, Горюнова, 2004).

На реке Ангара при впадении в нее р. Ёдарма в зоне подтопления Богучанской ГЭС иркутскими археологами обнаружены находки, указывающие на рыболовство как на одно из главных промыслов в системе жизнеобеспечения древнего населения края. Найденные многочисленные крючки, гарпуны, остроги, рыбки-приманки, грузила (рис. 1.4–1.5). Костные остатки ихтиофауны возрастом от 7,5 до 9 тыс. лет говорят об активной эксплуатации рыбных ресурсов Ангары, которая в своем девственном состоянии кишела рыбой. Кости принадлежали осетрам, щукам и налимам.

Большая часть находок сделана профессиональными археологами, соответствующим образом зафиксирована, систематизирована и, таким образом, сохранена. К сожалению, так бывает далеко не всегда. Ценные находки зачастую делаются местными жителями и, если артефакты не передаются ученым или хотя бы в местный музей, то скорее всего их ждет забвение. Один из таких случаев описан А. М. Станиловским — ученым-краеведом из Иркутска. В 1904 г. в селе Исток, что на Котокельском озере на пашне у местного крестьянина плуг поднял на поверхность каменное изображение рыбы, похожей на налима, длиной около одной четверти с ушком на спине. Рыбка-приманка

Рис. 1.4. Раскопки в районе о. Лиственничный, с. Ёдарма (фото автора)

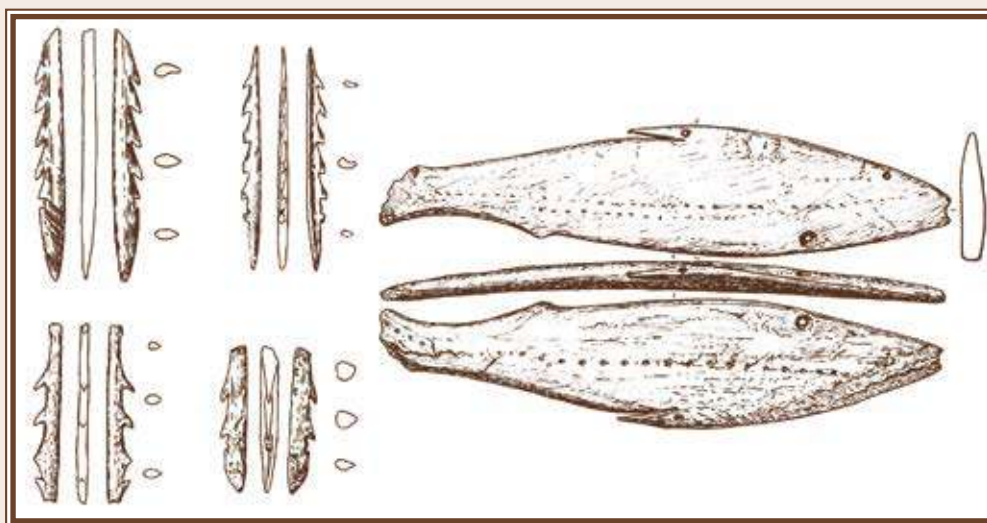

Рис. 1.5. Типы наконечников гарпунов и рыбки-приманки со стоянок о. Лиственничный на Ангаре (по: Роговский, Кузнецов, 2013)

рыболова каменного века стала игрушкой местных ребятишек и впоследствии затерялась (Станиловский, 1912). Он же отмечает, что похожие рыбки находились у с. Лиственничное на Байкале и у Глазковской горы под Иркутском. Аналогичная фигурка, как указывалось выше, представлена в экспозиции Хужирского краеведческого музея на о. Ольхон.

Основным орудием лова со времен конца палеолита был гарпун, изготовленный из кости без зазубрин, впоследствии с заостренными зубьями по краю. Для добычи рыбы использовались лук и стрелы. Этнографические исследования говорят о том, что стрельба рыбы из лука практиковалась в некоторых районах Сибири вплоть до недавнего времени (Окладников, 1950). Широкое распространение получила крючковая снасть. Крючки изготавливались из цельных костей, когтей хищных птиц и приматывались к каменным стержням (из шиферного или слюдяного сланца) при помощи ремней, сухожилий или волоса. Находки сетных грузил из камня и керамики позволяют считать, что уже жители мезолита обладали сетными орудиями лова. На правом берегу р. Ангара недалеко от п. Большая Речка П.П. Хороших (1960) обнаружил обломок глиняного сосуда с изображением сетного полотна и двух рыб. Для изготовления сетей в то время могли использовать волокна растений (конопля, крапива, кора тальника), волосы животных. Использование сетевого лова может служить косвенным свидетельством наличия у древнего населения лодок, необходимых для постановки сетей. Есть и наскальные изображения лодок. Однако до настоящего времени остатки лодок не зафиксированы (рис. 1.6).

Рис. 1.6. Изображения лодок с людьми на скалах Прибайкалья. Орудия лова: гарпуны, рыболовные крючки, каменные грузила палеолита и неолита (по: Егоров, Клеменченко, 1971)

Также существовал способ лова, сходный с современным блеснением: роль блесен играли каменные или керамические фигурки рыбок с дыркой в месте центровки. Впервые каменные изображения рыб появляются во время раннего неолита. Лов производили зимой в проруби: рыбку-приманку привязывали к веревке и опускали в воду — привлеченную игрой приманки рыбу гарпунили. П. С. Паллас в своем произведении «Путешествия по разным местам Российской империи» так описывает этот способ лова: «В речках самоеды... вскоре после того как они замерзнут, делают проруби, а над ними будки, потом пускают в воду вырезанные из дерева на нитках с камнями для груза рыбки, которые им служат для приманивания других хищных рыб, которых они весьма мастеровито колют острой» (Паллас 1788, с. 112–113). Такой способ лова у народов Сибири сохранялся вплоть до 19 века (Окладников, 1950; Василевич, 1969). Не исключается использование подобных рыбок и в ритуальных целях, особенно крупных фигур.

Многочисленные находки рыбок-приманок наталкивают на некоторые мысли. Во-первых, понятно, что рыбы в водоемах было много. Трудно представить, что в настоящее время на такую приманку приплывет какая-нибудь хищная рыба, во всяком случае, ждать придется долго. А во-вторых, несмотря на чисто утилитарную цель — поймать рыбу для пропитания — древним охотникам были не чужды элементы рыбацкого азарта. Как ни крути, а рыбки-приманки — неотъемлемый элемент спортивного рыболовства. Для превращения рыбки-приманки в блесну — оснащением ее крючком — оставалось сделать только один шаг, который был сделан в середине 19 века европейскими рыбаками.

Первые русские, появившиеся на Байкале в середине 17 века, отмечают наличие рыболовства у бурят в устье Селенги. Путешественники и исследователи в своих работах описывают хозяйство и быт аборигенного населения, в том числе архаичные орудия и способы рыбной ловли, во многом сохранившиеся с древнейших времен (Георги, 1799; Мартос, 1827; Мичи, 1868; Моллесон, 1912; Хангалов, 1958; Татаринов, 1958).

Рыболовство у туземного населения подробно описано в работе сибирского этнографа М. Н. Хангалова, собиравшего в конце 19 века предания и обычаи бурятского народа: «Не надо забывать, что буряты прежде были народ звероловческий и рыболовческий, потом постепенно стали делаться скотоводами» (Хангалов, 1958, с. 113). Со временем рыболовство у бурят стало вспомогательным промыслом с древней историей. Девственные реки их родины изобиловали разной рыбой, которая являлась одним из главных видов пищи и предметом поклонения: «Первое место между божествами Ухат-хата (все божества, связанные с водой) принадлежит Ухан-лобсону и его жене Ухан-дабан, покровителям морей, рек и озер, все они живут на дне глубоких вод и оттуда властвуют ...» (Хангалов, 1958, с. 312). Кроме того, многие рыболовные снасти у бурят имели

покровительственных заянов (духов). Свои покровители были у остроги (Гохоши-нойон), волосяной сети и невода (Гульмеш-нойон), морды (Гурши-хатун), а также весел (Хэлымэши-хатан), лодка же покровителя не имела. В начале лета у бурят Кабанского и других районов к открытию путины проводятся тайлганы (коллективные молебны), посвященные владыкам морей (Далайн-Тайлган). Кабанские буряты, испокон веку занимавшиеся рыбной ловлей, к «рыбному» тайлгану до сегодняшнего дня относятся со всей серьезностью.

Рыбу ловили мордами, сетями, удочками, острогами, стреляли из лука, лучили. М.Н. Хангалов дает описание архаичного лова рыбы неводом-бреднем с использованием древесной коры, этот способ назывался «неводить корою». Перед промыслом предварительно заготавливали кору от лиственницы длиной 8–20 м и более, ею неводили, подтягивая конструкцию на берег. При ужении рыбы на крючковую снасть удочку оснащали железным, деревянным или костяным крючком на волосяной веревке. Кроме того, упоминается и о лучении рыбы ночью острогой вброд или с лодки на разливах реки. В.С. Моллесоном (1912) описан способ лучения рыбы джидинскими бурятами, но уже ночью верхом на лошадях: во время лова один из рыбаков освещал факелом воду, товарищи же его в это время били рыбу острогой. По-видимому, такой способ лова, более походивший на охоту, является наиболее архаичным. Рыбу кололи сначала гарпунами, затем острогами, часто делали это ночью при свете факелов. П.С. Паллас (1788), описывая подобную охоту на рыбу у жителей Сибири, отмечает, что остяки и самоеды предварительно устилают дно реки березовой корой, на фоне которой лучше заметна проходящая рыба. Одним из 7 обязательных предметов тунгусов на Северном Байкале была острога с тремя зубьями, которой они в тихую погоду били рыбу, в основном тайменей (Радде, 1857). Сохранились фотографии ближайших соседей джидинских бурят — жителей северной Монголии, сделанные в 20 гг., которые верхом на конях били острогой тайменей в р. Селенга (рис. 1.7–1.8).

Сети у коренного населения появились задолго до прихода русских, их плели из конского волоса белой масти, а начиная с 18 века, — из конопляных ниток домашнего плетения (мотоуза).

Еще один рыболовный снаряд, о котором нельзя не упомянуть, — так называемый сак (утхур) — сетной сачок на длинном шесте. Обод сделан из ивы диаметром 30–50 см, полотно которого связано из конского волоса. При лове лодку отправляли вверх над уловом и затем сплавляли вниз по течению, сак же опускали на дно. Таким образом ловили рыбу некрупную, а сакom пользовались в основном люди неимущие (Кирилов, 1886). Орудие лова не забыто до сих пор: одному из авторов монографии доводилось видеть, как недалеко от г. Иркутск на р. Кудя при помощи сакom с успехом ведется лов леща.

По первому льду рыбу глушили. Рыболовы ходили по льду с колотушками и высматривали рыбу. Увидев ее, они сильно ударяли по льду и, если рыба не уйдет, а перевернется вверх брюхом,

Рис. 1.7. Источник фото: https://vk.com/mongolia_mgl?w=wall-7206469_75265

Рис. 1.8. Источник фото: https://vk.com/mongolia_mgl?w=wall-7206469_75265

тотчас прорубали лед и вытаскивали. Этот способ назывался глушением рыбы (Черепанов, 1855). К слову сказать, способ лова не забыт до сих пор.

К наиболее древним способам лова можно отнести и изготовление разного рода запорных сооружений. Запорное рыболовство было распространено у эвенков, якутов и других народов Сибири. Так, например, проводивший геодезические и гидрографические исследования на р. Селенга в рамках так называемой «секретной» Нерчинской экспедиции М. Татаринов (1958) собирал также сведения этнографического характера. В своей работе «Описание о братских татарах сочинения морского корабельного флота штурмана ранга капитана Михаила Татаринова, 1765 г.» при описании рыбного промысла бурят он писал: «Братские же, где есть рыбная ловля, ставят заески, неводов и сетей у них нет». Заездки представляли собой плетеную изгородь, изготовленную из ивовых прутьев с отверстиями для морд, куда попадала рыба. Небольшое отступление: впоследствии, по одной из версий, писатель Вениамин Каверин в романе «Два капитана» позаимствовал фамилию штурмана для своего героя — собирательного образа русских первопроходцев — капитана Татаринова.

Изображение запорного сооружения находим и в иконографии — на иконе с изображением почитаемого на Урале и в Сибири праведного Симеона Верхотурского изображена ловля рыбы на удочку святым Симеоном возле частичного берегового запора, описанного Л.П. Сабанеевым (1892) как «заязок» (рис. 1.9).

У И.-Г. Георги в «Описании народов Российской империи» в главе, посвященной прибайкальским тунгусам, отмечается, что неводов у них нет, а есть уды, которыми ловят с лодок и особенно распространены трехзубые вилки, которыми они ловят ночью при свете факелов: «Искусство их столь велико, что рыба, которую заприметят и достать могут, редко от них уходит». Осенью во время нерестового хода омуля тунгусы перегораживают некоторые реки плетеной городьбой наискосок, а сами «... стоят

Рис. 1.9. Рыболовство на иконе св. Симеона Верхотурского

позади оной и выбрасывают на берег голыми руками пригоняемую к городьбе по причине великого множества и тут останавливающуюся рыбу». Речь, судя по всему, шла о лове омулей тунгусами на р. Кичера и Верхняя Ангара (Георги, 1799, с. 29).

Одним из основных районов рыболовства было устье реки Селенга. Отряд Василия Колесникова, приплыв сюда в 1645 г., встретил здесь бурят, занимавшихся рыбной ловлей. За два года до Василия Колесникова Курбат Иванов, переправившись через Малое Море на остров Ольхон также застал здесь бурят, в хозяйстве которых рыболовство занимало важную роль.

Следующий этап развития рыболовства связан с колонизацией русскими Прибайкалья. Впервые рыбный промысел русскими переселенцами начался в устье Селенги в середине 17 века. Первоначально рыболовство имело потребительское значение. Для удовлетворения нужд незначительного по тому времени населения добывалось мало рыбы, и она всегда в изобилии водилась в водоемах. Позднее, когда были построены остроги и зимовья для «служилых людей», население начинает вести промысел рыбы, дававший большое подспорье в обеспечении его продуктами питания.

Возвращавшийся из даурской ссылки, в 1662 г. основатель старообрядчества Аввакум Петров, спустившись водным путем по Хилку и Селенге до Байкала, встретил там русских людей («станцию соболиную» — охотничью артель, занимавшуюся пушным промыслом). Артель, кроме охоты, рыбачила в дельте Селенги: «Надавали пищи сколько нам надобно: осетров с сорок свежих перед меня привезли, а сами говорят: «Вот, батюшко, на твою часть Бог в запоре нам дал, — возьми себе всю!». Я, поклонись им и рыбу благословя, опять им велел взять: «На што мне столько?». И далее: «Птиц зело много, гусей и лебедей, — по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем — осетры и таймени, стерледи и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия в нем: во окиане-море большом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем: осетры и таймени жирны гораздо, — нельзя жарить на сковороде: жир все будет. А все то у Христа тово, света, наделано для человеков, чтоб, упокоясь, хвалу Богу воздавал» (Житие..., 1934, с. 85–86).

Спустя 13 лет тем же путем прошел возглавлявший русское посольство в Китай Николай Спафарий. Дипломат, ученый, богослов, путешественник и географ в своих путевых заметках оставил первое в истории подробное описание Байкала. Осенью 1675 г. посольство на два дня останавливалось в заливе Прорва (Посольском Соре), единственном надежном месте для отстоя судов. По времени стоянка совпала с заходом на нерест в речки Посольского Сора и Селенгу косяков омуля. По свидетельству Спафария «... в Прорву приезжают из Братского и из Иркутского острогов дощаниками для рыбной ловли, и рыбы ловят зело много» и «наполняют дощаники всякой рыбой» (Арсеньев, 1882). Таким образом, рыбный промысел на Байкале начал свое развитие с Прорвы и устья Селенги с середины 17 века. Объектами рыболовства служили, в первую очередь, осетр, затем омуль и сиг, а также другие виды рыб. Особых затрат этот промысел не требовал, т. к. производился в нерестовый период и орудием лова служили запорные сооружения в устьях рек. Об изобилии рыбы в Байкале пишет и Н. Спафарий. Не преминем и мы упомянуть известное всем: «А рыбы в Байкале всякие много и осетры и сиги и иныя всякия, и зверя нерпа в нем есть же много, только жилья немного около Байкала, опричь немногих Тунгусов, которые питаются рыбою, потому что близ Байкала пашенных мест нет и живут по рекам в зимовьях промышленные люди зимою» (Арсеньев, 1882, с. 119–120).

Автор чертежной книги Сибири Семен Емельянович Ремезов в пояснении к своим картам в 1701 г. пишет, что наряду с русскими, рыболовством активно занимается и туземное население, живущее в дельте Селенги к северу от Посольского монастыря: «Они зимой и летом промышляют рыбу». В заливе у Посольского монастыря длиной 6 верст также «Промышляют (рыбу — авт.) в нем». В этом же атласе в устье р. Баргузин обозначено старое ясачное зимовье с пояснением, что зимой и летом здесь промышляют рыбу. На Байкале в это время были распространены артельные рыбацкие стоянки, летние поселения долговременного пользования. Рыбаки здесь жили во время сезона рыбной ловли, перерабатывали улов (Ремезов, 1882). Такие строения на байкальских берегах были распространены вплоть до середины 20 века.

Интересные сведения о байкальском рыболовстве начала 18 века приводятся немецким врачом и естествоиспытателем Г.В. Стеллером в работе «Описание Иркутска и его окрестностей», собранные им в 1739 г. во время Второй камчатской экспедиции под руководством Витуса Беринга и опубликованные относительно недавно (Элерт, 2004).

Из его работы узнаем, что промышленные люди из Иркутска отправлялись на дощаниках для рыбной ловли на Байкал, в особенности к устьям рек Баргузин, Чивыркуй и даже к далекой Верхней Ангаре. Однако к Верхней Ангаре отваживались идти немногие, так как тамошние тунгусы отбирали у промышленников рыбу, а при сопротивлении могли убить.

По словам Г.В. Стеллера, отправлялись на промыслы иркутские артелями по 14–15 человек, собирая в складчину деньги, обычно по 50 руб. с человека. На эти деньги покупался дощаник, боковой парус, мачта и снасти, что вместе с неводом тогда обходилось в сумму около 500 руб. В ратусе рыбаки уплачивали за невод 7 руб. Далее канцелярия извещала таможенню о том, какое место отведено им для промысла, так как по возвращении промышленные предъявляют свою рыбу на заставе и дают все осмотреть, чтобы было видно, не ввозят ли они какие-нибудь товары под видом рыбы. После этого они уплачивают в таможене десятину от цены, установленной ценовальниками. Когда все улажено, закупают соль, провиант, мясо, всевозможную домашнюю утварь и в Николин день отплывают вверх по Ангаре на Байкал. Бочки они везли с собой в виде клепок и сбивали их на месте. На промысле строят себе зимовье, баню, навес, под которым засаливают рыбу и чинят невод, каркас для его сушки. Дощаник же оставляют стоять на якоре, а рыбу ловят на двух лодках.

Главным в артели является передовщик или предводитель, он не платит денег в складчину, знает дорогу и опасности, определяет места стоянок, а также места, удобные для рыбной ловли. Передовщик должен уметь забрасывать, выбирать и чинить невод. Еще есть бочкарь. Он всю зиму изготавливает бочки, а затем сбивает их. За это он ничего не вкладывает в артель, но и получает лишь половинную долю. Другую половину доли получает повар. Он тоже не платит в складчину и тоже не участвует ни в каких работах. Между собой артельщики живут мирно, полюбовно улаживают возникающие ссоры. Когда они обедают, то перед этим благоговейно молятся. После обеда артельщики повторно молятся и снова отправляются работать. Бесшабашных голов они совсем не принимают в артель или выгоняют из нее, поскольку, как они говорят, беспорядок может рассердить божество озера. Особенное удовольствие им доставляет то, что ими никто не командует, и они сами себе господа.

В конце августа артельщики возвращаются, груженные осетрами, сига́ми и ому́лями. Осетр — главная рыба, за которой отправляются в дальний путь. Ради них они сначала специально отправляются к реке Чивыркуй, а уж в половине августа приходит время для омуля. Раньше осетров было очень много, другую рыбу просто не брали. Но со временем осетр стал столь редок, что промышленные люди благодарят бога и за омулей. В прежние времена возле острова Ольхон они за одну тоню добывали по 60 бочек осетров, сейчас же до прихода омулей вся артель едва получает 7 полных бочек. Ловят и сига́, а когда поднимаются ому́ли, они добывают их за одну тоню по 10–13 бочек. Зимой артельщики живут в зимовье — хотя и не так богато, как во время промысла, но все же ни в чем не испытывая нужды.

К концу 18 века на устье р. Селенга и в заливе Прорва уже полным ходом ведется интенсивный промысел осетра и омуля. Российское государство стремительно расширяется на восток; для пропитания растущего населения края бочки с омулем, осетром, прочая рыба развозятся на запад, восток и север от озера. Возникают рыбацкие столицы того времени — Чертовкина пристань в дельте Селенги и рыбацкий поселок Усть-Баргузин при впадении р. Баргузин в Байкал. Чуть позже — пристани Чечёвки и Дагары на устьях рек Верхняя Ангара и Кичера, а также южная часть пролива Малое Море с центром в Базарной бухте.

Глава 2

Система владений рыболовными промыслами на Байкале

Фрагмент межевого плана рыболовных статей на Байкале, 1830 г.

С укреплением централизованного Российского государства, распространением его на восток, за Байкал, а также с развитием рыболовства и становлением рыбного хозяйства как самостоятельной отрасли, возникла необходимость закрепления за рыбодобытчиками рыболовных участков по берегам Байкала и нижних течений впадающих в него рек.

Сведения о владении рыбными промыслами разными лицами и организациями на Байкале многочисленны и довольно разрозненны. Споры и судебные тяжбы за наиболее рыбные места были всегда, вследствие чего, участки иногда меняли хозяев. В данной главе нами предпринята попытка обобщить имеющиеся данные о принадлежности рыболовных промыслов на Байкале и их эксплуатации, содержащиеся в государственных документах и работах исследователей (Своды законов Российской империи; Декреты Советской власти; Конституции России и СССР; Пежемский, 1853; Елезов, 1873; Сабуров, 1889; Малинин, 1908; Кузнецов, 1909; Солдатов, 1912; Гирченко, 1928; Лукьянов, 1986; Косых, 1989, 1999; Торшина, 2000; Дроботушенко, 2008; Гольдфарб, 2010; Аргунова, 2016 и др.).

Касаясь вопроса о принадлежности, надо заметить, что первым владельцем рыбных ловель являлась сама государева казна. Впоследствии, согласно Своду Законов Российской империи, на основании Высочайших Указов право на пользование прибрежными водами и рыбной ловлей принадлежит местному прибрежному населению, если они не предоставлены ведомствам, обществам и учреждениям по особым распоряжениям. С начала 18 века воды Байкала принадлежат хозяевам береговой полосы вглубь озера на расстоянии 5 верст (Устав ..., 1912). Впоследствии правилами рыболовства эта зона была сокращена до 2 верст. В местах неводных тоней владения простираются вглубь Байкала до глубины 5 сажений. Владельцы земель, прилегающих к Байкалу, обязаны

оставлять по берегу во все пространство их владения десятисаженную полосу для приставания рыбацких лодок и обсушки сетей. Согласно Высочайшим Указам от 11 декабря 1719 г. и от 27 августа 1802 г. провозглашался принцип свободы моря и вольного промысла — открытые воды Байкала за пределами пяти и впоследствии двухверстной зоны находятся в общем и нераздельном для всех пользовании.

Однако еще со времен царя Федора Алексеевича (1676–1682), Петра I (1682–1725) и в царствование императрицы Елизаветы Петровны (1741–1762) некоторые районы озера особыми указами правительства были предоставлены в исключительное и преемственное владение отдельных обществ и учреждений. Первыми жалованные грамоты от правительства на лучшие рыболовные участки оз. Байкал, а также крупные, наиболее рыбные притоки, в 18–19 веках получили Архиерейские дома (штат служащих при архиереях по управлению митрополией) и монастыри Восточной Сибири, в частности, монастыри Прибайкалья и Забайкалья. Несомненно, наиболее крупными владельцами рыбопромысловых угодий до 1917 г. были учреждения русской православной церкви.

Рис. 2.1. Свято-Троицкий Селенгинский монастырь

Свято-Троицкий Селенгинский монастырь (рис. 2.1). В 1681 г. была основана первая монашеская обитель Забайкалья — Свято-Троицкий Селенгинский мужской монастырь. В награду за труды по миссионерской деятельности, духовному окормлению населения и для пропитания монастырской братии в 1682 г. Троицкий мужской монастырь на Селенге получает лучшие ловли на Байкале — в Прорве (так раньше назывался Посольский сор), где впервые было начато рыболовство на Байкале, а также участки по реке Селенга: «А для прокормленья ему, игумену Феодосию с братьею к тому новому Троицкому монастырю отведено у Бойкала моря в урочище в Прорве у Посольского мысу рыбные ловли» (Дополнения..., 1862).

В 1709 г. Селенгинский монастырь передал рыбные ловли в Прорве новообразованному Посольскому монастырю, а взамен получил в вечное владение оз. Котокель с впадающими в него ручьями (Мостовой, Черемховый, Голый), а также р. Турка и реки Каточик и Исток, соединяющие озеро с р. Турка по 5 верст от устья каждой из рек. Передача озера монастырю произошла согласно

Указам Петра I от 7 ноября 1713 г. и 21 апреля 1714 г. (ГАРБ. ф.175, д. 97). На единственном острове озера был организован скит и построена часовня, впоследствии в топонимике озера этот остров остался как «Монастырский». За монастырем на какое-то время также была закреплена прибрежная полоса от р. Селенга до р. Турка. В 1875 г. военный губернатор Забайкальской области отдал рыбную ловлю монастырю на всем протяжении рек Турка, Коточик и Исток, что противоречило Указам Петра I и лишало пропитания местное население. Крестьяне Туркинского и Горячинского селений вынуждены были написать жалобу на имя императора Александра II (ГАРБ. ф.175, д. 97). Богатые рыбные запасы озера привлекали переселенцев. В 1880-е гг. сюда переселились семейские (староверы) с берегов р. Чикой. Так образовались селения Исток и Котокель. Переселенцы ловили рыбу, перекрывая реки Исток, Коточик и Турка, если вели лов за пределами монастырских владений, либо вынуждены были арендовать ловли у церкви.

Рыбоугодьями монастыря считались притоки Байкала в южной и юго-восточной частях озера: речки Култушная, Утулик, Мурын, Снежная, Выдрина, Мишиха, Мысовая, Мантуриха.

В 1680-е гг. в 35 верстах к северу от Селенгинского острога на Солёном озере монастырем были построены соляные варницы. В 1709 г. по указу Петра I варницы на Солёном озере были утверждены за Селенгинским Троицким монастырем. Завод ежегодно производил от 20 до 60 тысяч пудов соли, продаваемой в Верхнеудинском округе. Со временем концентрация соли в водном растворе сокращалась, снижалось и ее производство. Не выдержав конкуренции с другими солепромыслами, в конце 19 века промысел был остановлен (Краткая энциклопедия ..., 1996).

Интересно как добывали в старину соль. Вываркой соли руководил варничный мастер, которому помогали подварок и несколько рабочих. Варочный мастер сам затапливал печь, а подварок в это время «напушал» в чрен (котел для выварки) рассол. Доведя рассол до кипения, варничный мастер внимательно следил за тем, как шел «кипеж», высматривал, когда в нем начнет «родиться» соль. Ни в коем случае нельзя было допустить пригорания соли, так как в этом случае железное днище чрена могло прогореть насквозь. При появлении первых кристаллов в чрен добавляли свежую порцию рассола и так несколько раз, пока не получался густой «засол». Чем крепче был первоначальный рассол, тем короче была «варя». Когда соляной раствор загустевал, кристаллическая соль начинала оседать хлопьями на дно чрена, рабочие сгребали соль лопатами и выбрасывали ее на полаты — деревянный помост для просушки. Сухую соль ссыпали в мешки. Соль доставалась с большим трудом, ценилась высоко и приносила огромный доход.

Рис. 2.2. Посольский Спасо-Преображенский монастырь

Посольский Спасо-Преображенский монастырь (рис. 2.2). В 1681 г. Свято-Троицким Селенгинским монастырем на важнейшем стратегическом и экономическом месте пересечения водных и сухопутных путей того времени — возле залива Прорва — был организован монастырский скит, ставший впоследствии самостоятельным Посольским Спасо-Преображенским мужским монастырем.

В 1709 г. Селенгинский монастырь передал Посольскому монастырю залив Прорва с впадающими в него реками (Толбазиха, Абрамиха, Култушная). Передача этих владений произошла по ходатайству строителя монастыря купца Григория Осколкова Указом царя Петра I. В Своде законов Российской империи такие указы не значатся, однако в «Иркутских епархиальных ведомостях» за 1872 г. говорится, что в монастырском архиве такой Указ имеется и приводятся некоторые подробности этого дела. Купец Г. Осколков, будучи в 1707 г. в Москве, подал от себя Императору Петру I прошение, чтобы новому Посольскому пустынному монастырю для пропитания монашествующих передать рыбные ловли, имеющиеся возле монастыря по берегу Байкала. В ответе говорилось: «Октября в 14-й день 1709 года, по указу Его Императорского Величества ... игумену Макарию с братией отвести Преображенскому монастырю по окружной меже от Преображенского монастыря вверх берегом подле Байкала моря до Селенгинского нижнего устья, до креста, и до талового куста, прямо через степь на сосновый чистый мыс, на котором мысу одинокая лиственница с большой кривой отраслью; а от лиственницы в бор через калтузы, до устья Темной реки и вверх налево Никитиной речки, направо подле хребта, через Большую и Толбазиху и Абрамиху речки до Култушной и вниз направо Култушной речкой до Прорвы и до Байкала моря; а подле Байкала моря берегом до Преображенского монастыря и Прорву, где ловли по отпуску, омули и другую рыбу для рыбных ловель отвести к тому же Преображенскому монастырю. И на те ... рыбные ловли впредь для владения в Преображенский монастырь дать данную (грамоту) ... для пропитания монахам владеть Посольскому Преображенскому монастырю игумену Макарию». В 1727 г. находившийся проездом в Китай в монастыре чрезвычайный посланник Российского Императорского двора граф С.В. Иллирийский по прошению игумена Иова подтвердил полномочия монастыря на владение рыбными ловлями с оговоркой: «кроме устья реки Селенги, где никому ловить не велено, дабы селенгинских жителей тем не озлобить». К тем же временам относится тяжба игумена Лаврентия II с крестьянами посольского общества. Суть тяжбы была такова: монастырь городил сплошной перегородкой узкий пролив в Прорве, тем самым, преграждая путь омулевым стадам в Большую Речку и ее протоку Старицу, состоявших в то время во владении местных крестьян. Тогда по определению Иркутской Казенной Палаты монастырю было воспрещено ставить перегородки, дабы открыть свободный ход рыбе (Иркутские ..., 1872).

В 1864 г. монастырю отошел Нижний или Истокско-Истоминский сор. До 1864 г. сором владели местные крестьяне, затем по неизвестной причине он отошел монастырю. По ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова в 1866 г. Посольскому монастырю были выделены 7 рыболовных статей (занятий, приносящих доход) на р. Селенга. Монастырь владел ими в течение 25 лет. Впоследствии эти ловли отошли Читинскому архиерейскому дому.

Как рыболовные владения монастыря упоминаются еще две статьи: «байкальские котцы» и «зимний сор». Вариантов расположения «котцов» представляется два. Во-первых, это место для лова идущего на нерест омуля котцами (орудие лова) в устьях рек, впадающих в Посольский сор, и, во-вторых, описанные П.С. Палласом в 1773 г. котцы для лова весенне-нерестящейся рыбы, в основном щуки, язя, окуня, устанавливавшиеся в дельте Селенги. Вариантов локации «зимнего сора» также немного. Соров было всего два: Прорвинский и Нижний. Оба, собственно, принадлежали Посольскому монастырю. Если не считать осеннего лова ходового омуля, основная рыбалка на этих водоемах происходит в подледный период, когда в сорах скапливается в больших количествах на зимовку речная рыба. Ловили ту рыбу подледными неводами, а также позже еще и бормашовыми удами.

На все рыболовные владения монастыря в конце 19 века существовали планы, выданные Иркутской Казенной палатой в 1851 г. В 1872 г. классность монастыря была понижена с соответствующим сокращением угодий.

Иркутский Архиерейский дом (рис. 2.3). В 1727 г. была учреждена Иркутская епархия. На содержание Архиерейского дома делали отчисления все монастыри Иркутской епархии, в хозяйственной жизни которых рыбная ловля занимала не последнее место. Сбор от рыболовных статей употреблялся на содержание архиерея, монашествующих, различные хозяйственные нужды и на починку зданий, так как из-за дороговизны жизненно необходимых товаров и строительных материалов положенного государственного денежного довольствия было недостаточно. Самому иркутскому Архиерейскому дому отводились:

1. Берег Байкала со всеми речками от ст. Култук до р. Мантуриха на 182 версты. Указом Сената от 1844 г. Архиерейскому дому принадлежат не только речки, впадающие в Байкал, но и само озеро на этом участке. Местное население, в частности, население г. Мысовск (ныне г. Бабушкин), оспаривало в суде право на владение частью береговой полосы от р. Б. Ивановка до Мантурихи, имея цель использовать эти земли для выгона скота.

Рис. 2.3. Иркутский Архиерейский дом

2. Побережье от Старого устья р. Селенга под названием Галутай до провалившегося в 1862 г. о-ва Черемховского на протяжении 40 верст.

3. В 1830 г. Иркутской епархии выделяется участок от устья р. Баргузин до р. Большой Чивыркуй, в том числе Поливная Карга — место неводных тоней в Баргузинском заливе.

4. Протока Исток из оз. Сор в Чивыркуйский залив и пространство в заливе от мыса Голого до мыса Монах.

5. Одна статья в р. Селенга.

6. Река Ангара от истока до Иркутска (рис. 2.4).

Иркутскому Вознесенскому мужскому монастырю (рис. 2.5) принадлежали:

1. Прорва.

2. Пространство между рекой Мантуриха и Каргинской прорвой на 21 версту.

3. Угодья по реке Селенга.

4. Устье р. Голоустная. Заметим, что выше Прорва отмечается также как владение Посольского монастыря.

Следует также упомянуть одно немаловажное обстоятельство, делавшее Вознесенский монастырь ключевым игроком во всем байкальском рыбном промысле. Еще в 1705 г. монахами была построена на р. Ангара близ современного г. Усолье-Сибирское соляная варница, а к 1747 г. Вознесенский монастырь стал единоличным владельцем Ангаро-Усольского солепромысла. Источником соли на промысле служили 3 соляных ключа, расположенные на ангарском острове. Варка соли производилась с февраля по декабрь месяцы, когда с началом ледостава речная вода заливала соляные источники. Вываренную соль развозили как водой вверх и вниз по реке, так и гужевым транспортом. Ежегодно на монастырской варнице совершали 144 варки, получая за одну варю 70 пудов соли. Таким образом, монастырские запасы пополнялись более чем на 10 тыс. пудов соли в год, что приносило ежегодный доход около 1000 руб. (Гагемейстер, 1854; Иркутская епархия ..., 2013). Отсюда соль, несмотря на ее невысокое качество, расходилась на все байкальские рыбные промыслы.

Рис. 2.5. Иркутский Вознесенский мужской монастырь

Рис. 2.6. Иркутский Знаменский монастырь

Иркутскому Знаменскому женскому монастырю (рис. 2.6) принадлежали угодья по р. Селенга и ее протокам.

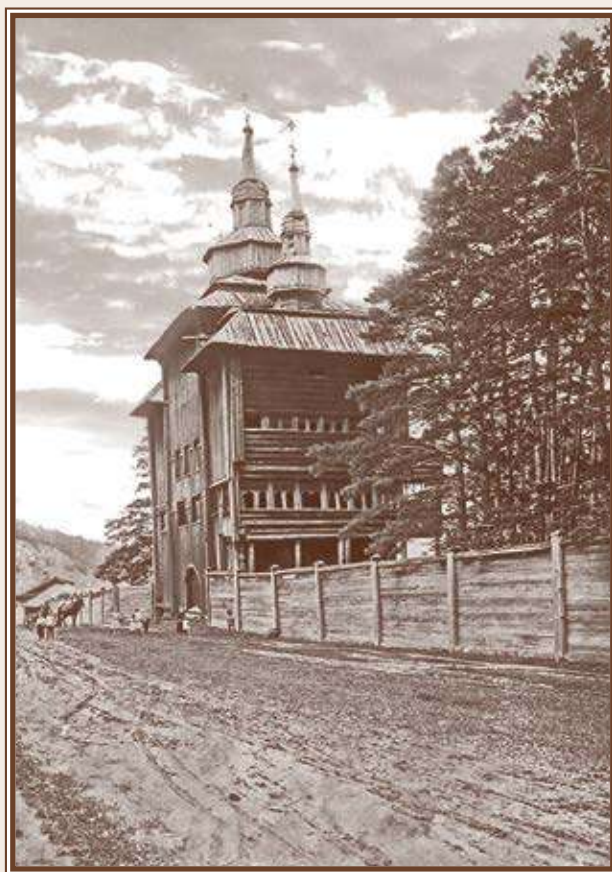

Рис. 2.7. Киренский Троицкий монастырь

Киренский Троицкий мужской монастырь (рис. 2.7) владел следующими рыбными ловлями:

1. От Култука до Посольска — реки Култушная, Утулик, Мурин, Снежная, Выдрина, Мишиха, Мысовая, Мантуриха.

2. Курбулицкая губа.

3. Ловли на р. Селенга. Эти ловли монастырь получил от Кударинской церкви. Изначально ими владело местное население, но затем приходские крестьяне передали их сельскому храму. Впоследствии крестьянам за пользование этими же ловлями приходилось платить ежегодно около 1000 руб. аренды. Кроме рыбных промыслов, на оз. Байкал Киренский монастырь получал доходы от рыбной ловли на реках Витим, Ангара, Енисей, а также на оз. Орон.

Рис. 2.8. Якутский Спасский монастырь

Якутскому Спасскому монастырю (рис. 2.8) принадлежал новообразованный в 1861 г. в результате землетрясения залив Провал от большого острова Черемховского до д. Дубининой, а также верхнее устье р. Селенга от дресвы Абагаевской и ниже до Байкала.

Читинский Архиерейский дом был основан достаточно поздно — в 1886 г. До этого времени Забайкальская духовная миссия находилась в Посольском монастыре, а братия монастыря ежегодно в течение четверти века отчисляла с рыболовных статей на Селенге начальнику миссии на ее содержание 1400 руб. С переездом духовного правления в Читу рыболовные статьи на Селенге в районе с. Творогово были переданы ей.

Чикойский Иоанно-Предтеченский монастырь (рис. 2.9) также занимался рыбной ловлей. Но сведений о наличии у монастыря рыболовных статей не обнаружено, по-видимому, братия рыбачила на р. Чикой исключительно для своего пропитания.

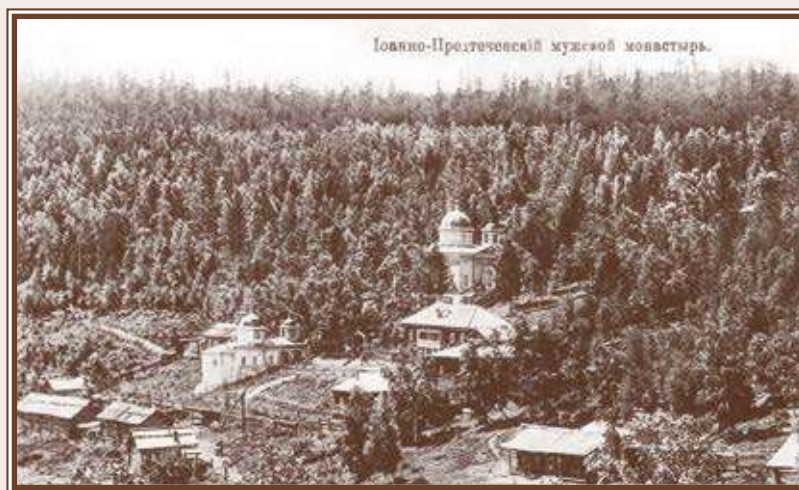

Рис. 2.9. Чикойский Иоанно-Предтеченский монастырь

Наибольшего развития монастырские владения рыболовными промыслами на Байкале получили во второй половине 19 века. К началу Первой мировой войны рыболовство в хозяйственной деятельности монастырей носило уже второстепенный характер, обеспечивая в основном нужды насельников, особенно во время многочисленных постов.

Байкальскими рыбными промыслами владели и частные лица. В «Статистическом обозрении Сибири» (Гагемейстер, 1854) отмечен примечательный факт такого оброчного владения.

Один из самых влиятельных сановников российской империи, граф П.И. Шувалов (дворянский брат И.И. Шувалова, фаворита императрицы (рис. 2.10) в знак особых милостей со стороны Елизаветы Петровны (жена графа была подругой государыни) в 40-х гг. 18 века получил в аренду рыбные, сальные, китобойные и звериные промыслы на Белом море, Онежском озере, Каспии и Байкале сроком на 20 лет. Шкуры и жир тюленей в те времена были предметами торговли с Китаем. «Шатровое управление», находившееся недалеко от Кабанского острога и осуществлявшее руководство этими промыслами, появилось около 1746 г. и прекратило существование, по-видимому, со смертью императрицы и самого сановника в 1762 г. Управление снаряжало промысловые группы для рыбодобычи из «гуляющих людей» и «новопашенных» крестьян. Обе эти группы людей в условиях крепостного права обладали личной свободой и на законных основаниях нанимались на работу.

Рис. 2.10. Граф П.И. Шувалов

Взошедшая на престол в 1762 г. Екатерина Вторая на некоторое время лишила монастыри большей части промыслов, включая и рыбные. 26 февраля 1764 г. ей был подписан т. н. манифест о секуляризации, положивший начало переделу церковных владений. Все монастырские земли и промыслы были изъяты государством и переданы в Коллегию экономии. Императрицей была сделана попытка совершить поворот от монополии к свободному промыслу и от откупной системы к системам акцизной и пошлинной. Монастырям же было положено государственное содержание. Денег, а также пожертвований верующих и паломников было недостаточно, для монастырей наступили сложные времена. Сократилось количество насельников, некоторые монастыри закрылись. Впоследствии монастырям удалось получить обратно часть земельных и водных владений и снова развернуть промысловую деятельность. Такое положение сохранялось вплоть до начала 20 века, когда большевики провели уже окончательную национализацию монастырских земель.

А как же обстояли дела с правом на рыбную ловлю местным населением, численность которого постоянно росла? С развитием миссионерской деятельности, увеличением числа монастырей, происходит раздел рыбных участков между монастырями, казной и местным населением. Даже неспециалисту видно, что многие самые богатые рыболовные участки на селенгинских и баргузинских промыслах были отданы монастырям и Архиерейским домам. На долю местного населения для лова зачастую приходились участки безрыбные и малопродуктивные. Монопольное право на лучшие участки для немногих владельцев с одной стороны, и предоставление худших ловель большинству ловецкого населения, с другой, не могло не вызывать возмущения и недовольства последних. На этой почве иногда происходили столкновения с угрозами убийства, чинились «помешательства» промыслам, что было особенно развито в наиболее населенном месте — на селенгинских промыслах.

Остальные рыбные угодья принадлежали тем обществам, на землях которых находились. От Каргинской прорвы до прорвы Нижнего Сора идут владения крестьян Посольской волости — Степно-Дворецкого и Большереченского селений. Пространство от протоки Галутая до

Среднего устья Селенги, по-видимому, принадлежало крестьянам Кударинской волости. Угодья от д. Дубининой до д. Сухая предоставлены крестьянам Кударинской волости и бурятам Кударинской Степной думы. От р. Сухая до мыса Тонкого идут места свободного пользования. От мыса Тонкого до р. Черемшанка 4 версты предоставлены казакам Верхнеудинской станицы. От р. Черемшанка до Гремячинского выселка идут места свободного пользования. От Гремячинского четыре версты снова принадлежат казакам Верхнеудинской станицы. Далее до мыса Яркова вновь места свободного пользования, далее до р. Турка расположена казенно-оброчная статья Песчанская. От р. Турка на север до р. Баргузина и еще одна верста вправо от устья — владения крестьян и бурят Баргузинского уезда, в том числе губы Максимихинская и Макарова. Крестьянам Горячинского общества принадлежали бухты Лиственничная и Безымянка. Судя по имеющимся архивным документам, этот участок был предметом спора между крестьянами Читканской волости и Архиерейским домом. Ссылаясь на малоземелье, крестьяне просят предоставить им эту статью в собственность или сдать в аренду.

Крупные притоки Байкала (Селенга, Баргузин, Верхняя Ангара) принадлежали местным жителям: русским крестьянам, бурятам и тунгусам, за исключением отдельных мест (статей), оставленных казной для себя или отданных монастырям.

Несколько особняком стоял лов омуля в реках во время его хода на нерест, когда поймать рыбу в больших количествах можно было без особого труда. Исторически сложилось, что промыслили нерестового омуля все, кто мог. Такое фактическое положение было узаконено 27 августа 1802 г. Указом Правительствующего Сената (ГАРБ. ф.7, оп. 1, д. 7). Документом предоставлялась свобода на лов рыбы во время рунного (нерестового) хода всеми сословиями людей во всех реках российской империи. Монастырям также было предоставлено право свободного лова нерестового омуля в реках во время рунного хода, причем занимать места для лова они могли свободно и на землях сельских поселений.

Рыбные богатства еще одного притока Байкала — р. Баргузин были известны, но за отдаленностью тех мест рыбопромышленниками первое время особо не жаловались, хватало рыбы на Селенге. В первом десятилетии 19 века все больше и больше ловцов заезжали на рунный ход омуля на р. Баргузин, которая была в то время свободна и никто никаких прав на нее не имел.

До прихода бурят и русских долина Баргузина была заселена тунгусами. Постепенно с западной стороны Байкала из Верхоленского округа и с острова Ольхон сюда прикочевали представители пяти бурятских родов, с которыми у местных тунгусов возникли споры из-за земли. Споры эти окончились заключением договора в 1802 г., по которому было решено всеми землями владеть сообща (Жамбалова, 2000). Наконец, верховья Баргузина в 1860-х гг. заселили кударинские крещеные буряты, после землетрясения 1861 г. потерявшие часть своих земель, поглощенных водами Байкала. Южную часть долины Баргузина вплоть до устья, а также побережье Байкала к югу, кончая с. Гремячинское, заняло русское старожилое население, поселившееся здесь с середины 17 века. В 19 в. жившие в этих местах тунгусы после поразившей их народ эпидемии (по-видимому, оспы, занесенной переселенцами) откочевали в тайгу к р. Верхняя Ангара и р. Ципа.

Проживавшие в долине р. Баргузин русские крестьяне Читканской волости и 5 бурятских родов Баргузинской Степной думы вступали с приезжими рыбопромышленниками в соперничество за рыбные места на р. Баргузин. В материалах Думы сохранились жалобы рыбопромышленников, в частности, иркутского купца Баженова, которому в 1813 г. во время лова ходового омуля местными жителями чинились разные препятствия (ГАРБ. ф.7, оп.1, д. 7). При этом напомним, что Высочайшим Указом от 1802 г. была предоставлена полная свобода на лов рыбы в реках во время рунного хода всеми желающими.

Воды, начиная от Поливной карги вокруг полуострова Святой Нос до залива Фертик к концу 19 века представляли собой места свободного пользования. Поливная карга, Чивыркуйская губа, оз. Сор, губы Осетровая и Сиговая, левый берег р. Большой Чивыркуй, реки, впадающие в Чивыркуйский залив (Малый Чивыркуй, Безымянная), губа Курбулик принадлежали крестьянам Читканской волости и оседлым инородцам Баргузинской степной думы. Подморским тунгусам Шимагирского рода принадлежал правый берег р. Большой Чивыркуй, р. Сосновка и все малые речки, впадающие в Байкал вплоть до устья Верхней Ангары. На север от р. Большой Чивыркуй до Дагарской губы (устье р. Верхняя Ангара) — места свободного пользования. Нельзя не заметить,

что рыбные ловли в Баргузинском и Чивыркуйском заливах с 1811 г. упоминались выше как владения Архиерейского дома. Споры и тяжбы за право обладания рыбопромысловыми участками были всегда, хозяева менялись. В целом, наблюдалась тенденция сокращения владений духовных учреждений в пользу местного населения.

В последнюю очередь вопрос о принадлежности рыболовных участков стал на Северном Байкале. С истощением омулевых стад на Селенге и Баргузине в конце 20-х гг. 19 века сначала баргузинские купцы, а затем и иркутские стали заплывать на северную оконечность озера. Туда же стали ездить на омулевый промысел с Малого Моря и буряты Ольхонской степной думы.

Реки Верхняя Ангара и Кичера были собственностью обитавших здесь тунгусов Киндигирского рода. Их основным занятием была охота, на оленях кочевали они по тайге в поисках зверя. Не имея орудий лова и не обладая рыболовными навыками, киндигиры сдавали северный берег Байкала в аренду, оставляя себе лишь несколько участков для неводной ловли.

Здесь также начались проблемы с порядком лова ходового омуля. В 1816 г. Губернский совет постановил: лов омуля в Верхней Ангаре и Кичере дозволено производить всем, подобно тому, как это делается на Селенге (ГАРБ. ф.7, оп.1, д.7). Однако тунгусы-киндигиры ходатайствовали перед властями дать им право брать деньги с промышленников, мотивируя свои требования тем, что в «Уставе об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г. в одном из пунктов говорится о том, что россияне могут брать у инородцев места в оброчное содержание по договоренности с обществами. Казенная палата в 1831 г. постановила: «Бродячим тунгусам отдавать в оброк только владимые ими земли. Устье Верхней Ангара и Кичеры с островами и море должны быть свободны к промыслу для всех» (ГАРБ. ф.7, оп.1, д.7). Окончательно право тунгусов на сдачу рыбных промыслов в оброк было подтверждено законом российской империи от 1837 г. (Полное собрание законов ..., 1838). Прибрежные тунгусы на законных основаниях стали иметь право отдавать рыбные тони в оброчное содержание по т. н. общественным приговорам. Вопрос о сдаче участков, принадлежавших тунгусам на реках Кичера, Верхняя Ангара и ряде более мелких рек в аренду рыбопромышленникам решался в родовом управлении на собрании сородичей.

Весь западный берег озера от Душкочанского устья р. Кичера до мыса Соболева находился в общем для всех пользования. Берег от мыса Соболева до р. Ангасолка принадлежал иркутским казакам, далее до р. Бурукшиная шли владения крестьян с. Култук. Документы о правах на эти земли были уничтожены пожаром, а сам участок являлся предметом спора местных жителей с иркутским Архиерейским домом.

Так называемое Малое Море, лежащее между о. Ольхон и материком, находилось в общем для всех пользования, но бурятами Кутульского ведомства было возбуждено ходатайство о предоставлении этого моря в исключительное их владение, судя по всему, оставшееся без удовлетворения. Никакой платы за промысел здесь не взималось, за исключением промышленников, сбывающих рыбу на Ольхонской ярмарке по 5 руб. с невода. Местные бурятские артели уплачивали в пользу своей Думы по 30 коп. с бочонка соленого омуля и 15 коп. — с лагуна.

За казной (государственные земли) оставались: 28 статей по р. Селенга, р. Кика на протяжении 7 верст и 285 сажень, Духовое озеро у Усть-Баргузина с впадающими реками Верхней и Нижней Духовской, устье р. Баргузин на протяжении 5,5 верст, речки Шанталык, Гусиха, Налимовка, Кика и местность «Пески» на Байкале к югу от устья р. Баргузин (рис. 2.11–2.12).

В целом, по Байкалу сложилась форма пользования рыбными угодьями, основанная на арендном владении участками (оброчными статьями). Владельцы крупных рыбных угодий (казна и монастыри) сами своих угодий не эксплуатировали, а сдавали их в аренду промышленникам, чиновникам и купцам, те же, в свою очередь, в порядке субаренды сдавали их местным русским крестьянам и бурятским артелям, а также мелкому купечеству и мещанам. Инородческие общины (береговые тунгусы Северного Байкала), имея в своей собственности ряд нерестовых рек, также сдавали за деньги право на лов рыбы приезжим промышленникам.

Посольский монастырь сдавал места для лова омуля котцами и неводами. Место для одного невода сдавалось за 375 руб. плюс привилегии в виде сухого (без личного участия) и действительных паев для обители, владевшей этим местом (Сабуров, 1889). Прорва в 90-х гг. 19 века с тонями для 6 неводов приносили Посольскому монастырю до 3000 руб. аренды в год. За право лова рыбы на бормаша (бормашения) монастырь брал по 50 коп. с человека в сутки (Станиловский, 1912).

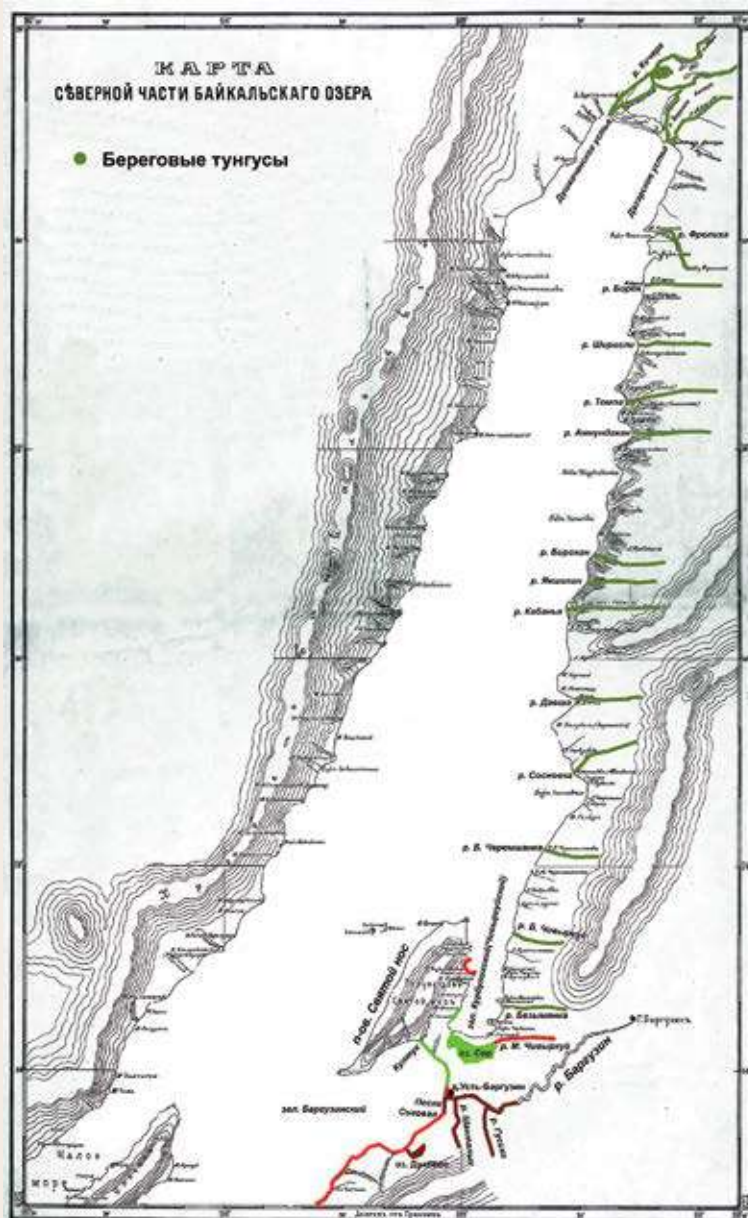
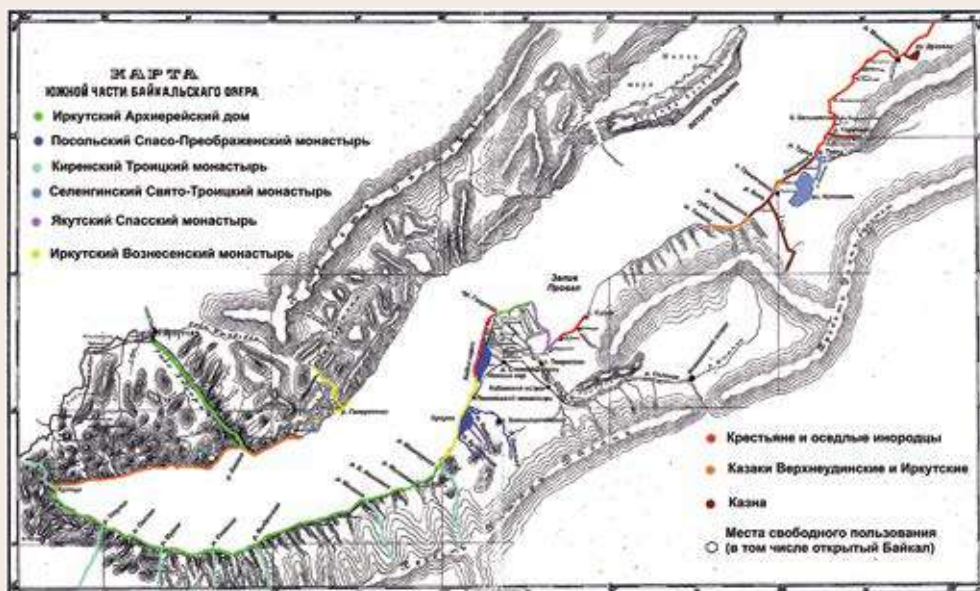

Рис. 2. 11, 2. 12. Карты владений рыболовными участками на Байкале

Общий доход Посольской обители с рыбных ловель в середине 90-х гг. составлял до 6000 руб. (Дроботушенко, 2008). Иркутский Знаменский монастырь с рыбных ловель в Посольском Соре получал до 2000 руб. арендной платы. Основной статьей дохода Киренской Троицкой обители также было рыболовство. Якутский Спасский монастырь сдавал в аренду залив Провал по цене от 600 до 3000 руб. в зависимости от места (Солдатов, 1912) либо из пятой части улова. Иркутский Архиерейский дом в районе Среднего устья Селенги продавал талоны на лов рыбы от 10 до 35 руб. с сетевой лодки (в зависимости от количества сетей), за рыбалку зимой брал от 4 до 5 руб. с человека. Осенью во время рунного хода омуля половина всей добытой рыбы уходила первому арендатору, выкупившему у Архиерейского дома этот рыбопромысловый участок (право свободного лова омуля во время рунного хода распространялось только на реку).

Местное население — жители селений Большереченского, Посольского, Истокского, Степно-Дворецкого, владевшие Бабьей Каргой, брали 5 руб. с каждого пая рыболовной артели, промышленной неводом. Крестьяне же Кударинского прихода отдали в вечное пользование рыбные ловли по Селенге Кударинской церкви, которая в свою очередь передала их Киренскому монастырю. Впоследствии крестьянам за пользование этими ловлями приходилось платить ежегодно около 1000 руб. аренды (Пежемский, 1853). Заметим, что эти сведения П. Пежемского, приведенные в его работе «Рыбная производительность озера Байкал» на лов нерестового селенгинского омуля не распространялись, ловить которого во время рунного хода дозволялось всем.

Река Селенга была необычайно богата рыбой. Помимо нерестового омуля, которого осенью во время рунного хода разрешалось ловить всем без исключения, в остальное время в реке добывались осетр, таймень, ленок, налим, щука, язь. Для этого рыболовные участки приходилось арендовать у местной администрации, во владении которой они находились, или у лесничества, ведавшего казенными рыболовными статьями. Так, в 1798 г. крестьяне Ильинского ведомства в низовьях Селенги ходатайствовали об отдаче им арендованных у казны Верхнеудинским провиант-комиссаром Седых рыбных ловель по р. Селенга, причем указывали, что эти ловли принадлежат «к их дачам и владениям». Крестьяне жаловались, что Седых сдает арендованные им ловли разным лицам «за немалую сумму, яко откупщик» — не менее 100 руб., что по тому времени считалось большими деньгами. Еще более крупные столкновения происходили у того же Седых по вопросу об арендовании им рыболовных статей по Селенге с крестьянами с. Тарбагатайского. Когда Седых явился в Тарбагатайскую Мирскую Избу, собравшиеся там крестьяне хотели его «садить в цепь», угрожали «отвезти его в город в вилах и бить стягом», кричали, что он «имеет пуговишную душу» и что ему «головы своей добром не сносить». Другие чиновники не отставали от провиант-комиссара, всюду спекулируя с рыбными ловлями. Так, верхнеудинский казначей Степанов взял в аренду с 1795 по 1800 гг. рыболовные статьи на Байкале на огромном протяжении — от устьев Селенги до речки Кика. Крестьяне нередко противодействовали таким арендаторам-спекулянтам при производстве этими арендаторами промысла — «чинили промыслам помешательство». (Гирченко, 1928).

В первые годы 20 века по данным В.К. Солдатова (1912) в Оронгойской волости в верхнем течении р. Селенги за рыболовные статьи арендаторы платили обществу по 200 руб. в год за каждую статью. В нижнем течении реки рыболовные статьи выкупались арендаторами с торгов. Брали их большей частью богатые люди с последующей сдачей желающим либо за деньги, либо с условием продажи доли улова арендатору по цене им же и установленной. В частности, за пойманных осетров рассчитывались каждой пятой рыбиной. Одним из самых крупных подрядчиков (первый арендатор) в нижнем течении Селенги был кударинский купец А.С. Бачалдин, которому промышленники платили за летний сезон по 10 руб. с лодки, а во время осеннего лова ходового омуля от 30 до 50 руб. с лодки. В зимнее время за рыбалку А.С. Бачалдин брал от 3,5 до 5 руб. с человека. В районе д. Югово 4 плеса, принадлежавшие сельскому обществу, арендовались отдельными рыбаками по 100 рублей каждую весну. В селении Троицкое участки для установки верш на осетра принадлежали сельскому обществу и сдавались за 100 руб. артели в 10 домохозяев на 4 летних месяца. Уплата производилась смотря по ловле и сбыту осетров, то есть не одновременно, а по частям (Солдатов, 1912).

Сложнее обстояло дело с ловом омуля в р. Селенга во время рунного хода. Уловы этого вида в Байкале снижались, поэтому постепенно пришло понимание необходимости запрета его лова в нерестовых реках. В 1908 г. такое решение было принято. На практике этот запрет распространялся

исключительно на местное население. Монастыри продолжали сдавать свои рыболовные статьи арендаторам, которые в свою очередь продавали лицензии желающим, так называемым «хищникам». «Хищник» брал билет на лов у арендатора архиерейских и монастырских вод, но промыслил где угодно. Конфисковать ни пойманную рыбу, ни лодки, ни орудия лова было нельзя, так как у него всегда была отговорка, подтверждаемая билетом, что рыба поймана в дозволенном месте (Малинин, 1908).

Принадлежащие казакам Верхнеудинской станицы рыболовные статьи «Таланки» и «Песчанская» на Байкале выкупались самими же казаками и сдавались промышленникам по 5 руб. с лодки и по 1,5 руб. с каждого пая рыболовной артели. Статья «Песчанская» при этом стоила для первого арендатора 242 руб. (Солдатов, 1912). Находящаяся рядом казенно-оброчная статья того же названия сдавалась с торгов в арендное содержание жителям поселений Горячинское и Турка. Причем цена аренды из года в год падала в связи с сокращением уловов рыбы. Так, во второй половине 19 в. стоимость этого участка упала с 54 до 22 руб. в год (ГАРБ. ф.175, д. 130). В начале 20 в. казенная статья «Песчанская», находящаяся в ведении лесничества, сдавалась на летний лов всего за 10 руб. в год, за р. Налимовка то же лесничество брало 5 руб. в год. Снижение уловов и соответственно цены на статью «Песчанская» негативно сказывалось на денежных сборах. Местные власти, вынужденные оправдываться за недополученные казной доходы, в качестве объяснения отписывали начальству, что жители смежных областей весной приезжают сюда на промысел хариуса. Лов этот производится следующим образом: вдоль берега выставляются сети, и затем, сидя в лодках, рыбаки колотят по бортам колотушками, загоняя рыбу в сети. Лов этот так и назывался — колотовый. По мнению властей, этот стук, раздававшийся всю весну, отгонял омуля на глубину, не давая ему подойти к берегам (ГАРБ. ф.175, д. 97).

Поливная карга в Баргузинском заливе, носила название Архиерейского места и находилась на оброчном содержании разных лиц от Иркутского Архиерейского дома. Этот участок от Баргузинской губы до ручья Култук отдавался с торгов нескольким самым крупным промышленникам.

В материалах Баргузинской Степной думы сохранились сведения о том, что с 1803 по 1814 гг. Баргузинский и Чивыркуйский заливы с впадающими реками находились в оброчном содержании у иркутского купца 3 гильдии Ивана Дудоровского. С 1826 по 1830 гг. все побережье и прибрежные воды от устья р. Баргузин вокруг полуострова Святой Нос до р. Большой Чивыркуй были в оброчном содержании купца Баженова за 425 руб. в год. За озеро Сор в Чивыркуйском заливе тот же купец платил Архиерейскому дому 375 руб. в год. Иркутским исследователем Н.Г. Торшиной приводятся сведения о том, что в первой половине 19 века рыболовные частки в Баргузинском и Чивыркуйском заливах отдавались в оброк мещанину Николаю Чудинову за 926 руб. в год, озеро Сор — иркутскому купцу Егору Русанову за 405 руб. Места по речкам на Южном Байкале: Мантурихе, Ивановке, Мишихе, Мурина, Солзане и Култае — иркутскому купцу Якову Малкову за 500 руб. Среднее устье р. Селенга (протока Галутай) — кяхтинскому купцу Петру Хребтовскому за 301 руб. (Торшина, 2000).

Необычайно богатым рыбой было о. Котокель с прилегающими реками, бывшее собственностью Селенгинского Троицкого Спасо-Преображенского монастыря. В 19 веке здесь вылавливалось до 75 тыс. пудов рыбы (Пантелеев, 1926). Монастырь имел контору рыбопромышленного дела на оз. Котокель. На острове посреди озера находился монашеский скит, куда свозили рыбу.

Сам монастырь рыбной ловлей занимался немного, значительно выгоднее было сдавать свои владения в аренду. В 60–70-х гг. 19 века арендная плата составляла 300 руб. в год плюс 25 пудов рыбы. Иногда желающих взять рыболовные владения в аренду было много, и тогда монастырем устраивались торги. О таких торгах есть сведения за 1874 г. Иркутские и Верхнеудинские купцы согласны были выложить за рыболовство в течение 3 лет на о. Котокель по 400 руб. в год.

В архиве монастыря сохранились сведения о промысле в зимний сезон 1910–1911 гг. Доверенным на промысле от монастыря в это время был рясофорный монах Александр Михайлович Бонель. Согласно ведомости, с 1 ноября по 1 марта было выловлено 31 200 пудов рыбы, при этом доля монастыря составила половину, то есть 15 645 пудов. Из них было продано 13 950 пудов на сумму 14 202 руб., отправлено в монастырь 1545 пудов мороженой рыбы, розданы в долг под хлеба крестьянам 260 пудов. Основной рыбой в уловах была плотва (96%), остальное приходилось на язя, щуку и окуня.

Тем, кто собирался ловить рыбу на озере и вытекающей из него р. Коточик, монастырь выставил следующие условия:

1. Желающие промысливать в р. Коточик были обязаны получить в конторе рыбного промысла монастыря билет и ставить заездки в указанных местах.

2. Каждый желающий должен очистить ото льда свой участок реки, чтобы льда на реке совсем не было. Устье реки и лопатки необходимо было регулярно очищать ото льда. Фитили следовало вынимать по времени, назначенному конторой. Замеченные в высмотре в ночное время удаляются с промысла навсегда.

3. Половина добытой рыбы сдается монастырю в контору рыбного промысла.

4. Продажа рыбы на озере ни под каким видом не допускается. По окончании промысла рыбакам необходимо вынуть орудия из воды без остатка и сдать билеты на лов. Передавать билеты в другие руки запрещено, за нарушение — отстранение от промысла.

5. Желающие ловить рыбу на бормаша обязаны брать в конторе билет стоимостью 3 руб.

Местным жителям с. Исток разрешалось рыбачить круглогодично исключительно сетями по все-му озеру, за исключением приустьевых участков впадающих в озеро речек и ключей. За право лова общество должно было заплатить монастырю 300 руб. в год тремя платежами: весной, летом и осенью.

Для надзора за рыбным промыслом на озере за счет монастыря нанимался полицейский урядник с оплатой 25 руб. Кроме этого, баргузинским полицейским управлением братии, живущей на озере, давалось разрешение на 2 пятизарядных револьвера системы «Смит—Вессон» (ГАРБ. ф. 262, д. 471).

Е.В. Дроботушенко приводится сумма, вырученная монахами с продажи рыбы в 1915 г. — 14 094 руб. (Дроботушенко, 2008). В своем исследовании В.И. Косых отмечает, что ежегодная прибыль Селенгинского монастыря от продажи котокельской рыбы доходила до 40 000 руб. (Косых, 1999).

За лов черного хариуса на р. Кика, принадлежавшей казне, арендаторам — жителям села Итанца приходилось платить около 50 руб. Затем они же от себя сдавали в субаренду реку неводчикам и рыба-чили сами (Станиловский, 1912).

На Северном Байкале обитали представители нескольких родов тунгусов (Киндигирский, Чильчигирский, Шамогирский, Чебкаанский). Два рода были преимущественно таежными жите-лями, кочевали в горах и рыбалкой не занимались, за исключением киндигиров и шемагиров, или береговых тунгусов. Эти рода, кроме того, что промыслили рыбу сами, сдавали в аренду участ-ки заезжим купцам. По свидетельству Н.В. Кирилова (1886) часть прибыли береговые отдава-ли своим таежным собратьям. На вырученные деньги покупались охотничьи припасы, оружие, соль, другие товары. Принадлежавшие тунгусам реки Верхняя Ангара, Кичера, Томпа, Большой Чивыркуй и Сосновка сдавались баргузинским и иркутским рыбопромышленникам. В частности, в 1829 г. р. Верхняя Ангара была выкуплена баргузинским купцом Иваном Черных за 175 руб. (Кирилов, 1886). В 1886 г. тунгусы шемагирского подлеморского рода заключили соглашение с от-ставным урядником Д.А. Курбатовым о сдаче в аренду р. Томпа для рыбного промысла сроком на 10 лет по 12 руб. серебром в год (ГАРБ. ф. 50, оп. 1, д. 24). Тем же соглашением отдельно огова-ривался запрет на рубку леса, за исключением заготовки дров для приготовления пищи, печения хлеба и отопления. Арендатор был обязан расчистить устьевой участок реки для неводного лова, а также имел право пользования всеми постройками, возведенными на участке до него другими рыбопромышленниками, оставляя в свою очередь для других строения, построенные им самим.

В отчете экспедиции по организации Баргузинского соболиного заповедника, состоявшейся в 1914—1915 гг., говорится, что в архиве родового управления тунгусов Подлеморско-Шемагирского рода в Сосновке находился приговор на отдачу с торгов в 1861 г. одной трети части улова в заездках р. Большой Чивыркуй баргузинскому второй гильдии купеческому сыну И.Н. Цивилеву сроком на 2 года с уплатой по 105 рублей серебром в год. Кроме того, сохранился приговор об отдаче в аренду 1/4 участия в рыбной ловле заездками р. Большой Чивыркуй на 1873 г., вследствие смерти ранее ей пользовавшегося тунгуса Митрофана Черных. Деньги должны быть употреблены на обществен-ные дела и уплату казенной недоимки. В 1874 г. были сданы в аренду баргузинскому мещанину Д.А. Кузнецову рыбные ловли в принадлежащей тунгусам р. Малый Чивыркуй (Бурят-Монгольская ..., 1926). В 1888 г. по общественному приговору р. Большой Чивыркуй сдавалась в аренду иркут-скому казаку М.М. Оглоблину сроком на 4 года с оплатой 100 руб. в год (ГАРБ. ф. 50, оп. 1, д. 24). Право владеть р. Большой Чивыркуй оспаривалось читканскими русскими крестьянами и бурятами, проживавшими в Баргузинской долине. В итоге правый берег реки считался тунгусским, левый — русско-бурятским. Орудия лова (заездки) устанавливались каждый со своего берега, при этом

строго следилось за тем, чтобы конкуренты не городили реку от берега до берега. За право ловить рыбу в р. Сосновка тунгусы брали 100 руб. в год (Кирилов, 1886, рис. 2.13).

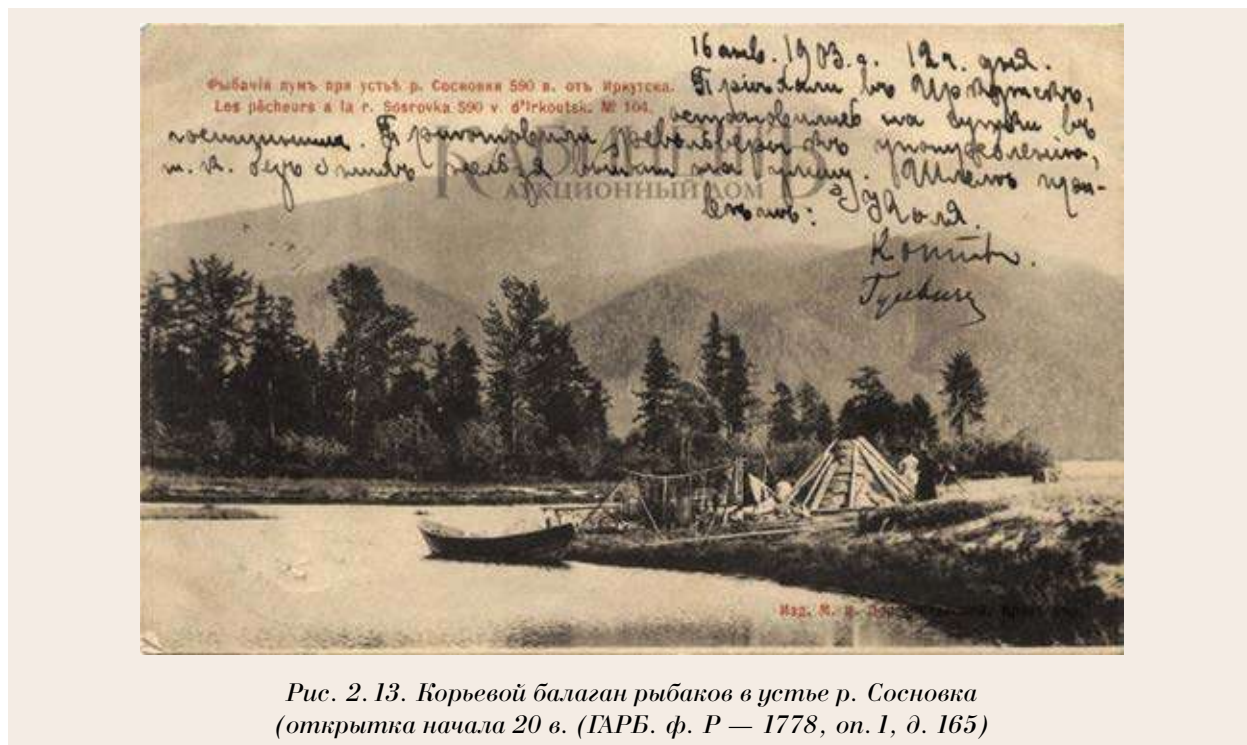

Рис. 2.13. Коревой балаган рыбаков в устье р. Сосновка (открытка начала 20 в. (ГАРБ. ф. Р — 1778, оп. I, д. 165)

В конце 19 века во время рунного хода омуля в Верхнюю Ангару тунгусы брали с промышленников по 15 руб. оброка с невода, которых было свыше 100. В 1899 г. угодя откупил промышленник С.П. Сверлов за 5000 руб. в год, который, в свою очередь, тоже брал по 100 руб. с невода. Некоторые из рыбаков, не желая платить высокую арендную плату, не пошли в реки, а остались неводить на Байкале. Часть из них не вынесли промысла на Байкале, потерпели крах и ликвидировали свои рыбалки (Цивилев, 1993). Во владении С.П. Сверлова угодя находились до 1902 г., затем опять отошли к тунгусам. В 1903 г. рыбные ловли на Верхней Ангаре снова арендованы тем же промышленником сроком на 10 лет уже по 15 000 руб. в год (рис. 2.14).

Условия аренды неоднократно нарушались как самим С.П. Сверловым, так и тунгусами: тунгусы продолжали сдавать рыболовные участки в аренду, промышленники, в свою очередь, сдавали тони в субаренду, что не было оговорено контрактом. Практически любой, имеющий возможность заплатить 250 руб., мог осенью ловить нерестовую рыбу (Станиловский, 1912). Кроме сдачи в аренду участков, тунгусы неводили сами, выручая за проданную рыбу до 3000 руб. (Кирилов, 1886). В 1908 г. по новым правилам рыболовства был введен запрет на лов ходового омуля и контракт был разорван. Запрет действовал недолго — всего год, затем правила были пересмотрены. Впоследствии реки арендовал баргузинский купец Б.Д. Сиротин за 5500 руб. в год. Он обложил каждый работающий в реках невод платой — бочкой рыбы из добытого во время речного ходового промысла. Б.Д. Сиротин содержал реки один сезон, затем до 1916 г. реки отдавались опять же тунгусами по 25 руб. с невода.

Как и все коренные малочисленные народности Севера, тунгусы были крайне нестойки по отношению к «огненной воде», чем иногда пользовались заезжие промышленники. «Эти инородцы также доверчивы и наивны, если еще не в большей степени, чем сам байкальский омуль; известно, что за ведро водки можно было добиться от них, что все племя подпишется под любым общественным приговором, даже таким, что право на лов рыбы в Кичере принадлежит русским промышленникам» (Восточное обозрение, 1901).

Вопрос о пересмотре сложившегося к началу 20 века положения на рыбных промыслах, когда владельцами ловель выступала государственная казна и духовенство, стоял всегда. Первые попытки рыбного передела относятся к революции 1905 г. Так, 29 декабря 1905 г. троицкие крестьяне

Контрактъ тунгусовъ Нижне-Ангарскаго — Киндигирскаго рода съ С. П. Сверловымъ, о сдачѣ рыбныхъ промысловъ.

Крестьянскій начальникъ 1 участка Баргуз. у. на основааніи приговоровъ тунгусовъ отъ 2 сент. и 12 ноября 1902 года.

Ст. 1. Рыбные промыслы въ рѣкѣ Ангарѣ и Кичерѣ на 10 лѣтъ съ 1 января 1903 г. по 1 января 1913 г. по 15 тысячъ рублей въ годъ.

Ст. 2. Отъ устья къ В.-Ангарску на протяженіи 60 верстъ со всѣми протоками и притоками.

Ст. 3 Тунгусы... право имѣють 2 невода... на тоняхъ по ихъ собственному выбору.

Ст. 6. С. П. Сверловъ можетъ приглашать по своему желанію на ловлю омулей во время руннаго хода: въ качествѣ пайщиковъ или на иныхъ условіяхъ, постороннихъ лицъ. Между тѣмъ тунгусы Нижн.-Ангарск.—Кинд. рода такого права лишаются.

Ст. 7. Сколько-бы ни было у С. П. Сверлова пайщиковъ... тунгусы получаютъ арендную плату со Сверлова.

Ст. 9. Въ случаѣ запрещенія высшимъ начальствомъ ловли омулей во время руннаго хода, Сверловъ имѣетъ право отказаться, если пожелаетъ, отъ соблюденія настоящаго контракта, о чемъ заблаговременно долженъ извѣстить тунгусовъ, если подобное распоряженіе слѣдуетъ послѣ 15 августа, т. е. когда арендные деньги за слѣдующій годъ будутъ уже уплачены, то тунгусы обязаны таковыя возвратить Сверлову.

Ст. 12... 4) добытая рыба должна быть засолена не далѣе какъ въ теченіе двухъ сутокъ со времени привоза оной съ тони, въ противномъ же случаѣ она уничтожается и 5) отбросы должны сжигаться или зарываться въ землю на глубину не менѣе 1 аршина.

Ст. 13. Арендную плату за промысла, въ количествѣ указанномъ въ пунктѣ 1, С. П. Сверловъ обязуется вносить за годъ впередъ не позже декабря каждаго года г. крестьянскому начальнику 1-го участка Баргузинскаго уѣзда. Въ случаѣ невзноса всей арендной платы на срокъ 1 декабря или части таковой, съ этого числа до времени уплаты, на недовнесенную сумму налагается пеня 6% годовыхъ, что Сверловъ и обязанъ уплатить безпрекословно, а если аренда не будетъ внесена 15 августа, то контрактъ считается нарушеннымъ, Сверловъ лишается права вообще на рыбную ловлю, а внесенныя имъ ранѣе деньги за аренду, останутся въ пользу общества...

(Подписи:) Ирк. мѣщанинъ Сергѣй Прокопьевъ Сверловъ, Крест. начальн. 1-го уч. Барг. у. Заб. обл. Петръ Васильевичъ Любирскій.

Съ подлиннымъ вѣрно: Крестьянскій и инородческій начальникъ 1 участка Любирскій.

Получ. въ Управѣ іюля 8 дня 1905 г. № 274.

Рис. 2. 14. Контрактъ тунгусовъ съ рыбопромышленникомъ С. П. Сверловымъ (по: Станиловскій, 1912 (с. 65–66))

волостным сходом постановили захватить рыболовные угодья Троицкого Селенгинского монастыря (Ветошкин, 1939). В декабре 1905 г. Кударинскій волостной сход постановил приступить к пользованію землями и рыбными угодьями (ловлями) на Байкале и Селенге, принадлежавшими Иркутскому Архиерейскому дому и монастырям.

После поражения революціи 1905 г. все рыбоугодья остались в рукахъ прежнихъ владельцев. Для ловли рыбы местному населенію выдавались «талоны» на право лова за половину улова. Рыболовство безъ «талона» строго преследовалось властями. У крестьянъ в этомъ случаѣ конфисковали лодки, орудія лова, рыбу, а также взыскивали с нихъ 99 рублей штрафа (наивысшая тогда

сумма по закону). О том, насколько велик был штраф, можно судить по следующему факту: корова в то время стоила 20–25 рублей. Штрафы разоряли рыбаков, порождали ненависть к рыбопромышленникам-арендаторам.

Коренной перелом наступил после февральской революции 1917 г. В мае 1917 г. в с. Кудара открылся съезд крестьянских депутатов Усть-Селенгинского района. Крестьянство района под влиянием большевистской пропаганды и агитации постановило захватить монастырские рыболовные и сенокосные угодья (Борьба за Советы ..., 1940). На съезде представителей Верхнеудинского, Баргузинского, Троицкосавского и других уездов, состоявшемся в мае 1917 г., поддержана резолюция большевиков: «Признать все рыболовные статьи Архиерейского дома, монастырей и частных владельцев на Байкале свободными для эксплуатации всего населения» (Известия Верхнеудинского ..., 1951).

Окончательное изъятие монастырских владений в России провели большевики. После Октябрьской революции одним из первых декретов Советской власти, Декретом о земле, предусматривалась национализация водоемов: «...леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства. Все мелкие реки, озера, переходят в пользование общин, при условии заведывания ими местными органами самоуправления». Конституция РСФСР 1918 г. закрепила эти положения: леса, недра и воды общегосударственного значения объявлялись национальным достоянием.

9 декабря 1918 г. было создано Главное управление по рыболовной и рыбной промышленности (Главрыба). В марте следующего года в Иркутске состоялся Первый Краевой съезд трудовых рыбаков, давший начало первой рыбацкой организации, называвшейся «Иркутское общество Рыболовства и Рыбоводства», просуществовавшей до 1920 г. Руководствуясь Декретом о Земле, Съезд провозгласил право на свободный лов рыбы для всего населения. Запрещалась продажа и аренда рыбопромысловых участков. На съезде приняты новые (временные) правила рыболовства и избран Краевой Байкальский рыбопромышленный комитет, ведающий рыбным промыслом и добычей нерпы. На местах организацией промысла ведали Волостные комитеты и рыбопромысловые старшины. С закрытием общества в 1920 г. дальнейшая работа была продолжена филиалом «Главрыбы» — Восточно-Сибирским отделом рыбоводства совместно с общесибирским Союзом рыболовных обществ и артелей.

Через 4 года Советское правительство провозгласило переход к НЭПу. Декретом о рыбной промышленности и рыболовстве от 31 мая 1921 г. была введена система арендного использования рыбных угодий. В 1922 г. все угодья были разделены на 3 категории: промучастки государственного значения (например, осетровый промысел на Каспии, оз. Байкал и нерестовые реки), участки местного значения и непромысловые угодья. На первых работали государственные организации, другие сдавались в аренду организованным кооперативам, товариществам и частникам.

Сталинская Конституция 1936 г. на долгие годы закрепила землю, ее недра, воды, леса как государственную собственность или всенародное достояние (ст. 5).

Согласно действующей Конституции 1993 г. и Закону о рыболовстве все водные биоресурсы находятся в федеральной собственности за некоторыми исключениями (например, выращенные в прудах или карьерах). Государство предоставляет право пользования водными биоресурсами (в том числе и лов рыбы) юридическим лицам и частным предпринимателям с уплатой госпошлины за выдачу разрешения. Юридические лица и граждане, которые осуществляют рыболовство в порядке, предусмотренном законом о рыболовстве, приобретают право собственности на добытую рыбу в соответствии с гражданским законодательством.

В настоящее время на Байкале проживают потомки тунгусов — эвенки. С начала 19 века их права на рыбные ловли защищались Уставом об управлении инородцами. Как бы там ни было, но государственная политика России в отношении малых народов севера сохраняет преемственность. Согласно действующему в настоящее время Закону о рыболовстве от 2009 г. с целью сохранения традиционного уклада жизни населения, для которого рыболовство является основой существования, предусматриваются преференции в рыбодобыче. В частности, несмотря на вводимые государством периодические запреты на лов байкальского омуля, сначала эвенкийским колхозам, а впоследствии общинам выделялись квоты на промысел как во время запрета 1969–1975 гг., так и во время последнего моратория, введенного в 2017 г.

Глава 3

Орудия лова

*Международная рыбопромышленная выставка
(Михайловский манеж, 1902 г.) Российский павильон.
Изготовление ниток для сетей и неводов
(фото из коллекции Хумус (<https://humus.livejournal.com/>))*

Котцы. Почти забытый в настоящее время, а в 18–19 веках распространенный способ ловли рыбы на Байкале — котцами. Первое упоминание об этом орудии лова на Байкале принадлежит П. С. Палласу. В его произведении «Путешествия по разным местам Российской Империи» читаем о пребывании его в дельте Селенги: «Во время проезда я заметил здесь по отдельным местам особый род рыбных заводов, коими подымающуюся к камышам рыбу весною ловят. Оные состоят из одного прямо с берегу в воду на несколько аршин простирающегося из прутья сделанного плетню, коего конец в воде окружен другим плетнем, концами к прямому плетню сходящимся, так что округом своим сделав две по сторонам прямого продолговатая каморки, у схождения меж собою делают по обе стороны прямого плетня угол острой: всего лучше можно видеть с рисунка на таблице 4 фиг. 3. Таким образом рыба пришед к плетню пробирается по нем в глубину и дошед до сих углов входит в отверстие надеясь пройти насквозь, однако и назад не может, по тому что проход так как у верши внутрь сужен и опущен. Они называются котсы» (Паллас, 1773, т. 3, с. 139–140) (рис. 3.4).

Котцами ловили рыбу всякую, не только весеннее-нерестящихся щук, яззей, окуней, других частичковых, но и омуля, идущего на нерест в малые реки осенью. Занимавшийся сбором статистических сведений о рыбной промышленности А. Курбатов (1841) сообщает: «Самые крупные омули ловятся в речках Черемшанка и Чивыркуй посредством двойных загоронок из прутьев: верхняя сделана глухой, а нижняя загорожена котцами, или такими зигзагами, которыми рыба может войти, но из которых уже нельзя выйти ей... Таким же образом ловят омуля в речке Большой около Посольска. Рыба в ловушке остается до заморозов, тогда достают ее саками и замораживают. Но эта рыба не вкусна, она истомляется в загородках и теряет свое тело» (Курбатов, 1841, с. 38).

О лове омуля котцами возле Посольского монастыря пишет Н.Я. Бичурин (1841): «Последние (омули) еще называются котцовыми, потому что ловят их не неводами, а перегородками, из коих верхняя бывает глухая, а нижняя с узкими отверстиями внутрь». При скоплении рыбы двор между двумя стенками облавливается неводом, при небольшом дворе рыба выбирается саками. Ловили котцами вплоть до ледостава, рыбу иногда держали во дворе до замерзания реки, когда высасывали на лед и замораживали».

Известно, что спустя двадцать с небольшим лет после экспедиции П.С. Палласа одна из рыбацких артелей осенью 1796 г. добыла 300 000 «больших котцовых омулей» — нерестовых омулей, заходивших на нерест в р. Большая Речка близ Посольского монастыря, отличавшихся своими большими размерами (Сельский, 1853, с. 39–40). Сообщал о лове омуля котцами и О.В. Елезов (1874). А вот у В.В. Солдатова (1912) при исследовании рыболовства на Байкале котцы уже не упоминаются.

В толковый словарь В.И. Даля (1863) котцы вошли как орудие лова, преимущественно используемое при ловле омулей: «Котец — плетневый перебой через речку, для удержания и ловли зашедшей туда рыбы, особенно омулей. Котцовые омули — пойманные в котцах».

Схем установки котцов было множество — в зависимости от места лова и имеющегося материала. В целом, это плетёный лабиринт из дранки или ивы, установленный на кольях, воткнутых в дно на путях миграций рыб. Котцами перегородивают чаще всего небольшую речку, протоку или же устья рек и ручьев, впадающих в более крупный водоем. Чтобы попавшая в котец рыба не могла из нее выпрыгнуть, ловушка порой значительно возвышалась над уровнем воды. При необходимости котцы могли сворачивать в рулон и переносить для установки в другом, более «рыбном» месте. По-видимому, с этим связана одна из версий происхождения названия ловушки: «котец-катать». В тех случаях, когда места установки выбраны правильно, т. е. на путях передвижения рыбы, и они хорошо поставлены, котцы являются достаточно эффективными орудиями лова рыбы (рис. 3.1–3.4).

Рис. 3.1. Котец (по: Сабанеев, 1892)

Рис. 3.2. План ловушки, описанной Л.П. Сабанеевым (по: Федоров, 1937)

Рис. 3.3. Котец

Рис. 3.4. Котец (по: Паллас, 1773)

В настоящее время котешный лов является достаточно редким способом добывания рыбы. В бассейне Байкала отмечен в 1999 г. в устье р. Булатиха, впадающей в оз. Духовое в Баргузинском районе (Башаров, 2002). Автор этих строк в 1998 г. также был на этом месте. В улове местных жителей были плотва, окунь и карась.

По схожему принципу устроены ловушки, устанавливавшиеся в открытом Байкале, — ставные невода.

Ставной невод. В середине 20 века на Байкал был завезен и прижился ставной невод — изобретение японских рыбаков начала 19 века, к тому времени широко применявшийся в СССР на Дальнем Востоке и Азово-Черноморском бассейне. Морские ставные невода дальневосточного типа («Кайрио-ами», «Накануки-ами», и «Кайро-ами») в экспериментальном порядке были опробованы на Байкале еще в 1931 г., но широкого применения тогда они не нашли, т. к. давали небольшие уловы. Затем в годы Великой Отечественной войны с приездом в эвакуацию рыбаков с Азовского и Каспийского морей стал внедряться лов омуля ставными неводами ВНИРО «Гигант» и «Полугигант». К сожалению, все они сооружались на Байкале без учета особенностей этого водоема. Только приехавший из Приморско-Ахтарска на Кабанский рыбозавод специалист-промрыбак П.З. Цыбан, а также С.М. Жигульский из рыболовецкого колхоза им. Карла Маркса решили вопрос освоения лова омуля ставными неводами на Байкале. П.З. Цыбан разработал конструкцию своеобразного байкальского однокотлового ставного невода, который был так и назван: ставной невод конструкции П.З. Цыбана. В 1954 г. было выставлено 44 невода его системы. К 1955 г. таких неводов по всему Байкалу насчитывалось уже около 100.

В отличие от ставного невода П.З. Цыбана, устанавливавшегося на гундерах, рыбозаводом на Малом Море применялись безгундерные на плаву ставные невода. Такелаж такого невода оставался под водой на всю зиму (рис. 3.5–3.6).

Кривда. Кривда — приспособление для рыбалки, изобретенное жителями Сибири и получившее широкое распространение, начиная с 19 века и до середины 20-го. Ловили кривдой исключительно в крупных реках — Селенге и Баргузине. «Старики и слабые ловят рыбу кривдою» — пишет Н.В. Кирилов. Понятно, что это орудие лова беднейших слоев населения, не имеющих возможности завести невод или сети.

Кривда — старинное орудие лова — представляет собой две палки длиной каждая до 3 сажень, к которым привязан кошель из дели. Палки с одного конца подвижно скреплены и напоминают собою циркуль с углом около 30 градусов. На расстоянии 1 аршина устанавливается поперечина, чтобы шесты прочно держались в своем положении. Нижняя палка втыкается в дно, верхняя при этом свободно плавает. Течением кошель раздувается и в него входит рыба. От вершины мешка к рыбаку идет бечевка — сторожок, по которой узнают о попадании в снасть рыбы, после чего рыбак складывает раздвинутые палки кривды, кошель замыкается, и рыба вытаскивается на берег. Устанавливается кривда с берега в приглубых заводях с обратным течением (уловах) между двух кольев, воткнутых у уреза воды. Н.В. Кириловым (1885)

Рис. 3.5. Ставной невод на оз. Байкал (фото автора)

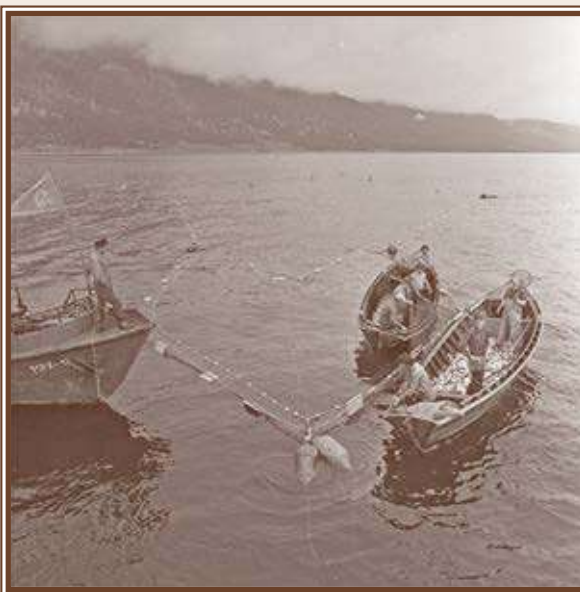

Рис. 3.6. Улов ставного безгундерного невода на Малом Море (фото Э.Д. Брюханенко)

Рис. 3.7. Кривда
(фото с сайта: <http://остяко-вогульск.рф>)

Рис. 3.8. «Ленивая» кривда в работе
(фото с сайта <https://www.fishingsib.ru>)

отмечаются два вида кривд: первая — это ручная кривда, когда рыбак сидит на берегу, держа за веревочку, и ждет, когда в нее попадет рыба, вторая — для тех, кто «хочет и дома сидеть и рыбу иметь». При изготовлении такого «ленивого» снаряда используется более редкая сетка, чтобы рыба могла ячеиться. В этом случае кривда устанавливается стационарно и высматривается через 1–2 дня, что, впрочем, удобно при небольших уловах. Ловят кривдой весной и летом во время большой воды, преимущественно во время паводков, когда вода в реке мутная (рис. 3.7–3.8).

В 1910 г. при анализе опросных анкет во время обследования сельского рыболовства Забайкалья В.В. Солдатов (1912) сообщает об использовании кривд в трех уездах: в Баргузинском на р. Баргузин насчитывалось 104 сообщения, в Селенгинском и Верхнеудинском на р. Селенга — по 5. Аналогичные данные были получены П.Ф. Поповым в 1957 г. при исследовании неучитываемого официальной статистикой рыболовства на Байкале, проще говоря, вылов рыбы местными прибрежными жителями. Им отмечается, что на р. Баргузин довольно широкое распространение имеют кривды. Кривдами ловят ночью, осенью — омуля и сига, а весной — чистиковую рыбу. Иногда за ночь вылавливают по центнеру рыбы и более, несмотря на то, что это орудие лова запрещено рыбнадзором (Попов, 1958). В р. Селенга П.Ф. Поповым кривды не отмечены.

Лишь однажды, в 2000 г. автор этих строк встречал на Селенге пенсионера с кривдой, правда, без улова. По его словам, в молодости он часто рыбачил ей — и вот решил вспомнить молодость. Данный снаряд больше на байкальских реках не используется.

Сак. Еще одно орудие лова беднейших слоев населения, не имевших возможности завести более серьезные снасти. Мог использоваться просто как сачок для высакивания рыбы из котцов или неводов и был в этом случае небольших размеров. В качестве самостоятельного орудия лова имел более внушительные параметры. Устройство и способ лова приводим по описанию Н.В. Кирилова, обследовавшего Селенгинские рыбные промыслы в 1885 г.: «...саки: это мешок из сетки мотаузной (конопляная нить домашнего прядения) в 25–36 ячеей в четверти (соответствует размеру ячеей от 30 до 38 мм), имеющий глубину более 2 аршин, а ширины по диаметру — около 1 аршина; он надет на обруч, от которого идет длинный шест до 20 аршин и более. Сакают таким образом: два гребца заводят лодку повыше улова, ... потом пускают лодку свободно плыть вниз по течению, слегка лишь работая гребями, чтобы раздулся сак, опускаемый саковщиком на корме в воду; как только лодка будет проходить над «уловом», саковщик сразу опускает сак на самое дно и зачерпнет им, как «поваренкой» рыбу, если она там есть» (Кирилов, 1886, с. 122). Как вариант, ловля сакom могла осуществляться, стоя лодкой на якорю, причем местными неписаными правилами запрещалось становиться в ряд на одном улове сразу несколькими саковщиками (рис. 3.9).

В 1816 году «Положением об омулевом промысле в реке Селенге» производить лов саками дозволялось только выше д. Жилино (40 км от устья). Данное положение, как бы сейчас сказали, было пролоббировано промышленниками, ловившими неводами, и саковщики им просто мешали. Наловившие первыми рыбу, саковщики сразу везли ее в Чертовкино на рыбную ярмарку, чем роняли цены на рынке. Но поскольку саковщики были людьми малоимущими, то им милостиво разрешили ловить выше основных тоней. Через 2 года после опубликования правил, осенью 1818 г. на р. Селенга случилось наводнение, была большая вода во время хода омуля. Вследствие этого, косяк омуля не пошел вверх, остановился в нижнем течении, разбрелся по уловам и протокам. Так как неводные тони (дресвы) все были под водой, то ловить рыбу можно было только кривдами, саками и плавными сетями («поплавнями» по терминологии тех лет). Поэтому спустя два года, в 1818 г. правила были изменены. Было разрешено свободное употребление саков, кривд и поплавней по всей реке. Длилось это недолго, рыбопромысловый капитал вскоре снова взял свое (Гирченко, 1928).

Валыга (ловыга) — еще один снаряд, имевшийся на вооружении селенгинских и баргузинских рыбаков. Происхождением своим, скорее всего, обязан саку. Принципы лова сакom и валыгой схожи. Если сак опускали с кормы на шесте, то валыгу опускали на веревке и сплавляли вниз по течению также над уловом. Снаряд представлял собой конический длинный мешок, надетый не на обруч, как у сака, а на половину обруча с диаметром. На прямой стороне полуобруча прикрепляли груза, от нее же шли две бечевы — за них тянули валыгу, сплавляясь вниз по течению на лодке. «Омуль, однако, валыгой не ловится таким же неповрежденным, как сакom, потому что у валыги сетка редка и рыбе приходится ячeиться» (Кирилов, 1886, с. 122).

Запорные устройства. С древних времен для промысла рыбы применяются различные заградительные сооружения, называемые в разных местах заколами, учугами, забойками, язами, езами, переколотами, горжниками, засеками, заездками, запрудами и пр. Представляют собой стенки, изготовленные из местных материалов (тростник, дерево, камни) и служащие для задержания рыбы. Запор сам по себе не является самостоятельным орудием лова, а лишь предназначается для остановки, концентрации рыбы на пути ската или подъема по руслу реки и направления ее в ловушки. После остановки рыбы, она должна быть выловлена неводом или сачком или самостоятельно зайти в ловушку (рис. 3.10–3.11).

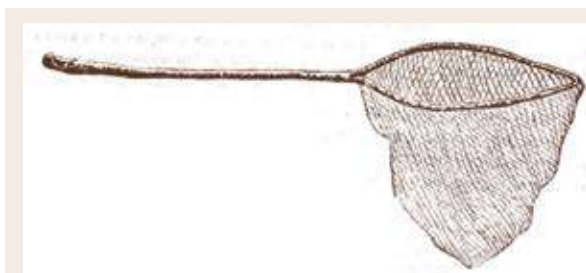

Рис. 3.9. Сак (по: Пежемский, 1852)

Рис. 3.10. Остатки запорного устройства на р. Утулик (приток Байкала) (фото Н.А. Чарушина, нач. 20 века)

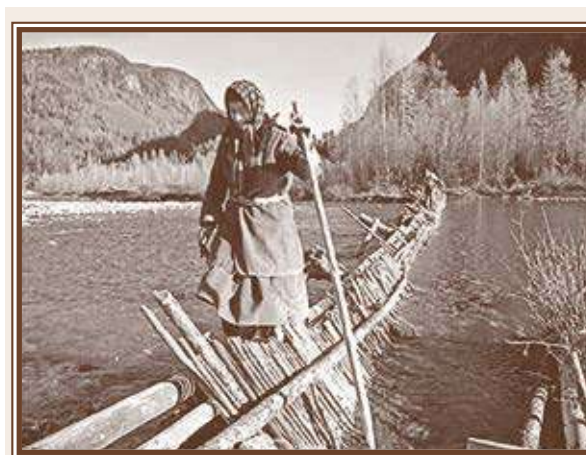

Рис. 3.11. Запор таежной отшельницы Агафьи Лыковой (фото Т.Г. Дулькейта)

В реках, впадающих в Байкал, запорные сооружения делались сплошными либо частично перекрывающими русло рек и речек. П. Пежемский так сообщает о загородках: «Название черезовых езов, или заездков, происходит оттого, что речка, назначаемая к ловле рыбы, перегораживается во всю ширину езом, который и называется черезовым; а если речка городится езами от берега до берега на известное только расстояние, а не во всю ширину, то эти езы простые, а не черезовые» (Пежемский, 1852, с. 21). Несколько позже в ежегоднике Департамента земледелия И.Д. Кузнецов (1909) так классифицирует запорные сооружения: «Если загородка стоит у берега, перекрывая часть реки, — это бережняк или заездок, если посередине реки, — это выколоты, если через всю реку, — это черезовые езы».

Устройство таких заграждений довольно однообразно. Различаются водопольные и зимние заездки. По открытой воде на быстрых реках с каменистым дном ставят поперек реки «кобылины» (треноги — козлы), которые двумя концами забиваются в дно вниз по течению, а одна — вверх. По вершинам треног прокидывают плахи или бревна (лавы). Из веток березы или ивы изготавливаются «берды» — плетни, которые устанавливаются сверху по течению наклонно на устои козел, к которым их приваливает течением. Если течение не сильное, а дно илистое, колья вбиваются просто в дно через промежутки в соответствии с длиной берд. Вместо деревянных кольев и прутьяных решеток на р. Баргузин и малых горных реках иногда насыпаются каменные гряды. В зависимости от длины запора в нем оставляются отверстия для ловушек от одной и более, либо ловушка ставится на речном краю, в случае, если перегорожена только часть реки. Пожалуй, на Байкале трудно найти какую-нибудь реку, которая не перегораживалась бы вся или частично и ловилась при этом рыба всякая.

К примеру, классический байкальский заездок для подледного лова налима, представляет собой частичный береговой запор с донной установкой ловушки — морды или вентеря у свободного конца стенки. Для этого в зимнее время поперек части реки делается прорубь, в дно вбиваются колья и опускаются берды. Средний вылов на ловушку составляет до 5 ц за сезон (Кузнецов, 1909) (рис. 3.12).

Рис. 3.12. Заездок на налима на р. Лена (фото с сайта <https://www.hunting.rublogsview>)

Заездками-черезовиками при сплошном заграждении русла Селенги ловили покатного омуля в ноябре-декабре, а с декабря по апрель — ходового налима. Еще один пример лова рыбы заездками: «Осенью, когда рыба начинает гложуть и скатываться из озера Котокель в реку Турку, рыбопромышленники приступают к ловле ее в загороженных поперек реки заездках. Рыба входит в устроенные в этих заездках ворота и скапливается в большом количестве. Тут ее сакают ручными саками. В то время улов бывает весьма прибыльный: один человек в одни сутки легко может наскать до 200 пудов рыбы. Вся же добыча во время хода бывает иногда от 1000 и до 6000 пудов» (Елезов, 1873, с. 172). В реке Кичере, тунгусы устраивают переколоты или заездки на расстоянии один от другого около 15 саженьей, оставляя для пропуска рыбы ворота. С установлением ледового покрова омуль вынимается ручными саками и вываливается на поверхность льда. Эта рыба впоследствии сбывается жителям Верхотенской волости (Елезов, 1873).

В качестве ловушек для рыбы в запорные сооружения вставлялись морды, корчаги, фителя (вентери), верши, корыта.

Морды, корчаги. Корчаги и морды плетутся из ивы. Форму имеют удлиненную, круглую, иногда четырехугольную. Обязательно наличие двух усеченных конусов на концах. Один, обратный конус — для входа рыбы, другой — для ее выемки. Элементы конструкции морд, фитилей и вершей одни и те же. Это двойная плетеная воронка: наружная с глухим или усеченным хвостом (бочка) и маленькая, вставная (детыш), вставлявшаяся в т. н. творило наружной бочки, в детише для захода рыбы имелось узкое отверстие (очко) (рис. 3.13).

Рис. 3.13. Морды в запорном устройстве (фото В. И. Иохельсона, 1890 гг.)

Размеры морд варьируют от 1 до 2–3 аршин. Корчага от морды отличается меньшими размерами и более округлыми формами. Хотя, в целом, их именование достаточно условное и зависит от того, как в данной местности принято. Морда устанавливается в заездке около берега либо просто на палке с оттяжкой выше по течению. Корчаги, намазанные внутри тестом, выставляются на местах со спокойным течением, служат для лова мелкой рыбы, гольянов, поэтому называются иногда мазанкой, самоловкой (рис. 3.14). К корчаге на бечевке прикрепляется «заметка» — деревянный поплавок, дающий возможность отыскать брошенную в воду корчагу. Для того, чтобы корчага или морда тонули, к ним привязывают камни (Солдатов, 1912).

Вентерь (фитиль, витель). Используется в качестве ловушки в заездках, но чаще оборудуется как самостоятельный снаряд, для чего дополнительно оснащается одним или двумя крыльями для увеличения площади облова и направления рыбы внутрь. Отличается от морды тем, что не плетется из веток, а вяжется из мотуза, с мелкими как у невода ячейками, и представляет собой сеткообразный мешок, похожий устройством на морду. Остов его укрепляется внутри обручами, суживаясь конусом к концу,

Рис. 3.14. Лов рыбы мордой (фото И. Попова, ок. 1900 г.)

в котором оставляется завязываемое шнуром отверстие для выемки рыбы. От устья вентера идут крылья, тоже вязанные из мотоуза. Фитили имеют длину до 2 м с обручами диаметром до 1,5 м, бережное крыло имеет длину от 3 до 10 м, речное — от 3 до 5 м. Состоя из нескольких обручей, обтянутых делью, вентерь удобно складывался и занимал мало места, что было очень удобно при транспортировке. Снаряд устанавливается устьем вниз по реке и укрепляется кольями. Приводим дословно описание устройства фитиля по материалам этнографической экспедиции Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества в 1926 г.: «Фитиль — сеткообразный мешок, в который вставляются два обруча. «Бочка» фитиля, составляя часть мешка от начала до второго обруча, вяжется длиною в 45 ячей (окружностью 100 ячей). «Крылья» фитиля 3—4 сажени в длину, вяжутся в 9 четвертей (по $4\frac{1}{2}$ ряда); таким образом, диаметр ловушки равен 9-ти четвертям. Крылья укрепляются

четырьмя палками. «Язык» фитиля — 14 ячей в длину. В задней части фитиля — мешок, называемый «хвостом»; он перевязывается веревкой, которая другим концом привязывается на реке обычно к лесине. Фитиль такой величины называется «бережной ловушкой» — ставится недалеко от берега по течению реки — обычно вечером, а утром его смотрят. Фитили ставятся и зимой. Для этого делают проруби, формой похожие на разведенный фитиль, куда и помещается ловушка. Рыба попадает всякая: поплавной омуль, щука, хариуз, язь. Фитили ставят более всего крестьяне с. Творогово, отчасти с. Колесово, небольшие фитили имеют также и крестьяне с. Большереченское» (Бородкина, 1926, с. 197) (рис. 3.15—3.14).

В середине 20 века (в 1942 г.) для лова пелагических байкальских бычков был сконструирован морской вентерь. Ставился он весной под лед во время хода бычка на нерест к берегам. Вылов в отдельные годы доходил до 20 тыс. ц, весь улов шел на изготовление консервов типа «шпрот» или вялился. Морской вентерный лов существовал недолго и прекратился в 1970 гг. в связи с падением численности бычка вследствие подъема уровня озера плотиной Иркутской ГЭС (рис. 3.18—3.19).

Рис. 3.15. Рыбак с вентером (фото, ок. 1900 г.)

Рис. 3.16. Лов вентером омуля на р. Большая Речка (фото К.И. Мишарина, 1950-е гг.)

Рис. 3.17. Постановка вентера на р. Язовка для отлова производителей хариуса (фото В.А. Ключникова, 1956 г.)

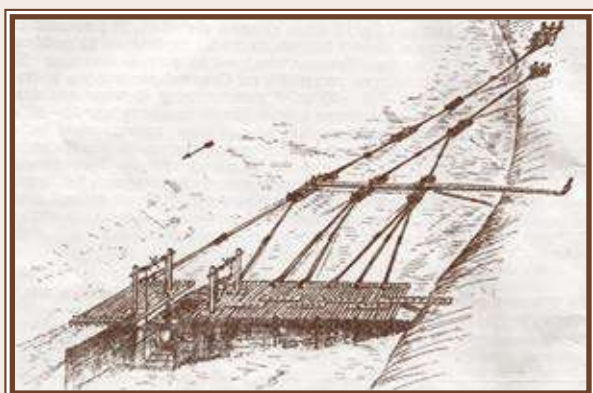
*Рис. 3.18. Бычковый вентерь у майны на Малом Море Байкала
(фото из альбома Иркутского рыбопромышленного треста, 1947 г.)*

Верша (сурпа, поползуха). Верша, судя по всему, была одним из первых орудий лова, принесенных русскими переселенцами на Байкал. Известно, что байкальское рыболовство начиналось с дельты р. Селенга с ловли отнюдь не омуля, а осетров. Упомянутые протопопом Аввакумом в его «Житии» в 1662 г. запоры для ловли осетра на Селенге, скорее всего, представляли собой верши, которые сохранялись до 30-х гг. 20 века с минимальными изменениями. Спустя 100 лет Георги (1772) пишет о ловле осетров в озере большими сетями, а в реках «очень большими мордами».

Верши, употреблявшиеся для ловли осетров на р. Селенга представляли собой довольно громоздкие и дорогие сооружение из бревен, выставлявшиеся в прижимных местах, где фарватер подходил как можно ближе к берегу (рис. 3.20–3.21).

Рис. 3.19. Улов бычкового вентеря — желтоперый бычок (фото из альбома Иркутского рыбопромышленного треста, 1947 г.)

*Рис. 3.20. Схема верши на р. Селенга
(по: Егоров, 1961)*

*Рис. 3.21. Осетровые верши на р. Селенга
(фото Н.А. Чарушина, 1895 г.)*

Описание верши нами приводится по В.К. Солдатову (1912) и А.Г. Егорову (1958; 1961) при этом старые меры длины переведены в метры. В.К. Солдатов в начале 20 века имел возможность сам лицезреть верши, в то время как А.Г. Егоров при их описании воспользовался рассказами еще живых рыбаков-осетровиков.

Верша состоит из 3–4, реже 5 плотов, каждый из которых содержит 6–12 бревен диаметром 30 см и длиной 5–6 метров. Плоты различаются: находящийся с дальнего от берега края — речной, за ним, ближе к берегу — маточный, далее к берегу — бережные плоты. Между речным и маточным плотами помещается сама ловушка (матка). Матка верши — разновидность морды, только больших размеров и четырехугольной формы длиной до 6 метров, высотой и шириной до 2. Края входного отверстия ограничивались крепкой рамой (творилом) толщиной в жердь. Суживающийся внутрь верши воронкообразный плетеный вход носил название «зыркуна». Для того чтобы нижний край творила плотно прижимался к грунту, передняя часть верши около самого творила оснащалась дополнительно грузами. При плетении матки верши употреблялись сырые сосновые или тальниковые очищенные от коры стебли-прутки диаметром в основании 5 см, называемые «чащей». Для изготовления одной ловушки требовалось около 250 прутков длиной по 3 м и более 50 прутков длиной по 6 м. В боковой стенке верши оборудовалась дверка для выемки рыбы, в которую при необходимости мог проникнуть человек. На верхней стенке устраивалась широкая плетеная площадка (полати), на которую помещался груз камней весом 10–15 пудов, служивший для утапливания верши.

Далее к берегу от маточного идут бережные (бердяные) плоты, которых бывает от 1 до 4. Крайний бережной плот отстоит от берега на 1,5–3 м. Для прочности каждый плот скреплялся с обеих сторон поперечными жердями — «нарвами».

С плотов опускались в воду стены — плетеные берды, играющие роль запора. Берды изготавливались из того же материала, что матка. С речного плота вниз по течению пускается плавное крыло — берда длиной 3–4 метра. Плоты между собой соединялись досками для перехода с одного плота на другой. Крепилась вся эта конструкция к берегу с помощью «канатника» — связанных между собой бревен общей длиной до 100–120 м. От канатника веером к плотам расходились «те-совники» — тот же канатник, но из более тонкого леса. От середины канатника перпендикулярно в берег шла стрела — также связанные бревна, с помощью которой регулировалось расстояние от берега до верши. Например, при падении уровня воды можно ловушку оттолкнуть подальше от берега и наоборот, подтянуть ближе, выставив ее ближе к месту хода осетра. Матка-ловушка поднималась наверх при помощи ворота, опускалась же обратно под тяжестью камней, наваленных сверху на полати. Для обслуживания верши требовались 2–3 человека.

Установка верши весной и разборка осенью обходилось в 250 руб., на ее устройство требовалось около 100 возов леса, поэтому в большинстве случаев устройство и содержание верши было непосильно для одного домохозяйства. Четверо рабочих могли изготовить все сооружение в течение одного месяца. Однажды построенная верша могла служить 20–30 лет, ловушка-матка ежегодно плелась заново. Арендная плата за место установки верши также довольно высока. Большинство верш на Селенге принадлежали артелям из 4–6 домохозяйств. Например, в с. Троицкое участки для установки верш на осетра принадлежали сельскому обществу и сдавались за 100 руб. артели

из нескольких домохозяйств на 4 летних месяца. Уплата производилась смотря по ловле и сбыту осетров, т. е. не единовременно, а по частям. Всего на р. Селенга устанавливалось до 40 таких конструкций. Промысел осетра начинался сразу же после ледохода. Пойманные осетры до транспортировки содержались живьем в плетеных садках или на куканах. Установка верш на р. Селенга прекратилась в 1935 г. с введением запрета на лов осетра.

На р. Баргузин плоты во многих случаях не применялись, их заменял длинный по-мост (лава), устраиваемый на высоких козлах (Егоров, 1958) (рис. 3.22).

Рис. 3.22. Осетровая верша на р. Баргузин (по: Егоров, 1958)

Некоторые сведения об осетровом промысле в первой половине 19 века приводит сибирский писатель и краевед Н.С. Щукин в работе «Рыбные промыслы Восточной Сибири»: «На хорошем месте искусно поставленная верша дает богатый улов: в нее попадает в течение лета от 100 до 200 осетров. Самые крупные весят до 10 пудов. Лучший лов бывает тогда, когда вода в реке то прибывает, то убывает. Осетры идут в р. Селенга из Байкала с весны до глубокой осени, на зиму залегают в ямах, где остаются в полусне до весны. Ежегодный улов осетров можно предположить в количестве 25 000 пудов. Осетр поступает в продажу как в соленом, так и в свежем виде. Практикуется доставка живых осетров в Иркутск». Автором описывается и такой случай, причем, судя по всему, не единичный: «Случается нередко, что беглые с каторжной работы, добравшись до места с осетром, приступают к немедленному похищению чужой собственности. Что морду можно поднять из воды воротом они тотчас сообразят, но того, что поднятую вершу должно подпереть жердью не знают. Чтобы достать осетра, необходимо залезть в морду — вот вор и влезает, но лишь только спустится в ловушку, как та от новой тяжести погружается в реку — и несчастный погибает. Является хозяин и находит таким образом в морде вместе с живыми осетрами и мертвого человека: первых он берет с собой, а последнего, дабы избежать ответственности, пускает вниз по течению реки» (Щукин, 1847, с. 219–220).

Корыто. Еще один старый способ ловли — корытами-ловушками, вставлявшимися в различные запорные устройства. Корыта применялись на реке Баргузин для лова поплавного омуля. Здесь они устраивались из кольев, вбитых в дно реки двумя стенками под углом, открытым вверх по течению. В вершине угла прикреплялся желоб из досок или корыто, ведущее в ящик. У ящика на помосте сидел караульный, который и вычерпывал сносимую течением обессилевшую рыбу (Кузнецов, 1909). Похожее описание лова покатного омуля на р. Баргузин приводит Ф.В. Елизов: «...около порогов на самых мелких местах вниз по течению и наискось, устраивают откосы в виде стен из камней от 10 до 20 сажень длины, оставляя отверстие для пропуска рыбы не более $\frac{3}{4}$ аршина ширины. Рыба входит в них и остается на устроенных внутри скамейках, с которых ручными саками вынимают иногда до 2000 омулей» (Елизов, 1874, с. 173). Этот лов существовал до середины 19 века, пока омулевые богатства Баргузина не сошли на нет, а вместе с ними исчезли и были забыты корыта.

Лов корытами практиковался в горных реках для лова хариуса, ленка и тайменя, причем, только осенью, когда эта рыба скатывалась с верховьев рек в нижнее течение. Подробно такой лов освещен в одном из номеров издания «Иркутские губернские ведомости» за 1875 г. Для лова корытами выбирались места с не очень быстрым течением и глубиной до 2 аршин. Поперек всего русла устраивался запор из козел, жердей и берд (плетней) с таким расчетом, чтобы уровень воды сверху запруды несколько превышал уровень в нижней части. Посередине такого заезда в верхней части плетня делалось отверстие шириной около одного аршина, глубиной четверть аршина и в этом окне укреплялось само корыто, состоящее из двух частей. Первое (мокрое корыто) длиной до полутора сажень вставлялось в выемку заезда и представляло собой лоток, установленный под углом. Дно и стены мокрого корыта выстилались корой, по которой рыба с быстрым током воды попадала в «сухое корыто» длиной до 2 аршин, установленное над водой на кольях, где вода сливалась сквозь прутья корыта, и рыба лежала на сухом (рис. 3.23).

Снаряды для лова покатного омуля (хапы, скипасти). Хап, пожалуй, одно из немногих орудий лова, год и место рождения которого точно известны. Дело в том, что Правилами рыболовства от 1908 г. была впервые предпринята попытка запретить лов омуля во время его нерестового хода вверх по реке. В связи с запретом большие масштабы приобретает отлов уже отнерестившегося омуля или «поплавщины». Для отлова покатного омуля использовались

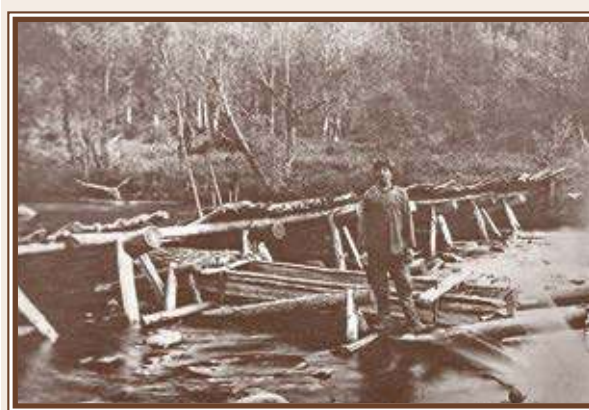

Рис. 3.23. Лов рыбы корытом на р. Яга
(по: Гольдфарб, 2010)

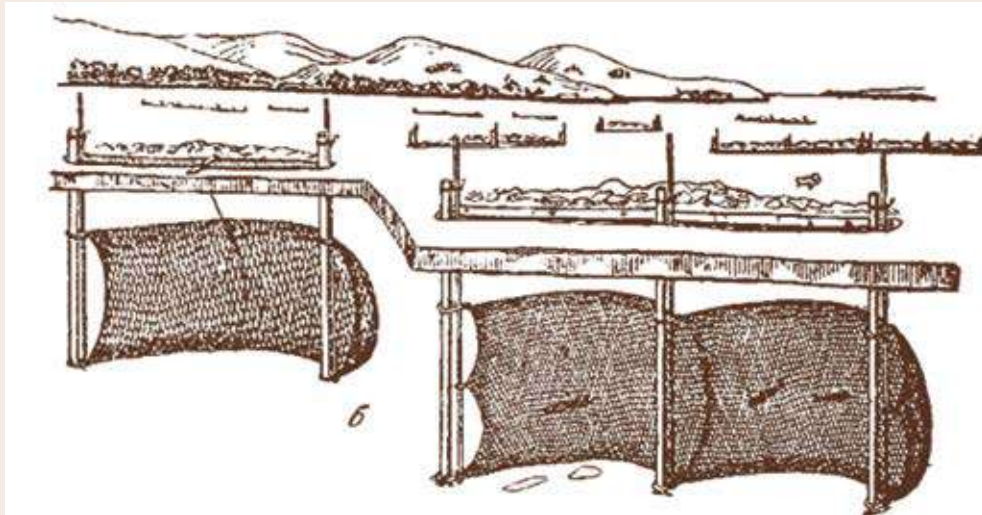

Рис. 3.24. Хапы (по: Артюнин, 1958)

Рис. 3.25. Хап на р. Селенга близ с. Колесово (фото рыбоохраны)

Рис. 3.26. Валыга на р. Селенга (фото автора)

хапы, изобретение которых в 1909 г. приписывается крестьянам д. Колесово. Хап представлял собой прямоугольную пластину из дели. Фактически, изначально это обычный неводный столб, неоснащенный, посаженный по краю на веревки и устанавливаемый как вертикальная стена с помощью шестов на течении водопольно или подледно.

Используется по настоящее время исключительно на Селенге. Скатывающийся вниз отнерестившийся омуль прибивается течением к полотну, не имея сил выйти из ловушки. В 1940–1950 гг. в нижнем течении Селенги составлялись сотни хапов. Хаповой лов приходился на межпутинный период, когда водопольная рыбалка завершена, а подледная еще не началась (рис. 3.24–3.25).

В 1954 г. хапы стали вытесняться ловушками системы С.М. Жигульского и валыгами. Ловушка Жигульского представляла собой пирамидальный сетной мешок из неводной дели, посаженный на подбору и устанавливаемый водопольно подобно хапу.

Еще один снаряд для лова покатного омуля — валыга — сетной мешок, который при помощи трактора на длинной трубе вытаскивается в реку с прижимного берега. Название снаряда, по-видимому, было позаимствовано из прошлого (рис. 3.26).

Для лова покатного омуля на Северном Байкале в р. Верхняя Ангара и Кичера использовали невода, приспособленные для лова скатывающейся вниз по течению отнерестившейся рыбы. Для этого на борозде реки укреплялся кол, для прочности от него шла на берег

оттяжка — канат. К колу привязывалось речное крыло, вслед за этим невод выметывался к берегу и под влиянием течения выгибался дугой. Незагороженная часть реки обеспечивала проход части рыбы для неводов, расположенных ниже по течению. Когда невод установлен, башлык на подъездке сторожил на мотне рыбу. У кола в это время стояла лодка и ожидалась команда башлыка «запирать невод». Тогда рыбаки в лодке отвязывали речное крыло, а рабочие на берегу за веревку тянули в берег и притоняли невод вместе с лодкой (Рыбное хозяйство ..., 1932).

Скипастями на Байкале называют речные ставные невода для лова отнерестившегося омуля. Применялись на реках Северного Байкала — Верхней Ангаре и Кичере с 1931 г. по 2016 г. Ежегодно в районе выставлялось 3–5 скипастей, дававших до 50 % от годового плана рыболовецких колхозов. Конструкция запора была разработана руководителем рыбохозяйственной экспедиции ВНИОРХ на Северном Байкале П.В. Тюриным.

Стены (крылья) скипасты сооружаются из свай (гундер), и сетного полотна, под углом, открытым вверх по течению. Назначение стен — задержать рыбу и направить ее в скипаст. Таких стен делается две. Назначение второй, расположенной выше по течению, — воспрепятствовать возвращению вверх подошедшей к скипасту рыбы. Формы дворового образования между стенами бывают разными. При полном перегораживании русла продольные стены двора не сооружаются, их заменяют берега. При частичном перекрытии устанавливается стенка и часть русла остается открытой для прохода наверх еще идущего на нерест омуля. В вершине запора устанавливается мотня длиной не менее 10 метров. При высмотре скипаста рыба сгоняется в конец кутка и высасывается в лодку либо сразу в ящики, для чего на сваях или понтонах устанавливаются помосты (Рыбное хозяйство ..., 1932).

Скипасты в настоящее время применяются также на некоторых малых реках Байкала для отлова производителей омуля на рыбоводные заводы. Понятно, что в этом случае они устраиваются так, чтобы ловить не покатную отнерестившуюся рыбу, а поднимающихся вверх производителей (рис. 3.27–3.29).

Ужение на крючковую снасть. Зимнее ужение, пожалуй, самый народный способ добычи рыбы. Сельскохозяйственные работы завершены, впереди длинная зима, Рождественский

Рис. 3.27. Скипасть на Верхней Ангаре (фото В.А. Кравчука, 1953 г.)

Рис. 3.28. Скипасть на Верхней Ангаре (фото А.В. Варнавского, 2015 г.)

Рис. 3.29. Скипасть на р. Большая Речка для отлова производителей омуля (фото В.Ю. Матанцева, 2015 г.)

Рис. 3.30. Подледное ужение окуня на мормыша близ д. Алешкино Енисейского уезда
(фото из коллекции Ангарской экскурсии, 1911 г.)

и Великий посты. Селяне в эти дни тянулись на лед, тем более что особого коллективизма эта рыбалка не требовала, а пойманная рыба на морозе всю зиму оставалась свежей.

Лов рыбы на бормаша или бормашение — вид промысла беднейших слоев населения — появился на Байкале в д. Кудара в 19 веке и практиковался исключительно зимой. По мнению научного сотрудника, рыбовода и краеведа Ю.В. Неронова, данный вид лова пришел на Байкал вместе с русскими переселенцами с Урала. Прижился и приобрел здесь свои характерные особенности, став особым видом промысла (Неронов, 2014) (рис. 3.30).

Так как зимнее ужение рыбы носило черты домашнего рыболовства, его исследованием занимались преимущественно ученые-этнографы, изучавшие быт сельского населения. Особенности этого способа ловли нами были почерпнуты из работ А.М. Станиловского, М.В. Бородкиной, а также материалов рыбохозяйственной экспедиции ВНИОРХ 1931 г. (Станиловский, 1912; Бородкина, 1926; Мальцев, 1934).

Начиналось все с лова бормаша (на Урале — мормыш) — маленького рачка-бокоплава, живущего в озерах, откуда он добывается особой ловушкой-корытом, изготавливаемой из дерева (длинной в 6 четвертей, шириной в 1 четверть, высотой 1/2 четверти) (рис. 3.31–3.32).

Рис. 3.31. Бормашенное корыто
(фото автора из музея-библиотеки с. Сухая)

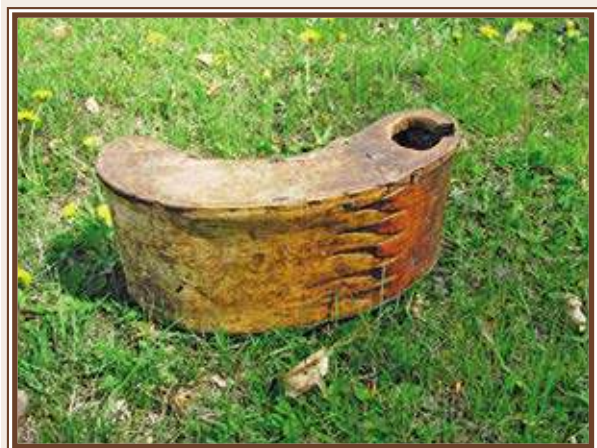

Рис. 3.32. Бормашница — берестяная банка
для хранения бормаша (фото автора из музея-библиотеки с. Сухая)

Верхний край одной из боковых стенок корыта обивался толстым, в палец шириной, слабо скрученным шнуром из конского волоса (арканом). К задней стенке приделывалось с помощью втулки колено, длиной 2—2,5 аршина; к нему подвижно прикреплялось второе и третье. Ко дну корыта приколачивался холщовый мешок. Сделав прорубь в озере, вводилось корыто под лед и вращательным движением собирали находящегося подо льдом бормаша. Сделав круг, прикреплялось к первому колену второе, затем третье. Благодаря особенностям биологии, рачки зимой скапливаются под нижней кромкой льда, откуда арканом, или попросту «бахромой», бормаш сметается в мешок. Собрав бормаша, завертывали его в шубу — «в тепле он дольше живет» — и так везли до дома, где складывали в кадушку. Торговлей живым бормашем на р. Селенга занимались крестьяне д. Кудара, развозившие его по всему побережью. Стоил он около 2—4 руб. за пуд по ценам 1905 г.

Утром, в темноте, с удочками в руках, бормашами и краюхой хлеба за пазухой плелись бормашельщики поодиночке или компанией по двое по направлению к морю. Возвращались обратно уже в темноте (рис. 3.33).

Бормашенье происходит следующим образом: сделав прорубь, рыбак бросает туда горсть бормашей, после чего спускает в воду леску, привязанную к короткому, в 3/4 аршина удилицу (мотыльку). Место, за которое держат мотылек в руке, обвязано соломой, которая не дает рукам быстро мерзнуть. Леска делается из белого конского волоса, сплетенного раз в 5—6. На конце ее крепится крючок, изготавливаемый обычно из швейной иглки без бородки, обвязанный красной тряпочкой, гарусом или верблюжьими шерстинками. Рыба набрасывается на бормаша и хватает

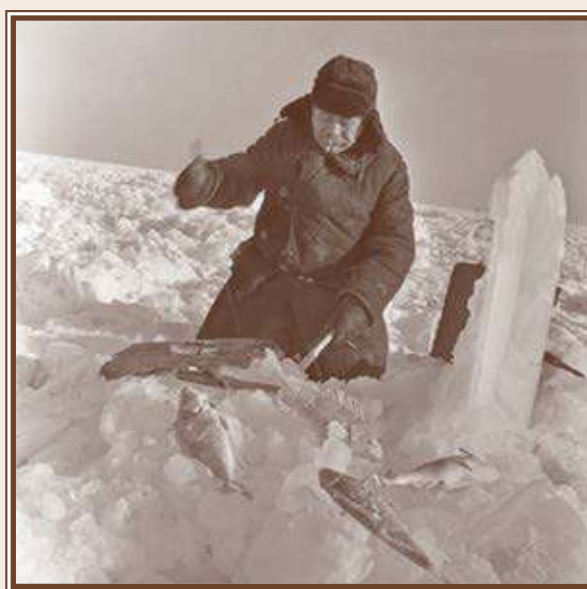

Рис. 3.33. Бормашельщик на Малом Море (фото Э.Д. Брюханенко)

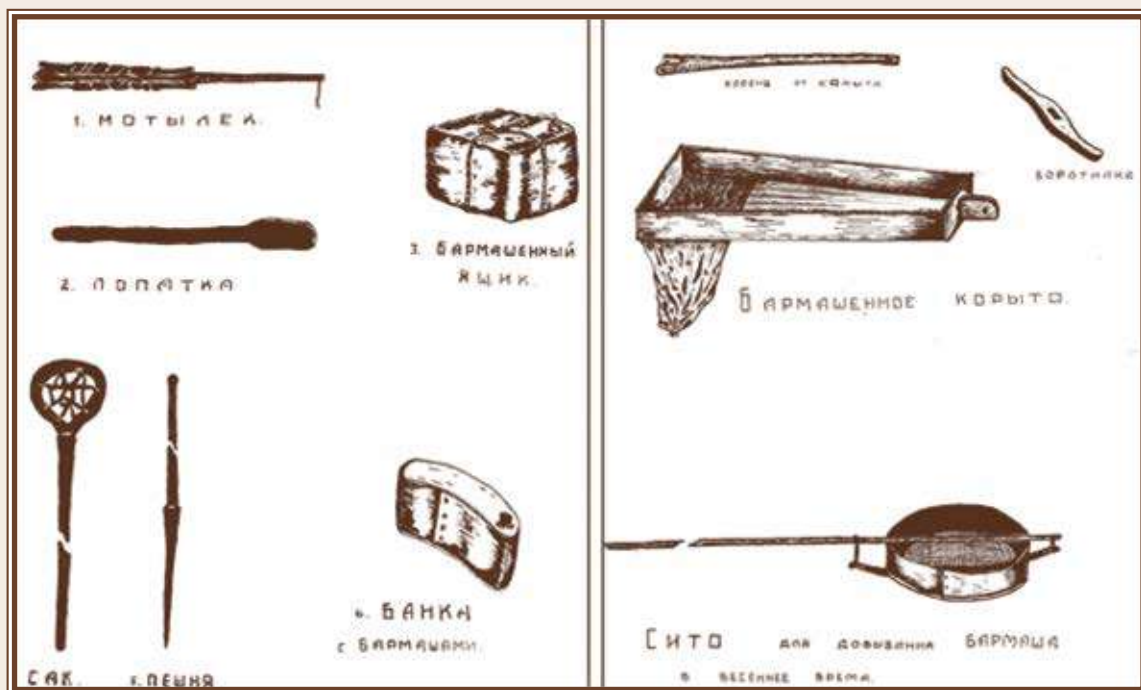

Рис. 3.34. Орудия лова, применяемые при бормашении на оз. Байкал (по: В.Н. Мальцев, 1934)

обманку. Пойманную рыбу ударяли лопаткой по голове, после чего крючок сам вылетал изо рта рыбы. Насаживался иногда на крючок и сам бормаш. Основными объектами лова в прибрежной зоне были окунь и хариус, реже — сиг и омуль. В день бормашельщик использует при непрерывной работе с утра до сумерек от 3 до 6 фунтов этой своеобразной приманки. Успех бормашевого лова зависит не только от опыта рыбака, но и в значительной степени от атмосферных условий. Поэтому улов бормашельщика был непостоянен и колебался от 1–2 кг до 50 кг в сутки на человека. На рис. 3.34 и в табл. 3.1 из отчета рыбохозяйственной экспедиции Красноярской Рыбстанции приводятся виды снастей, используемых при бормашении, и результаты учета улова бормашельщиков.

Любопытно, что в 1900 году лов рыбы на бормаша правилами рыболовства был запрещен. Дело в том, что существовало ошибочное представление о том, что рачок, которого сыплют в лунку, вреден и уничтожает рыбу в водоеме, выедавая ее изнутри. Действительно, во время лова омуля сетями в Байкале на больших глубинах некоторые виды байкальских глубоководных амфипод порой полностью уничтожают улов, от которого в прямом смысле остаются только кожа и кости. На самом деле, рачок, живущий в пойменных озерах и используемый для бормашения, сам является кормом для рыб. Кроме этого считалось, что на бормашовую удю ловится много мелкой рыбы, что вредно сказывается на ее размножении («можно выловить породу») (Станиловский, 1912). Продолжался этот ничем не обоснованный запрет до 1908 года, когда решением Совещания об урегулировании рыбного промысла на Байкале и реках, в него впадающих единогласно был отменен (Малинин, 1908). В настоящее время, кроме классического бормашевого лова соровой рыбы и хариуса, появился чисто байкальский вид спортивного рыболовства — так называемый бормашевый лов омуля на «камчатках» (рис. 3.35).

Зимой на косах ставились уды на налима. Орудие лова было очень простым. Делалась лунка и прямо в дно втыкалась палка, на конце которой привязывался поводок с крючком. В качестве наживки использовалась мелкая рыбешка, пойманная в корчагу (рис. 3.36).

Таблица 3.1. Результаты ежедневного учета улова бормашельщиков
с. Посольское и д. Исток весной 1934 г. (по: Мальцев, 1934)

Рыбак	17 апреля	18 апреля	19 апреля	20 апреля	21 апреля	22 апреля
Осетров Кузьма	Хариус 10,5 кг Окунь 3 кг Сорога 2 кг	Хариус 1 кг Окунь 1,5 кг Сорога 1,5 кг				
Осетров Иван	Хариус 3,5 кг Окунь 9,5 кг Сорога 7 кг					
Зорин Федор	Хариус 2 кг Окунь 7 кг Сорога 5,2 кг					
Буторин Егор	Хариус 2,5 кг Окунь 5 кг Сорога 3,5 кг					
Суранов Даниил		Хариус 2 кг Окунь 5 кг Сорога 1 кг	Окунь 0,5 кг Сорога 0,5 кг		Хариус 1,5 кг Окунь 1,5 кг Сорога 1 кг	Хариус 3 кг
Суранов Иван			Окунь 1 кг Сорога 0,5 кг		Хариус 2 кг Окунь 2,5 кг Сорога 1,5 кг	
Иванов Егор						Хариус 12 кг Окунь 6 кг
Федоров Андрей	Хариус 3 кг Окунь 2 кг					
Всего рыбаков	50	60	18	Ветер Клева нет	13	13

Рис. 3.35. Байкальская «камчатка» (фото В.В. Клячмана)

Рис. 3.36. Лов налима удами (поставками) на Ангаре (фото из коллекции Ангарской экскурсии, 1911 г.)

Рис. 3.37. Лов хариуса удочкой на берегу Байкала, 1904 г.

Ловили удочками и просто с берега. Фотография на рис. 3.37 сделана во время поездки Министра путей сообщения князя М.И. Хилкова в 1904 г. по Кругобайкальской железной дороге среди удочников на берегу Байкала.

Переметы, крючья (самоловы). Переметы прошлого мало отличаются от применяемых сегодня, кроме разве что материалов для их изготовления. Переметы представляли собой длинную крепкую веревку длиной от 5 до 40 сажен, называемую «хребтиком», на ней прикреплялись на «погонах» из шнура длиной до 1 аршина от 20 до 50 крючков. Один конец перемета привязывался к колу на берегу, другой забрасывался с грузом в воду, длинные переметы завозились на середину реки на лодке. Наживкой на крючках служила мелкая рыбешка: ельчики, голяны либо черви. Ловились на перемет в основном осетры, реже — налимы, ленки и таймени. Орудие лова не сильно жаловалось местным населением. Анкетирование рыбного промысла в 1910 г. показало, что переметы упоминаются лишь в 1% от всех сообщений (Солдатов, 1912).

Начало 19 века знаменуется значительным сокращением численности осетра, что приводит к применению крючьев-самоловов, вредно отражающихся на состоянии оставшихся осетровых запасов. По описанию П. Пежемского (1852) самолов устраивался так: к длинной веревке прикрепляются самые большие крючья, а к ним подвешиваются поплавки, чтобы крюк держался острием кверху. Предназначался этот самоловный снаряд для лова крупной рыбы: осетров и тайменей. Если

в 17–18 веках за одну тоню вылавливали до 200 и даже более осетров, то в 1909 г. было добыто за весь год 295 шт., а в 1910 г. — 478 шт. (Гирченко, 1928).

Самоловные крючья также не получили широкого распространения в байкальских реках — с самого начала применения против них развернулась активная борьба. На почве применения самоловных снастей между промышленниками и ловецким населением возникает вражда. Промышленники обычно применяли хищнические способы лова на арендованных ими рыболовных статьях. В 20-х гг. 19 века кударинские крестьяне просили администрацию запретить коллежскому секретарю Сысолятину, арендовавшему ловли в устьях Селенги, ловить осетров так называемыми «самоловами», так как этот способ ловли вредно отражается на промысле крестьян. По этому поводу Сибирский генерал-губернатор предложил Иркутской городской Думе созвать рыбопромышленников и собрать у них сведения, действительно ли вредны самоловы для промысла. Дума сообщила, что созданные ею иркутские мещане и цеховые, занимавшиеся рыбным промыслом по Селенге, удостоверяли, что производимый Сысолятиным промысел самоловами есть «действительно вредный», потому что этот способ препятствует ходу рыбы из моря в Селенгу. Рыба, «срываясь с крючков и быв повреждена, выходит из сил от истекающей крови, гибнет и уносится по течению реки обратно». На основании этого краевая администрация запретила ловлю осетров посредством «самоловов» и предписала уничтожить эти орудия лова (Гирченко, 1928).

Невод. Орудие лова появилось на Байкале вместе с русскими переселенцами в 17 веке. Однако первое упоминание в литературе о лове омуля неводами относится лишь к 1735 г. (Элерт, 2004). В «Описании российской коммерции» М.Д. Чулков сообщает: «По всем тем рекам, так и в Байкале озере великое множество по сту бочек омулей из одной тони получают, а в бочке не менее шести сот омулей» (Чулков, 1785, с. 15). И. Сельский (1853) отмечает, что ему из старых источников известно о небывалых уловах речными неводами ходового омуля на Селенге в 1796 г. Если верить автору, улов в одну тоню доходил до 300 бочек по 2500 омулей в каждой.

Очевидно, что неводной лов на Байкале был изначально речным, выходить с неводами на байкальские просторы было опасно, да и необходимость такая отсутствовала — немногочисленному населению хватало рыбалки на реках Селенга и Баргузин, изобиловавших всякой рыбой. Выход неводов на байкальский берег связывают с уменьшением уловов омуля в реках, когда промышленники стали выходить сначала на песчаные отмели — «кóрги» близ устьев рек Селенга и Баргузин, а затем разъехались по всему озеру (Тюрин, 1936). Произошло это в начале 19 века. Невода из р. Баргузин перешли на Поливную каргу Баргузинского залива, а из р. Селенга — на Бабыю каргу Селенгинского мелководья. В 1810 г. баргузинский купец Иван Черных и рыбак А. Цивилев первыми открыли неводной промысел на Северном Байкале по карге Ярки близ устьев Верхней Ангары и Кичеры, куда приходили сразу после распадения льда в мае месяце и уходили обратно не позднее 25 сентября (Цивилев, 1993). Постоянного жилья в том районе Байкала еще долго не было, поэтому рыбалка здесь носила сезонный летне-осенний характер. С выходом в открытый Байкал неравнокрытый речной невод превратился в равнокрытый морской с увеличением длины самих неводов и спусков.

Неводной лов в Байкале в начале 19 века был не только летним, но и зимним (Курбатов, 1841). Омуль, пойманный неводами летом, назывался «коргинским», а зимний был известен под названием «бугульдейка» — по имени речки Бугульдейка, в губе которой он первоначально начинал ловиться первыми подледными неводами. В настоящее время эта мелкая, но необычайно нежная и жирная нагульная молодь омуля местным населением зовется «маломоркой» — также по месту основного промысла — пролива Малое Море, недалеко от речки Бугульдейка.

Обследовавший в 1931 г. неводной лов на Северном Байкале П.В. Тюрин пришел к выводу, что конструкция байкальского закидного невода застыла во времени и сохранилась в неизменном виде с 18 века. Рыбы в Байкале было много, существующие невода всегда приходили с богатым уловом, поэтому никому в голову не приходило вносить в его конструкцию новшества, изготавливали их так же, как это делали деды и прадеды.

Особенность байкальского невода состояла в том, что он был плавающий, симметричный и равнокрытый. При замете на больших глубинах он не доставал дна, а длина и высота крыльев были одинаковыми по всей их протяженности. Вполне оборудованный невод состоял из 24–36 столбов неводной дели (один столб — это посаженный на подборы и оснащенный грузами

и наплавами сегмент невода длиной от 15 до 22 метров и высотой 8–10 метров). Так как целый невод был дорог, то каждый желающий стать членом неводной артели и изготавливал один или более таких столбов, с которыми и приходил на промысел. Если неводные столбы приносили с собой рядовые члены артели, то матня обычно принадлежала бригадиру-башлыку. Из отдельных сегментов сшивались обычно не менее 2 неводов, которыми неводили по очереди по схеме: один работает, другой сушится и ремонтируется. Таким образом, длина байкальских неводов была от 480 до 720 метров, в отдельных районах достигая 1200 метров. На подборы (тетивы) шел пеньковый (из конопли) канат, длина пеньковых же спусков достигала 2000 м, в зависимости от дальности замета. Дель вязалась из конопляного же мотауза (ниток домашнего прядения). Ячея в крыльях была 36–40 мм (реж), в матне 24–28 мм (частик), между ними шла средняя по ячее дель (межеумок). Матня делалась огромным мешком длиной 18 аршин, суживаясь к концу конусом, на конце оставлялось круглое отверстие для выемки пойманной рыбы, которое во время лова затягивалось веревочным шнуром. Невод по тетивам с нижней стороны унизируется кибасьями, а с верхней — наплавьями. Кибасья делались из бересты, в которую вшивалась окатанная галька, а наплавья — из сухого дерева (кедра) и тополевой коры. На концах обе подборы-тетивы связывались на трех- и пятисаженном расстоянии, что называлось ушами. Количество ловцов, обслуживающих невод, зависело от размеров невода. Так, на Малом Море артель обычно состояла из 12 человек, на Северном Байкале — 18, Баргузинском заливе — 26, в Приселенгинском районе — 45 человек. Для повышения срока службы невода смолились перед каждой путиной, в зимнее время во избежание ломкости на морозе — жирились нерпичьим или рыбьим жиром. Необходимое количество плавсредств (водоходной посуды) состояло из неводника, палубной лодки для приема рыбы и одной-двух маленьких лодок-подъездков (Пежемский, 1853; Кирилов, 1886; Сабуров, 1889). Говорить о сроке службы невода затруднительно, вышедшие из строя неводные столбы отвязывались для ремонта, постепенно заменяясь на новые. По окончании сезона неводьбы тяжелый невод разбирался на составные части — столбы, которые просушивались, ремонтировались и хранились подвешенными в амбарах до следующей весны.

Для летнего морского промысла омуля и осеннего речного использовались одни и те же невода. Если морской невод в среднем состоял из 30 столбов, то в речном варианте их число сокращалось до 12–14. Так как байкальские морские невода были «плавающими», то для приспособления их под речную неводьбу требовалась соответствующая переделка. Кроме сокращения количества столбов, осуществлялась дополнительная загрузка нижней подборы кибасьями, на что требовалось от 1 до 3 дней. Так как момент начала речного лова установить точно не представлялось возможным, приходилось снимать с морского промысла невода заранее, из-за чего возникал пролов омуля в море в ожидании захода косяка в реку.

Вес байкальского закидного невода мог достигать 2,5 т (без учета спусков) и требовал использования большого дорогостоящего неводника. Тяжеловесность невода возникала из-за чрезмерной густоты посадки полотна, чрезмерной толщины пряжи, идущей на изготовление дели, что влекло за собой применение канатов большей толщины и, следовательно, веса. Одинаковая высота крыльев по всей длине также утяжеляла невод. Все это обуславливало большое тяговое усилие, при этом снижалась скорость притонения и увеличивалась продолжительность тони при значительной потребности в рабочей силе. Большой расход сетематериалов приводил к увеличению стоимости невода. Как следствие, увеличивались производственные расходы и снижалась экономическая эффективность неводного промысла. Учитывая вышесказанное, П. В. Тюриным был предложен облегченный вариант (на 55 % по весу) закидного невода, используемого до настоящего времени и получившего название «тюринского» (Тюрин, 1936). На рис. 3.38–3.45 показан летний и зимний неводной лов на Байкале.

Работа неводной артели или бригады всегда была привязана к одному месту — тоневым участкам. Там находились ворота для выборки спусков, а впоследствии передвижные электростанции с лебедками. Их перебазирование требовало много времени и усилий, а также ровного, незакоряженного грунта для притонения. В начале 70-х гг., в частности на Северном Байкале, рыбаки стали использовать закидные невода для траления в открытой акватории. Невод забрасывался в различных местах, а притонение производилось не на берег, а на плаву на катамаран.

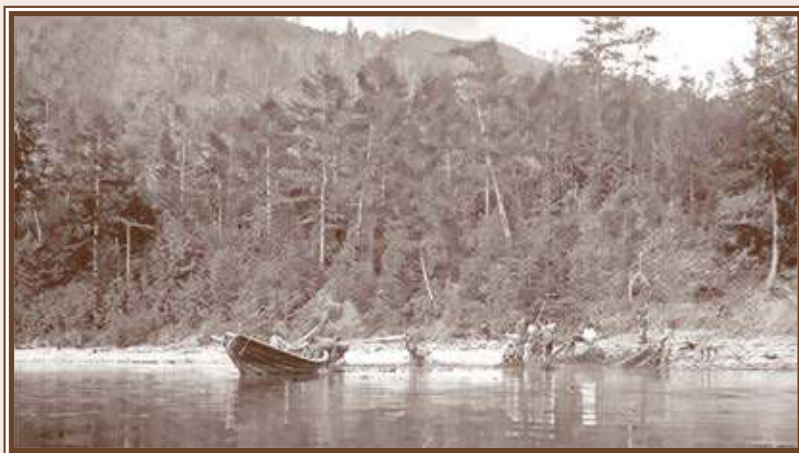

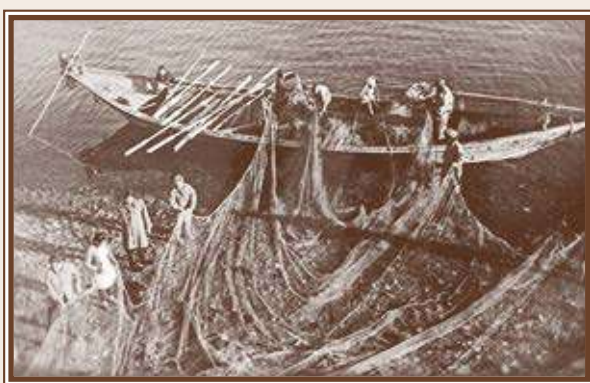
Рис. 3.38. Неводная артель на берегу Байкала (дореволюционная открытка)

*Рис. 3.39. Замет невода
(дореволюционная открытка)*

Рис. 3.40. Сушка невода в с. Култук на южном Байкале (фото В.С. Житенева, 1927 г.)

*Рис. 3.41. Набор невода на неводник
(фото из альбома Иркутского
рыбопромышленного треста, 1947 г.)*

*Рис. 3.42. Малое Море. Выборка невода конной
тягой и укладка спусков
(кадр кинохроники, 1941 г.)*

Рис. 3.43. Выборка невода (фото С.С. Убонова)

Рис. 3.44. Выезд зимней неводной бригады (фото из архива БайкалНИРО, 1960-е гг.)

Рис. 3.45. Выборка подледного невода конной тягой (фото из альбома Иркутского рыбопромышленного треста, 1947 г.)

Сети. Сети у коренного населения появились задолго до прихода русских, их плели из конского волоса белой масти, а, начиная с 18 века — из конопляных ниток домашнего плетения (так называемый «мотоуз»).

Здесь пришла пора сказать пару слов о конопле. Репрессированная в наши дни — в 19 веке она была наиважнейшей технической культурой, а конопляники были неотъемлемой частью деревенского пейзажа. Нельзя было на селе жить без конопли. В рыболовном промысле также все держалось на канатах, веревках и нитках, которые изготавливали из этого растения.

Считалось, что лучшая конопля во всей Иркутской губернии растет по реке Иркут в селениях Введенщина, Смоленщина и Баклаши. Кроме иркутной конопли, для прядения использовалась пенька из Оёкской и Яндинской волостей, но уступала первой по качеству. Эти последние два сорта имели волокно более слабое и от небрежной трепки с большим количеством костры (одревесневших включений). Некоторые сорта конопляных веревок, производившихся иркутскими ремесленниками для рыболовного промысла в середине 19 века, приведены в табл. 3.2 (Издание Иркутского ..., 1868).

Созревает конопля в середине августа, после уборки сушится и молотится. Из зерна можно получить масло, если сдать его на маслобойку, а стебли связывались в снопы и на несколько недель погружались в воду (в реку или, что предпочтительней, в озеро). Через 3–4 недели снопы вынимали из воды и сушили сначала на солнце, затем, уже окончательно в банях, протапливая их раза два в день. Затем растения мялись на специальных мялках и трепались. Полученное волокно

Таблица 3.2. Ассортимент веревок для рыболовного промысла

№	Название сорта веревки (каната)	Плата за обработку одного пуда пеньки, руб.	Продажная цена, руб.	Длина веревки в одном пуде, саж.
1	Шнур	10	40	3200
2	Сетовая	3	20	727, 1 арш., 8 верш.
3	Спуск морской	0,6	7	40
4	Шейма морская	0,6	7	5
5	Канат пароходный	0,6	7	1

расчесывалось и прялось (рис. 3.46–3.49). При необходимости готовая пряжа могла отбеливаться или окрашиваться. Полученную пряжу можно было сдать на канатный или веревочный завод, которые имелись в г. Иркутск, Усть-Удинск, Черемховский и других селах округа, либо изготовить веревку самостоятельно. В конце 19 века заводы брали с крестьян от 70 коп. до 1 руб., чтобы свить веревку из одного пуда пряжи (Иллюстративное описание ..., 1896).

«Сети вяжутся из конопляного мотуза, тонких ниток и конского волоса. Они делаются такими, какие нужны промышленнику для ловли, смотря по местоположению; ячейки вяжутся соразмерно величине рыбы. Сети бывают одностенные, двустенные и трехстенные. Они ставятся в Байкал и реки, укрепляясь в последних на якорях; иногда ими перегораживают речки и протоки и по временам в течение дня или ночи высматривают, не попала ли рыба; также плавают с ними, отпуская сеть в реку. Сети устраиваются точно так же, как и невод, но делаются легче, короче

Рис. 3.46. Конопля созрела (дореволюционное фото)

и удобнее; к тетивам привязываются кибасы и полавки разных устройств» (Пежемский, 1852, с. 23). Из описания П. Пежемского следует, что сетями ловили в основном в реках и на Байкале, устанавливая их на якорях. Далее читаем: «Промысел рыбы начинается здесь с осетров, от 1 до 10 апреля, когда Байкал покрыт еще льдом: тогда близ устьев р. Селенги производится лов их подледным промыслом сетями, что здесь называется «норить» рыбу. Это делается таким образом: около главных трех устьев (всех считается до восьми) р. Селенги собираются артелями промышленники, продавливают на льду проруби во множество рядов, по

Рис. 3.47. Мялка льна и конопли в Енисейском уезде, 1910 г.

Рис. 3.48. Вязание сетей, Енисейский уезд (фото нач. 20-го века)

направлению широты речных устьев, и ставят в них сети для ловли осетров, которые в то время стремятся для перехода в реки. Таких подледных сетей ставится рыбопромышленниками тысячи полторы». Очевидно, что морской дрейфтерный сетной лов в середине 19 века на Байкале еще отсутствовал, упоминаний о нем в литературе нет. Зато ловили сетью в реке, опуская ее в воду и плавая с ней. Назывались такие речные сети «селенговыми» или «поплавнями» и представляли особый вид плавных сетей длиной до 40 маховых сажень или «махов». Сеть растягивалась в воде между двумя лодками, которые спускались с ней по течению реки. Иногда в качестве второй лодки использовалась деревянная крестовина, тянувшая один конец сети и называвшаяся в разных местах гагарой, сучкой или просто крестом. Во время лова рыбы поплавнями законом запрещалось в том же месте тянуть невод, чтобы совместным действием полностью не преградить проход рыбы вверх по течению.

Сети различались по роду ловимой рыбы на омулевые (омулевки), сиговые, осетровые, хай-ризовки и язевики (для лова язя, щуки, карася и налима). Омулевка имела 16–25–36 ячеей в квадратной четверти аршина (30–36–45 мм), сиговка 9 ячеей (60 мм), осетровые сети вязались трехстенными — средняя стена с ячейей 90 мм (частик) и «реж» с ячейей до 360 мм.

Выдвижение сетного омулевого лова в Байкал было постепенным и вызвалось экономическими причинами: беднейшие слои населения, будучи не в силах противостоять крупным промышленникам, державшим множество неводов в реке, стали использовать более доступный для них способ добывания рыбы. Они сетями встречали косяки омулей на лопатках перед входом в устье Селенги и даже выходили в открытый Байкал на никем еще неосвоенные участки. Процесс этот начался ориентировочно в первой четверти 19 века. Считается, что усилился он в 1844 г., когда устья Селенги были переданы оброчной статьёй Иркутскому Архиерейскому дому. Арендаторы этой статьи первыми встречали косяки омулей, и выше их тоней трудно было ожидать хороших уловов. Данное обстоятельство дало толчок развитию сетного промысла в море. Если арендаторы первыми с неводами встречали рыбу, раньше чем хозяева неводов в реке в Чертовкиной пристани, то сетовщики опережали всех, расставляя сети еще в море против устьев. В 1865 г. один из селенгинских рыбопромышленников из с. Кудара, Л.Н. Шустов попробовал выйти с плавной речной сетью подальше в море. Опыт оказался удачным и положил начало возникновению морского дрейфтерного лова, чрезвычайно мобильного и менее затратного по сравнению с неводным, составив тому значительную конкуренцию (Кузнецов, 1909). К тому же открытый Байкал находился в общем для всех пользовании, в отличие от береговой полосы, принадлежавшей разным владельцам. Правилами рыболовства тех лет хозяевам берега предписывалось предоставлять прибрежную полосу в 10 сажень для причаливания лодок сетовщиков и обсушки сетей. Постепенно распространяясь, сетной лов к концу 19 века завоевал весь Байкал и в 1898 г. добрался до северной его оконечности. История сохранила имена первых сетчиков Северного Байкала: Петухов Ф.И., Балдагуев И.А. и Леханов (Цивилев, 1993) (рис. 3.50–3.54).

Рис. 3.49. Международная рыбопромышленная выставка (Михайловский манеж, 1902 г.) Российский павильон. Образцы сетей (фото из коллекции Хумус (<https://humus.livejournal.com/>))

Рис. 3.50. Сушка и починка сетей (фото из альбома Иркутского рыбопромышленного треста, 1947 г.)

Рис. 3.51. Постановка сетей жителями с. Култук на южном Байкале (фото В. С. Житенева, 1927 г.)

Рис. 3.52. Разборка сетей на Байкале (дореволюционная открытка)

Морские сети были донными или верховыми. Верховые сети могли быть, в свою очередь, ставными или плавными, то есть собственно дрейферными. Ставные сети ставились на каменных якорях весом от 20 до 50 кг, на 2000 метров сетей таких якорей уходило от 7 до 11, что связано с наличием довольно сильных течений. Верховые сети ставились на деревянных буйках (колбах). Колбы привязываются к верхней подборе на поводках длиной 4–5 м на расстоянии друг от друга 20 м. На краю сети располагается «бакан» — доска или чурбак. По верхнему краю сети одеваются свернутые в трубочку кусочки бересты (цевки), которых на одну сажень идет 2–3 штуки. На нижнюю подбору одеваются колечки из металла (гольки) или свинца (гогли) также в количестве 2–3. Привязавшись к сетям, лодка с рыбаками дрейфует вместе с ними, отдавшись на волю течениям или ветру. Морские сети окрашивались в сине-зеленую окраску, которая по своему цвету соответствовала аквамариновому цвету байкальской воды. Нужный цвет достигался при использовании смеси сандала и медного купороса. Длина байкальских омулевых сетей могла достигать 2000 метров и состояла из секций-концов — аналогов неводных столбов и зависела от количества ловцов и размеров лодки. Длина одного конца

Рис. 3.53. Разборка сетей на Байкале на Малом Море, 1959 г. (фото Маторина)

составляла так же как и в настоящее время около 60 м.

Против устья р. Селенга в 80-х гг. прошлого столетия выставлялось сетей общей длиной около 60 верст (Кузнецов, 1909). Возникший в середине 19 века сетной лов в Байкале доставил много хлопот властям из-за жалоб хозяев неводов на то, что, якобы, сетовщики являются виновниками уменьшения не только уловов в неводах, но и вообще уменьшения рыбы, особенно омуля, в Байкале. Суть этих жалоб заключалась в следующем: «Опытом дознано, что омули, увязнув в ячейках сетей трепетанием своим разгоняют руна, и где прошла сеть, после нее долго не бывает ни одного омуля... Руна омулей разгоняются сетями, и омули дают ход раздробительный» (Сабуров, 1889). Сети, якобы, преграждают движение рыбы к рекам, заставляют рыбу метать икру в озере, а последняя там гибнет. Отсюда многочисленные просьбы властям со стороны владельцев неводов запретить лов рыбы сетями, по крайней мере, во время рунного хода, т. е. с первых чисел августа. Постоянная борьба из-за мест сетного и неводного лова на преимущество была той проблемой, которую тщетно пыталась разрешить в течение столетий местная администрация в издаваемых правилах рыболовства.

*Рис. 3.54. Сетной лов омуля. Наши дни
(фото автора)*

Глава 4

Из истории рыболовного флота и мореплавания

Иркутск. Байкальские рыбацкие суда на р. Ангара, 1929 г.

Плавание русских по Байкалу началось с самого открытия ими этого озера, т. е. с 1643 г. Собственно, само продвижение первопроходцев осуществлялось преимущественно водными путями по рекам с волоком судов по суше в местах водоразделов. Казаки-первопроходцы пришли на Байкал на небольших парусно-гребных судах — шитиках и кочах. Коч имел палубу, мачту и был морским судном русского севера. Строился исключительно из деревянных частей, даже якоря были деревянные, утяжеленные камнями. Шитик представлял собой беспалубное плоскодонное судно со съёмной мачтой, приспособленное к ходу на веслах.

С момента появления русских началось нерегулярное по потребности мореплавание по Байкалу. Суда зачастую строились для разовой перевозки грузов, партий казаков или дипломатических миссий в Китай. С укреплением и распространением Российского государства на восток, примерно с 1726 г., на Байкале заводятся постоянные казенные перевозочные суда с соответствующим экипажем, береговой командой и производственной базой (канатный и прядильный заводы, кузница, смоловарня, склады, эллинг и мастерские для строительства, снаряжения и ремонта кораблей). Казенные суда занимались перевозкой почты, курьеров, ссыльных, материалов для снабжения российских тихоокеанских портов, соли, вина и продовольствия для жителей Забайкальского края, а также преследованием местных пиратов, промышлявших грабежом населения и торговых людей. С 1764 г. около Иркутска стали строить морские парусные суда — боты или, как их называли здесь, галиоты по чертежам и планам, разработанным в Петербурге. Они были с острым килем и несли морской такелаж. За весь период существования казенного судоходства на Байкале на воду было спущено 15 таких судов. Они были большие и неудобные, могли ходить только по большому морю. Не случайно, поэтому, значительную конкуренцию казенному судоходству составляли частные

судовладельцы, которые на однопарусных плоскодонных дощаниках перевозили не только купеческую кладь, но и значительную часть казенных грузов до острогов на Верхней Ангаре, Баргузине и до Кяхты по Селенге. За неэффективностью и дороговизной содержания казенное судоходство на Байкале прекратило свое существование в 1829 г.

Частное судоходство на Байкале было вызвано развитием рыбных промыслов на реках Селенга, Баргузин, Верхняя Ангара, Баргузинском и Чивыркуйском заливах, на Малом Море, а также кяхтинской пограничной торговлей с Китаем. С начала 19 века рыбный промысел на Байкале стал носить экспедиционный характер. С открытием навигации рыбаки на судах разъезжались по промыслам с запасом соли и бочек, по окончании же возвращались домой, груженные соленым омулем и осетром. На изготовление лодок и судов требовалась древесина. Известно о существовании Высочайшего Указа от 3 декабря 1723 г., разрешавшего вырубку леса всем частным судохозяевам на изготовление кораблей и прочих судов (Сгибнев, 2004).

18 и 19 века отмечены борьбой иркутского купечества, стремившегося монополизировать судоходство и рыболовство на Байкале. В конце 18 века наиболее крупные судовые флотилии были у Сибиряковых, Дудоровских, Мыльниковых и еще ряда видных иркутских купцов. Все они имели значительные подряды на перевозку казенных грузов и вина, держали в своих руках всю транспортировку купеческих кладей через Байкал. Купцам удалось добиться частичного запрещения рыбопромышленникам заниматься перевозкой кладей. К 1800-м гг. их монополии приходит конец. К этому времени суда на Байкале заводят казаки, крестьяне, мещане и инородцы (буряты). Губернские власти негативно отнеслись к монополистическим устремлениям купечества, постановив, что не могут запретить заводить суда всем желающим, занимающимся рыбной ловлей (Шахеров, 2002).

Первыми строителями судов, вероятно, были сосланные в Сибирь архангелогородцы и приволжские жители. От них впоследствии выучились этому делу крестьяне ближайших к Байкалу деревень. Флот или водоходная посуда по терминологии прошлого, состоял из судов, предназначенных для плавания по большому озеру, и плавсредств, при помощи которых велся собственно лов рыбы.

Большие суда для Байкала строили и содержали рыбопромышленники (корабельщики) для завоза рабочих, орудий лова, продовольствия и всего необходимого на промыслы с последующим вывозом людей и готовой продукции по окончании путины. Это были:

1. Мореходка или байкальское судно (рис. 4.1–4.3).

2. Дощаник или паузок (рис. 4.4–4.6).

В местах лова использовались лодки для промысла:

1. Неводник (баркас). Широкая неходкая лодка для укладки и замата морского невода длиной 10 аршин (рис. 4.7–4.8).

2. Сетовая лодка. Для лова рыбы сетями, длиной 12 аршин (рис. 4.9–4.11).

3. Подъездок. На нем плавают около невода — длиной 4–5 аршин.

4. Осенничек. Та же сетовая лодка, но работающая только осенью, делается легкой, чтобы нетрудно было вытащить на берег во время бури, длиной 5–6 аршин.

5. Палубница или речной неводник. Для заметывания речного невода и перевозки тяжестей, балагана, хлеба, дров, рыбы. Длина 9 аршин.

6. Межеумок. Среднее между сетовой и осенничком.

7. Стружок. Маленькая плоскодонная лодочка, управляемая одним двухлопастным веслом или шестом.

На рис. 4.1–4.3 изображены двухмачтовые байкальские рыболовные суда второй половины 19 века. Снимок на рис. 4.2 сделан на р. Верхняя Ангара у рыбодола одного из иркутских рыбопромышленников. На рис. 4.4 изображено, так называемое, старое байкальское судно (паузок), построенное до 1840 г., сфотографированное в 1895 г. на берегу в с. Никольское. В борту видно отверстие — льяло, через которое производилась погрузка бочек с омулем и прочих грузов. Длина судна составляла 12 сажений, высота 5 аршин.

Мореходки имели длину от 8 до 12 сажений и от 2 до 3,25 сажени шириной и брали на борт до 12 тыс. пудов груза. Паузки были длиной 6–8 сажений, шириной от 5 до 6 аршин при грузоподъемности до 3 тыс. пудов. Как те, так и другие делались плоскодонными, с палубой (Сгибнев, 1870). К концу 19 века стали изготавливать килевые двухмачтовые суда, которые были длиннее

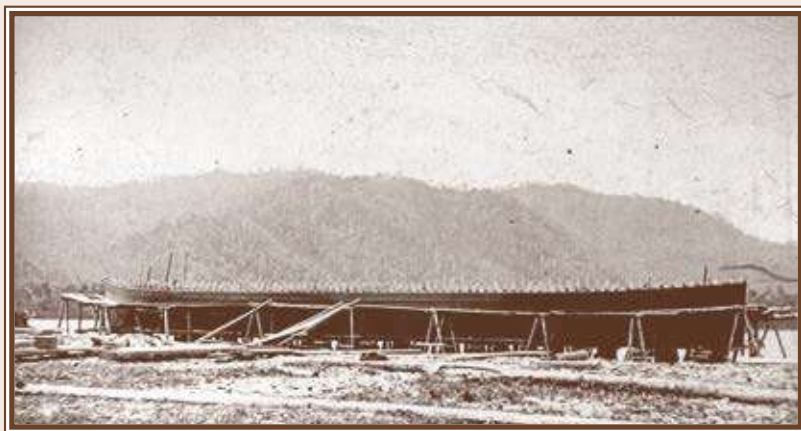

Рис. 4.1. Постройка байкальского судна (по: Иллюстративное описание ..., 1896)

Рис. 4.2. Рыболовное двухмачтовое байкальское судно конца 19 века (по: Иллюстративное описание ..., 1896)

Рис. 4.3. Двухмачтовое рыбацкое судно на Байкале (открытка 1906 г.)

Рис. 4.4. Рыболовное судно старого типа (по: Иллюстративное описание ..., 1896)

Рис. 4.5. Погрузка переселенцев на паузок (фото А. Н. Чарушина, 1895 г.)

одномачтовых, — до 25 саженой. Грузоподъемность двухмачтового судна была до 15–16 тысяч пудов (Цивилев, 1993). Самой маленькой из морских судов была так называемая «братская лодка», названная так из-за того, что ходили на них одни только буряты (братские). Лодка была одномачтовой, длиной 7 саженой, шириной до 2 саженой и брала на борт до 60 бочек с омулем. Палубы не было, в носу и корме имелись маленькие комнатки, для откачки воды в корме же устанавливалась помпа. Парусное оснащение состояло из одного паруса и кливера (Кирилов, 1886).

Ходили по Байкалу и на беспалубных мореходках — больших гребных лодках длиной до 17–18 метров и шириной 2–3 метра, а также похожих на них сетевых лодках, меньших по размерам (длина 10–15 м, ширина 1,5–2 м), основным двигателем на которых были весла в количестве 6–8 пар. Строились они из кедрового и соснового леса. Нос и корма у этих лодок были одинаково приподняты, киля они не имели. Лодки были тяжелыми и неуклюжими и имели возможность поставить прямой парус для использования попутного ветра. Бывало, рыбаки отсиживались на берегу более недели в ожидании попутного ветра.

Лодки поменьше разделялись на 2–3–4-набойные (доски набирались на край борта одна на другую), имели узкое дно, острое сечение верхних бортов, отчего были неустойчивыми и шаткими на воде. Длина малых лодок составляла 7–9 м, их грузоподъемность приближалась к 30–35 ц. Для 4-набойной лодки требовались 4 пары гребцов.

Установилась общая незатейливая форма судов для плавания по Байкалу, которая сохранялась долгое время. Устройство байкальского судна приводится нами из работы военно-морского историка 19 века А.С. Спигнева:

«Постройка его производится следующим образом. Сколачивают днище судна из сосновых или еловых досок вершков в 7 или 8 толщиной; потом вокруг него располагают еловые или сосновые шпангоуты (кокоры) толщиной от 8 до 9 вершков, в расстоянии один от другого на $\frac{1}{2}$ аршина; к этим кокорам приделывают надлежащей вышины стойки. Стойки связываются с противоположными с ними на другой стороне судна стойками толстыми поперечными брусьями, называемыми дугами (бимсы). На эти дуги настиляется палуба. По длине судна от носа до мачты сверх палубы кладется широкий брус (лисица). Нос и корма ограничиваются такими же толстыми брусьями (курица). К концам стоек приделываются фальшборты (покольни) вышиною в аршин или несколько более. К обоим фальшбортам напротив мачты пришивается по толстой и широкой доске, на которую кладется спущенная рея. Доски эти называются бычки. На самом носу делается возвышение, палаши, вышиною от палубы около аршина. Место это предназначается для лоцмана (вожа), а сзади кормы прикрепляется небольшая дощечка (сокольня), чтобы в случае надобности на ней можно было стать одному человеку.

В носу судна устраивается большая каюта (шакша) для холостых членов команды, а в корме другая, немного поменьше, для хозяина. В этой последней шакше ставится голландская печь и для освещения врезается в палубу один или два иллюминатора из зеленого бутылочного стекла.

Середина судна предназначается для грузов. Погрузка и выгрузка этих судов производится в особо устроенную для этой цели с боку судна широкую дверь (лялю), наглухо закупоривающуюся при выходе судна в море. Бочки закатывали в трюм судна, где они располагались в несколько рядов: накатав ряд бочек, клали на них доски и накатывали сверху второй ряд, и так дальше — до 4 рядов. На бочки с рыбой стелились доски, на которых размещались постели семейных рабочих и женщин. Парадным трапом служит лесенка-стремянка. Мачта ставится немного ближе к корме, чем к носу. Наверху мачты, у флюгера, помещается какой-нибудь образ, преимущественно Николая Чудотворца. В корме, позади мачты, делается очаг для варки пищи и печь для печения хлеба. За очагом поперек судна приделывают две широкие доски, образующие мостик (потопня), который устраивается для кормщика, управляющего рулем. Длинный румпель (клюка) доходит до самой потопни, так что рулевой ногою может удерживать руль в известном положении.

Руль устраивается таким образом: к кривому деревянному румпелю, загибающемуся среди кормы вниз (огниву), приделывается полукруглый цилиндр, сердечник, и уже к нему прикрепляется широкая доска или перо.

Вместо якорей употребляются кошки, составные части которых следующие: шейка, ветрено, кольцо и лапки. Привязанный к кошке поплавок называется куписта. Кошки привязываются к шейкам — канатам местного производства.

Рис. 4.6. Погрузка омулевых бочек на паузок (дореволюционная открытка)

Рис. 4.7. Неводная артель селенгинцев перед выходом на гребях из Малого моря домой (по: Кузнецов, 1909)

Рис. 4.8. Переход на гребях неводной артели (дореволюционная открытка)

Рис. 4.9. Сетовые лодки в дельте Селенги (фото из семейного архива А. П. Сидорычева, 1925 г.)

Рис. 4. 10. Сетелодка перед выходом в море (фото из архива БайкалНИРО, 1970-е гг.)

Рис. 4. 11. Буксировка сетевых бригад дрифтером на Малом Море (фото из альбома Иркутского рыбопромышленного треста, 1947 г.)

Парусность этих судов состоит из большого прямого паруса во всю высоту мачты и гораздо шире судна и двух треугольных парусов (кливеров), из коих один поднимается на носу, а другой в корме. Крепление частей этих судов производится деревянными нагелями и железными скобами, для конопачения используется пенька. Окончательно построенные суда смолят; служат такие суда с починкою 7–10 лет. Потом судно освящают и спускают на воду, при этом служит молебн тому святому, образ которого помещается наверху мачты.

Число команды на больших судах бывает от 15 до 20 человек, а на малых — от 6 до 10 человек. Судно вверяется лоцману (вожу), который получает жалованья от 400 до 500 руб. в лето. Кормщик получает 250 руб., четыре его помощника по 200 руб., а остальная команда наравне с рабочими по 130 рублей. Стоимость большого судна без оснастки в настоящее время (1870 г.) обходится: большого — до 4000, а маленького — до 2500 руб. Байкальские суда строились по р. Ангара в селениях Никольском, Жилкином, Щукином и Быковом, Гласкиной и у Лиственничной пристани» (Сгибнев, 2004, с. 328–329).

Быстроходность парусных судов зависела от попутных ветров. Был случай, когда двухмачтовое судно рыбопромышленника Г.И. Могилева пришло парусом из Лиственничного до Нижнеангарска на четвертые сутки при попутном напоре ветра.

Больше всего судов было у иркутских рыбопромышленников. В 1881 году их было 15, принадлежавших купцам Могилеву, Оглоблину,

Улишеву, Шипунову, Белозерову, Сверлову, Курбатову. Все они были морской конструкции. Зимовали и снаряжались весной на пристанях в г. Иркутск, Глазковском предместье города и в с. Никольское (недалеко от выхода р. Ангара из Байкала). Суда начинали сниматься и выходить в море в конце апреля и первых числах мая, возвращались к концу октября.

С 1897–1898 гг. у некоторых крупных рыбопромышленников были уже паровые катера, которые рейсировали по Байкалу из Нижнеангарска до Лиственничного и обратно, развозили грузы и рыбу. Катера были одинаковых размеров и грузоподъемности, с двухмачтовыми судами имели разную быстроходность. Так, катер рыбопромышленника П.Ф. Сверлова «Михаил» ходил не более 10–12 верст в час, катер «Забияка» до 15 верст в час, катер А.А. Улишева «Феодосий» — от 8 до 10 верст в час (рис. 4.12) катер Ф.П. Шипунова — до 12 верст в час (Цивилев, 1993).

Сетовая лодка обычно делалась из кедрового дерева, длиной от носа до кормы 18 аршин, дно (матка) — 12 аршин в 4 «набоя» досок с 6 или 8 парами «укрючин». Парус шился чаще в 6 квадратных аршин; в верхней части он натягивался на круглую палку — «райму». Для спуска и поднятия паруса к мачте служит «подъемна» веревка сажени 4 длиной. К бортам парус привязывается «скутами» (веревки по 1/2 арш. длиной), а к мачте «подзором» (веревка в 1 саж. длиной). Лодки выходили к Байкалу под парусом, возвращались против течения гребями. Гребцов было 7 или 8 человек, в связи с чем говорилось: «Ходим в трое с половиной гребей» (7 человек) или: «Ходили в четыре гребя» (8 человек). Гребцы располагались вдоль бортов, каждый отвечал за свое весло.

Весло требовалось легкое и прочное, так как во время гребли оно выгибалось у лопасти. Длина весел разная: носовые короче, бортовые длиннее, до 2,5 метров (Бородкина, 1926).

Судоходство на Байкале продолжалось с момента вскрытия озера ото льда, т. е. с половины мая до половины ноября. Лучшее время для плавания считалось с 10 июня по 10 августа, после чего на Байкале почти постоянно дуют свежие ветры. Парусный флот ходил только при попутном ветре (обетонном) или наискосок (бitezный ветер), остальные ветры считаются противными, и суда не выходили при них в море. Если во время плавания ветер менялся на боковой или противный, то суда старались попасть в какой-нибудь залив, где отстаивались в ожидании перемены ветра. Застигнутые же неблагоприятным ветром в море, ложились в дрейф, отдавались на волю ветра и волн, и тогда моряков могло отнести куда угодно. Случалось, что таким образом носило несчастных мореплавателей по Байкалу переменными ветрами недели по две и более. Порывистые внезапные ветры, шквалы из ущелий гор не всегда позволяют судам употреблять верхние паруса, не подвергаясь опрокидыванию, а приближение к утесистым берегам угрожало гибелью. При попутном ветре суда переходили Байкал от истока Ангары до Посольского берега в 12–15 часов, а до устья р. Селенга — в 15–20 часов. Плавают байкальцы по сей день без всяких карт, даже компас употребляется только во время туманов и то только на некоторых судах. Кормщики и лоцманы — местные уроженцы прекрасно знают все мыски, каждую горку и потому для них компас — вещь вовсе ненужная.

На Байкале вследствие разницы прогревания воды и суши и сложного расположения обрамляющих озеро хребтов с глубокими долинами существует большое количество местных ветров, отличающихся от общего характера циркуляции атмосферы в регионе (рис. 4.13).

Приведем отрывок из книги Д.И. Стахеева «За Байкалом и на Амуре» с описанием ветров на Байкале, записанным им со слов местного жителя в с. Посольское:

«— Какие же у вас здесь больше ветра дуют? Вот вы давеча упомянули какой-то ветер, горой его назвали.

— Да, это точно. Есть у нас здесь гора-ветер. Этот ветер самый что ни на есть опасный (NW); набегает он всегда почти вдруг, неожиданно-негаданно. Наши корабельщики и знают его только по одной маленькой тучке, которая незадолго до этой горы в небе показывается. Тучка-то эта такая маленькая, с пятнышко, а уж опытный корабельщик ее увидит. Дует гора сильно и дует все из падей, которые между горами находятся. Такой же, только немного поскромнее, есть ветер сиверко (N), дует он сильно осенью и холодный такой, так лицо-то ровно бы ножами режет. Другой раз навстречу этому сиверке полетит другой ветер и пойдут на море спорить, забуряют, поднимут воду и толкунцы разведут.

— Что это значит — толкунцы?

— А толкунцы — значит валы с разных сторон на море набегают один на один и начинают бороться, от этого по волнам беляки поднимаются; ну наш брат помор и видит, что Святое море забурило, рассердилось.

Рис. 4.12. Пароход рыбопромышленника А.А. Улишева «Феодосий»

Рис. 4.13. Основные ветры на Байкале (фрагмент карты 1806 г.)

—Какие же еще есть ветра?

—Есть ветер култук (SW). Этот ветер самый что ни на есть лучший и благоприятный для плавания нашим кораблям, когда они бегут из Лиственничной в Селенгу. Для этого пути он самый способный. Потом есть два ветра: баргузин (O) и верховик (шабарык) (NO); эти способные ветра из Селенги к Лиственничному идти. Неспособный и бойкий ветер шелон (SSO); сердитый этот ветер и нашим кораблям плохо, когда они в ту пору около Лиственничной стоят: рвет он их с якорей и качает без милосердия. Есть ветер полдень (W), он самый тихий, его как будто у нас и нет, — редко-редко когда подует. Ну, еще есть ветер с земли, снизу будто дует, со дна моря: зовут его наши корабельщики — холод (SO). Вот и все я вам ветра наши рассказал, больше у нас никаких ветров и нет. Ветра-то, они летом-то и ничего бы. А теперь вот пора такая начинается, что в них никакого и порядку не будет, начнут дуть то один, то другой, до половины-то зимы так принаскучат, что хоть бежать отсюда так в пору» (Стахеев, 1869, с. 44–45).

Кроме упомянутых, следует отметить еще несколько местных ветров, без которых их перечень будет неполный. Это, во-первых, ветер «сарма» — разновидность горного ветра — дует с гор и из ущелья р. Сарма в Малом Море Байкала и достигает ураганной силы 60 м/с. О некоторых его последствиях мы подробнее расскажем в конце этой главы. Сарма может непрерывно дуть несколько суток, при этом ветер бывает настолько силен, что вырывает с корнем деревья, переворачивает суда, срывает крыши с домов и сбрасывает домашний скот с берега в море. Ветер «хиуз» — холодный ветер, дующий по падам в направлении моря обычно в ясную погоду в холодное время года. Два хиуса, дующие по соседним падам при схождении в море дают опасные водовороты (Станиловский, 1912). Замечено, что в озере действуют иногда противоположные ветра. Так, например, если в Большом море дует баргузин, а в Малом Море дует култук, то в том месте, где ветры сходятся, образуются летом так называемые толкачи (толкунцы), конические всплески встретившихся волн. Самое опасное время для плавания бывает с ноября по декабрь, когда огромные ледяные пирамиды на берегах (сокуи) и отвесные скалы делают берег Байкала неприступным и несущим гибель во время сильных ветров для потерявших управление обледеневших судов.

Ежегодно на Байкале гибло и пропадало без вести большое количество досчаников, принадлежавших частным судовладельцам, а также казенных судов. Еще в середине 18 века Ф.И. Соймонов, российский навигатор и гидрограф, писал, что главной причиной их гибели стало отсутствие на озере маяков. И поэтому предлагал, первым делом, установить маяк около того места, где обыкновенно останавливаются на якорю суда, у Посольского монастыря в заливе Прорва. Маяк следовало построить из бревен, в виде конуса, вышиною в 3–4 сажени, с мостком наверху, на котором на земляной насыпи жечь дрова. 29 сентября 1760 г. Сибирский приказ предписал построить маяк, который был установлен уже на следующий год. На постройку его употреблено 70 лесин и уплачено рабочим 8 руб. 52 коп., заготовлено на первый раз дров 6 сажень (Колотило, 2004). В 1774 году этот маяк обрушился и вместо него на Посольском берегу был построен новый, высотой в 47 футов, видимый в ясную погоду за 14 верст. Освещение его делалось уже с помощью фонаря, в котором жгли сало. В 1798 году слюду вышибло ветром из фонаря и он сгорел. Впоследствии маяк переделывался и возобновлялся несколько раз вплоть до 1836 года, когда казенное судоходство было уже упразднено вместе с финансированием всей инфраструктуры. После этого Байкал на долгие годы остался без ночных путеводных огней для моряков и рыбаков.

В 1895 году была создана Гидрографическая экспедиция Байкальского озера под руководством подполковника Корпуса флотских штурманов Федора Кирилловича Дриженко. В состав экспедиции входили офицеры (начальник экспедиции, его помощники, врач), нижние чины и около 60 вольнонаемных рабочих (рис. 4.14). Гидрографическая экспедиция Байкальского озера до сих пор остается самой крупной и длительной на Байкале. Военные гидрографы создали ту базу, на которой основаны все научные исследования и судоходство Байкала. Экспедицией были составлены морские навигационные карты и атлас озера Байкал, лоция озера Байкал с описанием физико-географических условий плавания. Первые опыты ночного плавания по Байкалу убедили Ф.К. Дриженко в необходимости постройки хотя бы небольшого числа маяков простейшей конструкции. 29 июня 1899 года на мысе Голоустном был зажжен первый байкальский маячный огонь. Всего экспедицией было установлено 10 маяков: Душканский на устье р. Кичера, Дагарский на устье р. Верхняя Ангара, на мысе Котельниковском, на Большом Ушканьем острове, Горячинский (на мысе Тонком),

*Рис. 4. 14. Экспедиция Ф.К. Дриженко на Байкале
(фото из фондов Иркутского областного краеведческого музея)*

Туркинский (на горе у устья р. Турка), на мысе Кобылья голова в Малом Море (рис. 4.15), в устье р. Селенга в п. Харауз, на мысе Большая Колокольня, в 2 верстах от с. Голоустное. При каждом маяке имелся дом, где жил смотритель и вел свое маленькое хозяйство. Смотрители также являлись наблюдателями метеорологических станций, находящихся при маяках.

Но, наконец, неминуемо наступала осень, заканчивалась рыбная путина и сезон промывки золота в горах. Промышленники и армия рыбаков под названием «ангарщина» возвращалась с рыбных промыслов, а старатели — с северобайкальских золотых приисков в Иркутск. Уезжали, чтобы весной, когда закончатся деньги, снова вернуться в уже привычную кабалу, ведь немалое число наемных работников другой жизни просто не знают. Многие едут на пароходе иркутского рыбопромышленника А.А. Улишева «Феодосий». Из рассказа пассажира «Феодосия» (28.09.1905): «Отчаянное пьянство и кутеж. Весь пароход битком набит. Третий класс и палуба заняты сплошной массой стоящих, сидящих и лежащих людей. Всюду мелькают бутылки monopoly (водки)» (Станиловский, 1912, с. 64).

Гораздо меньше повезло одному из таких рейсов, возвращавшихся с Северного Байкала осенью 1901 г. Тогда по окончании путины с ангарских рыбных промыслов в поселок Усть-Баргузин пришли буксируемые колесным пароходом «Яков» три морских парусника иркутских рыбопромышленников. Это были судно «Потапов», принадлежавшее пароходству наследников А.Я. Немчинова, груженное 519 бочками соленой рыбы, на этом же судне возвращались с рыбных промыслов рабочие в числе 161 человека; судно А.Н. Могилёвой «Могилев» с ее рабочими и грузом соленой рыбы 250 бочонков; судно В.Н. Шипунова с его рабочими и рыбой до 240 бочонков, а также три бурятских лодки-мореходки.

10 октября 1901 г. «Яков» с машиной мощностью 100 л. с. вышел из Усть-Баргузина в направлении Иркутска, забрав с собой многочисленных желающих попасть на последний в этом году рейс. Проходя Малое Море, и не дотяв верст 15 до маяка «Кобылья голова», пароход с баржами попал в сильную бурю — сарму. Это было 14 октября в 4 часа дня. Машина парохода работала на полный передний ход, но пароход бросало и тянуло назад. На пароходе и судах

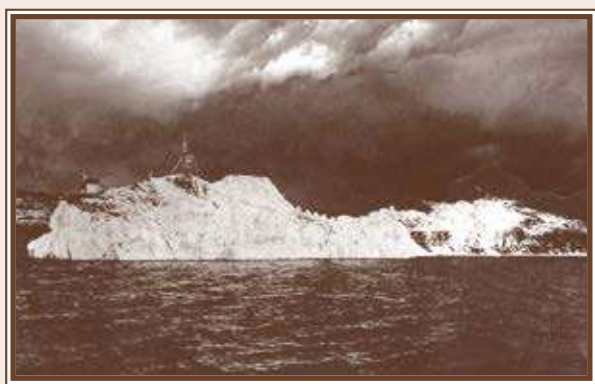

Рис. 4. 15. Маяк на мысе Кобылья голова после шторма «сарма» (фото Арапова, 1901 г.)

невозможно было стоять на ногах. Капитан дважды едва не был снесен с мостика. Видя угрожающую опасность всему каравану судов, капитан приказал отпустить с буксира крайнее судно Шипунова с тремя лодками. Следом вынуждены были отпустить и судно «Могилёв». Буря между тем усиливалась, машина «Яков» не справлялась, пришлось избавиться и от последнего судна «Потапов». Судам рыбопромышленников А.Н. Могилёвой и В.Н. Шипунова удалось спастись. «Могилев» выбросило на песчаную отмель у берега, а судно В.Н. Шипунова удалось удержаться на якоре буквально в 30 саженях от скал. Судно же «Потапов» разбилось о скалы. Погибли 176 человек рабочих, членов команды, а также безбилетные пассажиры, севшие в Усть-Баргузине, количество которых было неопределенным. На берег было выброшено 27 обледенелых трупов. Буря была двое суток и настолько сильная, что трупы примерзли к скале на высоте 10 саженей (Восточное обозрение, 1901). Две бурятские лодки были выброшены на берег, одна погибла, но люди, находившиеся на них, спаслись.

Слух о трагедии долетел до Иркутска и уже 18 октября в Малое Море пришел пароход «Феодосия», посланный на розыски парохода «Яков». На пароходе прибыли репортеры, журналисты, фотографы. Фотограф из газеты «Иркутское обозрение» Арапов запечатлел заваленный обломками и бочонками берег, обледенелые шхуны, утес в море, о который разбился и погиб «Потапов», тела людей, а также покрытый льдом маяк на мысе Кобылья голова с метеостанцией наверху. Трагедия 14 октября 1901 г., унесшая жизни около 200 человек, является одной из самых крупных катастроф на Байкале (рис. 4.16–4.19).

Это была не единственная катастрофа судов рыбопромышленников на Малом Море Байкала. Так, 23 октября 1872 г. три судна купцов Оглобина и Самарина, шедших с ангарских промыслов в Иркутск, пострадали от шторма «сармы», были затоплены и выброшены на берег. Местное

Рис. 4. 16. В пути на промыслы (фото из коллекции «Хумус», <https://humus.livejournal.com/>)

Рис. 4. 17. Выброшенное на берег судно «Могилев» (открытка, 1901 г.)

население в количестве 81 человека (буряты 1 и 2 Абызаевских родов) в течение нескольких дней разгружали с судов бочки с соленым омулем и откачивали воду (ГАРБ. ф. 12, оп.1, д. 856) (рис. 4.20).

С 1930 г. началось строительство самоходного флота на Мысовской судовой верфи, которая проработала три года. За это время только для Усть-Баргузинского рыбозавода были построены четыре самоходных теплохода: «Ударник», «Комсомолец», «Баргузинец», «За большевистскую путину». Для Северобайкальского рыбозавода построили теплоход «Победа». Был выполнен значительный объем работ по строительству промыслового несамоходного флота для Маломорского и Кабанского рыбозаводов. Затем судостроительное производство было передано на Большереченскую судовой верфь (на р. Ангара в Иркутской области). В 1929 г. в Улан-Удэ начал работу судостроительный завод, а в годы Великой отечественной войны в п. Ключевск была эвакуирована Керченская судовой верфь.

Промысловые моторные суда — сейнеры и кавасаки — появились на Байкале во время войны, но как самостоятельные промысловые суда практически не использовались, выполняя в основном транспортную функцию. Промысел продолжал базироваться на парусно-гребных судах старого типа. К концу 1940-х гг. на 32 единицы моторного флота на рыбных промыслах Байкала работало 1251 парусно-гребное судно (неводники, сетелодки, подъездки, прочий гребной флот).

В это же время была сделана попытка внедрить активное рыболовство — траловый и кошельковый лов на озере. В 1943 г. на Байкале была создана База активного лова, в состав которой входили переделанные в траулеры пассажирские пароходы «Коммунист» и «Комсомолец», а также сейнеры и кавасаки (рис. 4.21). Эксперимент оказался неудачным (табл. 4.1).

Траловый лов пелагических бычков дал еще худшие результаты: максимум около 40 кг на 1 час траления при команде 40 человек и расходе угля 1 тонна в час. Экспериментальный лов в Таланках

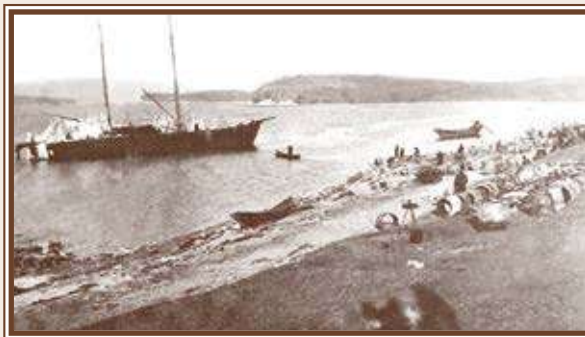

Рис. 4.18. Судно «Могилев» и выброшенные на берег остатки разбитого судна «Потанов»

Рис. 4.19. Тела погибших с судна «Потанов»

Рис. 4.20. Шторм «сарма» в Малом Море (фото В. Ф. Соколовой)

Таблица 4.1. Вылов омуля траулерами за навигацию (в ц) (по: Дексбах, 1947)

Показатели по годам	РТ «Коммунист»		РТ «Комсомолец»	
	1943 г.	1944 г.	1943 г.	1944 г.
Общий вылов за сезон	628	679	279	117
Вылов на 1 подъем трала средний	1,9	2,8	2,2	0,7
Вылов на 1 подъем трала максимальный	2,9	5,9	н/д	н/д

Рис. 4.21. Пароход-траулер «Комсомолец»

Начиная с 1950-хх гг. широкое распространение и применение на Байкале нашли мотолодки байкальского типа, на которых парус и весла были заменены двигателями 1-ЧСП и 2-ЧСП. На сетном промысле у всех бригад государственного лова и у большей части колхозных гребные лодки были заменены моторными. Остальные бригады сетного лова обслуживались катерами по принципу «колонного лова», когда буксир развозил по акватории сетелодки, а по окончании лова собирал обратно (рис. 4.11, 4.22). Флот Байкала пополнился новыми типами моторных судов: мотоботами, мотофелюгами и мотолодками типа «Дори». Моторные суда были прикреплены к бригадам закидных и ставных неводов. В путину 1956 г. на судне промразведки «Северянин» был установлен первый на Байкале рыбный эхолот НЭЛ-5Р, поиски косяков омуля, с помощью которого, дали положительные результаты.

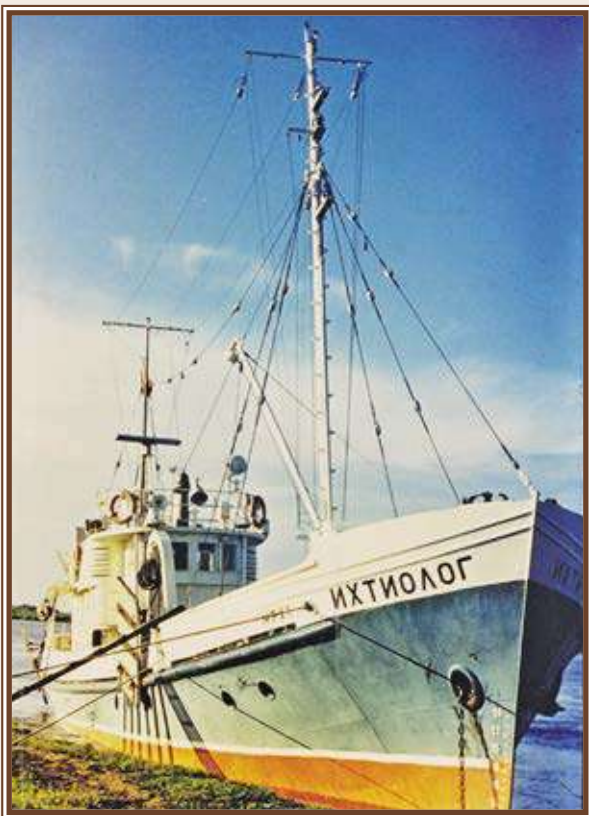

Рис. 4.23. НИС «Ихтиолог» (траулер на базе ПТС-150) (фото автора)

Рис. 4.22. Сбор колонны сетелодок для транспортировки в открытое море, 1950-е гг. дельта Селенги (фото из музея-библиотеки с. Сухая)

и в Курбулике кошельковым неводом также не принес положительных результатов из-за отсутствия плотных концентраций омуля и высокой прозрачности воды (Дексбах, 1947).

С начала 1970-х гг. во всех рыбопромысловых районах Байкала на всех рыбозаводах имелись крупные приемно-транспортные суда типа ПТС-150 («Ю. Гагарин», «Г. Титов», «Украина», «Слава», «Россия», «Богатырь», «М.И. Калинин», «К.Е. Ворошилов», «А.А. Жданов»). Собирали их на Улан-Удэнском судостроительном заводе. В 1974 г. было спущено на воду ПТС-150 — НИС «Ихтиолог» с бортовым тралением, впоследствии названное именем Д.С. Норенко, одного из директоров рыбохозяйственного института на Байкале, внесшего значительный вклад в его развитие (сегодня это Байкальское отделение ВНИРО) (рис. 4.23). На этом судне вплоть до 2009 г. проводились тралово-акустические съемки Байкала. В настоящее время рыбопромысловый флот на Байкале находится в упадке, вернее сказать, его нет. Некоторым судам повезло — они были переоборудованы в круизные туристические теплоходы.

Глава 5

Организация промысла

Ночной замет (фото С.С. Убонова)

Зависимость от погодных условий и высокие издержки при организации промысла послужили причиной создания коллективного характера байкальского рыболовства, которое с самого начала пошло по линии создания артельного лова. В «лучшие годы», замечает Ю.А. Гагемейстер (1854), на омулиный лов на Селенгу выезжали до 100 артелей. И.С. Сельский сообщает о том, что на рубеже 18–19 веков существовало несколько артелей, имевших на откуп известные рыболовные места. Главных артелей было пять: Коргинская, Култукская, смежная с Коргинской, Березовская по р. Селенга, Ольхонская и Сухинская. Самой богатой считалась Березовская артель, в руках которой находились лучшие места на Селенге (Сельский, 1853). Известно, что кроме названных артелей, рыбным делом в это время на Байкале занимались купцы второй гильдии Петр Артемов и Степан Дудоровский, а также купцы третьей гильдии Иванов и Дудоровский (Шахеров, 2004). На первом этапе становления байкальского рыболовства артели были в основном неводные, объединения рыбаков, промышлявших сетями, стали складываться только во второй половине 19 века. Исследовавшие рыбные промыслы ученые оставили многочисленные описания порядков, царивших на байкальских рыбных промыслах и принципах организации рыболовецких сообществ (Раддэ, 1857; Кирилов, 1886; Кузнецов, 1909; Станиловский, 1912; Бородкина, 1926; Гирченко, 1928; Цивилев, 1993).

Неводные артели. На всем протяжении развития рыбного промысла неводные артели по своему организационному строению делились на три группы: первая создавалась из местного ловецкого населения — русских и бурятских крестьян. На начальном этапе это были обычные бытовые артели, просуществовавшие до конца 18 — начала 19 века. «Крестьяне, селившиеся по р. Селенге ... издавна стали складываться в артели: они заводили сообща все орудия и принадлежности лова и добычу

делили поровну» (Гирченко, 1928). Вторая группа артелей также создавалась из местных жителей района, но по характеру эти артели промыслили на «паях», распределяя пойманную рыбу согласно трудовому участию и внесению в пользование артелью орудий лова и всего необходимого. И третья группа артелей — артели промышленников, состоявшие исключительно из наемной рабочей силы. В наем шли обычно самые бедные слои населения, не имевшие своих орудий лова.

К концу 19 века артельный неводной лов, любопытный по своей организации и описанный ниже, составлял ничтожную часть всех артелей (Кузнецов, 1909). Процесс расслоения внутри рыбацкого населения по степени зажиточности был постоянным, что было установлено исследователями быта населения. Различная степень зажиточности пайщиков создала прочную паутину, целую систему кулачества. Так, по данным, приводимым доктором Н.В. Кириловым, в низовых селениях по р. Баргузин в 80-х гг. 19 века в числе рыболовов пайщиков было 3 кулака и 70 служивших у них работников. «Впрочем, официально этого не заметить, — пишет Кирилов. — Все они — пайщики и имеют отдельное «собственное заведение». Бедняки нуждаются в соли, мотаузе для починки сетей и пр., богачи снабжают их «за процент». Таким образом, если бы невод заработал 100 руб. на пай, бедняку достается лишь 50–80 руб. Часто бывает, что бедняк еще непойманную рыбу вынужден запродать вперед богачу своего невода (Кирилов, 1886). Фактически, небогатые члены артели, закабалялись более состоятельными, мало чем отличались от наемных рабочих, нанимавшихся на работу к рыбопромышленникам. Кроме этого, местное ловецкое население, которому зачастую доставались малорыбные места, не выдерживало конкуренции и шло внаем к богатым односельчанам или иркутским рыбопромышленникам. Таким образом, постоянно шел процесс капитализации процесса рыбодобычи с преобладанием артелей, основанных на наемном труде с фиксированной заработной платой, а артельная система на паях постепенно трансформировалась в наемные артели рыбопромышленников.

Артели на паях — обыкновенные неводные сообщества в 35–40 человек, если артель работает на Байкале, и 20–25 человек, если артель речная. Примерно с 1886 г. началось внедрение конной тяги на байкальских неводах, что привело к некоторому сокращению рабочих в морских артелях. Каждый пай равнялся 1–2 столбам неводной дели, насаженной на тетиву с наплавами и грузилами и 50 метрами веревок (спусков), которые пайщик приносил с собой, плюс живая рабочая сила самого рыбака. Длина столба равнялась 12, 16, 20 м. Надо заметить, что перед отъездом на промысел каждый член артели сам смолил свою часть невода и спуска. Для осмолки снастей бралась одна часть смолы и три части воды, смола разбавлялась горячей водой и в эту теплую массу опускался столб, после чего снасть сушилась на вешалах или расстилалась на траве.

Из собранных столбов артель сшивала невод и неводила им. Причем, в этих артелях, кроме паев с внесенным неводным столбом, были также «сухие пай», без внесения своего столба, или конца сетей, если артель была сетовая. Сухой пай (без прямого участия) причитался владельцу промысловых угодий и башлыку. Башлык — глава артели. Ему во время промысла подчиняются все рыбаки, помощником, который заменяет башлыка, когда тот в отлучке, является «подбашлычье», кроме того, он — его правая рука во время промысла. Около башлыка всегда группируется кружок рыбаков, которые составляют почти не меняющееся ядро артели. Артельный порядок требовал исключительного отношения всех членов к башлыку, а именно: относиться к последнему с уважением, безоговорочно слушать и выполнять его указания, «к разделу рыбы отнюдь не вступать» и т. д. Башлык неводной артели, кроме столба, имел большую лодку, грузоподъемностью пудов на 500, — неводник (идет за «пай»), мотню для невода и два ворота, которые также идут за «пай». За пай могли считаться комплект спусков для невода, жилье, лошади, которые предоставлял самый зажиточный член артели, обыкновенно тот же башлык. Таким образом, у него набиралось сразу несколько паев. Кроме членов артели, непосредственно участвующих в промысле, нужно отметить стряпку и писаря, которые тоже получали суховые пай. Суховым паем пользовался также «посказатель», не имевший столба и не принимавший непосредственного участия в промысле, — он получал свою долю за то, что развлекал народ байками. Посказатель — «бывалый» человек, который много изведal на своем веку и знал всяких историй, — он по просьбе рыбаков рассказывал одну за другой «бывальщины». Окончив работу и напившись чаю, рыбаки, оставив свои разговоры, иногда до глубокой ночи сидели, позабыв усталость, и с интересом слушали сказки сказателя, уносящие их воображение в область

таинственного, чудесного, но имеющего много общего с их жизнью, их воззрениями на мир, на людей и природу (Бородкина, 1926).

Помимо суховых, существовали т. н. «вычетные» паи. Таким паем пользовался рыбак, дающий в артель столб и некоторую сумму денег. Сам пайщик, внося деньги, непосредственно в ловле рыбы не участвует. Сумма, полученная от него, идет на те или иные нужды артели — выплату оброка, покупку чая и прочее.

Артель сообща производит лов, иногда принимая на общий счет и затраты по посолу рыбы (стоимость соли и бочек). В конце сезона неводьбы происходил дележ заработка — деньги, вырученные от продажи пойманной рыбы между членами артели распределялись следующим образом: всю сумму делили на две части — одна шла на возмещение расходов по снаряжению, другая — членам артели на каждый пай (Гирченко, 1928). Если делилась пойманная рыба, то единицей измерения паев при дележке были так называемые «носилки». Одни носилки соответствовали 8 пудам омуля.

Выезжая на летний промысел на лошадях или в лодках, каждый член артели вез с собой значительный запас хлеба в деревянной кадучке с крышкой, запирающейся на замок. У каждого имелись подушка, потник или шуба, служащая ему постелью. Одевались рыбаки в ичиги, ватники, у многих были брезентовые дождевики — лобашаки. На головах у мужчин вместо фуражки нередко можно увидеть меховую шапку. Девушки в ситцевых платках имели обыкновенно два комплекта одежды: юбка, кофточка и фартук (все время сухие — их они одевали, когда вытягивали или замечали невод), для работы же на море одевают бродянки — старенькую холщевую или ситцевую юбку, короткую, в которой обычно бродят в воде во время рыбалки.

По окончании промысла артель распадалась. Рыбак мог свободно договариваться с тем или иным башлыком (главой артели), под руководством которого он хотел бы работать в следующий сезон. Таким образом, он заранее, как говорили крестьяне, «запасался башлыком» (Бородкина, 1926). Артельный лов «на паях» просуществовал вплоть до начала колхозного строительства в СССР в конце 1920-х гг.

Основная сила на байкальских промыслах с середины 19 века — наемные артели рыбопромышленников — корабельщиков, названных так потому, что те имели собственные большие суда для заезда со всем необходимым на промыслы и вывоза готовой продукции. Рыбопромышленники нанимали рабочих в Иркутске и его округе по волостям заблаговременно по контракту. Можно было подрядиться на работу на весь сезон, то есть вплоть до «ходовки» (лов ходового нерестового омуля осенью) или только на время летнего промысла. Были такие (из крестьян), кто приходил на промыслы только до Прокопьева дня, «связанные землей и покосами, они дольше не нанимаются» (Станиловский, 1912). В качестве примера приведем с некоторыми сокращениями один из таких контрактов, заключенных иркутскими бурятами с одним из крупных иркутских рыбопромышленников: «1893 г., октября 12 дня, мы, нижеподписавшиеся инородцы Верхленского округа, Еланцинского ведомства, Озерского улуса (6 фамилий) дали сей контракт иркутскому мещанину Прокопию Федоровичу Сверлову в нижеследующем:

1) Нанялись мы, выше поименованные инородцы к г. Сверлову для отправления разного рода работ по рыбопромышленности на море Байкале, по губам этого моря, и по впадающем в него рекам в навигацию 1894 г.

2) Явиться для работ мы должны к 9 мая будущего 1894 г. в Крестовую Марту (бухта Крестовая на в 20 км от с. Еланцы) на берег моря Байкала и дожидаться прихода судов его г. Сверлова.

3) Производить же рыбный промысел обязуемся в море морским неводом до 2 сентября по 3 тони в сутки, а в реках Верхней Ангаре и Кичере до 1 октября 1894 г., хотя бы случилась надобность и в ночное время, не ссылаясь на ненастную или холодную погоду. А если сего не исполним, то подвергнем себя законной ответственности. Засола рыбы во время службы обязуемся не производить, рыбой не торговать. В противном случае г. Сверлов имеет право оказавшуюся у нас рыбу и икру отобрать в свою пользу.

4) Во время службы у Сверлова вести себя честно, не пьянствовать, от работы ни под каким предлогом не отказываться. Полученное нами имущество беречь от повреждений и утраты, в противном случае обязаны оплатить. В случае нарушения нами условий г. Сверлов имеет полное право

рассчитать нас и удалить от себя в первом жилом месте, снабдив в дорогу одним пудом сухарей, за что мы не имеем права жаловаться перед начальством.

5) За исправное выполнение всех вышепоясненных работ г. Сверлов обязан уплатить нам каждому по 43 руб. Кроме названной платы хозяин должен давать пищу при следовании по морю и в месте работ за общим столом с другими рабочими.

6) Равным образом и я, Сверлов обязуюсь исполнять контракт во всей точности.

7) Если же г. Сверлов после 1 октября пожелает производить промысел, то по обоюдному нашему согласию и за особую плату мы можем к нему наняться на то время, которое он пожелает.

8) Контракт этот, составленный согласно гражданского закона 1857 г. обязуемся хранить свято и нерушимо, в том и подписуемся.» (Кулаков, 1898, с. 135–137).

Контракты заключались не только с богатыми иркутскими купцами. Так, в работе С. Г. Жамбаловой (2000) приводится контракт, заключенный в ноябре 1861 г. инородцами ольхонского ведомства с отставным казаком Прокопием Рысевым:

«1). Договорились мы поступить к Вам в работу 15 числа апреля будущего 1862 г. По явке к Вам находиться в работе при дворе или других местах и производить работу, какая Вами нам приказана будет. Потом идти на суда ваших на летний промысел в Баргузин, а оттоль в Иркутск, из города же Иркутска на осенний промысел в Ангарск и быть при промыслах ваших до 15 октября или по выходе из Ангарска... 2). Рядились мы получить от Вас, Рысева, платы за все время по 35 руб., и при заключении сего контракта получить вперед по 30 руб., которые уже и получены, а остальные получать по заслугам... 3). Пища во все время должна быть ваша, Рысева, а одежда и обувь должна быть собственная наша. До окончания срока отходить мы не имеем права». В назначенный срок один из трех нанятых работников не явился, в связи с чем, Рысев в 1864 г. просит взыскать с него 32 руб. или выслать к нему кого-либо для отработки долга.

Такой способ найма был самым выгодным для нанимателя, когда рабочие согласно контракту находились в абсолютно зависимом от него положении. В то же время отмечен другой способ привлечения, в частности, рабочих-бурят на промыслы, когда промышленники сами инородцев напрямую на работу не принимали. Это делали подрядчики, обычно буряты-богачи, которые нанимали рабочих за 55–65 руб. и сами привозили их на промыслы. За каждого работника подрядчиком платили по 70–80 руб. Эта разница в цене и составляла заработок подрядчика-посредника. Цена за рабочего бурята была даже несколько выше платы другим. Связано это было с тем, что такие явления как пьянство и кутеж для них были несвойственны, в отличие от, например, русских рабочих. Таких подрядчиков подворной переписью в конце 19 века зарегистрировано в Ольхонском ведомстве 20, каждый из которых нанимал в среднем 20 человек и зарабатывал при этом от 30 до 50 руб. за работника (Кулаков, 1898; Цивилев, 1993).

Нанятые работники обязаны были собраться в назначенное время в определенном пункте байкальского побережья для того, чтобы быть доставленными к местам промысла на пароходе общего пользования (за счет нанимателя) или на судне хозяина промысла, если таковое у него имелось. Как правило, крупные промышленники — корабельщики были иркутянами, и корабли снаряжались обыкновенно в с. Лиственничное, что около истока р. Ангара. Здесь под надзором самих хозяев или их управляющих в течение зимы, в межсезонье чинятся и изготавливаются новые невода и прочие принадлежности для летнего промысла.

Зарплата в наемной артели распределялась следующим образом (по А. М. Станиловскому, расценки 1905 г.): рыбодельный за лето (с 25 мая по 1 октября) получает 180 руб., рыбодельный годовой (летом работа на промысле, затем заведывание всей зимней работой хозяина) — 500 руб. в год, бочкарь в лето получает 100 руб., хлебопек — 80 руб. Башлыки летние (буряты, тунгусы) — за лето 150 руб. Башлыки годовые (зимой чинят невода) — 280 руб. в год. Рабочие — те, что только до Прокопьева дня — по 20 руб., рабочие за лето — до 40 руб., чищальки — 10–12 руб. Караульный — 50 руб. Деньги выдавались по мере надобности, как правило, не полным месячным жалованием, а маленькими выдачами. При заключении контракта выдавали по 3–4 рубля, башлыкам — 15–20 рублей, остальные выдавались, смотря по заработку и по мере необходимости. Оставшиеся в долгу у хозяев рабочие давали обязательства хозяевам отработать деньги на следующий год.

Кроме зарплаты, рыбакам полагался бесплатный «харч» — ржаной хлеб, кирпичный чай, соль и рыба. Каждый рабочий мог засаливать для себя рыбы по потребности, но за свой счет. Спецдежда покупалась рабочими также за свои деньги у хозяев или в частных лавках, за исключением одной пары рукавиц и одного фартука, положенных мотальщику невода. Хозяева отпускали рабочим в счет заработка сахар, сушки, табак, спички, бумагу, водку (каждый рыбопромышленник брал свидетельство от полиции на провоз водки и спирта). Так, зачастую, к концу сезона все заработанные деньги списывались со счета рабочего в хозяйской лавке. Нужда заставляла некоторых наняться хозяину на зиму или на будущую путину. Много ли, мало ли зарабатывали наемные рабочие на промыслах, можно судить по стоимости основных продуктов и товаров (табл. 5.1).

*Таблица 5. 1. Цены на главнейшие товары и продукты в Иркутске на рубеже 19–20 вв.
(по: Суханов, Торин, 1933)*

Наименование товаро-продукта	Мера	Цена
Мука-крупчатка 1 сорта	1 куль	20 руб. 00 коп.
Мука-крупчатка 2 сорта	1 куль	15 руб. 00 коп.
Мука-крупчатка 3 сорта	1 куль	7 руб. 00 коп.
Мука ржаная	1 пуд	1 руб. 00 коп.
Чай черный	1 кирпич	80 коп.
Чай байховый	1 фунт	1 руб. 00 коп.
Сахар головной	1 фунт	16 коп.
Махорка	1 фунт	30 коп.
Табак	1 фунт	от 1 до 2 руб.
Спички	1 пачка	8 коп.
Курительная бумага	1 пачка	3 коп.
Сушки	1 фунт	15 коп.
Масло скоромное	1 пуд	12 руб. 00 коп.
Мыло	1 фунт	20 коп.
Свечи стеариновые	1 фунт	35 коп.
Белье	1 пара	2 руб. 60 коп.
Шаровары	1 пара	1 руб. 80 коп.
Ситец	1 аршин	15 коп.
Сатин	1 аршин	20 коп.
Трико	1 аршин	25 коп.
Ичиги	1 пара	2 руб. 40 коп.
Головки	1 пара	1 руб. 30 коп.
Шапка	1 шт.	1 руб. 20 коп.
Бродни	1 пара	4 руб. 50 коп.
Сапоги простые	1 пара	6 руб. 00 коп.
Сапоги гамбургские	1 пара	8 руб. 00 коп.
Полушубок	1 шт.	8 руб. 00 коп.
Тулуп	1 шт.	18 руб. 00 коп.
Валенки	1 пара	7 руб. 00 коп.
Рукавицы	1 пара	30 коп.
Варежки	1 пара	15 коп.
Суровые нитки	1 фунт	80 коп.
Каточные нитки	1 дюжина	96 коп.

В числе подсобных заработков было принято давать членам бригады «пайку», которая зависела от улова и составляла 10–50 омулей. В реках рабочие вытягивали в день от 5 до 10 тоней, и из каждой тони рабочему обязательно полагалась пайка. Рабочий сам решал, что с ней делать — засаливать или продавать. При чистке рыбы работники также получали пайку рыбы от 15 до 20 штук в день, которую засаливали и тоже продавали. Брали и сверх того. Некоторые рабочие имели холщевый фартук, сшитый вроде куля, двойного с отверстием спереди. Название такого фартука было «бердана». При подборке мотни, когда в неводе есть рыба, рабочие при удобном случае хватали омулей и спускали в свои берданы. При всех строгих мерах башлыка, если в неводе попало рыбы бочек 10–15, то ловкий рабочий мог «наберданить» до 50 и даже более штук омулей. Хозяева смотрели на это зачастую сквозь пальцы. Около неводов, особенно при хорошем лове всегда вертелись юркие предприимчивые люди, скупающие ворованную рыбу. Пайку можно было сбыть скупщикам, за лето, таким образом, «приварок» доходил до 50–70 руб., то есть был сравним с официальной зарплатой. Буряты такую рыбу на рыбалке не продавали, наоборот, скупали рыбу у русских, делали тайные засолы и увозили домой на мореходках. Многие русские рабочие, если верить сообщениям, рыбу тут же продавали и почти все вырученные деньги проигрывали в карты или пропивали. Карты были широко распространены среди промысловых рабочих, несмотря на постоянную борьбу с этим злом. Хозяева понимали, что денежный картежный азарт рабочего удовлетворяется за их же счет, но им не нравилось, что украденная рыба пропивалась, и рабочие, будучи нетрезвыми, плохо работали. При этом предприниматели ничего не делали, чтобы улучшить жизнь и быт рабочих, чтобы на промысел потянулся более приличный люд. Отсюда вытекает только один вывод — существующее положение их в конечном итоге устраивало.

Н. Н. Сабуров ярко описывает эксплуатацию наемных рабочих рыбопромышленниками: «Жизнь рабочих действительно такова, что непривычный человек не вынес бы тяжелого положения «ангарщины». Обыкновенно пища их — сухой хлеб, да кирпичный чай, даже рыба дается не всегда. Но особенно поражает в положении рабочих на неводах неудовлетворительность жилища, собственно, отсутствие жилища, так как большая часть артелей, виденных мною, помещается в корьевых балаганах; эти балаганы вполне не защищают ни от ветра, ни от дождя, ни от холода, не имеют ни малейших приспособлений, ни для сидения, ни для лежания, и весь комфорт в них — расположенный на земле огонек, который своей теплотой должен защищать рабочих от всех невзгод переменчивой прибайкальской погоды. Рабочие не знают правильного сна, так как на тонях обыкновенно принято, кроме дневной ловли, выкидывать невод вечером поздно и утром рано, на что употребляется почти вся короткая летняя ночь... Что возможно взять вперед от хозяина в счет заработка, то уже взято, что придется получить при расчете осенью по окончании промысла, то не может подать повода к малейшей радости, так как эта получка сводится обыкновенно к трем — десяти рублям, а там холодная зима без работы и новый чисто каторжный труд на тех же неводах» (Сабуров, 1889, с. 16–17). Такие работники, попавшие в своего рода кабалу, бывшие постоянно в долгу у хозяина, исстари на Руси назывались «покрученниками», находясь в вечной «покруте» у рыбопромышленников. Такую же тяжелую картину бытовых условий на промысле — скудное питание, низкие заработки и нещадную эксплуатацию приводит в своей работе и врач Н. В. Кирилов.

Несколько иное описание порядков на промысле в начале 20 века находим у А. М. Станиловского: «Рабочие нанимались на промысел преимущественно на весь сезон, включая «ходовку» (лов осеннего нерестового омуля), даже не по особенно высокой цене. Недостаточность платы с лихвою восполняется возможностью «хорошо посолить». Хозяева, как правило, не скупаются, дают из каждого невода штук до 25 омулей. Кроме того, много рыбы крадется, и крадется довольно откровенно, без особой застенчивости — даже, пожалуй, с некоторым чувством законности: «Хозяева сами знают, что только из-за рыбы и идем к ним, не из-за платы же, в самом-то деле!». Плата по сравнению с другими заработками довольно невысока, и хозяева на кражу смотрят как-то сквозь пальцы (из разговоров с караульным рыбодола. Июнь 1905 г.)» (Станиловский, 1912, с. 63–64).

Еще в 60-х гг. 19 века байкальские рыбопромышленники были объединены в особое общество, которое разбирало различные дела и конфликты, возникавшие при производстве промыслов. Особенно частыми были конфликты на почве раздела добычи между членами артели. Например, буряты Ольхонского ведомства без зазрения совести обсчитывались своими компаньонами. Так,

в 1870 году один из членов общества рыбопромышленников Кудрин указывал на то, что главные промышленники в Верхне-Ангарском районе — Сверлов, Елезов, Шипунов, Самарин и др. «допускали недобросовестность, обиды и обирательства самых бедных работников — бурят и тунгусов». Были случаи, они отнимали очередные тони у бедняков и утаивали или крали у них рыбу, но об этих незаконных действиях никогда не сообщалось администрации (Гирченко, 1928).

Иркутские рыбопромышленники, бывшие на Байкале самыми многочисленными и богатыми, к концу 19 века практически подмяли под себя значительную часть байкальских рыбных промыслов. Изучавший историю байкальского рыболовства сотрудник Сибирской рыбстанции П.Ф. Попов отмечает, что в 1883 г. в Иркутске была зарегистрирована компания под названием «Товарищество рыбодобычи на Байкале» из тринадцати рыбопромышленников, которые заключили между собой соглашение, в котором договорились организовать общее дело и объединить все рыболовное имущество, находившееся в местах промысла. Уставной капитал Товарищества составлял 30 тыс. руб. и состоял из 50 паев. Крупные рыбопромышленники имели по несколько паев. Так, П.Ф. Сверлову принадлежало 10 паев, Могилову — 5, А. Улишеву — 6, несколько человек имели по одному паю. Деньгами компании управлял распорядитель, выбиравшийся из числа участников компании, и его помощники. Все они получали жалованье. Для ведения дел компании в Иркутске была открыта контора. Компания преследовала цель монополизировать рыбные промыслы и торговлю добываемой рыбой, повысить на нее цены, подорвать в торговле рыбой конкуренцию между рыбопромышленниками. Насколько широк был размах деятельности компании, можно видеть хотя бы из того, что только на устье р. Верхняя Ангара рыбачили 65 неводов, в том числе 50 неводов принадлежали компании и лишь 15 принадлежали тунгусам и бурятам. Оставшиеся вне компании рыбопромышленники должны были разориться или войти в нее на продиктованных ею условиях. Вытесняемые с промыслов небогатые хозяева, среди которых были мещане, казаки, цеховые и крестьяне, оказывались на грани разорения и неоднократно требовали воспрепятствовать деятельности монополистов (Попов, 1958).

Артели иркутян полностью доминировали на севере Байкала и на Баргузинских промыслах. На Малом Море всеми правдами и неправдами местным бурятам удалось вытеснить чужаков, а Селенгинские рыбные промыслы оставались за многочисленными кабанскими и верхнеудинскими купцами и артелями, состоявшими из жителей окрестных деревень. К тому же количество рыбы на этих промыслах неуклонно снижалось еще с первой половины 19 века. Товарищество арендовало почти все рыболовные угодья в Баргузинском, Чивыркуйском заливах, на реках Сосновка, Култушная, Верхняя Ангара и др. и почти не допускало на них мелких рыбопромышленников. Так, член Товарищества рыбопромышленник П.Ф. Сверлов, арендовавший Баргузинский залив, допускал туда не более трех «посторонних» неводов. Чивыркуйский залив арендовали члены Товарищества П. Могилов и Д. Курбатов; они допускали за оброк не более 5 бурятских неводов и то на самые плохие малоуловистые тони, часто неоправдывающие затраты. Даже рыбоугодья, расположенные около устья р. Сосновка (к северу от Чивыркуйского залива), принадлежавшие местным тунгусам, оказались в аренде у компаньонов Товарищества — братьев Могиловых, которые распоряжались ими как им заблагорассудится. К 1890 г. в Иркутске функционировало 12 рыбопромышленных фирм, имевших 12 крупных парусных судов с 66 неводами (Егоров, Клеменченко, 1971).

Рабочая сила в неводных артелях. Теперь перейдем к вопросу о рабочей силе, занятой на добывающем промысле. Во главе наемной артели стоял сам хозяин или назначенный им башлык, которому давалось право распоряжения в отношении остальных членов артели. Наемная рабочая сила на неводном промысле (так называемая «ангарщина») составлялась из городской и сельской бедноты, набиравшейся в Иркутске и из местного русского и туземного населения, а также ссыльных. Состав наемных артелей был весьма разнообразным, были артели, состоявшие из русских, бурят, тунгусов, а перед Первой мировой войной — даже корейцев. До корейцев русским рабочим предпочитали бурят, причиной чему являлось следующее: «... Так как они (буряты) не пьют, не крадут рыбы, работают более усердно и менее требовательны... и плата бурятам, поэтому бывает несколько выше». Для тяжелого неводного лова в наемных артелях рыбопромышленников применялся исключительно мужской труд, женщины занимались только переработкой рыбы.

Во второй половине 19 — в начале 20 века возрастной состав неводных артелей на паях был разнообразным. Так, например, неводная артель, промышлявшая на Селенге, состояла из стариков,

взрослых мужчин, подростков и детей. Почти треть из состава артели была женского пола, половина была старше 55 лет (считавшихся в те времена стариками), в то время, как наиболее здоровые члены крестьянских семей были заняты тяжелыми сельхозработами. На речном неводе можно было встретить и старух-поварих, и подростков обоих полов и детей от 4 лет. На речной неводной лов селяне смотрели как на занятие сравнительно пустое из-за сравнительной легкости работы, а самое главное — за неизвестностью результата. Вместе с тем, если заходило очень много омуля и результат был гарантирован, наблюдалось повальное нашествие на реку желающих посолить омуля, редко у какого крестьянина не было в амбаре какой-никакой сетушки или неводка (Кирилов, 1886).

При описании нами рабочей силы, занятой на промыслах, нельзя обойти стороной ставшее своего рода именем нарицательным сообщество людей из года в год отправляющихся на тяжелую рыбную путину в самые отдаленные уголки озера — ангарщину. Ангарщина — изначально название рабочих с нижнеангарских промыслов, не нашедших себе применения в других отраслях труда, которых в других местах именуют золоторотцами, проще говоря, байкальский люмпен-пролетариат. Отсутствие фабричной промышленности создает в Иркутске целую армию бобылей, ищущих какой бы то ни было работы. Значительную часть из них составляют побывавшие на каторге поселенцы — выходцы из Владимирской, Саратовской, Московской, Вятской, Киевской, Ковенской и других губерний. Это почти все холостые люди от 22 до 60 лет. Остальная масса — иркутские мещане, крестьяне Верхотенского и Иркутского округов, отпускные солдаты, опустившиеся дворяне и тому подобные. Для полноты картины приведем заметку, посвященную этой публике, опубликованную в иркутской газете «Восточное обозрение» в 1889 г.:

«В половине октября в Лиственничную пристань возвратились с ангарских промыслов суда рыбопромышленников, нагруженные омулями и привезшие живой груз — знаменитую «ангарщину», пользующуюся незавидной славой. Под этим именем иркутянам известен беспокойный рабочий люд, každогодно совершающий странствования на рыбные промысла, сгруппированные главным образом в северной части Байкала.

В публике утвердилось мнение, что на эти промысла идут лишь люди «отпетые», которым деваться некуда. Может быть, это и правда, но из этого же мнения можно сделать и другое заключение, что сами промысла представляют условия для жизни настолько неудовлетворительные, что лишь крайняя нужда может загнать на них человека. «Отпетых» насчитывают о трех тысяч человек; из них до двух третей — мужчины и одна треть — женщины. Вся эта масса люда возвращается оттуда, почти ничем не обеспеченная в материальном отношении. Это обычное явление, что по окончании промысла рабочему ничего не приходится на руки: он должен возвратить задаток; у хозяина он взял под заработок одежду по дорогой цене, вознаграждение же небольшое. За шестимесячный нездоровый и тяжелый труд самый лучший работник получает до 50 руб. Обычная плата и того меньше — 25, 30 и 40 рублей, женщины получают всего 10–25 рублей. Система задатков и контракты ставят их в постоянную зависимость от хозяев и не дают никакой возможности выбраться из этого заколдованного круга. Дурная слава, сопровождающая каждого побывавшего на ангарских промыслах, почти совершенно лишает его возможности в продолжении зимы найти подходящее занятие, которое обеспечивало бы теплый угол и сносную пищу. Поневоле ангарский рабочий, поэтому, не дожидается наступления следующего рыболовного сезона, когда он необходим и когда все же находит хоть готовый кров и какую ни на есть пищу.

Посмотрим теперь, может ли рабочий стать на лучшую «точку» и действительно ли уже испорченным нравственно он является на промысла или же наоборот промысла его деморализуют? Нам кажется наиболее вероятно последнее, потому что нравственность рабочего находится в прямой связи с окружающими его условиями. Постараемся в кратких словах познакомить с этими условиями.

Ранней весной, с марта, «ангарщина» собирается в Лиственничное и Николу — рыбопромышленные резиденции, где выстроены казармы для рабочих, амбары и где зимуют суда. По приходе приступают к подготовительным работам, ремонтируют суда, заготавливают новые лодки, смолят старые, чинят снасти (невода), рубят лес и проч. С этого времени рабочие находятся на хозяйском содержании, которое, нужно сказать, оставляет желать лучшего.

Не будем говорить о казармах; скажем, что обычную пищу рабочих составляет кирпичный чай, «головизна», заменяющая мясо (бычьи головы, скупаемые по дешёвой цене) и хлеб — грубый, испеченный вместе с отрубями. Кстати сказать, что эту же «головизну» солят и продовольствуют ей во время следования на промысла. Едва Байкал очистится ото льда, как рыбопромышленные суда, захватив рабочих, плывут к местам промысла. Там на берегу Байкала, среди суровой природы, ютятся жалкие шалаши-казармы, жилища рабочих. Лов наступил; во всякую погоду рабочему приходится бродить в воде, которая в Байкале всегда, а весной особенно, имеет низкую температуру. Ветхая одежонка рабочего промокает — холодно, а рыба не ждет. Пища ухудшается еще на несколько процентов, вместо «головиzny» кормят омулями, да и то не важными: лучшие нужны для продажи. Говорят, что для обратного пути солят особого малорослого омуля и этим кормят во время осени издрогшего и плохо одетого рабочего. Нечего говорить, что на промыслах отсутствует какая-либо сносная медицинская помощь. Когда-то был приглашен туда добросовестный фельдшер, требовавший улучшения пищи, как главнейшего средства против заболеваний, но, к сожалению, он был удален как не пришедшийся ко двору.

Таким образом, рабочие, лишенные всяких жизненных удобств, при тяжелом труде, без какой-нибудь надежды на лучшее будущее, нравственно опускаются и находят утешение лишь в водке. Совместная жизнь с женщинами не повышает их нравственности. Вся эта масса, не видевшая забот о себе со стороны хозяев, ничем не поощряемая за свой труд, лишенная надежды на какой-нибудь просвет в будущем, не поддерживаемая нравственно, является действительно не желаемым элементом среди сельского населения. А между тем, это зло поправимое; одной из первых задач на этом пути является материальное улучшение быта рабочих и гуманное отношение к ним. Не грешно бы было состоятельным рыбопромышленникам, как гг. Сверлов, Курбатов, Власов, Шипунов, Могилев, Оглоблин, Улишев и др. положить этому улучшению начало. Неужели будет лучше, если администрация, какими-либо понудительными мерами заставит их это сделать? Кому же как не «ангарщине» многие обязаны своими капиталами... Даурский» (Восточное обозрение, № 44 от 29 октября 1889 г.) (рис. 5.1).

Женского пола на промыслах было все-таки немало. Поркой и посолкой омуля занимались обыкновенно женщины, которых на Байкале звали чищалками, их нанимали на тех же условиях, что и рабочих, сроком с 1 мая по 1 октября. Численность нанимаемых чищалок зависела от количества неводов. Обычно расчет был таков: не меньше 4—5 чищалок на каждый невод. Женщины жили в специальных помещениях — темных бараках-общежитиях. Содержание было хозяйское — хлеб, чай, приварок из рыбы. Если не было свежей рыбы в рыбоделе, то выдавали соленую: два омуля на обед и два на ужин. При чистке рыбы женщины получали пайку рыбы, размер которой зависел от количества улова. При гуртовой рыбе чищалки засаливали пайки в лагуны и продавали или увозили. Препятствий от хозяев как на продажу, так и на вывоз не было. Провозной платы за вывоз паечной рыбы с рабочих не брали, он был бесплатным. Кроме пайки чищалки пользовались мелкой рыбой, которая не входила в засол. Эту рыбу варили в больших котлах. Затем мясо отделяли от костей и высушивали на солнце. Так получалась сушеная рыба под названием «порса». Хозяева выдавали чищалкам кули, в которые те ссыпали порсу и сдавали хозяевам по цене от 3 до 3 руб. 50 коп. за пуд. Внутренности (кроме икры) также доставались чищалкам, из них можно было вытопить жир и продать хозяину или скупщику. Доверимся впечатлению современника, наблюдавшего вблизи и живописавшего на страницах губернской газеты нравы на байкальских рыбных

Рис. 5.1. Картежная игра в неводном балагане в Нижнеангарске (по: Кузнецов, 1909)

промыслах: *«В числе рабочих на рыбные промыслы нанимаются девушки и женщины собственно для чистки рыбы. Плата за этот труд, кроме хозяйского содержания самая ничтожная. Часто эти деньги взяты вперед и издержаны задолго до того времени, когда должница (заборная) должна отправиться на промысел. Работницы, пластуя и чистя рыбу, получает в свою пользу рыбы внутренности, из которых вытапливает жир и продает его или своему хозяину, или на сторону. Но главное, что влечет этих работниц на рыбные промысла, это свободная, бесконтрольная жизнь, несвязанная никакими приличиями. Сюда приезжают прикащики, собираются рабочие по пословице: «с Камы, да с Волги» и ведут разгульную жизнь. Ночью в больших шалашах или балаганах устраиваются вечерки с музыкой. Неизвестно откуда появляется водка и начинается ночная оргия Заработок прокучивается (от слова «кутить»). От этого рабочие постоянно в долгу, в вечной «покруте» у рыбопромышленников. Рабочий менее совестливый не задумывается сдать такому же совестливому прикащику скраденную рыбу за бесценнок, чтобы иметь средства подарить пленившей его дородной Агафье какой-нибудь платок. На завтра он пленяется сухопарой Маланьей, которую тоже следует ублажить, и так далее без конца. Счастливая работница возвращается домой с тюком подарков от своих обожателей. Даже старухи, ведущие примерно благочестивую жизнь в своих селениях, во время рыбных промыслов сбиваются с панталыка И они не забываются богом любви и фигурируют на сцене сердечных делишек, и они пользуются жаркими лобзаниями какого-нибудь горемыки и распивают за компанию чепушечку жиловской бурдамаги. Вот этим только и можно объяснить, что, несмотря на мизерную плату, всегда находятся охотницы подвергать себя различным лишениям, непогодам, а подчас и расчесыванию волос посредством здоровой пятерни пьяного рабочего». В конце статьи, правда, автор, некто П — р — н, замечает: «Все это было целое десятилетие назад. Смею думать, что ныне все изменилось к лучшему, а если кого грех и попутает, то дело ведется под глубокой тайной» (Иркутские губернские ведомости, 1877, № 72).*

Обработка рыбы. Рыбопромышленники имеют на местах неводных тоней в разных пунктах побережья Байкала свои рыбоделы, которые являлись центром промысла того или другого хозяина, и куда привозили для засола пойманную рыбу. Напротив рыбодела на якоре обычно стояло хозяйское судно в ожидании загрузки рыбопродукцией, где хранились хлеб, соль, одежда для рабочих, отсюда же шло снабжение неводов на местах всем необходимым.

Главным и самым видным строением рыбодела был навес, или сарай с практически плоской крышей, стоящий всегда фасадом к берегу. Под навесом, посередине его, был расположен ряд ларей, в которые сваливалась добытая рыба. Борты у этих ларей делались из бревен или досок, всегда шириною вверху в 5–6 вершков, чтобы можно было сидеть и чистить рыбу. В задней части рыбодела ставились бочонки с рыбой и икрой, там же их и заколачивали.

При рыбоделе стояли и другие постройки: домик хозяина или его прикащика, амбар, хлебопечка, столярка, кузница, отдельные казармы для рабочих и чистилок, иногда помещение для неводной артели, работающей поблизости от рыбодела, наконец, баня, обыкновенно «черная». Баню топили рабочие всегда сами, отряжая с тоней по одному человеку. Тут же находилась поварня. Поварня или чайная представляла собой дощатый сарайчик с отверстием в крыше. Посреди земляного пола горел костер и над ним в трехведерном котле постоянно кипел кирпичный чай. Все, живущие в рыбоделе или приезжающие с тоней, шли сюда, когда хотели, садились на лавочку в углу, где меньше дыма, и пили чай.

Служащий персонал на каждом рыбоделе был следующим. Во главе стоит хозяин или управляющий, лично следящий за всем, что происходит на промысле. Засолкой рыбы, ее чисткой и укладкой в бочонки, заведует рыбодельный, который в фартуке все время толчется в рыбоделе. Материальный заведует амбаром, из которого выдает в установленном порядке или по отдельным распоряжениям хозяина хлеб, кирпичный чай, табак, веревки, соль, а также ичиги, рубашки, шаровары, вареги и т. п. рабочим в счет заработной платы. Хлебопек печет хлеб. Бочкарь где-нибудь около рыбодела занят ремонтом и налаживанием новых бочонков. Далее идут несколько человек «служащих». Это обычно молодые парни, иркутские, типа рыночного приказчика — своего рода адъютанты хозяина. Каждый день два раза они едут верхом на тони следить за тем, чтобы рабочие не крали рыбу, сами привозят ее на лодках или приезжают вперед с докладом к хозяину

о количестве пойманного. В остальное время они или помогают рыбодельному или исполняют какие-нибудь отдельные поручения хозяина. Кроме этих работников, живущих вместе с рыбодельным в особом помещении, следует отметить фельдшера и сторожа, который по ночам караулит сложенную в ларях рыбу. Есть еще около 5–6 человек особой команды баканщиков, которые ежедневно к ночи выезжают в море караулить сетовщиков, стремящихся выметать сети за баканы, в пределы арендного владения хозяев.

Число работников зависело от количества неводов у каждого хозяина. Например, у самого крупного рыбопромышленника Сверлова на 24 невода во время ходового лова при засолочном пункте в Дагарах было до 140 чищалок, 2 икорницы, 4 бочкаря, 2 рыбодельных надсмотрщика (старший и его помощник), 2 хлебопека, 1 караульный.

Рабочий день, как сказали бы сегодня, был ненормированным. При завальной рыбе трудились с рассвета до потемок с часовым перерывом на чай и обед. Кроме того, работали и при огнях до 10–11 часов вечера. Внутри рыбодела и на берегу ставили очаги, на которых для освещения и обогрева раскладывали костры. Костры горели и на тонях. Место скопления рыбоделов по ночам представляло собой феерическое зрелище, откуда доносилось пение чищалок, занятых монотонной работой. Среди песен, которые оживляли их работу, порой можно подслушать крайне интересные вещи, а говорок выдавал поющих, в данном случае, баргузинских девчат:

«Сине море взволновалось,
В море рыба разыгралась.
Увидали в море эту рыбочку ловцы,
Да баргузински разудалы молодцы.
Шелковый-от невод закидывали,
Да свежу рыбочку залавливали.
Да в легку лодочку высакивали,
Да на сухой берег выбрасывали.
Да у свежей рыбы выпрашивали:
Да каково тебе рыбе без воды.
Да красной девице без мила дружка,
Без милаго дружка, без Иванушка»
(песня чищалок из деревень Читкан и Уро
Баргузинского уезда (Станиславский, 1912))

За ночные работы чищалки и рабочие платы никакой не получали за исключением положенной рыбной пайки (рис. 5.2–5.4).

Теперь обратимся непосредственно к таинству посола омуля. Подвозимая с места лова рыба вынималась саками из лодок и складывалась в ивовые корзины, называемые носилками, для

Рис. 5.2. Рыбодел рыбопромышленника Елизова в Курбулике (по: Лоция..., 1908)

Рис. 5.3. Один из рыбоделов на Байкале (дореволюционное фото)

Рис. 5.4. Рабочие у рыбодела. Чистильщики и чистильщицы (из них часть ссыльные) (стереофотография из серии «Восточная Сибирь», 1912 г.)

промывки в воде и затем уже высыпалась прямо в описанное выше корыто посреди рыбодела. По размерам весь омуль делился следующим образом: крупный, крупный середняк, середняк и селедка (мелкий середняк).

Итак, в ларях горбом висится рыба. Жирные с темными фиолетового цвета спинками омули, среди них иловато-желтые хариусы, громадные с короткой нижней губой сига. Работа закипает. Чищальки сидят на бортах ларей и быстро управляют с рыбой. Работницы кладут рыбу возле себя на широкий край корыта и начинают ее потрошить. Операция эта производится так: рыба берется в левую руку, правой разрезается одним движением живот, начиная от грудного плавника; вторым приемом очищается от внутренностей, третьим рассекается голова и четвертым подрезается одна сторона ребер наискось к спинному хребту, так что обе половинки (подоги) держатся только на спинных

мясистых частях и на коже. При этом кожа на спине не должна рассекаться, чтобы рыба снаружи выглядела целой. Рыба бросается в кадку, откуда ее берет другая работница и кладет внутренней стороной в корыто с солью, причем, одною рукой придавливает голову, а другой быстрым движением трет о соль и тут же скидывает в другое корыто. По окончании соления, омули складываются в бочки рядами спинками вниз, причем обе половины рыбы складываются вместе; второй ряд кладется на первый на крест и так далее, пока не наполнится вся бочка, после чего закрывается наглухо крышкой. Через несколько дней, когда рыба просолится, в крышке делается отверстие, в которое вставляют трубку и с силой дуют в нее. Место, где показываются по щелям при этом пузыри, заколачивается сосновыми клиньями, после чего через это отверстие заливают под завязку свежий рассол, и бочка укупоривается уже окончательно. На засол летней рыбы уходило от 3 пудов 20 фунтов до 4 пудов соли на бочку при емкости бочки в 25 пудов. На засолку ходового омуля уходило от 2 пудов 20 фунтов до 3 пудов соли на бочку. Самые лучшие соленые омули получались при использовании томской соли, которая была несравненно чище соли местных солеваренных заводов, но зато обходилась промышленникам гораздо дороже. Из внутренностей вытапливался рыбий жир, который сливался в бочки. Икра, если она достаточно зрелая, также солилась. Засол омулевой икры происходил

следующим образом. Сначала ястыки протирали через грохотку. На раннюю икру клали сухой соли 3,5 фунта на пуд икры и 30 долей селитры. На позднюю икру уходило 2,5 фунта соли, доза селитры была такая же. Засолив, икру промешивали до тех пор, пока она не придет в густой вид и не станет отставать от веселки пластами — тогда икра считалась готовой. Ее ссыпали в бочки, не досыпая до верха вершков пять и заколачивали. Бочки с икрой избегали передвигать с места на место.

Жилища рыбаков на промыслах. Непосредственно в местах лова — на тонях рабочие жили в так называемых балаганах, часто столь примитивного устройства, что подобные сооружения отнюдь нельзя назвать жильем. Побывавшие на промысле исследователи обязательно в своих отчетах уделяли их описанию не последнее место. Думается, жилища рыбаков заслуживают того, чтобы рассказать о них.

Везде по морским тоням на Байкале берега обычно сухие, песчаные, поблизости всегда растет лес. Тут и ставились четырехугольные или круглые жилища. Первые иногда бревенчатые, чаще дощатые в 2,5 сажени по стене. Но таких построек было не очень много, полностью преобладали вторые — из жердей, составленных конусом и крытых сосновым или лиственничным корьем. Такие балаганы были легко разбираемы и мобильны при смене участка для лова рыбы. Для постройки балагана было необходимо: 4 слегы толщиной в 3 вершка и длиной 5–6 аршин, 4 стойки (сошки), 40–50 жердей, длиной аршин 10–11, корье лиственницы — 180 штук, 3 доски для скамеек, небольшие тонкие доски вместо кроватей (настилаются по сторонам балагана, большей частью для девиц). Поставив 4 столба на расстоянии 5 аршин друг от друга, на них кладут слегы, к которым кругом приставляются жерди. Сверху жерди покрывают корьем, оставляя отверстие для выхода дыма. Внутри балагана на слегы перекидывается шест, на который вешается котел, под которым разводится костер. В «сошки» с трех сторон вправляются доски — «правила», которые служат вместо скамеек. Около правил в двух углах ставятся два столика. Вход в балаган (делается не со стороны моря) — отверстие ниже роста человека, к нему иногда приделывается дверь, но чаще оно просто закрывается рогожей. Слева от входа складываются вещи рыбаков (лопоть), справа ставится «треног» (ушат с водой). За скамейками вплоть до стен настилаются доски, на которых, постелив «потник» или шубу с подушкой, спят члены артели. Настила на полу нет. Источником света служат костер и отверстие для выхода дыма. Жалкая хозяйственная утварь, растыканная по стенам или разложенная по полкам, да небольшой запас одежды, грязной и рваной — вот и вся обстановка жилья рабочих на тонях (рис. 5.5).

Рядом с балаганом устраивалась загородка — т. н. конский двор, куда помещали лошадей для кормежки и отдыха; там им ставились корыто и бочка для сена. Это понятно, в случае, если на неводе были ворота на конной тяге.

Процесс неводьбы. Морская тень по берегу обычно занимает около 150 сажень в длину. На краях тони устанавливаются два ворота, приводимые в движение рабочими либо лошадьми.

Рис. 5.5. Балаганы рыбаков на омулевом промысле (открытка около 1900 г.)

Ранним утром, лишь только начинает показываться солнышко, башлык будит членов артели; последние, быстро собравшись, идут к неводнику, в который набран заранее в определенном порядке невод. Верхняя часть с наплавьями лежит в одну, нижняя с кибасьями в другую сторону, тут же кругами уложены спуски. Несколько человек, взяв конец первого — пятового спуска, обводят его два раза вокруг ворота, после чего сразу начинают его выбирать. Если не начать выборку сразу, то во время замета невод может запутаться. Поэтому пятовой спуск всегда длиннее второго, морского. В это время рыбаки начинают отплывать в неводнике от берега, держа направление прямо в море, при этом в гребях сидит не менее 10–12 человек (по 2 человека на весло). По ту и другую сторону невода становятся двое мужчин — метальщиков, постепенно выбрасывающих один за другим спуски длиной не менее версты. Но вот спуски закончились, и башлык поворачивает неводник почти перпендикулярно первому направлению. Метальщики начинают сбрасывать постепенно первое крыло невода, затем мотню и второе крыло. Когда весь невод выброшен, неводник поворачивает к берегу, и метальщики медленно выбрасывают второй спуск, иногда удерживая его, чтобы невод вытянулся сильнее. Во все время метания невода гребцы непрерывно гребут, подвезжая к берегу, бросают конец второго спуска, где его наматывают на второй ворот. Выскочив из неводника прямо в воду и подтянув лодку к берегу, рыбаки бегут в балаган. Около ворот остается по два человека дежурных, в обязанностях которых лежит укладка кругами спусков. Это если на воротах работают лошади. В противном случае артель делится надвое и по очереди впрягается в ворота. Свободные члены артели сушатся на солнце, пьют чай, отдыхают. Выборка спусков воротами длится часа полтора — два. Но вот спуск разделяется на 2 веревки — подходят «уши» и наступает самая неприятная часть работы. Башлык отдает приказание рыбакам приготовиться тянуть невод. Босиком, захватив с собой «лямки» (короткая палка с веревочной петлей, одетой через плечо, при помощи которой удобнее тянуть невод), работники заходят в воду нередко до пояса, становясь около того и другого конца крыла, тянут невод, постепенно приближая крылья друг к другу. Верхнюю тетиву обыкновенно тянут 2–3 человека, а нижнюю с грузами — человек 6–7. В это время башлык, сев в небольшую лодку — подвездок, подвезжает к мотне и оттуда делает свои замечания рыбакам, если тяга невода идет неровно.

Когда к берегу подходит мотня с рыбой, рыбаки, стоящие по ту и другую сторону, в такт перебирая ногами, притаптывают нижнюю тетиву плотно ко дну, чтобы рыба не ушла обратно в море. Подтянув невод, на берег его не вытягивают — рыбаки, стоя в воде, руками «заполотничав» (подбрав) края мотни, начинают высакивать саками рыбу в подвездок или другую небольшую лодку, откуда ее таскают носилками к балагану либо оставляют в лодке, чтобы по окончании работы отвезти на рыбодел. Заячеившуюся рыбу рыбаки берут себе. Если рыбы попалось мало, то с разрешения башлыка она также вся достается им же «на уху».

С отправкой рыбы на рыбодел башлыком объявляется «заколот» — окончание работы на текущий день. Пробыв в воде не менее 2 часов, народ спешит в свой балаган, отдохнуть, попить чайку, поспать. На берегу остаются 2 человека, чтобы набрать невод к новому замету, и эта работа может продолжаться часа полтора. Таким образом, полная морская тонь продолжается 4–5 часов, а при непогоде и все 7 часов, причем часа полтора из этого времени рабочие бродят в воде босиком. По усмотрению башлыка, когда в море есть рыба, делается ночной замет (рис. 5.6–5.7).

Рыбалка всегда и везде дело довольно рискованное и ненадежное. Часто удача в ловле зависит от месторасположения невода, никто никогда не знает, где больше привалит рыбы. Поэтому крупные промышленники, владеющие несколькими неводами, располагали их на

Рис. 5.6. Ловля омуля неводом. Тяга тони (стереофотография из серии «Восточная Сибирь», 1912 г.)

разных тонях. На тони могли одновременно работать невода нескольких хозяев, соблюдая очередность замета. Также в одной артели могли находиться рабочие разных хозяев. Такие невода и группы неводов назывались «спарками», добыча поровну распределялась между артелями спарки, уравнивая всех участников промысла, позволяя избежать разорения отдельных хозяев, так как пролов на одном из неводов компенсировался хорошим уловом на другом.

Если морских тоней за сутки вытягивают не более 1–2, то в реке одна артель могла дать до 10 тоней во время хода рыбы. Речная неводьба заметно легче, так как и сам невод меньше и веревки — спуска короче. Зато пошевливаться на реке нужно быстрее и действовать расторопнее — в случае оплошки повторно заметаться уже не удастся — очередь перейдет к другой артели.

При замете речного невода у начального, пятового крыла спуска почти нет. На месте, где начинается неводьба, оставляют 2–3 человек держать тетиву. Лодка же с 8 гребцами, 2 метальщиками и башлыком у руля направляется вверх по реке и дугой к другому берегу, затем башлык поворачивает лодку вниз по течению, пока метальщики не вымечут весь невод. Какое-то время невод выправляют, растягивают, гребя вниз и придерживая спуск. Ближе к концу тони начинают травить спуск и грести к берегу. Пока начинается выборка речного крыла 2 человека, держащие начальное крыло, спускаются вниз по течению, сводя невод в одной точке. Вытягивают невод, стоя в воде и утапывая нижнюю тетиву. Если в мотне есть рыба, не дожидаясь окончания выборки, башлык кричит ждущей своей очереди артели: «заводи следующую» и затем — «мечи». При ходовой рыбе никаких перерывов не делается и часто новый невод приходит на выборку, когда предыдущий еще находится в воде. Таким образом, тonya за тоней несколькими артелями при круглосуточной работе может делаться до 100 заметов.

На Селенге сложился особый порядок замета неводов. Рыба по реке шла то густо, то пусто в течение короткого времени — не более 2–3 недель. Желających поймать омуля было хоть отбавляй — все местное население, не считая приезжих, а удобных неводных мест было не так много. Случалось, что одна артель вытянет невод и добудет 50000 рыб, другая же вслед за нею не добудет и 100. В другой же раз закинуть невод вне очереди артель не имеет права. Если такие случаи повторялись раз за разом, артель остается совершенно без улова, когда у других берега были завалены рыбой. Эту проблему пытались разрешить по-разному.

Сначала существовал порядок замета, который основывался на количестве неводов, иметь которые целиком могли себе позволить только зажиточные люди. Тогда на тони становились несколько неводов богатых хозяев с минимальным количеством рабочих, и один невод, с трудом собранный вскладчину сельской беднотой. Понятно, за кем в этом случае оставался весь промысел. Доходило до прямых злоупотреблений. Один хозяин мог принести с собой несколько неводов, пусть даже совсем драных, но рыбачил одним хорошим неводом. В этом случае он мог заметываться столько раз, сколько у него было неводов, хотя они и лежали без дела на берегу (Иркутские губернские ведомости, 1865).

Такой порядок неводьбы по числу неводов около 1870 г. был заменен на очередность в зависимости от количества людей в артели. В этом случае каждая артель закидывает свой невод поочередно согласно числу артельщиков. Так, например, если в одной артели 100 человек, а в другой 50, то первая закидывает свой невод два раза подряд, а затем вторая артель, но только один раз. Если несколько артелей и число людей не делились так, чтобы одним приходилось закидывать раз, а другим два, то из остающихся людей составляли общую артель и в доставшуюся на эту артель очередь, закидывали чей-нибудь из других артелей невод. Пойманную рыбу делили по числу людей, остающихся в каждой артели лишними.

Рис. 5.7. Работа на ручном воротае (фото А. П. Сидорычева, 1925 г.)

Это привело к тому, что некоторые большие артели стали насчитывать до 150 человек, так что на каждую дресву, удобную для лова рыбы, приходилось до 1600 и более человек. Споры на тони были обычным явлением, со жребием не всегда все были согласны. Начинались разбирательства — по многолюдству такие, какие редко бывают и на сельских сходах. На реку для разбирательства приглашалось волостное, а иногда и земское начальство.

Сетные артели. Местное население, вытесняемое крупными рыбодобытчиками со своих обжитых рыболовных участков, вынуждено было искать новые способы лова омуля на еще не освоенных просторах открытого Байкала. Рыбаки стали выходить с речными плавными сетями дальше в море, навстречу рыбе. В дальнейшем речная плавная сеть была соответствующим образом видоизменена, и специфический байкальский сетной дрейфтерный лов омуля получил широкое распространение, начало которого принято относить к 1844 г. Во второй половине 19 века сетной промысел носит активный разведочный характер, в 1890-е гг. проникает в Малое Море и Баргузинский залив, в конце 19 века развивается на Северном Байкале.

Начиная с середины 19 века на Байкале появляются первые сетные артели на паях, состоящие из местного населения, не имеющего средств для организации дорогостоящего неводного лова. Чтобы ловить сетями в море, нужна была лодка и человек 5–6 мужчин, сильных и удалых, так как выходить на веслах далеко в открытый Байкал отважится не каждый. Иногда в артель брали женщин — незамужних и не имеющих детей. Принцип организации такой артели достаточно прост. Лодка покупалась членами артели вскладчину. Если на неводную артель работник приходил со своим неводным столбом, то сетовая состояла из пайщиков, приносящих в артель сети (100–200 сажень) и веревки. Кроме сетей и лодки, сетевая артель заводила парус из плотной белой бязи, небольшой якорь — «кошку», два котла (один для чая, другой для «щербы»), топор.

Рыбаки — люди суеверные, поэтому всегда, когда лодка и все снасти (заход) были готовы, проводился обряд — заход «ладился» бабушкой, знавшей заговор от порчи и сглаза. Считалось, что успешность лова рыбы напрямую зависит от такой процедуры. Бывало, у одного рыбака рыба ловится, а у его соседа нет, тогда ничего не остается, как звать местную ворожею для обряда: «... ладно, что вовремя заметил, позвал баушку, поладила и рыбочка стала ловиться». Считалось, что среди рыбаков бывают счастливицы, знающие тайное «слово», и никогда не бывают без рыбы даже в плохие годы (Бородкина, 1926). Свои похожие обряды были и у туземного населения, исповедовавшего шаманизм. «Братская» сетовая артель, куда дойдет до места лова — не единожды приносит подаяние духам места.

В сетовых артелях часто работали крестьяне в качестве рабочих. Нанимаясь от того или иного члена артели за 11–15 руб. на рыболовный сезон (на харчах хозяина), работник работает вместо пайщика; при этом нередко по уговору с хозяином подшивает свой «хвост» (сеть сажень 20–30 длиной).

Артельные сетелодки были быстрыми и подвижными, легко перемещались по Байкалу вслед за рыбой с одного места на другое. Все снаряжение умещалось в лодке: сети, бочки с запасом соли, кое-какой домашний скраб, запас провизии и длинные жерди, из которых на берегу строились вешала (сушала) для обсушки сетей. Целые флотилии таких лодок перемещались по озеру, останавливаясь по берегам близ мест лова. На таборе устанавливался балаган, вешала для просушки сетей, навес для посола добытой рыбы. Вечером перед закатом солнца лодки разъезжались для постановки сетей. К свободному концу сети прикрепляется деревянный бакан-маяк, называемый часто «сучкой». Бакан делается из дерева: две закругленные с концов доски кладутся крестообразно друг на друга; часть нижней доски прорезается, чтобы верхняя плотно сидела в ней. В середину верхней доски, перпендикулярно ее поверхности, вделывается в 1 аршин длиной палка, на которую обычно привязывается пучок зелени. Бакан крепится к концу сети, чтобы последняя не тонула сильно в море, и в случае, если сеть оторвется от лодки, другой конец будет виден в море и его легко можно будет поймать. Кроме того, бакан показывает другому рыбаку, что в данном месте находится сеть. Когда сеть выметана, к носу лодки привязываются две веревки, длиной по 25 сажень, которые соединяются с подборками сети. При постановке сетей рыбаки для измерения глубины Байкала пользуются «намерником» — деревянным мотовилом, на который накручивается веревка до 40 сажень в длину, на конце ее привязывается грузило — кусок чугуна или железа.

Если место лова было расположено близко — рыбаки возвращались ночевать на табор, если нет — оставались ночевать поблизости или прямо в лодке на сетях, отдав себя и снасть на волю ветра и волн Байкала. Случается, что ночью сетовщиков относит далеко в море, в таком случае они уже не выезжают на берег, оставаясь на Байкале иногда по два и по три дня.

На рассвете все сетелодки разъезжались для выборки сетей, после чего с уловом или без него шли на табор. На берегу одни начинали заниматься развешиванием на просушку сетей, другие пластали и солили пойманную рыбу. Такая работа продолжалась изо дня в день, до тех пор, пока рыба держалась в районе промысла. С уходом рыбы сетевые артели снимались с места и уходили вслед за омулем. Число таких артелей было велико: в конце 19— начале 20 века на селенгинских промыслах ходило в море до 300, а на Малом Море — до 200 лодок (Кузнецов, 1909).

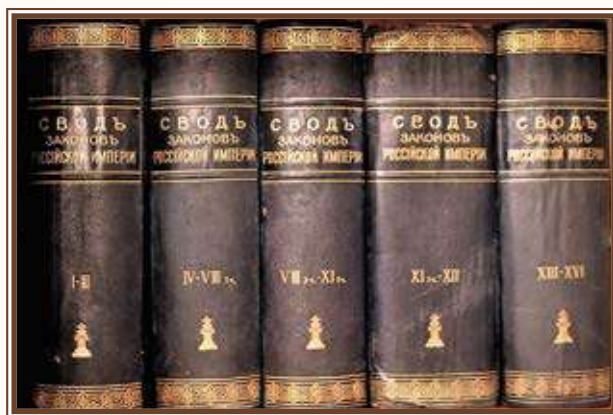
Так возникает, причем в довольно широких размерах, сетной лов рыбы, наделавший к середине 19 века много хлопот властям из-за жалоб неводчиков на то, что сетовщики являются виновниками уменьшения не только уловов в неводах, но и вообще уменьшения рыбы, особенно омуля, в Байкале. Они, якобы, преграждают движение рыбы к рекам, заставляют рыбу метать икру в озере, а последняя там гибнет. Рыбаки-неводчики считали что лов сетями, особенно в зимнее время, приносит много беспокойства рыбе, стоняет ее с «кормов», отчего рыба все дальше и дальше уходит в Байкал, становится недосягаемой для неводов. Был даже такой «аргумент»: рыба в сетях своим трепыханием якобы пугает косяки — и те уходят в открытое море.

Отсюда многочисленные просьбы властям запретить лов рыбы сетями, по крайней мере, во время рунного хода, т. е. с первых чисел августа. В одной из жалоб 19 века говорилось: «Руна омулей разгоняются сетями, и омули дают ход раздробительный» (Сабуров, 1889). В свою очередь, сетовщики считали, что невода наносят вред тем, что в них попадает много мелкой рыбы, от чего уменьшается ее численность. Взаимная недоброжелательность и даже ненависть доходила до такой степени, что иногда происходили настоящие столкновения. Так иркутские рыбопромышленники, арендовавшие воды Чивыркуйского залива, богатого омулем, завели охранный пароход, не пускавший сетовщиков в залив. Дошло до того, что озлобленные сетовщики открывали по нему стрельбу и даже поджигали (Кузнецов, 1909). Со временем промышленники-неводчики в свою очередь сами стали снаряжать лодки для сетевого лова, дабы восполнить недолов неводами, а также скупать сетевую рыбу.

После революции 1917 г. рыболовство как основной вид промысловохозяйственной деятельности продолжал существовать, никакие потрясения не могли изменить веками сложившийся быт местного населения. Ликвидация частной монополии и аренды рыболовных угодий за высокие цены создали благоприятные предпосылки для широкого участия в рыбном промысле крестьян-середняков и бедняков. Артели подлежали регистрации в рыбацких кооперативах, что упорядочивало организацию промысла, позволяло контролировать состояние рыбного хозяйства и эксплуатацию рыбных запасов. Рыбкоопы оказывали на льготных условиях помощь бедняцким рыбацким хозяйствам снижением платы за право рыбной ловли, отпуском в кредит орудий лова, товаров народного потребления. В 20—30 гг. 20 века рыбный промысел на Байкале продолжали вести главным образом рыбацкие артели. Это был наиболее доступный способ для любого желающего участвовать в коллективной ловле. Несмотря на то, что после революции наемный труд был под запретом, отмечалось расслоение среди артельщиков: среди них были наемные рабочие — те, кто не мог внести свой пай в артель (Егоров, Клеменченко, 1971; Гольдфарб, 2010). Все изменилось в конце 20-х гг. в результате коллективизации и создания рыболовческих колхозов, но это уже совсем другая история.

Глава 6

История правил рыболовства

Свод Законов Российской Империи

Законь о рыболовствѣ были сосредоточены во 2 части XII тома Свода Законовъ Россійской Имперіи, во второмъ разделѣ Устава сельскаго хозяйства «О рыбныхъ и звериныхъ промыслахъ на моряхъ, рекахъ и озерахъ», последнее изданіе котораго относится къ 1912 г.

Вотъ некоторые статьи изъ общихъ положеній, непосредственно касающихся рыболовства на Байкалѣ:

Статья 486. В ней изложены Высочайшіе Указы отъ 11 декабря 1719 г. и отъ 27 августа 1802 г., въ которыхъ говорится, что «воды морскіе, даже въ мѣстахъ заселенныхъ частному владенію подлежать не могутъ и должны оставаться въ общемъ для всехъ пользованіи».

Статья 487 воспроизводитъ Указъ отъ 13 сентября 1821 г., суть котораго состоитъ въ следующемъ: воды морскіе находятся въ общемъ пользованіи, если они не предоставлены ведомствамъ, обществамъ и учрежденіямъ по особымъ распоряженіямъ въ определенныхъ мѣстахъ и на определенное время.

Статья 488 распространяетъ свободу рыбнаго промысла на все озера, не состоящія въ частномъ пользованіи. Особо отмѣчается, что владельцы земель обязаны оставлять по берегу во все пространство ихъ владенія десятисаженную полосу для приставанія рыбацкихъ лодокъ и обсушки снастей (Высочайшіе Указы отъ 11 декабря 1719 г. и отъ 31 июля 1762 г.).

Статья 490 регулируетъ рыбный промыселъ на рекахъ: «Рыбная ловля на рекахъ судоходныхъ и несудоходныхъ составляетъ собственность владельцевъ береговъ, за исключеніемъ техъ мѣстъ, гдѣ ловля рыбы предоставлена по особымъ постановленіямъ кому-либо другому» (Указъ отъ 27 августа 1802 г.). Толковалась эта статья следующимъ образомъ: ловъ всякой рыбы въ рекахъ могли вести те, кто ими владелъ, за исключеніемъ рыбы, идущей руннымъ ходомъ съ моря на нерестъ въ реку, когда поймать рыбу въ большихъ количествахъ можно было безъ особаго труда. Исторически сложилось, что ловить идущую

руном рыбу могли все, кто мог, и хозяева берегов не должны были этому препятствовать. На Байкале такой рыбой был омуль, идущий плотными косяками на нерест в крупные реки — Селенгу, Баргузин и Верхнюю Ангару (ГАРБ. ф. 7, оп. 1, д. 7).

Статья 494 запрещает чинить препятствия свободному ходу рыбы в устьевых участках рек путем использования разного рода перегородок, самоловов, ставных и сплавных сетей (Указы от 6 января 1704 г. и от 11 сентября 1803 г.).

Статья 495 запрещает рыбопромышленникам на всех реках употреблять невода, длина которых была более половины ширины реки, а также одновременный замет неводов с двух противоположных берегов (Указ от 7 июля 1852 г.).

Статья 497 гласит: «Заколы, при рыбной ловле употребляемые, должны быть устраиваемыми не из толстых свай, а из такого тонкого леса и таким образом, чтобы в осеннее время со всей удобностью и легкостью могли быть вынимаемы начисто, не оставляя ничего к засорению речного фарватера» (Указы от 14 января 1724 г. и от 22 мая 1817 г.).

Свод Законов Российской Империи достаточно подробно регулировал рыбные и звериные промыслы во многих рыбодобывающих регионах огромной страны — Северном океане и Белом море, Финском заливе и р. Нева, Черном, Азовском и Каспийском морях, на крупных озерах и реках, а также в районах проживания казачества (Кубанское, Астраханское, Уральское и Терское казачьи войска). Единственная байкальская статья, принятая на государственном уровне, касалась рыбного промысла на устьях реки Верхняя Ангара и была довольно спорной, речь о ней пойдет ниже.

Все правила рыболовства на Байкале были изданы в административном порядке и зачастую даже не высшей властью — генерал-губернатором, а уездными властями, которые при утверждении правил вынуждены были учитывать интересы разных слоев населения, занимающегося промыслом, лавировать между интересами рыбопромышленного капитала и одновременно не обижать местное население, имеющее рыбу одним из основных видов своего продовольствия.

Из книги «Описание Иркутска и его окрестностей» Г.В. Стеллера известно о первом законодательном акте касательно байкальского рыболовства. Промысел селенгинского омуля тогда был запрещен указом Иркутской губернской канцелярии. Это было сделано по просьбе коменданта Селенгинского острога И.Д. Бухгольца (1731—1740 гг.), обоснованной тем, что рыба возле устья Селенги частично вылавливается и частично отгоняется, после чего уже не поднимается по Селенге, и тамошние жители, таким образом, лишаются улова, впадая в нужду (Элерт, 2004).

Особенностью правового регулирования добычи рыбы на байкальских рыбных промыслах было то, что вопросы о праве владения здесь возникли раньше вопросов о порядке рыболовства. Владельцы рыболовных участков сами устанавливали правила и следили за порядком их выполнения. В частности, одна из первых попыток установления правил рыбной ловли и добычи нерпы на Байкале относится к деятельности Шатрового управления рыбными промыслами графа П.И. Шувалова, владевшего ими в 1740—1760 гг. Управление осуществляло надзор за рыбной ловлей и борьбу с пиратством в своих водах.

В результате продолжительной практики рыболовных артелей уже в 18 веке сложился целый кодекс правил рыболовства на Байкале, нашедший свое частичное отражение в различных положениях и правилах рыболовства, издававшихся краевой администрацией, начиная с первой четверти 19 века. Практически же, первое регулирование рыбного промысла было установлено в 1816 г. так называемым Положением об омулевом промысле в реке Селенга. Положение было составлено на основании сведений, собранных среди рыболовецкого населения и старшин рыболовного промысла верхнеудинским исправником М.М. Геденштромом в 1813 г. по предложению Иркутского Генерал-губернатора. Указ губернского начальства о рыбной ловле на р. Селенга, само Положение и дополнения к нему были опубликованы в октябре 1816 г. Данный документ был найден в архиве Баргузинской степной думы и приводится полностью (ГАРБ. ф. 7, оп. 1, д. 7, л. 29—30, рис. 6.1).

В четырех пунктах дополнений к Положению были отражены или, как сказали бы сегодня, были пролоббированы интересы крупных неводчиков, коими являлись т. н. старшины рыболовного промысла:

1. «Во время омулевого хода все рыболовные статьи, находящиеся как в ведении монастырей, так и в оброчном содержании частных лиц, предоставить свободном для всех промыслу, исходя из того, что издавна он был свободным. А исключительное право на промысел одним содержанием

93

статей — во вред». В этом пункте отражалось недовольство рыболовецкого крестьянского населения создавшейся монополией монастырей и казны в сфере владения рыболовными участками на Байкале. Актом законодательно прекращались владельческие права на омуля во время рунного хода, что, по-видимому, было обычаем, практиковавшимся на Байкале издавна с того времени, когда воды Байкала и впадающих в него рек были еще вольными.

2. «Запрещенные орудия лова — саки и поплавы. Но исходя из того, что этими орудиями лова пользуются исключительно бедные люди, установить границу у деревни Жилино, ниже которой саками и поплавами ловить омуля воспрещается». Запрещение этих орудий, лишало бы возможности заниматься промыслом бедняцкий слой населения, который не имеет средств завести невод. Это предложение являлось уступкой этому слою со стороны более зажиточной части рыбопромышленников. Но сделав эту уступку, старшины ограничили употребление саков, «саковщикам» запрещалось во время рунного хода спускаться ниже границ промысла и главных тоней (такой границей было селение Жилино) «под опасением взысканий». Надзор за соблюдением саковщиками этого правила принимали на себя неводчики.

3. «Кударинских братских людей (бурят) во время омулевого хода после окончания сенокоса на островах дельты Селенги откочевывать из тех мест». Довольно примечательное требование о выселении жителей островов дельты Селенги. Понятно, что находясь в дельте, они будут иметь возможность бесконтрольной рыбалки во время захода омуля в реку. Неизвестно, выполнялось ли это требование на практике — сведений об этом не найдено.

4. «Казаков для наблюдения за незаконной ловлей не привлекать, во избежание могущих произойти от них злоупотреблений. Рыбопромышленники должны сами гонять саковщиков до самых устьев». Комментарий, как говорится, излишен, пустить казаков охранять омуля — все равно, что запустить козла в огород.

«Положение об омулевом промысле» и дополнения к нему представляли собой нечто вроде устава рыболовных артелей, сводку правил относительно изготовления и использования неводов, исчисления рыболовных паев (т. н. «участков»). Так, например, целый невод со всеми принадлежностями считался в 17 паев. В Положении предусматривались правила устройства рыболовных снастей, а в р. Селенга — межи, ниже которых до самого устья запрещалось ловить рыбу во время ее рунного хода в реку, устанавливался порядок и очередность замета неводов.

Положение 1816 года было направлено в защиту интересов, главным образом, более состоятельных групп крестьянства, занимавшегося рыбными промыслами на Байкале, а также мелкого городского мещанства и купечества, которые издавна принимали деятельное участие в рыбопромышленности. Уступка, сделанная в Положении бедняцкому населению (саковщикам) была дана, как было указано выше, с оговорками и ограничениями. Это было связано с тем, что саковщики всю наловленную рыбу свою спешат продавать засольщикам в Чертовкиной пристани, отчего цена на рыбу понижается, что крайне невыгодно крупным неводчикам. К тому же, саковщики, будучи людьми бедными, при запрещении саков вынуждены были идти к неводчикам в наемные работники (покрученики), обеспечивая тех недорогой рабочей силой. Спорные вопросы и возникающие проблемы, согласно Положению, должны были решаться на общем собрании старшин.

Проблемы в регулировании промысла не заставили себя долго ждать. Уже через 2 года, осенью 1818 г. была большая вода на Селенге во время хода омуля. Косяк омуля не пошел вверх, остановившись ниже Чертовкиной пристани (т. е. ниже черты, выше которой рыбу ловить разрешалось), разбрелся по уловам и протокам. Так как неводных тоней в нижнем течении мало, а те, что были, оказались затопленными, то ловилась рыба только в берегу кривдами и просто саками. Подробности этой истории находим у В.П. Гирченко, историка, архивиста и краеведа, внука декабриста В.А. Бесчаснова. В 1818 году верхнеудинский исправник М.М. Геденштром представил в Иркутское губернское правительством доклад о произведенном им в 1818 году специальном обследовании омулевого промысла. Сущность обследования заключалась в следующем: несмотря на большой привал рыбы, лов 1818 года был скудным. Причиной этого было поднятие уровня реки Селенга, причем рыба, войдя в устья и перейдя уже установленную границу, вскоре отошла назад в нижнее течение, разбрелась в залавках и ямах по всем, даже мельчайшим, протокам. Тони были затоплены. При наличии таких неблагоприятных условий М.М. Геденштром с согласия всех неводчиков и старшин разрешил лов ниже установленных границ до самых устьев, т. е. на том

пространстве, где стояла рыба. Ловить было разрешено не только неводами, но и саками, кривдами и поплавнями. Им были предложены следующие конкретные меры:

1) Уничтожить границы, установленные для лова на р. Селенга, оставить запрет на лов омуля только непосредственно в устье реки.

2) Разрешить свободное употребление для лова саков, кривд и поплавней.

3) Упразднить выдачу билетов на лов, как это было до 1816 года.

4) Упразднить промысловых старшин.

Все эти предложения были утверждены Иркутским губернским правительством в 1818 г. Это был красивый жест в сторону бедных слоев населения, но крупные рыбопромышленники вскоре взяли свое, и изменения были аннулированы (Гирченко, 1928; Тюрин, Сосинович, 1934).

Таким образом, на р. Селенга проблемы с производством рыбной ловли были в целом отрегулированы. Река принадлежала жителям прибрежных деревень и частично духовным учреждениям. Кроме этого, на реке были 28 казенных рыболовных статей, которые с торгов продавались желающим. И только осенью во время рунного хода омуля ловить его могли все с соблюдением Положения о промысле омуля.

В 1820 г. губернское правительство запретило лов осетра самоловами, основываясь на том, что он вреден, так как истекаемая кровью рыба уходит и тухнет. Указ выполнялся в достаточной степени — осетровые крючья на Селенге никогда не были распространенным орудием лова, что, правда, в конечном итоге не спасло красную рыбу от почти полного истребления.

В это же время, в первом десятилетии 19 века, стал развиваться рыбный промысел на других крупных реках — Баргузине и Верхней Ангаре, особенно после того, как из-за чрезмерно вылова рунного омуля в р. Селенга, уловы его в этой реке стали снижаться. Все больше и больше рыбопромышленников стали ездить на лов нерестового омуля на р. Баргузин. Проживавшие здесь русские крестьяне Читканской волости и 5 бурятских родов Баргузинской Степной думы вступали с приезжими в соперничество за рыбные места на р. Баргузин. На общем собрании крестьян Читканской волости Баргузинского уезда 29 июня 1814 г. земским судом сделано следующее распоряжение: в 15 верстах от устья Баргузина в местности «Коровий стан» (урочище между деревнями Макарино и Адамово в настоящее время носит название «Алтан» — место, где местное население праздновало церковные праздники) поставить граневой столб, ниже которого омуля ловить нельзя с 1 августа по 1 сентября. Крупные промышленники остались недовольны этим решением и требовали перенести ее на пятую версту — в д. Макарино, мотивируя это тем, что иногда рыба доходит до этой деревни и дальше не идет, они терпят из-за этого убытки. А в мае 1820 г. мещанин Третьяков подал в Иркутск Сибирскому генерал-губернатору М. М. Сперанскому ходатайство о распространении правил ловли омуля на р. Селенга, на р. Баргузин (ГАРБ. ф. 7, оп. 1, д. 7).

Начались проблемы с производством лова рыбы и на Верхней Ангаре. На реку хлынули рыбопромышленники сначала с Баргузина, а затем из Иркутска и с острова Ольхон. Между тем проживавшие в здешних краях тунгусы считали эти реки своими. В 1816 г. Губернский совет постановил: лов омуля в Верхней Ангаре и Кичере дозволено производить всем, подобно тому, как это делается на Селенге. Однако, через несколько лет тунгусы выступили с ходатайством перед властями дать им право брать деньги с промышленников, мотивируя свои требования тем, что в Уставе об управлении инородцев, утвержденном 22 июля 1822 года, в одном из пунктов говорится о том, что россияне могут брать у инородцев места в оброчное содержание по договоренности с обществами. В законе подтверждались права тунгусов на владение землями, где они обитают, свободу заниматься земледелием, скотоводством и рыбным промыслом в пределах их родовых земель. Казенная палата в 1831 г. постановила: «Бродячим тунгусам отдавать в оброк только владимые ими земли. Устье Верхней Ангары и Кичеры с островами и море должны быть свободны к промыслу для всех» (ГАРБ. ф. 7, оп. 1, д. 7).

В 1830 г. на северобайкальские рыбные промыслы был командирован заседатель Верхнеудинского земского суда Березовский с целью обследовать состояние дел и дать предложения для организации рыбной ловли на Верхней Ангаре. Задание было выполнено и в мае 1831 г. губернскими властями утверждены Правила рыболовства в устьях р. Верхняя Ангара. В материалах Баргузинской степной думы сохранились требования для прибывающих на судах рыболовцев артелей и правила рыбной ловли на р. Верхняя Ангара. За основу правил, судя по всему, было

взято «Положение о рыбном промысле на р. Селенге» от 1816 г., до этого распространившееся и на промысел омуля в р. Баргузин. Опубликованы они были 26 октября 1831 г. Основные положения Правил гласили:

1. Хозяин судна и все с ним прибывшие должны иметь паспорта или виды на жительство.
2. Хозяин по приезде должен составить записку, на какой срок и кто по паспорту прибыл, документы передать родовому шуленге, старосте или десятнику.
3. По окончании промысла хозяин обязан отчитаться, сколько рыбы поймано, на какую сумму и каким числом неводо.
4. Запрещается делать тунгусам озлобления, не стеснять их в рыбном промысле. Помнить, что тунгусы — хозяева здешних мест, не обижать.
5. Поставленные тунгусами заездки не трогать.
6. Приезжающим не производить звериный промысел — это право тунгусов.
7. Работников с промысла на сторону не пускать и не увольнять.
8. Общий свободный лов омуля в р. Верхняя Ангара производить с 1 июля по 1 октября, кроме устьев реки. Лов осетра разрешен с 15 мая по 5 августа.
9. Граница, ниже которой неводить не разрешается, — пятая верста от устья, от которой вверх можно ловить на 25 верст, а в большую воду до 100 верст.
10. Для промысла иметь невода и засеки (осетровые верши) на скамьях или плотах не более 1 морды, чтобы не мешать бечевнику.
11. Промысловым обществом следует избрать старшин, которые бы наблюдали за незаконной ловлей и за соблюдением очередности неводьбы.
12. Вновь приходящим артелям предоставляется очередное право для неводьбы, для этого необходимо сделать новую раскладку очередей.
13. Артелям не разрешается дробиться.
14. В случае необходимости на общем собрании старшин составить новые правила и представить их на утверждение.
15. Лов саками, кривдами и поплавнями разрешается не ниже 5 версты от устья.

Спокойная жизнь у хозяев — береговых тунгусов заканчивалась с приездом армии рыбаков. Из письма шуленги нижнеангарского Киндигирского рода от 1 июля 1867 г. в Баргузинский уездный суд: «Прибывший из г. Иркутска мещанин П.М. Никитин отправил своих рабочих в лес, принадлежавший тунгусам, где они устроили пожар, длившийся 10 суток. Сгорели ловушки на сумму 40 руб., доведя тунгусов до крайней степени разорения» (ГАРБ. ф. 328, оп. 1, д. 1, с. 16–17).

Статья 500 Устава сельского хозяйства, основанная на Высочайше утвержденном 7 января 1837 г. Положении Главного Управления Восточной Сибири «О рыбном промысле на устьях реки Ангары», была единственным за всю дореволюционную историю правил рыболовства на оз. Байкал законом, принятым на высшем государственном уровне:

«Сибирский Комитет, сообразив домогательства байкальских рыбопромышленников с общими законами и с особыми положениями о инородцах Сибирских, положил: сообщить Главному Управлению, чтоб оно в разрешении вышеозначенных просьб о рыболовстве руководствовалось этими постановлениями, а именно: воды Байкала, даже при местах населенных, оставлять в общем и свободном для всех пользовании, исключая тех, которые ныне принадлежат или впредь будут причислены к казенным оброчным статьям; реки, внутри дач общественных протекающие и в Байкал впадающие, оставлять в пользовании прибрежных обществ впредь до усмотрения, если не дано им или иным людям особого права или преимущества пользоваться сими реками; а на этом основании рыболовство в Верхней Ангаре и Кичере должно оставаться в пользовании прибрежных тунгусов; вокруг же островов, лежащих в Байкале пред впадением в него Верхней Ангары и Кичеры, рыболовство должно быть для всех свободным, впредь до усмотрения (Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание Второе, Т. XII, отделение первое. СПб., 1838. С. 35–36). Однако, строгое применение этого постановления вызвало бы недоразумения: в Байкале против устья Верхней Ангары и Кичеры островов нет, а есть острова в самых устьях рек. Прибрежные тунгусы стали иметь право отдавать рыбные тони в оброчное содержание по т. н. общественным приговорам. Вопрос о сдаче участков, принадлежавших тунгусам на реках Кичера, Верхняя

Ангара и ряде более мелких рек в аренду рыбопромышленникам, решался в родовом управлении на собрании сородичей.

Таким образом, к 30-м гг. 19 века на Байкале в целом установилась система правил пользования водными биологическими ресурсами. Основными промысловыми объектами были омуль и осетр. Лов омуля производился практически только в реках во время хода на нерест, прибрежное рыболовство в озере находилось в зачаточном состоянии. Рыба вылавливалась без учета ее воспроизводства. В 30-х гг. 19 века падение добычи омуля и осетра выявилось с такой очевидностью, что наиболее предприимчивые промышленники переместились на реки Северного и Среднего Байкала. И здесь хищнический вылов омуля во время нереста отрицательно сказался на его запасах. К концу 19 века были в значительной степени опустошены рыбные богатства рек Селенга, Кичера, Верхняя Ангара, Баргузин.

Каких-либо специальных исследований состояния рыбных промыслов на Байкале в середине 19 века не проводилось, если не считать работы путешественника, натуралиста и исследователя Забайкалья Г.И. Радде, побывавшего на северобайкальских промыслах в 1855 г. и констатировавшего, что, к сожалению, до сих пор никто серьезно не задумывается о причинах уменьшения рыбы.

В работе Н.С. Романова «Иркутская летопись» за 15 марта 1859 г. имеется следующая запись: «В зале Благородного собрания г. Радде прочёл лекцию о рыбах вообще и рыбной ловле в южной части Восточной Сибири в особенности:

- 1) Отличие этого разряда позвоночных животных от других.
- 2) Важность в отношении государственного хозяйства от сохранения некоторых пород рыб.
- 3) Ловля омуля в Байкале и постепенное уничтожение этой породы от способа ловли ее.
- 4) Другие породы лососей».

По его мнению, главной причиной истребления рыбы является сам человек, его пренебрежение законами природы. Фактически, ученый был первым, кто указал на основную причину снижения уловов — промысел омуля в период икрометания. Им были предложены меры по ограничению лова преднерестового омуля, в частности, предлагалось запретить лов омуля в приустьевых акваториях нерестовых рек на несколько верст в обе стороны от устья и на такое же расстояние вглубь озера с 1 августа по 1 октября (Радде, 1858).

В течение 40 лет, начиная с 30-х гг. 19 века, с момента опубликования Баргузинской степной думой правил рыбной ловли, проводился ничем не ограниченный лов омуля на реках Северного Байкала. За отдаленностью района промысла и полным отсутствием представителей власти (ближайшее полицейское управление находилось в Баргузине) говорить о полном соблюдении правил не приходилось.

И только 26 мая 1872 г., с целью упорядочения отношений между различными группами рыбопромышленников, а также для урегулирования рыбного промысла были изданы Правила о рыбопромышленности во время рунного хода омуля в реках Верхняя Ангара и Кичера, утвержденные Генерал-губернатором Восточной Сибири Н.П. Синельниковым. В их основу легли правила 1831 г. и закон 1837 г. Новизна их заключалась, в основном, в ограничении предустьевого лова. Вот некоторые положения новых правил:

1. Рыболовство на Верхней Ангаре и Кичере состоит в пользовании и распоряжении прибрежных тунгусов.

2. Рыбопромышленники платят с каждого работающего в реке невода 15 руб. до начала промысла.

3. Промысел в реках во время рунного хода с 1 августа по 30 сентября как приезжими рыбопромышленникам, так и самими тунгусами должен производиться не менее 3 верст от впадения в Байкал и от крайних устьев этих рек не ближе 2 верст в обе стороны, а от среднего устья не ближе 2 верст вглубь Байкала.

4. Лов рыбы производится неводами, саками и кривдами. Последними двумя снарядами вне пределов неводных тоней. Сети, поплавы и заколы запрещены.

5. Ячея в неводах не более 6 в четверти аршина (30 мм). Запрещено закидывать невод одновременно с противоположных сторон реки одновременно.

6. Места тоней и межи устанавливаются окружным исправником, который находился в тесном контакте с рыбопромышленниками.

7. Указываются порядок производства лова и раздела рыбы артелями, порядок надзора за промыслом и прочее.

Следует отметить, что правила рыбного промысла на Байкале и в реках, в него впадающих, не будучи обоснованными данными биологических исследований, не достигали целей. Помимо этого, за отсутствием надлежащего надзора, они не соблюдались или просто обходились в силу того, что промысел исторически выработал свои собственные правила, которые довели над вновь устанавливаемыми. В существовавших на тот момент правилах рыболовства на Байкале не указывалось главного: полного запрещения лова ходовой рыбы в реках. Они также никак не регулировали начинающийся развиваться морской неводной и сетной промыслы, составлявшие в середине 19 века уже около 30 % от всей добываемой рыбы (Радде, 1858).

На основе архивных данных, проанализированных А.Г. Егоровым и М.Д. Клеменченко (1971), известно об имевшей место полемике между крупными промышленниками и большей частью рыбопромыслового населения, благосостояние которого целиком зависело от лова и условий сбыта рыбной продукции.

В мае 1886 г. в Иркутске была собрана комиссия по рыбопромышленности для обсуждения вопроса о принятии мер к упорядочению рыбных промыслов, ознакомления с их состоянием и выяснения причин упадка. Комиссия обсуждала следующие вопросы: причины уменьшения уловов рыбы, зависит ли это от истребления рыбы вследствие хищнической ловли или от других причин? Почему повышаются цены на омуля в Иркутске, происходит ли это от уменьшения уловов или от других причин? Не имеет ли влияние на рост цен на рыбу учреждение компании рыбопромышленников в Иркутске?

При обсуждении причин уменьшения улова рыбы на байкальских рыбных промыслах крупные иркутские рыбопромышленники утверждали, что, по их мнению, главнейшую причину такого уменьшения улова рыбы они видят в ежегодно увеличивающемся числе отдельных мелких рыбаков, которые выезжают в море и ловят рыбу сетями на очень далеком расстоянии от берега и на небольшой глубине и тем самым преграждают доступ рыбы в реки и заставляют рыбу поневоле метать икру в море, которая и гибнет в несметном количестве непроизводительно. Рыбопромышленники обходили тот факт, что резкое уменьшение рыбодобычи зависело от монополизации байкальских рыбных промыслов в руках немногих иркутских фирм, порождавшей хищническую эксплуатацию рыбных богатств Байкала. Мелкие рыбопромышленники, разорявшиеся от монополизации рыбного промысла, проявляли резкое недовольство таким положением дел. Их мнение о причинах сокращения улова рыбы в Байкале и реках выражено в докладной записке иркутского мещанина Бунтика от 5 апреля 1886 г.: «Постепенно, из году в год, упадок рыбного промысла выражается как в уменьшении добычи, так и вздорожании цен, зависит главным образом от нерациональных и, можно сказать, хищнических способов добычи, а также от монополии крупных промышленников». Автор записки указывает на способ передачи в аренду оброчных статей в 80-х гг., который также вел к монополизации промысла. «Способ этот, — пишет автор записки, — ведет к монополизации промысла, потому, что в аренду капиталистам-рыбопромышленникам отдаются самые выгодные пункты, как, например, Баргузинская, Кругуликская и Култушинская губы. Местности эти отдаются с торгов иркутским Архиерейским домом тому, кто выдает большую цену, а потому, естественно, они попадают в руки двух-трех сильных промышленников» (Егоров, Клеменченко, 1971).

Во второй половине 19 века промысел уже большей частью велся в Байкале неводами и сетями. Вначале в орудиях лова сохранялся размер ячеи, выработанный опытным путем в реках, как наиболее эффективный. В дошедших до наших дней Правилах рыбопромышленности в озере Байкал и реке Селенге от 1896 г., подписанных Приамурским Генерал-губернатором Г.М. Мацневским, одним из пунктов уже регулируется ячеиность разных орудий лова. Вот эти правила:

«Глава I. Общие положения

1. Право на рыбный промысел в р. Селенга и оз. Байкал, кроме мест, предоставленных в исключительное пользование учреждений, обществ и казны, принадлежит прибрежному населению волостей: Посольской, Кударинской, Кабанской и Троицкой, инородцам Кударинского ведомства. По Байкалу — всем без исключения.

Примечание: Места, находящиеся в пользовании монастырей на время рунного хода омулей считаются свободными для промысла местным населением.

2. Посторонние рыбопромышленники могут быть допущены к промыслу не иначе как с согласия 2/3 личного состава местных рыбопромышленников за плату по взаимному согласию, выраженному в письменном виде.

3. Для удовлетворения расходов при организации промысла составляется запасной рыбопромысловый капитал.

4. Надзор за рыбным промыслом возлагается на рыбопромыслового старшину и его четырех помощников.

Глава 2. О времени, местах и снарядах для рыбной ловли

5. Со времени вскрытия Байкала и до 20 июля лов разрешается как неводом, так и сетями, но последние не могут располагаться против мест, занятых неводом.

6. С 20 июля по 1 октября, когда омули начинают приближаться к берегу, затем в реку, ловля сетями безусловно запрещается.

7. В это же время воспрещается лов омуля на пятиверстное расстояние от устьев впадающих рек и на такое же расстояние вверх по реке от устья. Для Селенги это пространство считается от крайних устьев на 5 верст в сторону и вверх по реке.

8. С 1 октября употребление сетей снова разрешается для лова хариуса в бухтах Байкала.

9. Границы запретных зон обозначаются на берегах столбами с надписями.

Примечание: Действие изложенных выше правил не распространяется на Верхнюю Ангару и Кичеру, где существуют особые правила.

10. Для ловли рыбы дозволяется употреблять сети, имеющие не более 16 ячей в квадратной четверти аршина (что соответствует ячее 45 мм), невода с ячейками в крыльях не более 4 ячей в 5 квадратных вершках (55 мм), а в середине (междусумок) 7 ячей в 8 квадратных вершках (50 мм) и в мотне 4 ячей в 4 вершках (45 мм). Саки, речные морды с числом ячей 26–36 в квадратной четверти аршина. Запрещаются: забойки, выколоты, езы, заездки (побережники и черезовики), фители, попольхуи, ловыги.

11. Саки и речные морды дозволяется употреблять в местах, не занятых неводными тонями.

Глава 3. Порядок ловли

12. Запрещается закидывать невод более чем на половину реки. Запрещается закидывать невод с двух сторон реки одновременно.

13. Места тоней занимаются по соглашению между рыбопромышленниками либо по жребию в присутствии лиц, обязанных следить за промыслом.

14. Лов рыбы производится артелями или самостоятельными рыбопромышленниками. Величина и состав артелей, распределение заработка между членами артелей и вообще внутренний распорядок определяется по взаимному согласию пайщиков. Вообще в этом отношении сохраняются издавна существующие обычаи.

15. Число артелей на тонях не определяется, но если же на одной тоне стоит несколько артелей, то очередь метания определяется жребием, а число метаний — пропорционально величине артели. Так, если на одной тоне стоят две артели, одна 50 человек, а другая 100, то из 3 заматов один принадлежит первой артели, а 2 тони — второй артели (ГАРБ. ф. 175, д. 138)».

Исчисление размеров ячее в орудиях лова производилось тогда по их количеству в одной квадратной четверти аршина. Байкальские же рыбаки определяли размер ячее орудий лова по числу их рядов в ручной пяди: 4 ячей — четырехрядка (44,5 мм), 5 ячей — пятирядка (36 мм), 6 ячей — шестирядка (30 мм). Как простой и понятный, такой способ определения ячее используется до сих пор (см. Приложение).

Проблема сокращения уловов рыбы в Байкале с конца 19 века становится предметом изучения Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (ВСОРО), Управления Государственных имуществ Иркутской губернии и Забайкальской области. Не последнюю роль в организации рыбохозяйственных экспедиций сыграли планы правительства по массовому переселению жителей центральных и западных областей Российской империи в Сибирь и на Дальний

Восток. Результатами таких исследований стали отчеты Н. Кирилова (1885, 1886), Н.Н. Сабурова (1889), А.А. Коротнева (1901), докладная записка землемера Н.Ф. Манжиева (Тюрин, 1933).

В 1885 г. ВСОРГО направляет врача Баргузинского окружного управления Н.В. Кирилова на селенгинские и северобайкальские рыбные промыслы. Автор высказывает мысль, что вследствие «нерационально сильных уловов прежних лет», косяки (руна) омулей, шедшие в реки метать икру во время массового хода в августе месяце, не могли оставить потомства, поэтому выживали лишь омули из «семей», заходящих в реки в сентябре, когда ловили рыбу уже меньше (Кирилов, 1886). Н.В. Кирилов кроме анализа причин сокращения уловов первым высказал мысль об искусственном разведении омуля с целью увеличения его запасов. Также впервые Н.Н. Сабуров (1889), при описании состояния рыбопромышленности на Байкале, высказал идею полного запрета лова омуля в реках во время его хода на нерест.

В 1901–1903 гг. на Байкал отправилась научно-промысловая экспедиция, которая вместе с гидрографической экспедицией Ф.К. Дриженко должна была «пополнить общую картину естественных условий этого бассейна». Деньги для организации экспедиции выделило Русское географическое общество, Департамент земледелия, Управление железных дорог и лично император. Экспедицию возглавил известный зоолог, профессор Киевского университета А.А. Коротнев. Базой экспедиции служил пароход «Иннокентий». Им были проанализированы записи уловов нерестового омуля на принадлежащих монастырям тоновых участках. Записи сохранились со времен царя Алексея Михайловича — отца Петра I (годы правления 1645–1676). То есть, практически, динамика уловов была прослежена за 200 лет!

Ученый пришел к определенным выводам, связав оскудение рыбных запасов с истреблением нерестового омуля во время рунного хода, а также сетной лов в приустьевых участках нерестовых рек, что, по его мнению, мешало заходу рыбы на нерест. Что же касается варварских порядков на промыслах, то, по мнению профессора, они заключались не столько в количестве выловленной рыбы, сколько в помехах к ее размножению и «неряшливом отношении к ненужной и бесполезной молодежи». Сельские власти покрывали разбой — «в этом году изображали из себя начальников, в будущем же году, обменявшись ролями, становились хищниками». Очевидно, что при таких ухищрениях весь рунный ход делается добычей хищного промышленника, которому к тому же покровительствуют и местные власти. Ученый предлагал создать речную полицию, обеспечить ее надлежащими транспортными средствами, включая паровой катер, а вместо сиюминутных занятий приезжих экспедиций учредить постоянную биологическую станцию, способную принести научную и практическую пользу (Коротнев, 1901). Самый важный вывод, сделанный ученым, заключался в необходимости полного прекращения речного промысла омуля во время рунного хода, если не навсегда, то, по крайней мере, на несколько лет, а также запрещение ловить рыбу ближе 5 верст в обе стороны от устьев нерестовых рек.

В 1899 г. северобайкальские рыбные промыслы обследовал чиновник иркутского Управления государственных имуществ Н.Ф. Манжеев. Будучи к этому времени знаком с рыбными промыслами в Каспийском море, Н.Ф. Манжеев приходит к следующим выводам:

1. Производимое рыбопромышленниками бесконтрольное, хищническое рыболовство — причина исчезновения омуля в Байкале.
2. При существующем порядке рыболовства рыбопромышленность на Байкале прекратится, так как улов рыбы не будет оправдывать расходов.
3. Рыбопромышленники современного типа, извлекающие для себя прибыль и содержащие рабочих в весьма жалком состоянии, пользуясь в то же время государственными богатствами безвозмездно, являются эксплуататорами, приносящими вред своим хищническим истреблением рыб (Тюрин, 1933).

23 августа 1900 г. А.С. Беневским, помощником Приамурского Генерал-губернатора, были утверждены Правила рыбопромышленности на озере Байкал и реке Селенга. Их действие распространялось только на территорию Селенгинского уезда Забайкальской области (р. Селенга и побережье Байкала от р. Снежная до р. Кика). Западная часть Байкала в те годы административно относилась к Иркутской губернии. Это были первые наиболее подробно разработанные во всех отношениях правила, по образцу которых впоследствии разрабатывались другие аналогичные законодательные акты. Основные положения этих правил были следующие:

Глава 1. Общие положения

Право на пользование прибрежными водами и рыбной ловлей принадлежит местному прибрежному населению, а также тем ведомствам, обществам и учреждениям, которым оно предоставлено особыми распоряжениями. Право лова распространяется на 5 верст вглубь Байкала, в местах неводных тоней — до пятисаженной глубины. Хозяева береговой полосы обязаны оставлять десятисаженную полосу для пристаивания рыбацких лодок и обсушки снастей. С каждой рыбопромысловой лодки взимается ежегодно сбор в размере 5 руб. Квитанция об оплате служит основанием для лова. Во время рунного хода местное население ловит омуля бесплатно, лица, не принадлежащие к местному населению, допускаются к лову за особую плату, определяемую выборными из числа рыбопромышленников. Все сборы идут на формирование рыбопромыслового капитала.

Глава 2. О времени, месте и снарядах для рыбной ловли

Лов рыбы разрешается с момента распаления льда до 1 августа. Сетной лов разрешен повсеместно, хозяевам неводных тоней следует ограничивать тоневою участок бакенами (баканами), в противном случае, претензии к сетовщикам не принимаются. С 1 августа по 1 октября вводятся ограничения на лов. Лов сетями запрещается повсеместно. Лов любыми орудиями лова запрещается против устья р. Селенга до середины Байкала и на 5 верст по берегу от крайних устьев р. Селенга. В самой Селенге всякий лов запрещается до деревень Чертовкиной и Шустовой. Выше запретной черты лов разрешается орудиями, в которых рыба не ячеится.

Глава 3. Порядок рыбной ловли

Число неводов на тони не ограничивается. Порядок замата неводов, как в Байкале, так и в реке осуществляется по договоренности, или по жребью. Закидывание невода более чем на половину ширины реки запрещено, на середине реки должен стоять бакен, самовольное перемещение которого запрещено и наказуемо.

Глава 4. О засоле рыбы

Засол рыбы, пойманной по карге на Байкале, производится в селении Посольском, а во время рунного хода в р. Селенга — в селении Чертовкинском в рыбодолах, построенных за счет рыбопромыслового капитала. Домохозяева, допустившие засол рыбы на своем подворье, подвергаются взысканию. Рыбные отходы следует или сжигать или закапывать на глубину не менее 1,5 аршина.

Глава 5. О надзоре за рыбными промыслами

Общий надзор за рыбным промыслом осуществляется местным окружным начальником и участковым приставом. Непосредственное наблюдение за промыслом на местах осуществляется волостными, сельскими и инородческими начальниками, в арендованных водах — самими арендаторами. В помощь им от каждой волости избираются 5 рыбопромысловых старшин. На время рунного хода омуля в с. Чертовкиной открывается отделение окружного полицейского управления. В случае необходимости на место может быть прислана особая воинская команда. Для преследования нарушителей правил от волостей назначаются до 50 рабочих-гребцов.

Глава 6. О мерах к прекращению хищнической добычи рыбы

Каждый владелец сетей или неводов должен получить билет на право владения и пользования данным орудием. С 1 августа по 1 октября сети и сетевые лодки опечатываются казенной печатью. Рыба, пойманная во время летнего промысла, с 1 августа должна активироваться с выдачей документа, дающего право на продажу этой рыбы в запретное время. Засолка, продажа и покупка рыбы со следами сетей на чешуе запрещается. Такая рыба конфискуется с производством дознания по делу. Пойманная во время рунного хода рыба должна предъявляться промысловым старшинам.

Глава 7. О прекращении несогласий между рыбопромышленниками

Несогласия и тяжбы между рыбопромышленниками и рыбопромышленниками и рабочими решаются на месте посредниками, избранными в равном количестве от разных сторон. Если спор

остался нерешенным, дело передается приставу или в полицейское управление с возможностью обжалования в вышестоящей инстанции.

Глава 8. О взысканиях за нарушение правил о производстве рыбопромышленности

Взысканиям подвергаются лица, нарушившие данные правила с конфискацией орудий лова и пойманной рыбы, которые продаются с торгов. Вырученная сумма поступает на счет рыбопромыслового капитала.

Глава 9. О порядке производства дел по нарушениям правил о рыбопромышленности

В главе прописывается порядок рассмотрения дел нарушителей правил. Дела рассматриваются в административном порядке, за исключением нарушений, связанных с насилием, оскорблением власти, предусмотренных Уложением об уголовных наказаниях.

Глава 10. Об ответственности должностных лиц по надзору за рыбными промыслами

Чины полиции, начальники и старшины за упущения и ослабления надзора подлежат ответственности согласно Уложению о наказаниях. Лица, надзирающие на месте за промыслом, в случае обвинения их проступке или преступлении немедленно освобождаются от обязанности.

Глава 11. О рыбопромысловом капитале

Цель образования рыбопромыслового капитала — удовлетворение всех расходов, связанных с исполнением настоящих правил. Источники, составляющие капитал: сборы за право промысла, выручка от продажи конфискованной рыбы, орудий лова и лодок, проценты на капитал (на ценные бумаги, в которых он хранится).

Глава 12. О собраниях рыбопромышленников для обсуждения вопросов, касающихся рыбной ловли

Для обсуждения вопросов назначаются собрания: постоянные и чрезвычайные. Состав собрания: по 3 человека из числа рыбопромышленников от каждой волости (всего 15 человек). Постоянные собрания назначаются до и после окончания путины. Чрезвычайные собрания могут назначаться в любое время, смотря по необходимости. Вопросы решаются большинством голосов.

Таким образом, к началу 20 века свои правила имелись на реках Северного Байкала и на р. Селенга с прилегающей акваторией озера. И только 12 июня 1906 г. иркутским Генерал-губернатором А.Н. Селивановым приняты «Правила о рыбопромышленности на озере Байкал и рек, впадающих в него, расположенных в пределах Баргузинского уезда Забайкальской области, кроме рек Верхняя Ангара и Кичера». Правила для Баргузинского уезда в целом соответствовали таковым для Селенгинского, разница была только в сроках запрета на лов омуля в предъустьевом пространстве реки. Лов омуля здесь запрещался с 1 сентября по 5 октября (на Селенге с 1 августа по 1 октября). Связано это с тем, что образование преднерестовых косяков и массовый заход омуля в реки района был несколько позже.

Положение осложнялось тем, что Байкал служил естественной границей между Иркутской губернией и Забайкальской областью Приамурского генерал-губернаторства, из-за чего возникал разноречивый в управлении территориями. Разные территории одного водоема — озера Байкал — подчинялись разным правилам, что существенно затрудняло наблюдение и контроль за их исполнением. Продолжалось это до 1906 г., когда Забайкальская область вошла в состав Иркутской губернии.

В 1908 г. в связи с неудовлетворительной организацией надзора за выполнением правил рыболовства Иркутский Генерал-губернатор созвал совещание для выработки проекта правил рыболовства, общих для всего бассейна озера Байкал. Разработанный проект «Правил о рыбном промысле на озере Байкал и реках, в него впадающих» был утвержден 29 декабря 1908 г. тем же генерал-губернатором А.Н. Селивановым. Правила 1908 г. более тщательно регламентировали рыбный промысел, они были составлены с учетом природных и метеорологических особенностей местности,

рекомендаций ученых, и отличались более четкой структурой органов надзора за соблюдением правил и распространялись на всю территорию Байкала.

Революционным в этих правилах было введение полного запрета на лов омуля любыми орудиями лова с 1 августа по 1 ноября. По ним запрещался лов ходового омуля во всех реках и их устьях на 8 верст по берегу в каждую сторону и на то же расстояние вглубь озера. Исключение делалось для коренных малочисленных народов — тунгусам разрешалось добывать омуля для собственного употребления простейшими орудиями. Вводились запретные сроки для лова других видов рыб: с 1 апреля по 1 июня нельзя было ловить хариуса в реках, с 15 апреля по 1 июня соровую рыбу, осетра — с момента распаления льда до 15 июля. Запрещался лов рыбы сетями в Малом Море и Чивыркуйском заливе, использование одуряющих, ядовитых и взрывчатых веществ. Запрещалось устройство заграждений в проливах, протоках, реках, препятствующих свободному передвижению рыбы, использование неводов, длина которых превышала половину ширины акватории, в частности, реки. Байкал был разбит на четыре смотрительских района. У смотрителей были самые широкие полномочия: от сбора средств (налога) до ведения статистики, касающейся рыбодобычи. Вводилась и должность промыслового старшины, который избирался на период промыслового сезона и имел специальный знак. Кроме того, устанавливались ограничения по продаже рыбы. Так, осетр не должен быть меньше 1 аршина, омуль — менее 5 вершков. Правилами запрещалось использование на промысле двух и трехнабойных лодок длиной свыше 12 аршин. Такие лодки, управляемые 3—4 гребцами, особенно изготовленные из кедра, легко уходили от любой охраны, их предписывалось опечатывать на время запрета. Совещанием 1908 г. также отмечалась недопустимость тайной продажи спирта и водки в местах рыбных ловель, а также продажа, покупка, хранение, перевозка свежей и свежесоленой рыбы в запретное время.

Введение в действие правил 1908 г. было приостановлено, так как члены Государственной Думы усмотрели в них несогласованность с действующим законом о рыбопромышленности в Сибири. Недовольны новым законом были все, кто ловил рыбу, в основном из-за того, что нерестового омуля стало добывать нельзя. Рыбопромышленники ходатайствовали перед Главным управлением землеустройства и земледелия о срочном рассмотрении вопроса об отмене этих правил. Основным камнем преткновения явился установленный правилами особый денежный сбор с рыболовецкого населения за право промысла в пользу так называемого рыбопромыслового капитала. 40 членов Государственной Думы, поддержав рыбопромышленников, посчитали, что Иркутский Генерал-губернатор превысил свои полномочия, так как не мог ни под каким предлогом назначать новые подати и сборы. Эти правила вскоре были отменены, и в силу вступили старые правила 1900 г.

Однако, Генерал-губернатор А.Н. Селиванов не отступил и в письме главному управляющему землеустройством и земледелием в 1910 г. писал, что скорейшее упорядочение рыболовства в Байкале представляется тем более своевременным, что ничтожные результаты улова 1900 г. наглядно показывают истощение рыбного богатства на Байкале и убеждают в необходимости подчинения рыболовства точным правилам (Курышова, 2007). В 1910 г. был составлен проект новых правил, согласованных с прежними временными правилами 1908 г. Принятие проекта затянулось до 1914 г., когда ожидалось введение общего для Российской Империи закона и устава рыболовства. Однако, несмотря на проведение подготовительной работы по разработке общероссийского закона о рыболовстве, единый устав так и не был принят. Возможно, это объясняется тем, что крупные рыбопромышленники, казенные ведомства при наличии такого закона лишились бы основных доходов от рыболовства.

Необходимо сказать несколько слов о налогообложении лиц и организаций, занимающихся рыболовством. Начиная с 17 века государством велись сборы с разного рода промыслов, при этом сложившаяся налоговая система имела бессвязный и несистемный характер. В 1898 г. в Министерстве финансов (Министр С.Ю. Витте) разработана новая система налогообложения торгово-промышленной деятельности. Промысловый налог заменил прежний сбор за право торговли и др. промыслов, но взимался он не с лица, а с предприятия, которые по ряду признаков делились на разряды (всего 8 разрядов) с фиксированной для каждого разряда ставкой. Этот налог уплачивался посредством выборки (покупки) т. н. промысловых свидетельств. Одно из таких свидетельств сохранилось в архиве Свято-Троицкого Селенгинского монастыря. В 1909 г. свидетельство

Рис. 6.2. Свидѣтельство на личное промысловое занятіе, выданное Баргузинским казначейством брату Селенгинскаго монастыря А.М. Бонелю на рыболовный сезон 1910–1911 гг. (ГАРБ. ф. 262, д. 471, л. 6).

на промысловое занятие было выдано рясофорному брату А. М. Бонелю, заведовавшему монастырскими ловлями на оз. Котокель. Как следует из документа, монастырская контора рыбопромышленного дела была отнесена к пятому разряду со ставкой 35 руб. Кроме основной ставки, монастырь оплатил и местные сборы в размере 7 руб.

Вскоре последовали известные события, изменившие ход истории — мировая война, революция и интервенция, оторвавшие основные производительные силы от своих привычных занятий. Рыбодобыча на Байкале в это время приобрела черты домашнего рыболовства, наступил его запуск, а омулевые стада получили небольшую передышку для своего восстановления.

Постановлением Высшего совета народного хозяйства и Народного комиссариата продовольствия от 9 декабря 1918 г. при комиссариате было организовано Главное управление по рыболовству и рыбной промышленности (Главрыба), к числу функций которого были отнесены разработка мер охраны рыбных запасов и общее руководство по регулированию рыболовства. В марте того же года в Иркутске состоялся Первый Краевой съезд трудовых рыбаков. Съезд провозгласил право на свободный лов рыбы для всего населения. Запрещалась продажа и аренда рыбопромысловых участков. На съезде приняты новые (временные) правила рыболовства и избран Краевой Байкальский рыбопромышленный комитет, ведающий рыбным промыслом и добычей нерпы. На местах организацией промысла ведали Волостные комитеты и рыбопромысловые старшины. С 1920 г. заведование вопросами рыболовства перешло к филиалу Главрыбы — Восточно-Сибирскому отделу Рыбоводства.

В это же время рыболовецкие организации Байкала объединились в общесибирский Союз рыболовных обществ и артелей. Союзом был принят примерный Устав рыбацкой артели, в котором регламентировались правила рыболовства и прописывались некоторые охранные меры. В целом, работы по охране рыбных запасов в первые годы советской власти проходили исключительно на местном уровне в основном по правилам, принятым еще в дореволюционное время. В начале 20-х гг. 20 века постоянные правила рыболовства отсутствовали. Почти каждый год органы власти утверждали инструкцию о порядке лова.

Дело осложнялось тем, что бассейн озера Байкал был разделен между двумя образованиями: Иркутской губернией РСФСР и Бурятской Республикой, входившей в состав Дальневосточной Республики (ДВР), буферного государства между РСФСР и Японией, формально независимой и со своей властью. Границей между РСФСР и ДВР была р. Селенга от Монголии до ее впадения в оз. Байкал. Нижняя часть Селенги (до 80 км от устья) территориально входила в состав Иркутской губернии РСФСР, а верхнее течение — в состав Буреспублики. Реки Верхняя Ангара, Кичера, Баргузин отошли к ДВР. Дальневосточная Республика существовала с 1920 по 1923 гг., с 1924 г. вошла в состав РСФСР как Бурят-Монгольская АССР.

Соответственно, и порядки у республик были разные. По свидетельству пионера байкальского рыболовства К. Н. Пантелеева (1926), власти Иркутска, запретив лов омуля в пятикилометровой зоне в Байкале и до деревни Чертовкиной, разрешили неограниченный лов его выше по течению. На территории же ДВР, т. е. начиная с 80 км от устья, лов в реке был под запретом, что, естественно, вызывало протесты населения. По словам К. Н. Пантелеева, проводившего в 1920 г. опыты искусственного разведения омуля в д. Жилино, все работы в нерестовый период он проводил, находясь в гуще событий, связанных с незаконным выловом ходового омуля, стараясь не вмешиваться в «тайный промысел местного населения и действия администрации».

По договору, заключенному в 1920 г. правительством ДВР с правительством РСФСР, последнему сдана концессия на эксплуатацию рыбных богатств, принадлежащих ДВР на озере Байкал. Согласно этой концессии агенты советской власти отчуждают 3/4 всего улова, производимого местным населением. Отчуждение производилось по твердым ценам с оплатой товарами. Правила рыболовства на территории ДВР устанавливались Управлением земледелия, общий надзор за рыболовством осуществлялся подотделом Рыболовства и охоты. Уполномоченным подотдела был назначен К. Н. Пантелеев. Одновременно Иркутский губернский Исполком РСФСР издавал свои постановления о правилах рыболовства. Вот некоторые выдержки из Правил рыболовства, установленных в водах Дальневосточной Республики в 1921 г. (ГАРБ. ф. 221, д. 3):

1. Все воды ДВР разделяются на 3 рыбопромысловых участка: Верхнеангарский, Баргузинский и Горячинский.

2. Рыболовство в водах Прибайкальской области допускается лишь дозволенными способами, в указанное время, но по платным разрешениям рыбопромыслового надзора. Бесплатное производство рыбной ловли разрешается местному трудовому населению, для которого рыбная ловля является основным и единственным средством к существованию, а также лицам, производящим лов рыбы мелкими орудиями, — удочками, сачками, корчагами исключительно для личного пропитания.

3. Устанавливаются минимальные размеры вылавливаемой рыбы. В частности, для осетра — 16 вершков, щуки — 7, язя — 6, хариуса — 4, окуня — 4 вершка при измерении от середины глаза до конца заднепроходного плавника (т. н. старая промысловая длина, применявшаяся до 1946 г.). При измельчении рыбы в каком-нибудь водоеме, приостановке ее в росте, разрешался отлов лишней рыбы под надзором органов охраны.

4. Лов рыбы во время икрометания ни под каким видом не допускается. Лов омуля запрещается во всех реках, принимающих руна омулей, в устьях этих рек по 5 верст в каждую сторону, по всей береговой полосе между Верхней Ангарой и Кичерой, весь Чивыркуйский залив, весь Баргузинский залив. Лов хариуса запрещен с 14 апреля по 14 июня, соровой рыбы с 27 апреля по 14 июня, осетра — от вскрытия водоема до 21 июня.

5. Воспрещаются во все время года хищнические способы лова рыбы. В частности, запрещалась установка заездков в реках с перекрытием более 1/3 ширины реки, использование крючковых самоловов, отравление рыбы кукольваном, глушение динамитом, лов рыбы кривдами. Вместе с тем, разрешалось использование крючковых переметов для лова осетра. Стоило такое разрешение дорого: за снасть в 25 крючков нужно было заплатить 25 руб. золотом.

6. Устанавливались размеры ячей орудий лова, в частности, для омуля полагалось не более 5 ячей в четверти аршина.

7. Использовать 2—3 набойные лодки длиной свыше 12 аршин запрещалось, такие лодки должны сдаваться на запретное время и опечатываться.

8. Надзор за промыслом возлагался на 27 старшин, милицию и лесничих.

9. Желающие заняться рыборазведением могли подать заявление в подотдел с указанием, требуется ли субсидия. Рыбоводный водоем в этом случае изымается из общего пользования (рыболовства) на определенный срок. За успешную операцию по рыборазведению полагалась премия.

10. Желающие заняться рыбным промыслом должны были заплатить государству в лице подотдела Рыболовства и охоты следующие деньги:

- а) арендную плату за рыболовное угодье;
- б) попудный сбор;
- в) билетный сбор с орудий лова;
- г) в случае нарушения правил рыболовства полагался штраф.

Например, для сдачи в аренду рыболовных тоней в Чивыркуйском и Баргузинском заливах устраивались торги в п. Баргузин. Перед началом торгов устанавливалась начальная цена участков. Например: Онгоконская губа стоила 200 руб., Кресты 100 руб., Покойники 300 руб., Катунь 100 руб., Бакланий остров 80 руб., Безымянка 80 руб., Поливная карга 1500 руб.

На все продукты лова, заготовленные с целью продажи, налагался попудный сбор, который взимался как со свежей, так и с впрок заготовленной рыбы. Сбор взыскивался с каждого пуда проданной рыбы в размере: осетр — 4 фунта с пуда рыбы, остальные виды по 5 фунтов с пуда (в денежном выражении).

Со всех орудий лова необходимо было уплатить билетный сбор. Такса в золотом рубле на право рыбной ловли составляла: с поплавной сети 1 руб. за пай (20 сажень) в год, с невода — 50 коп. за пай (5 сажень), за лов мордой при заездке — 1 руб. за штуку, за лов мордой (фитилем, вентерем) — 3 руб. за штуку, за лов связками (связка — пучок крючьев, которые опускались в улово) — 2 руб. 50 коп. за штуку, за лов мережками (фитилями) — 2 руб. 50 коп. за штуку, за лов вершей осетров — 1000 руб., за лов лучением — 2 руб. за лодку, бормашение — 25 руб. с билета, охота на нерпу — 75 руб. с ружья (ГАРБ. ф. 221, д. 4).

Повсеместно на всех омулевых реках Байкала с ведением запрета на лов нерестового омуля, во все больших масштабах стал практиковаться лов отнерестившегося, покатного омуля.

9 января 1924 г. ЦИК и СНК Бурят-Монгольской АССР вынесли решение об организации рыбного хозяйства республики. В 1924 г. в Бурят-Монгольском комиссариате Земледелия (Наркомзем)

при Лесном отделе создан подотдел Рыболовства и рыбоводства. Затем подотдел был присоединен к отделу Мелиорации и землеустройства. Штат подотдела состоял из 10 человек: инструктор рыболовства, специалист рыбоводства, 4 заведующих промрайонами и 4 инспектора рыбоохраны. На нерестовый период на временную работу набиралось до 60 человек, в основном это были гребцы лодок. Этот период охраны рыбных запасов прошел под знаком противостояния браконьеров («хищников» по терминологии тех лет) и «имальщиков» — тех, кто их ловил. Быстроходных катеров в то время у охраны не было и победителем в противостоянии был тот, у кого команда гребцов была лучше, а лодка более ходкой.

С организацией подотдела было положено начало восстановительного периода в рыбном хозяйстве. В своей работе Наркомзем заострил внимание на сохранении запасов рыбы, для чего было произведено районирование рыбоугодий с подразделением их на угодья государственного и местного значения. Первые сдавались за небольшую плату рыболовецкому населению, вторые были отданы сельским обществам в качестве наделов. Рыбоохрана рыботдела обслуживала только водоемы государственного значения (т. е. оз. Байкал и нерестовые реки), а воды аймачного (районного) значения охранялись местными земскими органами и самим населением.

Бурят-Монгольская АССР и Иркутская губерния осуществляли совместную охрану рыбных запасов. Так, в 1926 г. между Наркомземом БМ АССР и Иркутским Губземуправлением было заключено соглашение о совместной охране рыбных угодий. Назначался общий заведующий охраной с предоставлением ему права распоряжения всеми охранными лодками той и другой стороны. Наркомзем Буреспублики выставил для охраны пять лодок, Иркутское Губземуправление — три лодки с шестью техническими работниками и одним старшим работником в каждой из них. С 13 августа по 15 октября, на период нереста омуля, учреждалась рыбоохрана на территории Иркутской губернии и БМ АССР. Все отобранные у браконьеров сети и лодки концентрировались на сборном пункте, а незаконно выловленная рыба подлежала немедленной засолке и реализации. Обязательным постановлением Иркутского Губисполкома лов омуля был запрещен в районе р. Селенга с 25 августа по 15 октября. Мерой пресечения хищнических способов лова омуля в Иркутской губернии признавался штраф до 300 руб. и принудительные работы до трех месяцев (Аргунова, 2016). Осуществлялись мероприятия по ограничению транспортировки и продажи омуля в период запрета без особых на то разрешений, выдаваемых органами рыбнадзора или местной властью.

Для охраны вод государственного значения в 1927 г. по распоряжению Наркомата пищевой промышленности РСФСР при Госглаврыбе в г. Верхнеудинске была создана специальная рыбная инспекция — Верхнеудинский городской рыбный надзор для охраны и воспроизводства рыбных запасов (впоследствии «Байкалрыбвод»), служащие которой проводили охрану водоемов. Таким образом, 1927 г. следует считать годом основания органов рыбоохраны на озере Байкал. Было проведено районирование бассейна оз. Байкал на промысловые районы. Всего образовано 4 района: Нижнеангарский, Баргузинский, Маломорский и Селенгинский. Бассейн р. Селенга был выделен в отдельный район — Верхнеудинский.

Чтобы представить работу рыбнадзора в Кабанском районе на р. Селенга в годы становления рыбного хозяйства, приведем табл. 6.1.

Таблица 6.1. Некоторые показатели работы органов рыбоохраны в 1926–1930 гг.
(по: Луховцев, 1932)

Годы	Выявлено нарушений	Отобрано	
		Лодок	Метров сетей
1926	160	140	7455
1927	145	127	4260
1928	50	23	2151
1929	15	2	450
1930	3	—	280
1931	—	3	90
1932	—	—	—

До 1928 г. правила рыбной ловли вырабатывались съездами рыбаков (всего было 3 съезда), утверждаемые Советом Народных Комиссаров Бурят-Монгольской АССР. В частности, периодически правилами запрещался лов нерестового омуля в Байкале и реках (с 1918 по 1923 гг. и с 1925 по 1931 гг.).

В 1928 г. (11 сентября) СНК были приняты первые Правила рыболовства. Правилами устанавливался запрет на лов нерестового омуля с 25 августа до 15 ноября. Немного ранее, 3-м съездом рыбаков был отменен т. н. талонный лов (лов преднерестового омуля вблизи устьев нерестовых рек во время образования преднерестовых скоплений с середины июля до середины августа). Длина неводов в Байкале ограничивалась 2000 м. Размеры морских сетей ограничивались высотой до 5 м, длиной — до 1500 м с ячейей 36–40 мм. Ячея в мотне закидных неводов устанавливалась в размере 24–30 мм. Разрешались следующие орудия лова: сети, невода, бродники (бредни), верши, фитили, морды, корчаги, саки, спиннинги, переметы, бормашовые уды. Устанавливались следующие таксы на орудия лова: на 1 метр сети осетровой — 20 коп., омулевой — 5 коп., сиговой — 5 коп., харьужовой — 3 коп., соровой — 2 коп., 2-х и 3-стенки — 10 коп., бродники — 5 коп., 1 метр невода — 10 коп., фитиль — 5 руб., 1 морда в заездке — 2 руб., бормашение — 2 руб., за каждый крючок на перемете — 3 коп., за лучение с лодки — 2 руб., спиннинг — 50 коп. (ГАРБ. Р-195, д. 337).

С 1941 по 1947 гг. в силу чрезвычайных обстоятельств были отменены все ограничения по лову омуля на Байкале. В 1948 г. лов нерестового омуля снова был запрещен, лов же покатного (отнерестившегося) продолжался до 1957 г., после чего тоже был запрещен.

Правилами рыболовства 1946 г. ячея в летних сетях допускалась от 32 до 36 мм, в мотне закидного невода — 30–32 мм, в котле появившихся ставных неводов — 36 мм. Правилами было изменено понятие минимальной «промысловой меры» на вылавливаемую рыбу. С 1922 по 1946 гг. действовала т. н. «старая промысловая мера» (длина рыбы от середины глаза до первого луча анального плавника). Для Кабанского района минимальная допустимая длина вылавливаемого омуля, таким образом, составляла 21 см. С 1946 г. эта величина составила 25 см по новой системе при измерении рыбы от конца рыла до конца чешуйного покрова (т. н. новая «промысловая длина»).

Правила пересматривались в 1953 и 1956 гг., в эти годы ячея в сетях была увеличена до 34–38 мм, а в мотне, как ставного, так и закидного неводов установлена 32–34 мм. В правилах рыболовства 1953 г. сказано: «Запрещается всякое рыболовство на Селенгинском мелководье оз. Байкал от мыса Облом до разъезда Боярского по 5 км вглубь озера, а также в протоках Голутай, Харауз, Старая Борозда, Шаманка и Шаманская прорва, в Истокском соре и в р. Селенге с 15 августа до 31 октября». Фактически же это установление игнорируется из-за слабости, а иногда и попустительства рыбоохраны. Рыбаки мечут сети у берега, а то и в губах, и протоках прямо среди нерестовых скоплений омуля, чем наносят вред нерестовому стаду сокращением численности производителей, идущих на нерест. По ориентировочным подсчетам А.А. Кактыня в 1950-х гг. в деревнях по Селенге во время нерестового хода оседает до 10 тыс. ц омуля (не менее 2 млн шт.). По свидетельству С.И. Краснощекова: «Местное население, добывающее омуля в запретный период по реке, значительное количество его вывозит на базар. Всю зиму по селам разъезжают заготовители от разных организаций и закупают омуля. Отдельные браконьеры продают по 9–10 бочек по 150 кг каждая на сумму 15–20 тыс. рублей. Слабость охраны объясняется организационным пороком, так как она комплектуется из местных жителей на сезон нереста. Кроме нежелания портить отношения, временные сотрудники рыбоохраны зачастую не только потворствуют хищениям, но и сами занимаются незаконным ловом. Трудность борьбы отличается еще и тем, что в хищениях участвуют люди весьма влиятельные» (Краснощев, 1967) (рис. 6.3–6.4).

С 1960 г. в связи со сменой стратегии промысла и перенесения нагрузки на вылов крупноразмерной рыбы ячея в сетях стала 38–40 мм, в котле ставного невода — 40–42 мм, в мотне закидного — не менее 38–40 мм. Этими же правилами был введен минимальный промысловый размер омуля 33 см, на практике же регулирование промысла исходило из длины на 2 см меньше (31 см).

В начале 1960-х гг. в связи с подъемом воды в Байкале плотиной Иркутской ГЭС, произошли изменения гидрологического режима озера. В это время ухудшилась кормовая база нагульного омуля. Из-за развития промышленности, загрязнения рек сточными водами, отходами лесосплава, нефтепродуктами, ухудшились и условия инкубации икры на естественных нерестилищах

Рис. 6.3. Браконьеры на р. Большая Речка ловят нерестового омуля (фото С.И. Краснощечкова, 1956 г.)

Рис. 6.4. После обхода рыбоохраны — омуль на частном подворье (фото С.И. Краснощечкова, 1956 г.)

р. Селенга. Все это, наряду с нерациональным промыслом, увеличением промысловой нагрузки и одновременным переходом на капроновые сетематериалы, привело к снижению запасов омуля и, как следствие, установлению запрета на его добычу с 6 февраля 1969 г. решением Исполнительного комитета Иркутского областного совета депутатов трудящихся. Незначительная добыча нерестового омуля проводилась только в рыболовных целях и по спецлимитам эвенками (тунгусами) колхоза «Победа» на Северном Байкале (2000 ц). В 1979 г. ограничения были частично сняты, а с 1982 г. начал вестись лимитированный промышленный лов.

В 2007–2008 гг. в результате структурной перестройки органов государственной власти в области рыболовства функции контроля и надзора за водными биоресурсами перешли к Ангаро-Байкальскому территориальному управлению Госкомрыболовства. Вскоре за этим последовали изменения и правил рыболовства.

В настоящее время действуют правила рыболовства, принятые в 2014 г. (Приказ Минсельхоза России от 7 ноября 2014 г. № 435), которые регламентируют деятельность юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и граждан, включая лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера. Согласно правилам, во время образования преднерестовых скоплений и нереста омуля запрещен всякий его лов с 1 августа по 15 ноября, за исключением отлова отнерестившегося омуля. Под запретом находится применение тралов, кошельковых неводов, подъемников, кривд, хапов, заездков. Размер ячеи в котле ставного невода установлен в размере 32 мм, в кутке закидного невода — 30 мм, в сетях — 30–32 мм.

После 2000-х гг. стала проявляться тенденция снижения общих запасов омуля в Байкале. Через некоторое время снижение достигло критического уровня и потребовало существенных изменений в организации промысла и установления дополнительных ограничений. С 1 октября 2017 г. введен запрет на промышленный лов омуля в Байкале. Право ограниченного вылова, за исключением нерестового периода, осталось у представителей коренных малочисленных народов, которые проживают в двух районах на территории Республики Бурятия, а также в целях искусственного воспроизводства.

Глава 7

Селенгинские рыбные промыслы

Приселенгинский район на карте 1806 г. (по: Семивский, 1817)

Приселенгинский район охватывает участок Байкала от р. Снежная на юге до бухты Гремячая на севере. В центре промысла располагается обширная дельта р. Селенга.

Байкальское рыболовство начало развиваться в устье реки Селенга и в находящемся неподалеку заливе Прорва в середине 17 века. Первые русские — казаки атамана Василия Колесникова высадились на восточном берегу Байкала близ устья р. Селенга в 1645 г. В 1650 году здесь же появилось судно Российской посольской миссии, возглавляемое Ерофеем Заболоцким. Посол в сопровождении сына, подьячего и нескольких казаков, сойдя на берег, были убиты жившими в этих местах «мунгалами». В 1652 г., помня о событиях двухлетней давности, в этих местах высадился огромный по тем временам десант казаков числом около 300, заложив здесь первые поселения русских — острожек в Прорве на месте убийства посольства и зимовье в 25 километрах южнее — на реке Мантуриха. Ознакомившись с устьем Селенги и сделав небольшие вылазки вверх по реке, отряд зазимовал в Прорве во вновь заложенном острожке. С этого момента русские на реке Селенга и в целом на Байкале закрепились окончательно. Острожки служили опорой тем, кто шел дальше покорять Забайкалье. В поселениях казаки и служилые люди зимовали в ожидании вскрытия Селенги, запасались мясом дичи и рыбой, строили дощаники и лодки, тесали весла, шили паруса. Осевшие здесь переселенцы строили остроги, деревни, завели хлебопашество, рыбные, пушные, другие промыслы, занялись судоходством.

Река Селенга, берет начало в местах, где жили «мунгальские люди» — в китайской Монголии. В Российских пределах, после установления границы с правителями Китая, река протекает около 330 верст и впадает в Байкал несколькими устьями, наиболее крупные из них: Верхнее, или Северное, Колпинское, Среднее и Нижнее (Южное). Это последнее было наиболее глубоким

и служило основным маршрутом при входе и выходе судов в Байкал. По Селенге колонистами были заложены своего рода форпосты, если двигаться сверху вниз по течению — в 1665 г. Селенгинский, в 1666 г. — Удинский, в 1679 г. — Итанцинский и в 1682 г. — Кабанский остроги.

Русские селения встраивались между существовавшими здесь поселениями бурят. Тем не менее, постепенно судьбы пришельцев переплетались с судьбами местного населения и, взаимно обогащая друг друга, образовывали своеобразный хозяйственный и социальный уклад.

Первыми поселениями русских по Селенге были Сотниковская, Посельсковая и Бурдуковская деревни, Ильинский острог, Покровская слобода, Юговская, Беломоинская, Таловская, Мостовская, Таракановская деревни. Ниже этих деревень была Архангельская слобода, затем Кударинская и Благовещенская слободы. Бурлаковская деревня «стоит над рекой Чернухой». Это, видимо, нынешнее село Брянск. Затем Дунаевская деревня (современная Береговая), за Селенгой напротив — Фофоновская деревня. Ниже по Селенге у Кабан-реки находился уже упоминавшийся Кабанский острог, вверх по Кабаньей реке стоит Яланская деревня (ныне с. Елань). Ниже Кабанска по Селенге стояла Колесниковская слобода, Твороговская деревня, против нее за Селенгой рекой деревня, называемая Красный Яр. Таким образом, низовья Селенги были заселены служилыми, посадскими, пашенными крестьянами, и другими сословиями приехавших на новую родину переселенцев. Из заимок, принадлежавших Посольскому монастырю, возникли деревни: Степной Дворец, Исток, Большереченская.

После неудачных попыток завести земледелие на р. Баргузин, основным районом, где выращивали хлеб, стал бассейн реки Селенга. Здесь было теплее, чем на Баргузине, а места удобнее для освоения под пашню. На правом берегу р. Селенга раскинулась Кударинская степь, ставшая главным земледельческим районом Забайкалья. На чертеже С.Е. Ремезова, составленном в 1701 г., Кударинская степь обозначена как пахотные места, где поселились служилые люди с центром в деревне Кудара. У этого автора упоминаются также русские деревни: Фофоново, Шергино и Быково (рис. 7.1).

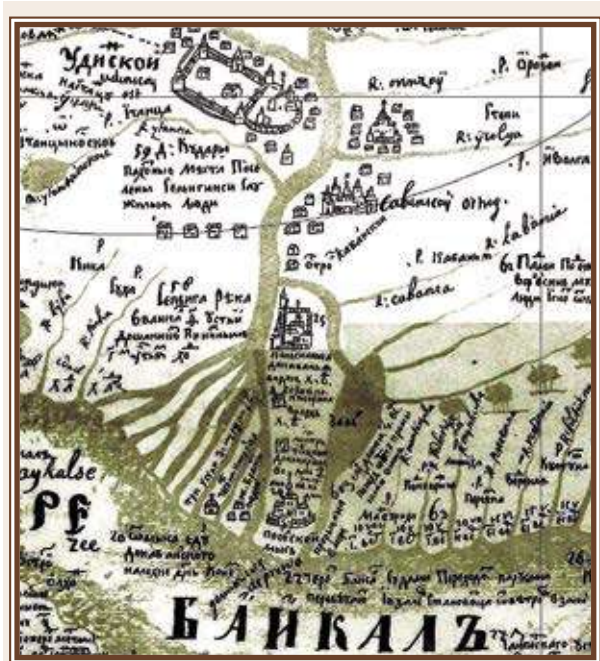

Рис. 7.1. Дельта р. Селенга (фрагмент чертежа сибирского города, С.И. Ремезов)

На островах дельты, согласно этому чертежу, жили «братские люди», принадлежавшие к четырем родам: первый и второй Чернорудские, Абазаевский и сборный, образованный из нескольких мелких родов. Здесь же располагались их многочисленные улусы: Часовенский, Поперечный, Галутовский, Среднеустынский, Першинский, Твороговский (Бурулус), Тайшинский, Никуйский, Обойский, Борецкий, Санкинаевский, Тыкэрэновский, Донохойский, Бадахеевский и Багарылский, Баршеровский, Балташовский, улус Петрушки-шамана и др. На одном из островов, Часовенском, была выстроена часовня для обращения в христианство исповедовавших шаманизм местных жителей, школа для обучения их детей русскому языку (Лукьянов, 1986; Бабушкин, 2007).

Судьба улусов была печальна. Сначала, в 1862 г. часть из них исчезла под водой в результате мощного Цаганского землетрясения, другие постигла похожая участь ровно через 100 лет — в 1961 г., но не от землетрясения,

а в результате строительства плотины на р. Ангара, поднявшей уровень Байкала на 1 метр.

Следует несколько остановиться на этом землетрясении, так как оно было самым мощным в современной истории Байкала и в корне изменило весь облик селенгинских рыбных промыслов.

Правобережье Селенги — Кударинская степь уступом обрывалась к дельте реки и Байкалу. По краю уступа — на пахотных местах — располагались русские деревни, а внизу лежала низменная

Рис. 7.2. Карта-схема подтопленной части Кударинской степи, составленная в 1923 г. И. И. Веселовым по рассказам местных жителей (из собрания музея с. Корсаково)

Рис. 7.3. Провалившаяся часть побережья оз. Байкал (по: Мичи, 1868)

болотистая Цаганская степь, населенная бурятами. В этой степи были пойменные озера: Саган, Глухой сор, Матвеевское, Кислое, Дурное. Байкальское побережье степи еще до землетрясения была заливом Старый (Верхний) сор. Старый сор отделялся от Байкала узкой косой — «Переволокой» (Налетовской каргой) (рис. 7.2).

В новогоднюю ночь 31 декабря 1861 г. по старому стилю произошло мощное землетрясение с образованием цунами, волна которого преодолела береговой вал высотой более 3 метров, прокатилась на 2 километра вглубь суши и откатилась назад. По словам рыбаков, проверявших в тот день сети в Байкале, они слышали подо льдом сильный шум, треск, мгновенно их подняло так высоко, что они как бы с горы увидели свое зимовье на берегу. Набежавшая волна смыла это стоявшее на берегу зимовье с оставшейся там женщиной. По рассказам свидетелей, 20-пудовые бочки с рыбою перекачивались во дворах с одного конца на другой, на улицах и во дворах образовались щели, из которых показывалась вода с илом, из колодцев же выбрасывало фонтаном илистую воду на сажень вверх. В результате землетрясения опустился на несколько метров и стал дном Байкала участок степи площадью около 230 км² вместе с расположенными на нем пятью бурятскими улусами.

К счастью, опускание суши происходило постепенно, в течение суток, что позволило избежать значительных жертв. Погибли 3 человека, включая рыбацкую, 1300 человек остались без крова, домашнего имущества и скота. Постепенно затухающие сотрясения почвы продолжались больше года. Образовавшийся залив так и называли — Провал (Романов, 1914) (рис. 7.3).

На границе нового залива с озером Байкал вскоре намыло длинную (12 км) и узкую косу — ряд песчаных островов. Между островами образовались четыре пролива (прорвы): Малая, Средняя, Большая и Помулевская. Большая прорва существовала еще до провала, когда река Селенга имела здесь один из своих рукавов. Помулевская прорва — возле острова Чаячий была названа по фамилии бывшего владельца провалившегося участка — рыбака по фамилии Помулев (Дриженко, 1908).

Коса эта все лето служит пристанищем не только для чаек, гусей, лебедей, бакланов, но и рыбаков. Один из этих островов — между Большой и Помулевской прорвами был назван местными жителями Сахалином. Раньше это место называлось «переволока» — здесь перетаскивали через косу в Байкал лодки, а после провала его называли Сахалин, т. к. он оказался далеко в море и стал напоминать остров Сахалин на востоке, о котором много слышали от ссыльных каторжан, побывавших на нем. Остров этот, как наиболее приглубый, ежегодно посещался многочисленными артелями рыбопромышленников из деревень, расположенных по берегу залива Провал. Промышленники жили на этой едва возвышающейся над водой полосе песка в балаганах или шалашах из березовой или лиственничной коры и оставались там до самого последнего момента, когда осенью поднимающаяся в Байкале вода окончательно покрывала остров. Остров Чаячий находился в полутора верстах от Сахалина и, как более низкий, значительно раньше уходил под воду.

Жители затопленных поселений перебрались на берег. По берегам Провала расположились бурятские улусы Алай, Бартагай и Дулан — последний со смешанным населением. На восточном берегу Провала, на мысе Облом стояли избы рыболовных артелей и часовня.

Далее к северу от нового залива следуют бурятские улусы Энхалук и Загза, русские деревни Сухая и Заречье, жители которых занимались главным образом рыбной ловлей и скотоводством. Хлебопашествовали только некоторые жители деревни Заречье, состоявшей из переселившихся крестьян Черниговской и Полтавской губерний. От деревни Сухой до деревни Гремячей на протяжении 65 верст идут места незаселенные, оживляющиеся только на время рыбных промыслов с весны до осени. В особенности оживляется губа Таланка, где берег застроен шалашами и избами нескольких рыболовных артелей, принадлежавших богатым крестьянам из дальних деревень: Инкиной, Дубининой, Оймур и др. Далее деревни Гремячей стоит деревня Туркинская при устье реки Турки и Горячинская около горячего минерального источника. Все три деревни находятся на почтовом тракте из Верхнеудинска в Баргузин, а жители этих деревень заняты исключительно промыслами: рыбным, пушным и извозным.

К югу от Провала раскинулась дельта Селенги с многочисленными озерами — сорами и протоками. Берег повсюду песчаный, пологий, чрезвычайно подвижный, меняющийся год от года в зависимости от уровня воды и ветров. Попробуем ненадолго очутиться здесь, предположим, в конце 19 века. Для этого воспользуемся сведениями, собранными этнографической экспедицией ВСОРГО (Бородкина, 1926). В это время у людей еще сохраняется в памяти катастрофа 1861 года, рыбацкое население обживает и делит вновь появившиеся рыболовные угодья (рис. 7.4).

Следующее рыболовное место к югу от Провала — протока Галутай (по-бурятски — гусиная). Здесь, в урочище Изголови обычно ходили пять летних неводов, дальше идут Большие и Малые кочки — здесь стояли два невода. За Кочками, отделенная небольшим пространством воды, тянется большая песчаная коса под названием Бабыя карга с двумя неводами. Свое название коса получила от обилия обитающих здесь птиц — бакланов, (по-местному — черных пеликанов, называемых на Руси «баба-птица»). Далее, против селения Исток, идет карга Малые ярки, за ней тянется Алемасова карга — твердый, песчаный, изобилующий булыжником и мелкой галькой, берег. Места, где по этой карге располагались неводные артели, носят различные названия. Так, первыми являются Большая и Малая Губа (стояли два невода), затем в 5 верстах от с. Посольского — Межумосты (1 невод), далее — Садок (стоит обыкновенно один невод), названное стариками будто бы так потому, что напротив этого места в Байкале попадало

Рис. 7.4. Селенгинские рыбные промыслы (на основе геологической карты И.Д. Черского, 1880 г.)

многого рыбы. За Садком тянется Площадь (стояли два невода). Здесь по берегу и поодаль от него в былые годы, когда обильно ловилась рыба, располагались рыбоделы, палатки скупщиков, торговцев, предлагавших рыбакам всякую мелочь — ленты, кольца, гребенки, сахар, чай, табак, папиросы и прочее. Многие крестьяне из дальних деревень (например, семейские — староверы) с мукой и сухарями приезжали производить обмен всего этого на рыбу, которую тут же и засаливали. За Площадью, отделенной небольшой проточкой Ва́гиной, вытекающей из калтуса, берег носит название Большая и Малая Мысовая (берег здесь немного выдается мысом в Байкал), стояли обычно два невода. За Мысовой — Зимник, где может ходить только один невод. Отсюда зимой едущие на саних в Иркутск сворачивают на р. Голоустная, пересекая таким образом море. За Зимником — Светки (цветки) — место для двух неводов, берег Байкала здесь пологий, широкий, покрыт зеленью и цветущим синим байкальским ирисом. Старики раньше примечали: «если цветков много, будет хороший улов». Далее идет отделенная от Светков селением Посольским, Ворониха, а верстах в двух от села — Тополиная. После нее идет Баня, в этом месте, по словам рыбаков, в старину у монастыря было строение вроде бани. За Баней — Вторы Ярки, которыми и заканчивается небольшая песчаная коса, отделенная от берега Прорвинским сором, куда впадают реки Большая Речка, Абрамиха и Култушная. Против р. Култушная место в Байкале называется Култушно (стоят небольшие невода), далее — Холодянки, а за ними расположен пос. Боярский; в этом месте особых названий берег не имеет, места не такие рыбные, большие невода тут никогда не стояли. Далее в Байкал впадает р. Мантуриха. На всем протяжении дельты имеется множество озер — соров, самый большой из которых Большой Прорвинский или просто Прорва, рядом с которым на холме доминантой возвышается Посольский Спасо-Преображенский монастырь и село Посольское (рис. 7.5).

Прорва является безопасным для отстоя судов заливом в южной части Байкала, имеющим в длину 8, а в ширину 4 версты, отделенный от озера узкою каменистой косой. Происхождением своим, по всей вероятности, залив также обязан активной тектонической деятельности. Участок берега Байкала ушел под воду примерно 700 лет назад. Побывавшие здесь первопроходцы сообщали со слов аборигенов, что их предки еще помнили время, когда со дна Прорвы торчали деревья. Сам Прорвинский сор была богат на рыбу — в него впадали нерестовые омулевые реки, и осенью во время рунного хода владевший заливом монастырь сдавал тут в аренду места для котцового лова. Зимой здесь ходили подледными неводами на карася и плотву, бормашили. Жители Посольского селения занимались хлебопашеством, рыболовством и извозом. Самому монастырю, кроме Прорвы, принадлежали значительные рыбные участки по берегу озера, которые он сдавал в аренду частным

Рис. 7.5. Село Посольское и Спасо-Преображенский монастырь. Слева — песчаная коса, отделяющая оз. Байкал от зал. Прорва (фото автора)

лицам. За Посольским к северу в 12 верстах находится деревня Исток, крестьяне которой также занимаются рыболовством, хлебопашеством, и извозом.

Жившие на Селенге до прихода русских буряты очень быстро переняли у русских переселенцев привезенные ими способы и организацию лова. Писатель и историк 19 века А.И. Мартос (1827) свидетельствует о распространении рыболовства у селенгинских бурят на этой реке: «...прибрежные жители реки Селенги, сверх тех месяцев, обыкновенно посвящаемых на рыбные промыслы, ловят рыбу весной, летом и даже зимой, когда потребует того надобность и позволяет им время от других сельских занятий» (с. 199). Иркутские епархиальные ведомости в 1871 г. писали: «Окрестные буряты сделались смелыми моряками. Потому рыбопромышленность по р. Селенге и морю сделалась почти главным занятием островных бурят. Буряты часовенские кроме того с замечательной ловкостью и отважностью каждую весну, при таянии льдов на Байкале, пускаются в открытое море за ловлей нерпы (тюленей), дающей много жира, который идет на мыловаренные заводы и бурятами употребляется в пищу. Для хлебопашества островные буряты земли под рукой имеют мало, потому что низменные острова дают только покосы, если не сгинет сено при частых наводнениях р. Селенги. Влияние русских на бурят в приучении их к промыслу по рекам и морю нельзя ни в каком случае отвергнуть, как во имя исторических данных, так и потому, что монголо-буряты в старые времена даже и в пищу не могли употреблять рыбы, считая за червей всякий род рыб» (Иркутские епархиальные ведомости, 1871).

Первоначально рыболовство имело потребительское значение. Для удовлетворения нужд незначительного по тому времени населения добывалось мало рыбы, и она всегда в изобилии водилась в водоемах. Рыболовство со временем становилось все более значимой отраслью хозяйства района, оставаясь, тем не менее, подсобным по отношению к земледелию и скотоводству. Поэтому рыболовство развивалось в районах, условия которых удовлетворяли в первую очередь первым двум отраслям сельского хозяйства. Долина и хорошо развитая дельта Селенги наряду с р. Баргузин в первую очередь привлекали переселенцев. Этому способствовало также расселение первопроходцев по руслам рек, в частности, по Селенге, где пролегал основной в то время тракт, связывавший Московское государство с Китаем. Широкое развитие земледелия и рыбных промыслов в Приселенгинском районе способствовало увеличению населения в районе Кабанского острога, в слободах Тресково, Кударинской, Колесниковой, Брянской и других поселениях.

Расцвет рыбной промышленности в Приселенгинском районе, относится к концу 18-го — началу 19-го веков. Побывавший на селенгинских промыслах в 1818 г. Н.С. Щукин сообщает: «Невзирая на ежегодное значительное истребление сей рыбы — количество ее столь велико, что плавающие в лодках даже веслами выбрасывают онюю из воды» (Щукин, 1847, с. 211). Находившийся проездом в Китай на Байкале в 1830 г. востоковед и путешественник, член Академии Наук Н.Я. Бичурин (отец Иакинф), так описывает уловы омуля: «Лов селенгинских омулей был

велик в сравнении с котцовым, но с недавнего времени много уменьшился против прежнего. Такие же омули, и в одно время с ловом селенгинского, еще входят в реки Баргузин и Верхнюю Ангару, и также в большом количестве, но по отдаленности сих мест и неудобности плавания к ним, долго не пользовались ими. Ныне лов омулей в устьях помянутых рек равняется Селенгинскому» (Бичурин, 1841, с. 5). Рыбный промысел среди кударинских жителей был важнейшим делом, об этом говорит тот факт, что по данным Кударинской степной думы в 1858 году на 3113 деревянных домов и юрт приходилось 1050 рыбацких лодок.

Лов рыбы на селенгинских промыслах производился почти круглый год. Если проследить во времени периоды рыболовства, то увидим постоянную смену одной путины на другую. Так, в первых числах апреля начинался подледный промысел осетра в море близ устьев Селенги. Тогда около главных устьев реки собирались артелями промышленники, продалбливали на льду проруби рядами в направлении поперек речных устьев, ставили в них сети на осетров, которые в это время стремятся на нерест в реку. Таких подледных сетей ставилось рыбопромышленниками в середине 19 века тысячи полторы. Пойманные сетями осетры садились на куканы и держались в прорубях до отправки на рынок в Иркутск. Когда накопится значительное их количество, готовился живорыбный транспорт — особого рода сани с ларем. Дно ларя устилали облитым водой мхом, на него клали живых осетров в один ряд по несколько штук, не снимая с куканов, а потом опять прикрывали мокрым мхом — и воз готов. Транспорт с живыми осетрами следовал на лошадях спешно к Иркутску, напрямую от Селенги к Лиственничной пристани в истоке Ангары. Такая езда называлась «голомядь» и насчитывала около 100 верст. Проехав 50 верст, транспорт останавливался, немедленно прорубались проруби, в которые опускали осетров для отдыха, чтобы дать им освежиться. Тут же кормили лошадей, да и сами ездоки чаевничали, обедали или ужинали, как получится (Пежемский, 1853). Простояв так пять или шесть часов, осетров снова укладывали в сани, и обоз двигал дальше. В дороге рыбу несколько раз поливали прямо в санных ларях водою. Достигнув Лиственничной пристани, далее до Иркутска осетров уже сплавляют вниз по течению (льда в истоке Ангары не бывает) на куканах, привязанных к лодке.

Лов осетра апрельским подледным промыслом не ограничивался. В море его продолжали ловить сетями в течение всего лета, а в реке ставились осетровые верши. На р. Селенга на участке от с. Никольское до с. Усть-Кяхта до революции выставлялось около 40 верш. Ниже с. Никольское лов осетра проводился плавными трехстенными, реже одностенными сетями. После революции с началом лесосплава из-за узости фарватера верши на нижнем участке не выставлялись, на верхнем же участке вплоть до введения запрета на лов осетра в 1935 г. работало не более 10 верш (Егоров, 1961). В 70-х гг. 18 века академики П.С. Паллас и И.-Г. Георги, посетившие Байкал, отмечали, что рыбопромышленники летом ловили в озере только осетра и лишь осенью занимались ловом омуля в нерестовых реках. «Прежде бывали значительные осетровые промыслы в Селенге, в тони попадались целые сотни осетров, и был один замечательный случай ловли, что в одной тони неводом поймано было 630 штук этой рыбы» (Пежемский, 1853, с. 3).

В конце апреля, когда Байкал еще покрыт льдом, — в Селенге уже заканчивался ледоход и начинался ход на нерест в реки язя и ельца. Рыбаки сел Творогово, Степной Дворец и Колесово добывали эту рыбу небольшими сетями; рыбалка продолжалась не более недели, добывали, как говорили, «себе на пропитание». В р. Большая Речка в это время ставили фитили, кривды, морды.

Май. В реках в это время ловить особенно нечего. Крестьяне урывают время от работ на пашне, в огороде и по дому и ездят артелями (человек по 15–18) в Черкаловский, Хараузский, Галутайский и Прорвинский сора, где небольшими неводами, сетями добывают икряную сорожину, окуня и щуку. Рыбалка эта тоже была непродолжительна, около недели. Кроме взрослых, на промысел ездят и ребяташки, и женщины. Живут рыбаки прямо на берегу; в случае ненастья опрокидывают лодку, которая и служит им вместо балагана.

Вскоре начинается самая главная в жизни местных рыбаков путина — омулевая, которая закончится только с первыми морозами. Ловля омулей проходит в два этапа: каргинский лов (по берегу Байкала) и селенговый (лов ходовой рыбы в реке).

Как только Байкал очистится ото льда, омули приваливают к берегам и на этом основывался неводной и сетной лов омуля в продолжении всего лета до августа. Уже с конца мая некоторые неводные и сетевые артели начинают выезжать на летний промысел в Байкал, идет активная

подготовка к летнему, каргинскому рыболовству. В первых числах июня на побережье Байкала (на Бабью и Алемасову каргу, остров Сахалин и др. места) одна за другой выезжают многочисленные артели для ловли омуля. Заметим, впрочем, что в первые годы после землетрясения 1861 г. уловы омуля в районе Провала были значительно меньше, вода там долго оставалась мутной, рыба предпочитала держаться южной части дельты и многие артели, из тех, что рыбачили у Провала, к 1866 г. разорились. Каргинская рыбалка продолжалась месяц и к Петрову дню многие рыбаки — и те, что рыбачат по карге неводами и сетовщики начинают съезжаться домой. Вода в Байкале у берегов в это время нагревается, омуль отходит дальше в море, становясь недосыгаемым для неводов. К Прокопьеву дню почти все неводные артели «расшиваются», т. е. возвращаются домой, сетевые артели также выезжают с моря, начинается время сенокоса. Во время летнего каргинского промысла у местного промыслового населения выработались приметы о днях, когда рыба особенно сильно подходит (приваливает) к берегам, и связаны они были, как многое в крестьянской жизни, с церковными праздниками, а именно: привалы омуля на Троицын день, Ивановские, Петровские, Прокопьевские — последние.

Пауза в промысле, между тем, была недолгой и, начиная с праздника Кирика и Улиты, начиналась новая омулевая путина. Рыбаки-сетовщики, имеющие возможность заменить себя на покосе, уезжают на промысел на Байкал для ловли омуля сетями, начинается так называемый «спасовский период», приходящийся на православные праздники, когда к устьям Селенги начинает подходить нерестовый омуль.

Промысел этот всегда и для всех был свободным вплоть до 1872 г., когда правилами рыболовства был введен запретный период для лова преднерестового омуля. По новым правилам с 1 августа по 1 октября повсеместно запрещался сетной лов в Байкале, а в приустьевых пространствах запрещался лов любыми орудиями лова. Против устья Селенги нельзя было ловить рыбу до середины Байкала и на 5 верст в сторону по берегу, считая от крайних устьев. Событие это для байкальского рыболовства стало знаковым, так как ознаменовало собой рождение байкальского браконьерства, или, как тогда называли, «хищничества». Разумеется, правила рыбной ловли нарушались и раньше, например, незаконной ловлей рыбы в местах оброчного или арендного пользования. Но тогда за порядками следил арендатор уголья и наказания, в сущности, никакого не было, нарушитель просто изгонялся. Теперь же за нарушение правил рыбной ловли, установленных законодательными органами власти, полагалось суровое наказание с изъятием рыбы, лодки, сетей и наложением штрафа. Между тем, местные жители не без основания считали, что рыба — тварь божия и предназначена она человеку в пищу, поэтому продолжали рыбачить, кто как мог. Поймают рыбу — и в камыши солить. Когда наберется достаточное количество бочат — прячут их там же на островах или везут морем в Иркутск на рынок где парусом, где гребями. Рыбу всегда можно было продать скупщикам на берегу, которые дежурили по карге постоянно. Их почему-то никто никогда не трогал. С противоположной стороны Байкала, с иркутского берега делали набег к Селенге т. н. «заморские таразаны». Пойманную рыбу те сразу везли через Байкал в селение Голоустное, где солили — и назад, за новой партией. Со временем хищничество стало неотъемлемой частью байкальского рыболовства, можно сказать органично вписалось в него. Те, кто ловил хищников — выборные от общества — через год-другой менялись с ними местами со всеми вытекающими последствиями. Тут, конечно, было широкое поле для произвола сельских властей, которые сначала изображали начальников, в будущем же году, обменявшись ролями, становились хищниками. Поэтому, зачастую, во время рейдов сетовщики, заблаговременно предупрежденные, скрывались в камышах, там же прятались сети — и в итоге в лодке, если ее останавливали, было пусто. Если кто попадался, случайно или по причине пьянства, то орудия лова и сети изымались и везлись в Чертовкину пристань, где на следующий день устраивался аукцион. Как правило, конфискат выкупался обыкновенно самим же хозяином, другие же просто рядились. Властями досматривалась соленая рыба, и если в бочках лежали «удавленники» (со следами от сетей на чешуе), то такую рыбу могли конфисковать, если хозяин не мог доказать поимку этой рыбы до начала запретного периода (Бородкина, 1926).

Хищничество на Селенге происходило организованно. Рыбу поджидали уже на устье в запретных местах. А.А. Коротнев (1901, с. 19) пишет: «Во время рунного хода хищники каждую ночь, а то и днем, перегораживают все 15 протоков Селенги, составляющих дельту этой реки при впадении ее в Байкал, чем совершенно преграждают ход рыбы в реку; одновременно несколько сот лодок

вылавливают остановившуюся рыбу как на Байкале, так и в устьях. Затем в 7 приблизительно верстах на главных протоках (Средней, Галутай) также несколько сот лодок с саками поджидают входящего в реку омуля, а несколько далее, в 9 верстах, промышленники поджидают рыбу уже с неводами, закидывая их тоже во всю ширину реки». Известно, что против устья р. Селенга в 80-х гг. прошлого столетия выставлялось сетей общей длиной около 60 верст (Кузнецов, 1909). Самыми отъявленными хищниками считались жители сел Творогово, Степного Дворца, Посольского и Колесово. Браконьеры собирались в артели по 9–10 человек, ставя во главе находчивого во время опасности опытного башлыка. Промышляли эти бригады среди многочисленных островов и протоков на легких остроносых лодках — «хуюрках», соревнуясь в мастерстве гребли с лодками «имальщиков».

Побывавший в 1927 г. на селенгинских промыслах по заданию редакции журнала «Всемирный следопыт» писатель В.С. Трубецкой (В. Ветов) так рассказывает в своих путевых заметках об этой стороне жизни местных рыбаков со слов одного из таких «хищников» — твороговского старого деда Панфила: «— Эх, парень! Не знаешь ты наших ребят! Уйти им от семисильного мотора на веслах — ничего не значит. Для воровства и лодка делается особая: узкая, длинная, из легких досок, ходкая, страсть. Пять пар весел, на веслах пять силачей. Каждый из них здесь на Селенге родился и вырос, грести сызмальства приучен». На вопрос автора, обращенный к старику: а не проще ли выправить права и ловить омуля по закону в море в дозволенные сроки и зачем рыбачить там, где запрещено, писатель получает ответ, в котором выражена вся суть взгляда на жизнь местного рыбака, как сказали бы сейчас, менталитет: «Так-то оно так. Да во-первых, в море столько не наловишь сколько здесь, в Селенге, а кроме того... Эх, парень вырос я тут на этой реке. Как заплещет осенью омуль по всей Селенге, как увижу я, что плеснул он в протоках, — так и сдержать себя не могу, и лучше бы мне в воду броситься, нежели на берегу сложа руки сидеть и глядеть как богатство зря в воде гуляет. Любо мне темной ночью на хаюрке воровской таиться и с молодыми ребятами на промысел воровской ходить. Люблю я смелых ребят, и они меня уважают» (Ветов, 1930, с. 43, 49).

Самый главный промысел начинался с заходом омуля в Селенгу. Ходовку ждали с нетерпением целый год, так как поймать рыбу можно было без особого труда и в больших количествах. Селенговый омуль считался самым лучшим и на рынке ценился особо. Если в течение всего года рыбалка в Селенге велась хозяевами берегов или арендаторами, то во время хода омулей ловить разрешалось всем без исключения с соблюдением установленных на тот момент правил. Начало селенгового промысла зависело от того, когда в Селенге появляются первые руна омулей, и приходилось обычно на последние числа августа или первые сентябрьские дни. Центром промысла на это время становилась Чертовкина пристань.

На этот лов выходило почти все местное население, и старые и малые, и мужчины и женщины, за исключением немногих, занятых уборкой оставшихся хлебов, сена и присматривающих за домашним хозяйством. Но если пройдет слух, что промысел идет хорошо, то и эти последние бросают все и спешат на Селенгу в первую же попавшуюся артель, где поступают в «подкруты» (работают не за деньги, а за долю рыбы). Случается, что оставшийся хлеб убирается уже из-под снега или же оставляется до весны, а сено остается также нескошенным и весной служит скоту подножным кормом. Сразу за омулем в Селенгу идет хариус, который не считался рунной рыбой, и ловить его свободно могли только хозяева участков реки, арендаторы, ведущие лов за деньги, и обротчики — за часть улова. Ловили хариуса небольшими неводами вплоть до рекостава группами человека по три-четыре.

Как только заканчивался селенговый лов, начинался ход омуля в небольшие реки, впадающие в Прорву, что около Посольского монастыря. Эти омули сначала идут из Байкала в Прорвинский сор, а из него в реки Большую, Толбазиху, Абрамиху и Култушную. Промысел этот назывался «котцовым», потому что проводился особого рода лова ловушками-котцами. Известно, что в 1796 г. Коргинская артель, кроме селенговых омулей, перед заморозками того же года добыла «больших котцовых омулей» более 300 000 шт. (Сельский, 1853). В данном факте обращают на себя внимание две вещи: во-первых, омули были «большие». Действительно, посольский омуль до недавнего времени считался одним из самых крупных, уступая в размерах лишь т. н. «чивыркую». Во-вторых, известно количество выловленного омуля, а именно 300 000 тысяч только одной артелью. Очевидно, что кроме Коргинской артели рыбалкой в Прорве занимались и другие артели, не считая местных жителей, и рыба еще оставалась. Это говорит о том, что в былые годы в небольшие речки

Посольского сора заходило довольно многочисленное стадо омуля, численностью значительно больше, нежели 300 000 штук.

Хищнический лов не ограничивался только Селенгой. В реках Большая и Култушная по ночам в небольших лодках, пользуясь тем, что речки эти неглубокие и вода в них прозрачная, омуля в них колот острогой. За ночь, по словам рыбаков, можно таким образом добыть 200–300 больших омулей (Бородкина, 1926).

В конце октября отнерестившийся омуль скатывается вниз по течению в Байкал. Омули в это время, утомленные ходом против течения, делаются сухими и невкусными, и называются «поплавщиной». Исторических сведений о том, что на Селенге существовал значительный промысел такого омуля, не нашлось, хотя лов его все-таки велся. Массовая же добыча поплавного омуля началась в 1908 г., когда властями впервые была сделана попытка законодательно запретить речной лов омуля во время его рунного хода. Местным крестьянам ничего не оставалось, как научиться ловить омуля на его обратном пути в Байкал оригинальными ловушками — хапами и различного рода загородками с фитилями и мордами. Лов этот мог быть водопольным или подледным — в зависимости от начала ледостава. На этом речная омулевая путина заканчивалась. Вот как рассказал о ней иркутским этнографам один местный житель (с сохранением местного говора): «Всяка рыба свой строк знает. Вот омуль! — уже не привольна ли ему жись в Байкале, а как придет строк — идет в Селенгу. В Байкале и чисто и хорошо — нет в Селенгу бежит, да бежит-то быстро. Сколька муки хватит! Икрына рыба — она чижола, идет по дну; сеть идет по верху, ну де ево ударит, он назать. Места в реке не одинаки — там тоже перекааты. Потом, как икру выпустил, силы уж в им нет; тут ево мотають сильно — кто сеть ставит, кто фитиль. Ево самово водой в Байкал несет, головой-то он ешшо доржитца. Вот тогда-то городят на реке заездки — ловят ево поплавного. Добрался как до Байкала, так там долго очухиватца. Поплавной! Сразу заметно: какой-то будто шереховатый. Омуль тоже понятие имет; если погода плоха, он лежит на дне, а как хороша, он по верху ходит, играт» (Бородкина, 1926. с. 179).

С праздника Казанской иконы божьей матери, когда покрываются льдом реки и сора, начинается зимний «соровый» и «бормашовый» промысел рыбы. Ловля рыбы в это время ведется в сорах — Прорвинском, Черкаловском, Галутайском, Провале. В это время на Байкале становилось особенно многолюдно, население ловило подледными неводами окуня, сорогу, щуку, язя и хариуса. Повсюду на островах и по берегу стояли зимовья, принадлежавшие разным селам, а после коллективизации — колхозам. Рыбаки жили в них бригадами по многу дней и недель, приезжая домой лишь в баню да за продуктами. Вся пойманная рыба морозилась и называлась рассыпной.

Рыболовство по сорах продолжалось до Миколина дня. На Байкале в эту пору образуются забереги. С этого времени неводные артели начинают «расшиваться», часть рыбаков уезжает домой, другие объединяются в несколько больших артелей (человек по 60–70) и выезжают за «сокуи»

на забереги Байкала для неводного лова омуля. В первых числах января, с установлением ледового покрова, на Байкал выезжают сетовщики для ловли сетями омуля, хариуза, сига, осетра и налима. Подледный промысел заканчивается в марте, после чего все начинается сначала. Найденные нами исторические фотографии относятся к началу 20 века (рис. 7.6.—7.9).

В табл. 7.1 сведены данные, характеризующие развитие рыболовства в Приселенгинском районе. Несомненно, некогда запасы рыбы были огромны, одного только нерестового омуля в Селенге добывалось до 10 млн шт., не считая другой рыбы. Подвести уловы к одному знаменателю достаточно затруднительно, так как учет, если он велся, то в разных единицах (бочки, бочонки, пуды, штуки). Если рыба была мерная, например, нерестовая в реках, то такую рыбу

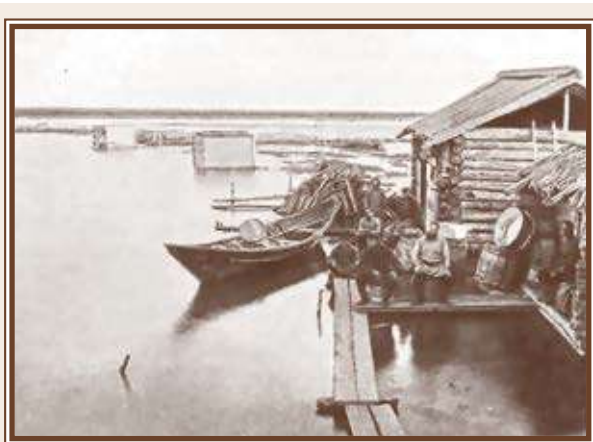

Рис. 7.6. На одном из промыслов в дельте р. Селенга во время разлива (по: Кузнецов, 1909)

Рис. 7.7. Временный балаган сетовщиков в дельте р. Селенга (по: Кузнецов, 1909)

Рис. 7.8. Крюки или кресты — приспособления для сушки сетей в дельте р. Селенга (по: Кузнецов, 1909)

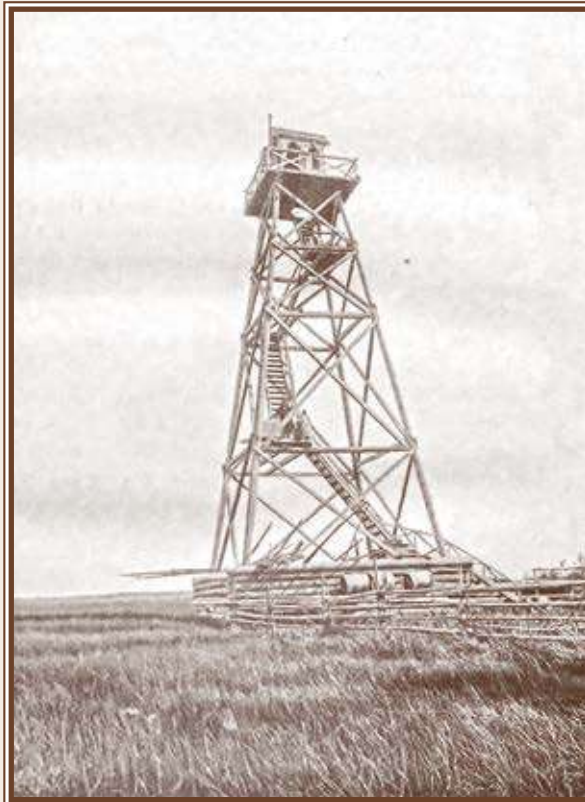

Рис. 7.9. Маяк, установленный экспедицией Ф.К. Дриженко в дельте р. Селенга в Хараузе, 1900 г.

Таблица 7. 1. Исторический ход развития Селенгинских рыбных промыслов с начала рыболовства до 1 мировой войны (Луховцев, 1933)

Годы	Места добычи	Породы рыб	Орудия лова	Улов
1656	Селенга	Осетр	Запоры, верши	40 шт. осетров в 1 забор за ночь
1675	Залив Прорва	Осетр, сиг и др.	Котцы	Нет сведений
1735	Селенга и Байкал	Осетр до 5 пуд., омуль до 4 фунт., длиной до 2 фунтов, стандартный 14–16 дюймов, щука	Сети, невода, верши	Нет сведений
1796	Реки Посольского Сора	Омуль	Котцы	За осень свыше 300 000 шт.
1818	Селенга	Омуль, осетр	Невода, саки, запоры	7700 бочонков по 1300 омулей (10 100 000 шт.); осетр 1000 пуд.

Окончание табл. 7.1

Годы	Места добычи	Породы рыб	Орудия лова	Улов
1827	Селенга	Омуль	Невода, саки, запоры	7 000 000 шт. омуля, 1000 пуд. осетра
1830-е	Селенга	Омуль	Невода, кривды, саки, поползухи, полавни, выколоты, черезовики, бережники	1500 бочонков по 40 пуд.
1836	Селенга	Омуль	Те же орудия	700 000 шт.
1840-е	Селенга, Байкал	Омуль	Те же орудия	1500 бочонков по 35 пуд.
1852	Селенга	Омуль	Сети, невода заездки, переколоты	500 бочонков
	Большая, Толбузиха, Абрамиха, Култушная	Омуль,	Котцы	20 000—70 000 шт.
1868	Селенга	Омуль	Невода, кривды	40 000 пуд. (1200 000 шт.)
	Байкал	Омуль	Невода, сети	12 000 пуд.
1873	Култушная, Абрамиха	Омуль	Сети, невода, мелкие ловушки	20 000 пуд.
1885—1886	Байкал Селенга	Осётр, омуль	Невода, сети, саки, кривды, поползухи, езы, заездки, фитили, морды, выколоты	Осётр 3000 пуд.
1900—1914	Селенга	Омуль		В среднем 19 000 пуд. в год

обычно считали в штуках, морскую (коргинскую) — бочками. Одно было бесспорным — к концу 19-го века вместе со снижением рыбных запасов уменьшается и степень эксплуатации рыбных ресурсов.

Кроме иркутского рынка и рыбной ярмарки в Чертовкиной пристани, продукты рыболовства вывозились на Верхнеудинскую ярмарку, открытую в 1767 г. (работала с 1 февраля по 1 марта), в Забайкалье.

Общее истощение рыбных запасов, Первая мировая война, революция, а затем Гражданская война привели к значительному сокращению вылова рыбы на Байкале, в том числе на селенгинских промыслах. Уменьшилось количество ловцов, орудий лова и водоходной посуды (лодок, судов), оставшееся же снаряжение изнашивалось и разрушалось. Мобилизация, вырвав лучшие мужские силы из ловецких хозяйств района, исключила для оставшихся членов семейств возможность развивать рыбный промысел из-за недостатка рабочих рук. Рыбное хозяйство в целом шло к разрухе. Все это вынудило ловцов из разных хозяйств объединяться друг с другом, сообща собирать снаряжение и отправляться на лов. Промысел в эти годы вновь переместился в устье Селенги. Большая часть вылова приходится на сети, сокращались места добычи, так например, в сводках не встречаются данные по Абрамике, Култушной и другим рекам, где раньше лов производился. Полностью отсутствуют какие-либо сведения об уловах военных лет, но ясно, что они были незначительны, с 1915 г. начался период запуска в рыболовстве.

Некоторые сведения, характеризующие Селенгинский рыбный промысел в эти годы, его организацию и применяемые орудия, имеются в материалах экспедиции Сибирской Рыбстанции, посетившей в 1932 г. Кабанский район Бурят-Монголии, расположенный в нижнем течении р. Селенга. В табл. 7.2 представлена организация рыбного промысла на основе опросных данных старожила-рыбака Качина, хорошо знавшего его историю в районе с начала века, а также отрывочных материалов по литературным данным в 1900—1913 гг.

Таблица 7.2. Организация рыбного промысла в Кабанском районе в 1900–1913 гг. (по: Луховцев, 1933)

Период	Места лова	Орудия лова	Количество		
			Неводов	Артелей	Водоходной посуды
I квартал	Сора	Невода, сети сорожки	12	160	160
	Байкал	Сети омулевые, невода	18		281
	Селенга	Сети осетровые, невода речные	8	10	40
III квартал	Байкал	Сети омулевые			275
	сСора	Невода соровые	14		160
	Селенга	Невода, речные сети	8		40
IV квартал	Селенга (до ледостава)	Невода, сети омулевые	20		120
	Сора	Невода, сети	26	10	—
	Байкал	Сети омулевые подледные		80	—
	Между гриной и берегом	Сети осетровые, сети сиговые, бормашевые уды			—

Небезынтересными представляются элементы рыбного промысла в Кабанском районе в начале 20-го века, такие как стоимость орудий лова и водоходной посуды (табл. 7.3).

Еще до революции на Байкале стала формироваться фабричная обработка рыбы отдельными более развитыми промышленниками. Так, в с. Посольское братья Вассерман организовали кустарное производство по копчению рыбы, изготовлению консервов и посолу осетровой икры. Все оборудование фабрики было закуплено в Германии. Оттуда же поступали высококачественные консерванты, пряности и прованское (оливковое) масло. Фабрика имела две закаточные машины с ручным приводом производительностью 500 банок за восьмичасовую смену. Корпуса консервных банок были с литографическими красочными изображениями видов Байкала, с указанием наименования рыбы и имен владельцев фабрики: «Братья Вассерман и К^о». Корпуса банок привозили из Германии, а донышки изготавливались на заводе «Механлит» в Верхнеудинске. После революции

Таблица 7.3. Стоимость орудий лова и водоходной посуды в начале 20 века в Кабанском районе (по: Луховцев, 1933)

Орудия лова	Материал	Стоимость (руб.)	
		1900 г.	1913 г.
Невода морские	пенька	1200	1500
Невода речные	пенька	350	500
Сети омулевые подледные	х/б	22	25
Сети омулевые летние		25	27
Сети сорожки	х/б	8	12
Сети сиговые	х/б	16	20
Сети осетровые	х/б	15	20
Неводник			100
Большая сетевая 4-х набойная лодка			40
Малая сетевая 4-х набойная лодка			35
Сетевая речная 2-х-3-х набойная лодка			12–15
Срок службы неводов — 5–6 лет, ремонт в среднем — 1/5 часть стоимости			
Для сетей через год — 25% износа, через 2 года — 50%, через 3 года — 100%			

предприятие было закрыто, оборудование национализировано и впоследствии передано во владение кооперативу «Экономия» в г. Верхнеудинск. Г.И. Падзик, назначенный директором, решил запустить фабрику, но уже не в с. Посольское, а в пос. Усть-Баргузин, куда ее зимой 1921–1922 года на санях увезли по льду Байкала. Впоследствии оно послужило основой при организации консервного завода в пос. Усть-Баргузин.

Во время гражданской войны добыча рыбы резко сократилась, техническое оснащение промыслов находилось на самом низком уровне. Рыбопромысловые угодья бесконтрольно эксплуатировались населением региона. В это время на водоемах Иркутской губернии и Забайкальской области практически не было никакого надзора за рыбной ловлей, ни со стороны местных, ни со стороны центральных властей.

Политика «военного коммунизма» (1918–1921 гг.) в первые годы Советской власти также препятствовала восстановлению и развитию рыбацкого промысла. Были нарушены товарно-денежные отношения, связи между государством и первичными ловецкими хозяйствами носили натурально-вещественный характер. Рыбацкое население находилось в распоряжении Народного комиссариата продовольствия, под контролем которого проводились заготовки и распределение сельскохозяйственного продовольствия среди населения по установленным нормам. Рыбаков централизованно снабжали продовольствием и промысловым снаряжением, они в свою очередь, должны были сдавать весь улов государству в порядке продразверстки.

После революции 1917 г. на Байкале, в частности на селенгинских промыслах, продолжал сохраняться артельный характер рыболовства. В 1925–1926 гг. значительная часть добытой рыбы поступала в кладовые башлыков-организаторов и хозяев неводных рыболовецких артелей, состоящих из 60–70 паев и 40–45 пайщиков. Таких неводных артелей по правую сторону от дельты Селенги по берегу Байкала в районе Кударинского рыбокооператива, насчитывалось более 30. Главой артели являлся сам башлык, управление артелью было полностью в его руках. Другая часть рыбаков добывала рыбу в сетевых артелях, которых в 1925–1926 гг. в этом же районе насчитывалось до 100. На сетевой лодке работало 8–9 человек. Главой артели являлся также башлык, получавший добавочный пай за лодку, управление артелью, дополнительные сети и т. д. Несмотря на сворачивание НЭПа и начало процесса коллективизации, еще в 1926 г. очевидцы отмечали расслоение среди артельщиков: кроме пайщиков были наемные рабочие, — те, кто не смог внести свой пай в артель (Страницы из жизни...). Кроме того, в Приселенгинском районе в 1926–1927 гг. занималось рыбалкой на озере Гусином — 100 человек, на притоках Селенги — 150 чел. На летний лов омуля на Байкале собиралось до 10000 человек (Соллертинский, 1929) (рис. 7.10–7.13).

Одной из важнейших задач в послереволюционный восстановительный период была организация промысла и промыслового рыболовецкого населения. Большая роль в подъеме рыболовного промысла в условиях единоличного мелкотоварного крестьянского хозяйства, сыграла кооперация. Экономические связи между мелкотоварным, крестьянским хозяйством и другими отраслями

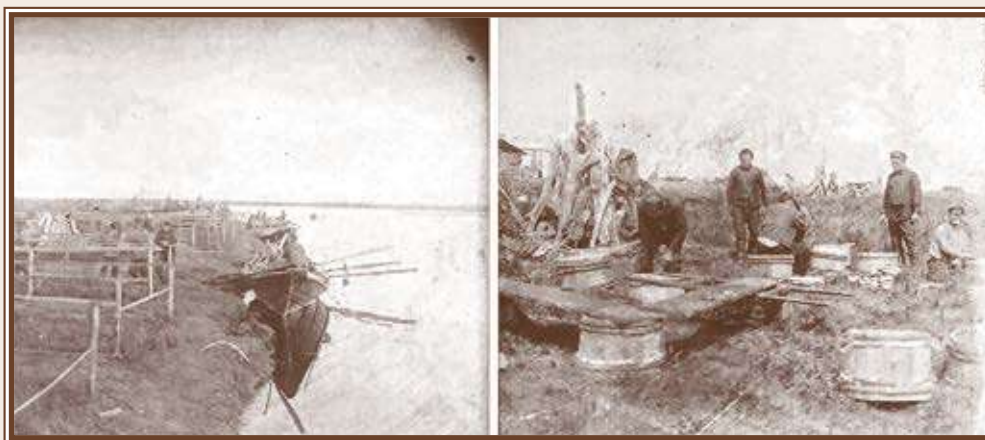
Рис. 7.10. Рыбодел неводной артели на о. Сахалин. Справа весы для взвешивания рыбы (фото А.П. Сидоричева, 1925 г.)

Рис. 7.11. Рыбодел неводной артели на о. Сахалин (фото А.П. Сидоричева, 1925 г.)

*Рис. 7.12. Сетовщики в дельте р. Селенга
(фото А. П. Сидорычева, 1925 г.)*

*Рис. 7.13. Сетовщики в дельте р. Селенга
(фото А. П. Сидорычева, 1925 г.)*

народного хозяйства осуществлялись в основном через рынок. Поэтому возникла потребность в таких формах объединения, которые обеспечивали бы крестьянам сбыт их продукции, кредитование, закупку промышленных товаров.

Организовавшиеся после революции в годы разрухи бытовые артели, называвшиеся «трудовыми рыболовными артелями» и «товариществами» были слабы. В районе отмечены следующие рыболовецкие товарищества: «Байкало-Кударинское», «Степнодворецкое», «Прибырьсельхоз» и «Прибыркооп», а также артели: «Молчановская» (на Селенге) и «Гусиноозерская» на Гусином озере, что в среднем течении р. Селенга.

До начала процесса коллективизации в 1929 г. рыбное хозяйство находилось в основном в ведении кооперативной системы. Объединяемые Интегралсоюзом, Бурсельсоюзом и Буркоопсоюзом кооперативные рыболовецкие организации испытывали трудности как с приобретением необходимого оборудования и сетематериалов, так и со сбытом рыбы. Половина рыбы уходила в руки частникам-перекупщикам, то же самое касалось приобретения сетематериалов, которые также приходилось закупать на рынке. Наряду с кооперативными формами рыбного хозяйства в районе развивалось и колхозное движение. На 1 января 1929 г. в районе имелось 15 рыболовецких колхозов. Постепенный рост ловецкого населения в районе выражается в следующих цифрах (табл. 7.4).

Из табл. 7.4 следует, что в эти годы наблюдался постепенный рост количества населения, живущего за счет рыбалки, за исключением 1930 г. Проведение коллективизации и борьба с зажиточными хозяйствами (кулаками — по терминологии тех лет) выбили в этот год из числа ловецкого

Таблица 7.4. Численность и состав рыбаков в Кабанском районе в 1913–1930 гг. (по: Луховцев, 1932)

Годы	Всего ловцов	Из них		Из них	
		Русских	Бурят	Мужчин	Женщин
1913	4915	—	—	—	—
1926	3181	2289	829	2860	321
1927	3849	2560	1289	3364	485
1928	4105	2718	1387	3481	624
1929	4972	3325	1637	4248	725
1930	4729	3047	1682	—	—

населения крепких рыбаков, бригадиров-башлыков, имевших суховые пай, невода, державших много скота и занимавшихся торговлей. Исходя из данных, приведенных в таблице, в 1930 г. 243 чел. были подвергнуты раскулачиванию и последующему выселению.

Наряду с этим, рыбное хозяйство района перестраивалось и переходило на оправдавший себя в прошлом сетной промысел. Это было связано с рациональностью и эффективностью сетного промысла по сравнению с неводным. Следует, однако, заметить, что увеличение количества сетей происходило за счет поплавных орудий ловли рыбы в Селенге. Таким образом, промысел продолжал развиваться как пассивный, когда лов производился при непосредственном захвате рыбы в реку. В это время наблюдалось увеличение количества сетей и, соответственно, уменьшение количества неводов в Байкале, ловцов на промысле и водоходной посуды (табл. 7.5).

К 1933 г. рыбодобыча в Кабанском районе проводилась силами двух организаций. Первая из них: «Райрыбакколхозсоюз», образованный в 1932 г. и объединявший 33 специализированных рыбацких колхоза. На наш взгляд, в названиях этих колхозов отражается дух того времени, что заслуживает их перечисления (табл. 7.6).

Кроме перечисленных колхозов, в бурятских улусах на островах дельты были образованы рыбацкие колхозы «Улан-Туяа» (Красная заря), КИМ (Коммунистический Интернационал Молодежи) и «им. Блюхера». В 1932 г. на Селенге случилось большое наводнение и многие жители выехали в другие районы республики. По окончании многоводного периода, в 1937 г. часть жителей вернулась на острова, где был организован новый колхоз «Рыбак». В 50-е гг. в связи со строительством Иркутской ГЭС и подъемом уровня Байкала жители островных улусов были переселены в урочище Бараний мыс, где в 1950 г. было основано с. Ранжурово — будущая усадьба колхоза им. К. Маркса (Бабушкин, 2007).

Помимо специализированных рыболовецких колхозов, добычу рыбы производили все остальные колхозы — полеводческие и животноводческие. Рыбалкой в таких колхозах занимались

Таблица 7.5. Количество рыбаков, сетей, неводов и водоходной посуды в Кабанском районе в 1926–1930 гг. (по: Луховцев, 1932)

Годы	Количество орудий лова (м)		Количество ловцов		Водоходной посуды	
	Невода	Сети	На неводе	На сетях	На неводе	На сетях
1926	77444	32000	1350	1831	177	189
1927	31156	56080	1573	2276	148	311
1928	27900	673400	1395	2710	31	373
1929	28000	435200	1843	3129	91	427
1930	20000	47400	1000	3720	116	458

Таблица 7.6. Рыболовецкие колхозы Кабанского района в начале 1930-х гг. (по: Луховцев, 1932)

Сельсовет	Колхозы	Количество	
		Дворов	Трудоспособных
Оймурский	1-е августа	14	28
	Труженик	26	46
	Красный Оймур	14	34
	День Урожая	29	57
	Трудовик	23	79
	Победа	26	83
Дуланский	Улан-Байкал	28	50
	Улан-Энхалук	8	18
	Красный рыбак	39	89
	Буробком ВКП (б)	17	40
	Буркавдивизион	16	31
	3-й год пятилетки	30	81
Сухинский	Совет Байкальцев	12	22
	Красный Партизан	15	30
Посольский	Красноармеец	52	123
	Социализм	36	73
	Байкал	46	90
	Промысловик	15	32
Твороговский	Красный октябрь	36	65
	Коммуна Сталина	66	48
	О.Д.В.К.А	58	117
	Им. Постышева	25	57
	Новый Пахарь	36	69
	Забайкалец	57	130
	Красный Работник	43	115
	Завет Ильича	37	67
	Байкал	18	30
	Красный Партизан	63	135
	Трудовик	35	169
	Прибайкалец	35	86
	Моряк	41	82
Кударинский	Спец-рыбак	24	42
Боярский	Байкальская путина	19	34
Всего		1048	2202
		Из них бедняцких — 425 Батрацких — 37 Средняцких — 586 Кроме того, раскулачено 51 хозяйство	

рыботоварные фермы. Разделение колхозов с выделением специализированных, чисто рыбацких, не дало нужного эффекта, и после 1933 г. количество рыболовецких колхозов было сокращено, к 1954 г. их осталось всего 6. Так как большая часть добываемой на Байкале рыбы приходилась на коллективные хозяйства, остановимся подробнее на этой форме собственности и организации труда.

Рыболовецкие колхозы входили в рыболовецкую систему СССР, действовавшую на основании положения, утвержденного постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 мая 1936 г. Рыболовецкая колхозная система объединяла на добровольных началах трудящихся рыбаков для ведения коллективного хозяйства общими средствами производства и общим организованным трудом. Основными задачами этой системы являлись: 1. Организация добычи рыбы и сдача ее государственной рыбной промышленности по договорам в соответствии с планом государственных заготовок. 2. Развитие рыбоводства, рыборазведения и проведение мелиоративных работ, организация мер борьбы с хищением рыбы, содействие охране водоемов. 3. Подготовка квалифицированных работников по рыболовству и рыбоводству. 4. Проведение культурно-просветительской работы среди рыбаков-колхозников.

Рыболовецкая колхозная система имела следующую организационную структуру: Первым и основным производственно-оперативным звеном являлась рыбацкая артель, действовавшая на основе примерного Устава рыбацкой артели, утвержденного 16 февраля 1939 г. Устав определял: 1. Цели и задачи артели. 2. Положение о рыболовных участках. 3. Положение о земле и подсобном хозяйстве. 4. Средства производства. 5. Членство. 6. Деятельность рыбацкой артели, ее правление. 7. Организация, оплата и дисциплина труда. 8. Средства рыбацкой артели. 9. Управление делами рыбацкой артели. Высшим органом управления являлось общее собрание.

Вторым звеном являлся районный или межрайонный союз рыбацких артелей (Рыбакколхозсоюз), действовавший на основании положения о рыболовецкой колхозной системе СССР. В задачи РКС входили следующие оперативно-хозяйственные функции: 1. Планирование всех отраслей хозяйственной деятельности (кроме рыбодобычи, артели занимались сельским хозяйством). 2. Контроль за соблюдением Устава рыбацкой артели. 3. Организация лова и труда в артелях. 4. Помощь артелям в организации подсобных хозяйств.

Центральным органом, объединявшим и регулировавшим деятельность всей рыболовецкой колхозной системы до 15 сентября 1940 г. был Всесоюзный центр рыболовецких колхозных организаций (Рыбакколхозцентр СССР). Общее руководство и надзор в отношении деятельности рыболовецкой колхозной системы осуществлялся Наркоматом Пищевой промышленности СССР. Постановлением СНК СССР от 10 января 1940 г. Рыбакколхозцентр был ликвидирован, а руководство рыболовецкой колхозной системой было возложено на Наркомат рыбной промышленности СССР, который в 1946 г. был преобразован в Министерство рыбной промышленности, где было создано управление по делам рыболовецких колхозов. В 1953 г. это управление с реорганизацией министерства вошло в состав Министерства легкой и пищевой промышленности СССР, а затем в состав Министерства промышленности продовольственных товаров СССР. Приказом от 12 октября 1953 г. утверждено положение об Управлении по делам рыболовецких колхозов в рамках этого министерства.

Колхозное рыболовство Кабанского района до 1943 г. возглавлялось различными организациями. Вначале им ведал Бурхотрыбаксоюз (1929–1931 гг.), затем выделенный из него Буррыбакколхозсоюз (1931–1934 гг.), в 1935–1942 гг. — Буррыбтрест, реорганизованный в 1942 г. в Байкалгосрыбтрест. В 1943 г. был организован Байкальский межрайонный союз рыболовецких колхозов (Байкалрыбакколхозсоюз), непосредственно подчинявшийся Управлению по делам колхозов при Минрыбпроме СССР. В 1953 г. Управление по делам колхозов вошло в состав Министерства промышленности продовольственных товаров СССР, а с 1954 г. — во вновь организованное Министерство рыбной промышленности СССР. Необходимо отметить, что в первые годы после организации колхозов в районах были созданы рыбоопы, которые скупали рыбу и снабжали рыбаков материалами, которые подчинялись сначала Бурхотрыбаксоюзу, а затем Буррыбаксоюзу. Как видно из написанного, история рыбной промышленности и хозяйства после 1917 г. — сплошная череда реорганизаций и переименований, которая продолжается и в современной России.

Добыча рыбы в рыболовецких колхозах была основной отраслью хозяйства, а организация добычи и сдача сырья государственной рыбной промышленности в соответствии с планом рыбозаготовок являлась главной задачей рыболовецких колхозов. Рыба, добытая колхозом в пределах установленного для него плана, сдавалась государству по утвержденным правительством ценам. За рыбу, сданную сверх плана, колхоз получал премию — надбавку. Следует отметить, что не вся рыба сдавалась государству, часть ее распределялась среди членов колхоза, а часть реализовывалась в порядке колхозной торговли. В среднем в 1948–1950 гг. сдавалось государству 92,5 % от добытой

рыбы, 2,6% распределялось, 4,9% продавалось. Вылов рыбы по породам в Приселенгинском районе составлял: омуль 62,5%, плотва 27,5%, окунь 4,25%, щука 1,7%, язь 0,45%, елец 0,33%, карась 0,11%, налим 0,07%, хариус 0,06%, сиг 0,03%.

Оплата труда в рыболовецких колхозах устанавливалась общим собранием членов артели. На зарплату шло от 55 до 70% от вырученных денег за сданную государству рыбу. Распределение заработка внутри бригады производилось в зависимости от установленного пая (бригадир 1,7 пая, помощник бригадира и неводчики 1,2–1,4 пая, рыбак 1 категории 1 пай, 2 категории 0,75 пая). Кроме основной оплаты труда, рыбаки получали 1,5% доплаты за сданную сверх плана рыбу, вознаграждение за сохранность орудий лова, за доставку рыбы свыше 3 км и подноску ее свыше 50 м. Победителям различных соцсоревнований выплачиваются премии. Члены колхоза получали на потребительские нужды 180–220 кг рыбы в год, а также «рулоны» (талоны) на целевое снабжение продуктами и товарами.

Оплата труда на подсобных производствах производилась на основе сдельщины — оплаты по трудодням. В 1954 г. для подсобных рабочих в рыболовецких колхозах Кабанского района трудодень составлял: деньгами 1 руб. 41 коп., зерна 2,2 кг, овощей и картофеля 0,84 кг. Если натуральные доходы превратить в денежные, стоимость трудодня получалась 5 руб. 07 коп. Заработок рыбака в том же году составил 8 руб. 01 коп. Таким образом, в среднем заработок рыбака был выше, чем заработок занятого в подсобном сельском хозяйстве. В 1950 г. в районе было 11 рыбацких артелей, к 1954 г. их число сократилось до 6 (табл. 7.7).

Таблица 7.7. Рыболовецкие колхозы Кабанского района по состоянию на 1 января 1954 г.

№	Рыбколхоз	Село
1	Байкал	Посольское
2	Им. К. Маркса	Бурулус
3	Красный рыбак	Корсаково
4	Им. Маленкова (Прибайкалец)	Б-Кудара
5	Байкал	Шерашово
6	Им. Молотова (40 лет октября)	Сухая, Заречье

При описании рыболовецкой колхозной системы мы воспользовались данными, собранными И. М. Артюниным, старшим научным сотрудником Байкальского отделения СибНИИРХа, впоследствии начальником отдела добычи и флота Байкалрыбпрома (Артюнин, 1955).

Вторая организация — Гослов, иначе Кабанское отделение Восточно-Сибирского рыбопромышленного треста (ВостСибрыбтрест) — государственное предприятие по переработке рыбы-сырца, начавшее работу с октября 1930 г. Образование Треста положило начало государственной рыбной промышленности. В Кабанском районе государственный рыбный промысел (впоследствии рыбозавод) был организован в 1930 г. в с. Кабанск, а затем переведен в с. Посольское. Всего на Байкале с 1930 по 1933 гг. было образовано 5 рыбных промыслов системы Гослова: Кабанский, Усть-Баргузинский, Маломорский (морской), Северобайкальский и Горячинский. Помимо этого, в систему Гослова вошли судостроительная верфь в Мысовске и Большереченский рыбоводный завод. В системе Гослова к каждой путине формировались новые ловецкие бригады, постоянных же рыболовных артелей не было.

До 1939 г. государственная рыбная промышленность Байкала имела местное значение и была представлена Бургосрыбтрестом системы Наркомата местной промышленности БМ АССР. В 1939 г. на базе местной промышленности был организован Байкальский государственный рыбный трест системы Наркомрыбпрома РСФСР, охватывающий промыслом восточные и северные побережья Байкала с впадающими реками и озера БМ АССР.

История становления рыбозавода в с. Посольское — часть истории развития района. До 1930 г. переработка рыбы проводилась в двух пунктах: в устье Селенги, в пос. Хараузе и в пос. Энхалук, но отсутствие моторного флота заставляло солить рыбу на дальних участках в примитивных рыбоделах бочечным посолом. В 1929 г. была запланирована постройка консервного завода

в Кабанском районе, которое впоследствии было отменено в пользу строительства консервных заводов в Баргузинском и Северобайкальском районах. Местное же рыбное сырье планировалось вывозить железнодорожным транспортом либо через станцию Селенга, где решено было поставить холодильник, или через станцию Мысовая, куда рыбу должно было доставлять рефрижераторное судно типа «Наяда» с последующей погрузкой в вагоны-ледники. Вариант использования транспортного рефрижератора представлялся более предпочтительным, в связи с тем, что морским путем была возможность вывоза сырья также из Малого Моря. В конечном итоге выбор был сделан в пользу строительства Кабанского рыбозавода в с. Кабанск. Были построены заводские рыбпункты в Повороте, Посольском, Хараузе, Шаманке, Энхалуке, Северный в Болдаковской губе, Сухой, Истоке. В составе Кабанского промысла, кроме рыбпунктов, имелись две бондарных мастерских, три кузницы, смолокурня, две копильни, три жиротопки, моторный флот из 6 катеров. В 1942 г. Кабанский рыбозавод был реорганизован и на его основе образованы: 1. Посольский рыбозавод с конторой в с. Посольское. 2. Кабанский рыбозавод (с. Творогово). Здесь на берегу Селенги был построен целый поселок из двухквартирных домов. 3. Дубининский рыбозавод (с. Оймур). Впоследствии все они вновь были объединены с Кабанским рыбозаводом, центральная усадьба которого была размещена в с. Посольское.

В 1930 г. в систему Гослова вошла судостроительная верфь в Мысовске. На базе закрытой судовой верфи впоследствии был создан рыбозавод для производства высококачественной, деликатесной продукции из омуля для вагонов-ресторанов. За короткий срок были построены цеха для выпуска омуля горячего и холодного копчения. В 1946 г. Мысовской рыбозавод был закрыт, все имущество передано Кабанскому рыбозаводу.

В 1932 г. на оз. Гусиное образовано Гусиноозерское рыбопромысловое управление, затем переименованное в рыбозавод. Гусиноозерский промысел не получил в дальнейшем значительного развития и всегда был простым участком по добыче рыбы с примитивной перерабатывающей базой. В 1969 г. он был передан Кабанскому рыбозаводу как рыбоучасток.

Колхозы заключали договоры с Трестом для закупки рыбопродукции. Но расчеты Гословом задерживались. Хозяйства зачастую скрывали часть улова и реализовывали продукцию на рынке. Фактически, значительная часть улова не доходила до Гослова и уходила на сторону. В районе существовали два Гослова: Энхалукский и Посольский, которые впоследствии были объединены.

В 1932 г. Красноярской Восточно-Сибирской рыбохозяйственной станцией была организована комплексная научная рыбохозяйственная экспедиция, одной из задач которой было изучение рыбного промысла, рыбообрабатывающей отрасли на Байкале и пути реконструкции. Кабанский район исследовал специалист А.А. Луховцев, приводим небольшой отрывок из его отчета: «Обрабатывающий промысел. Приемы обработки рыбы на промыслах Байкала до самого последнего времени оставались такими же, какими существовали несколько десятков, а, может быть, и сотню лет назад. На байкальских промыслах практиковался бочечный теплый засол пластанной рыбы, как крупной, так и мелкой. Основными недостатками посола были: 1) Посол рыбы с кровью — стремление получить кровавый рассол, считая, что он дает хороший продукт. В действительности, продукт подвержен быстрой порче, особенно в летнее время. 2) Посол рыбы, не обмытой перед поркой, ни после нее от грязи, слизи и крови. 3) Посол рыбы в «недосоль» даже в жаркое летнее время. 4) Пластание крупной и мелкой рыбы перед посолом. 5) Недоброкачественная тара, недодерживание рыбы до полного ее просола, отсутствие прессовки посоленной рыбы, обилие в бочках рассола. 6) При массовых засолах совершенно не применяются способы предохранения рыбы от порчи до обработки, не говоря уже о применении льда, которого вовсе не запасают. 7) Условия обработки и хранения рыбы антисанитарны. 8) Пластание перед засолкой такой хорошо просаливающейся рыбы, как омуль, совершенно недопустимо, значительная часть жира уходит в отход и раствор. 9) Плохое качество соли» По опросным данным о душевом потреблении рыбы во время экспедиции 1932 г. указывается цифра 10 ц рыбы в год на одно хозяйство. Исходя из того, что в районе в то время насчитывалось около 1000 хозяйств, в среднем по 5 душ, получается, что для местного употребления используется около 10 000 ц рыбы. К этой цифре нужно прибавить половину этого количества, расходуемую для остального населения района. При этом 85 % приходится на долю омуля (Луховцев, 1932).

Результатом работ экспедиции, в том числе, стали изменения в технологии посола омуля. Вместо антисанитарных рыбделов прошлого строятся рыбообрабатывающие предприятия, где

рыбу солят, коптят и готовят из нее консервы. На рыбозаводах появляются промышленные холодильники, бондарное, сетевязальное, канатное производство, обслуживающие расширяющееся рыболовство. На всех рыбоучастках, занимающихся посолом, появились ледники, рыба стала солиться без ее разрезания, целиком, с добавлением колотого льда и соли строго по технологии (т. н. «культурный засол»). В качестве емкости для посола стали использовать чаны (деревянные или бетонные), после просаливания омуль помещался в бочки, прессовался и заливался чистым холодным рассолом (тузлуком). Улучшилось качество и срок хранения продукта, у соленого омуля, приготовленного по технологии, исчез пресловутый «душок».

Едва наметившееся восстановление рыбного хозяйства района было нарушено Великой Отечественной войной. Так, 6 января 1942 г. Государственный комитет Обороны принял Постановление «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока». В 1942 г. ставилась задача удвоить, а в 1943 г. — утроить по сравнению с 1940 г. добычу рыбы. В феврале 1942 г. на базе Бурят-Монгольского и Иркутского треста был организован Байкальский государственный рыбопромышленный трест. Рыболовецкие колхозы Байкала объединяются в Рыбакколхозсоюзы (Иркутский РКС объединил 21 колхоз Иркутской области, Байкальский РКС — 28 колхозов Бурят-Монгольской АССР). Кроме государственных и колхозных рыбозаготовителей, рыбалкой занимаются различные снабженческие организации (ОРСы), торговые (Торги) и отдельные предприятия. Удельный вес таких предприятий по Приселенгинскому району достигает к 1944 г. 45 % от всей добычи рыбы (Дексбах, 1947). Кабанский рыбозавод в это время, как говорилось выше, разделяется на три самостоятельных завода: Дубининский, Кабанский и Посольский. В 1942 году создается также рыбозавод в г. Улан-Удэ. Этот завод не имел собственной перерабатывающей базы, поэтому всю пойманную рыбу сдавал на пункты Кабанского и Гусиноозерского рыбозаводов. Завод проработал около трех лет и был ликвидирован за неэффективностью. Причиной тому была слабая сырьевая база водоемов, на которых базировался заводской промысел, не позволявшая увеличить вылов рыбы (Голубая нива..., 2001).

Таким образом, в годы войны в Приселенгинском районе в структуре Байкальского рыбопромышленного треста находились следующие предприятия:

1. Дубининский рыбозавод. 2. Кабанский рыбозавод. 3. Посольский рыбозавод. 4. Гусиноозерский рыбозавод. 5. Улан-Удэнский рыбозавод. 6. База активного лова. 7. Большеереченский рыбоперерабатывающий завод. 8. Кударинская моторно-рыболовная станция (эвакуированная в с. Дубинино Керченская МРС). 9. Ключевская судовой верфь (эвакуированная Керченская судовой верфь), а также две рыболовецкие исправительно-трудовые колонии (ИТК) НКВД.

В военное и первое послевоенное время почти все работоспособное население было занято на рыбодобыче. Ушедших на фронт мужчин на промысле заменили женщины и подростки 12–15 лет. К концу октября 1941 г. в рыбной отрасли на Байкале доля женщин составляла около 43 %, к 1944 г. — 60,2 %, в 1945–88,5 % (Прибыльский, Федорченко, 1988).

«В те годы рыбу сдавали почти всю: бригадир на питание выдавал утром каждому по три омуля. Из них по одному отдавали в общий котел и из пяти–шести омулей варили уху; остальные два солили на обед и ужин. Можно было одну из трех своих рыбин сдавать государству, и тогда в конце недели бригадир возвращал сданные шесть омулей, их можно было увезти домой. Хлеб и другие продукты покупать на добытую рыбу строго воспрещалось. Рыбаки брали из дома 2–3 буханки хлеба на целую неделю. Таким образом, еда состояла из одной трети буханки некачественного ржаного хлеба в сутки, двух омулей и небольшого количества картошки. Такие ограничения в питании испытывали люди все военное и послевоенное время примерно до 1950 г.» (Бабушкин, 2007, с. 5). Особенно трудными были 1946-й и 1947-й гг., когда от голода умерло немало людей. От сплошного вымирания спасала соровая рыба, которую местные жители ловили почти круглый год частным образом, а не в колхозной бригаде.

Эвакуированные специалисты из Азово-Черноморского и Волго-Каспийского бассейнов внесли свою лепту в развитие рыбного дела района. В 1942–1943 гг. технологию копчения на посольском участке внедрил мастер из Астрахани Арефьев. Рыбаки с Азовского и Каспийского морей стали внедрять лов омуля ставными неводами. Инициатором такого лова стал рыбак из Приморско-Ахтарска П.З. Цыбан. В 1945 г. на Селенгинском мелководье работало 20 ставных неводов (рис. 7.14).

Рис. 7.14. Курсы по обучению установки ставных неводов
(фото из музея с. Сухая, 1950-е гг.)

Во время войны и в первые послевоенные годы (1941–1947 гг.) были сняты ограничения на вылов рыбы во время хода ее на нерест. Наряду с разрешенным отловом отнерестившегося омуля, отлавливалась также нерестовая рыба во время ее миграции вверх по реке. В 1941–1943 гг. в Селенге вылавливалось до 19000 ц только учтенного нерестового и отнерестившегося омуля. В связи с недостатком рабочих рук по лову рыбы в открытом Байкале, до 64% омуля добывалось в Селенге, тогда как в довоенные годы вылавливали около 38%. Всего за годы войны Кабанский район дал фронту 193 тыс. ц омуля из 363 тыс. ц по всему Байкалу. В 1948 г. лов нерестового омуля вновь был запрещен, отлов же покнатного продолжался до 1957 г.

Как отмечалось выше, рабочей силы на рыбных промыслах во время войны не хватало, особенно рыбаков, поэтому в состав Гослова были включены ОЛП (отдельные лагерные пункты) рыболовецкой ИТК НКВД СССР, своего рода «рыбацкий Гулаг». Таких пунктов на побережье Байкала было две: Корсаковская и Кабанская рыбопромысловые колонии.

Некоторые фотографии, относящиеся к этому периоду, приведены ниже (рис. 7.15–7.7.30).

Рис. 7.15. Промывка рыбы (фото из архива Кабанского рыбозавода)

Рис. 7.16. Прессовка рыбы (фото из архива Кабанского рыбозавода)

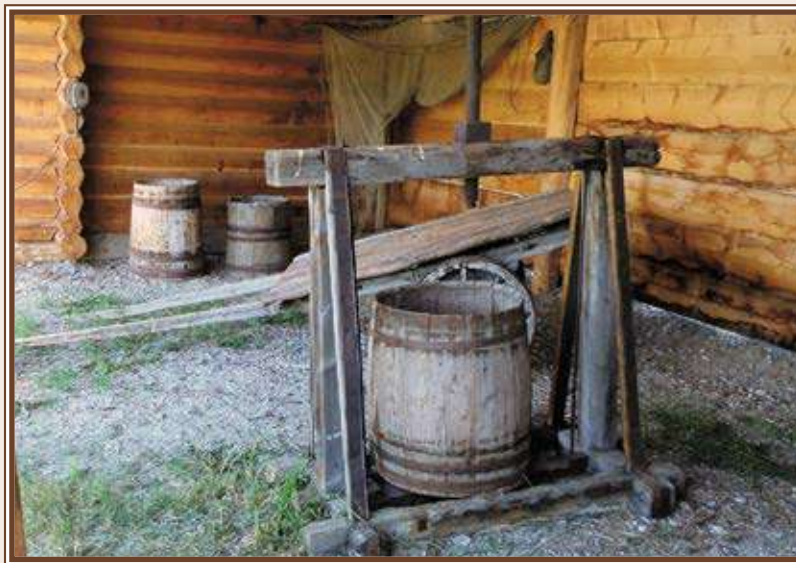

Рис. 7.17. Пресс (фото из этнографического музея «Тальцы»)

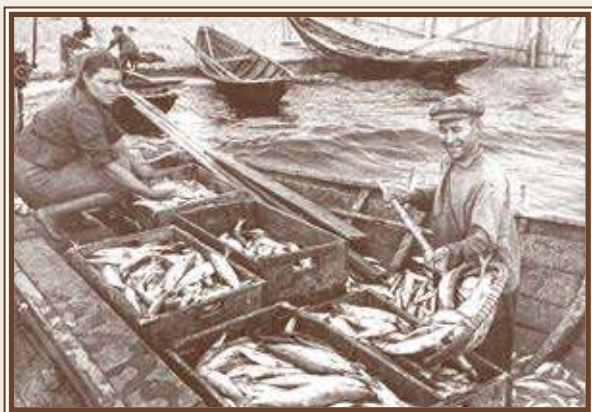

Рис. 7.18. Разгрузка омуля в Оймурском рыбпункте (фото из архива БайкалНИРО, 1950-е гг.)

Рис. 7.19. Разгрузка омуля в Оймурском рыбпункте (фото из архива БайкалНИРО, 1950-е гг.)

Рис. 7.20. Копченый омуль Кабанского рыбозавода (фото из архива Кабанского рыбозавода, 1950-е гг.)

Рис. 7.21. Разгрузка бочкотары на рыбпункте в с. Сухая (фото из музея-библиотеки с. Сухая)

Рис. 7.22. На одном из рыбпунктов Кабанского рыбозавода (фото из архива Кабанского рыбозавода, 1950-е гг.)

Рис. 7.23. Рыбаки и рыбачки с. Сухая (фото из музея-библиотеки с. Сухая)

Рис. 7.24. Неводной улов бригады Кабанского рыбозавода (фото из архива Кабанского рыбозавода)

Рис. 7.25. Неводной улов бригады Кабанского рыбозавода (фото из архива Кабанского рыбозавода)

Рис. 7.26. Вяление плотвы на Кабанском рыбозаводе (фото из архива Кабанского рыбозавода)

Рис. 7.27. Сетеремонтный цех (фото из архива Кабанского рыбозавода)

Рис. 7.28. Коллектив заводского рыбпункта в Хараузе (фото из архива Кабанского рыбозавода)

Рис. 7.29. Вяление омуля перед копчением (фото из архива Кабанского рыбозавода)

В 1965 г. при Байкальском Рыбтресте была организована Восточно-Сибирская производственно-акклиматизационная станция, специалисты которой занимались вопросами акклиматизации, перевозки рыб и кормовых организмов не только в Бурятии, но и за ее пределами. В результате интродукции ряда видов рыб в 1930–1960 гг. в водоемах Кабанского района натурализовались и вошли в промысел: амурский сом, амурский сазан и восточный лещ.

14 июня 1965 г. Совмином РСФСР принято постановление, по которому предполагалось проведение широкого комплекса рыбохозяйственных мероприятий на Байкале. Главным направлением в развитии рыбной промышленности Бурятии было увеличение и воспроизводство рыбных запасов за счет искусственного разведения. В это время проведена реконструкция Кабанского рыбозавода, построены новые цеха, холодильник, гавань для судов. Предусматривалось строительство рыбоводного завода на Селенге,

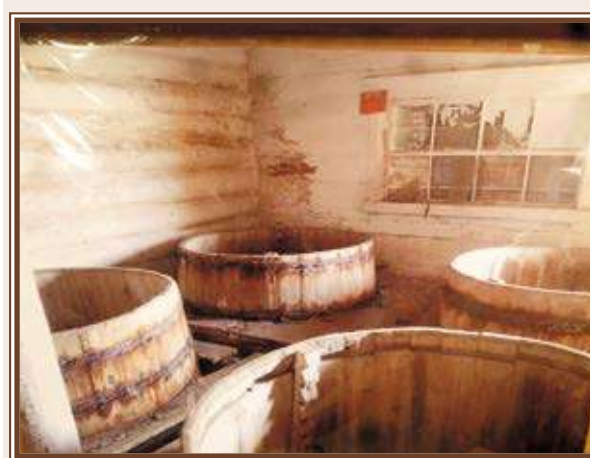

Рис. 7. 30. Посолочные чаны для омуля на рыбпункте Энхалуц (фото из музея с. Энхалуц)

первые попытки возведения которого предпринимались еще в 1920-х гг. Однако планам этим не суждено было сбыться, завод не был построен и в 1962 г., несмотря на то, что институтом «Гидрорыбпроект» была разработана схема строительства завода в районе сел Брянск — Береговая в Кабанском районе. И только в 1971 г. после известного постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР дело сдвинулось с мертвой точки. Были начаты проектно-изыскательские работы по строительству рыбоводного завода в месте впадения в Селенгу на 113 км от ее устья р. Итанцы. Акт о приеме в эксплуатацию первой очереди Селенгинского Экспериментального Рыбоводного Завода (СЭРЗ) мощностью 1,5 млрд штук икринок омуля, а впоследствии и 2 млн шт. молоди осетра был подписан 25 декабря 1980 г.

В 1976 г. было организовано Байкальское производственное объединение рыбной промышленности (Байкалрыбпром). В Приселенгинском районе в составе «Байкалрыбпрома» в это время отмечены следующие предприятия:

1. Кабанский рыбозавод. 2. Большереченский рыбоводный завод. 3. Селенгинский экспериментальный рыбоводный завод (СЭРЗ). 4. Гусиноозерский рыбоучасток.

В марте 1993 г. объединение «Байкалрыбпром» было разделено на 2 государственных предприятия: Байкальский рыбоводный комбинат (рыбоводство) и рыбопромышленное предприятие «Байкалрыбпром» (добыча и переработка рыбы).

В 1970—1980-е гг. в Кабанском районе промысел осуществлялся государственными предприятиями этого объединения, а также рыболовецкими колхозами, объединенными в Байкальский рыбколхозсоюз («Байкал», «Им. К. Маркса», «Прибайкалец», «40 лет Победы»).

Между тем, приближалась пора перемен и потрясений, сравнимых по масштабам с событиями начала 20 века. Для рыбного хозяйства Байкала эти перемены имели достаточно полярные последствия. Если в начале века все закончилось почти полным запуском рыболовства, повлекшим за собой восстановление рыбных запасов, то в конце века рыболовство приобрело малоконтролируемые размеры и масштабы.

В 1978 г. Совет Министров СССР принимает постановление «О переводе предприятий, объединений и организаций Министерства рыбного хозяйства СССР на полный хозрасчет и самофинансирование». Со 2-й половины 1980-х гг. в стране и регионах начались перемены во всех сферах. Снижается доля пищевой промышленности, в частности, рыбной отрасли, в общем объеме производства.

В 1990-е гг. радикальные реформы ухудшают экономическое положение, начинается спад промышленного производства, снижается уровень жизни населения. Происходит акционирование Байкалрыбпрома и входящих в него предприятий. Не готовыми к новым, рыночным условиям оказались рыбацкие колхозы, как и вся колхозно-совхозная система Советского Союза. Какое-то время на старых запасах и по инерции колхозы продолжали существовать, в дальнейшем они распадаются на мелкие кооперативные крестьянские фермерские хозяйства и личные подворья. Возникает многоукладная экономика. В 1991 г. был разрешен лицензионный лов омуля сетями, волами, хапами с установлением нормы суточного вылова. Увеличивается количество рыбозаготовительных организаций, а также численность людей, занимающихся ловом рыбы. Возросло и значение рыбы, как основного источника средств существования для многих семей, на фоне увеличившейся безработицы среди сельского населения. По экспертной оценке администраций прибрежных районов, около 15% населения выживало за счет рыбной ловли. Контроль за выловом рыбы оказался весьма проблематичным.

Со второй половины 1990-х гг. уменьшается добыча рыбы рыбодобывающими предприятиями, сокращается количество рабочих на промысле и на рыбоперерабатывающих предприятиях. Значительная часть населения района живет за счет индивидуального рыбного промысла и личного хозяйства. В добыче, реализации рыбы и рыбопереработке стали участвовать различные коммерческие организации и индивидуальные предприниматели. Однако, 75% рыбодобычи в Приселенгинском районе, тем не менее, приходилось на организации, ранее считавшиеся госпредприятиями и колхозами, к ним относились сельскохозяйственные производственные кооперативы: «Кабанский рыбзавод», «Ранжуровский», «Прибайкалец», «Сухинский». Добыча рыбы велась также рядом более мелких организаций: «Рыбозавод Байкал», «Рыбопродукт-2», ООО «Заречье» и др.

Глава 8

Ангарские рыбные промыслы

Северный Байкал на карте 1806 г. (по: Семивский, 1817)

Ангарские рыбные промыслы, нынешний севербайкальский рыбопромысловый район, охватывает огромную площадь. В настоящее время в него входит участок Байкала от урочища Томпа на восточном берегу до мыса Котельниковский на западном, реки Кичера и Верхняя Ангара с системой озер в дельте, озера Фролиха и Иркана, ряд мелких ленковых озер в горах, а также Баунтовская система озер. Но первоначально промыслы располагались в местах сгустка промыслового населения — на устьях рек, по берегам озера, остальные места были в транспортной недоступности.

История рыболовства на северной оконечности байкальского озера, так же как на устье р. Селенга насчитывает около 350 лет. Долгое время север озера оставался малозаселенным, а русское государство, проводя свою ясачную политику, ставило в таких местах небольшие укрепленные остроги, которые являлись форпостами государственной власти. Так, в 1643 году, в одной из проток Верхней Ангары — Ангаракане (малая Ангара — *тунг.*), десятником Семеном Скороходом было поставлено ясачное зимовье. Через 3 года в 1646 году атаманом Василием Колесниковым здесь же был основан первый острог на северном берегу Байкала, ставший впоследствии селением Дагары (устье — *тунг.*), которое до конца 17 века было единственным жилым местом на северной оконечности Байкала, не считая стойбищ живших здесь аборигенов. На карте С.Е. Ремезова Верхнеангарский острог располагается уже в устье р. Светлая, что на 90 км выше по течению Ангары. Перенос острога произошел, вероятно, между 1675 и 1701 гг. ближе к кочующим ясачным инородцам. Дагары, таким образом, перестали играть роль места сбора пушнины с таежных жителей и на долгие годы остались лишь небольшим рыбацким зимовьем на устье Верхней Ангары, дожидаясь рыбопромышленного бума 19 века. Однако вскоре ясачный сбор перешел в ведение

Баргузинских властей, а Верхнеангарский острог окончательно пришел в упадок и в документах 18 века он уже не упоминается. В 30 км выше Верхнеангарского острога на устье р. Котера появилось первое поселение оседлых тунгусов, названное Чёнчей (межречье — *тунг.*). На той же карте С. Е. Ремезова это поселение обозначено как православное. Во второй половине 19 века недалеко от Ченчи — на р. Котера возникли села Кумора, и Ирканы близ одноименного озера. Вся эта местность с тремя селами стала называться Верхнеангарском (Григоровский, 1890). На западном берегу вдоль реки Рель располагалась деревня Горемыки, жители которой занимались рыбным и звериным промыслом, а также хлебопашеством. На восточном — тунгусское стойбище Томпа. В устье р. Кичера находилось поселение Чичевки (от «ичеридэ» — шаманить в устье реки — *тунг.*) со смешанным русско-тунгусским населением. В 7,5 верстах вверх по р. Кичера расположилось селение Душкачанское.

К моменту прибытия русских переселенцев на Северном Байкале проживало четыре тунгусских рода: Киндигирский (впоследствии с центром в с. Душкачаны), Чильчигирский (с. Ирканы), Шамогирский (стойбище Томпа на восточном берегу) и Чебкаанский (с. Горемыки на западном берегу). Все нижнее течение и устья рек Кичера и Верхняя Ангара составляло собственность Киндигирского рода, восточное побережье от дагарского устья Верхней Ангары до полуострова Святой Нос — Шамогирского. В середине 19 века и без того немногочисленное тунгусское население значительно сократилось вследствие болезней, завезенных переселенцами. Чебкаанский род полностью вымер от оспы, другие сократились на 70% от той же болезни, а также от эпидемии сыпного тифа в начале 20 века (Цивилев, 1993). Несчастьем тунгусского населения явился падеж оленей, без которых заниматься охотой и передвигаться по тайге было невозможно. В результате тунгусы разделились на горных (орочены — оленные, кочевые) и береговых (ламучены — полuosедлые). Если первые, имея оленей, занимались охотой, то вторые занимались рыболовством. Заработок береговых тунгусов был несравнимо меньшим с заработком их родичей — охотников, поэтому мечтой всех береговых тунгусов — рыболовов было вновь стать горным, завести оленей и уйти кочевать в тайгу. Другой вариант — стать оседлым. Для тунгуса была возможность породниться с русскими переселенцами, тяготевшими к земле и организации крепких семейных хозяйств. Русские в состав тунгусской семьи в качестве зятя входили довольно охотно. Это объяснялось возможностью воспользоваться льготами, которые были предоставлены инородцам по налогам. Со временем, в результате смешения с русскими, появились полностью оседлые тунгусы, а их быт почти не отличался от быта переселенцев с запада, т. е. происходила ассимиляция коренного населения (Суханов, 1932).

Первопоселенцы были людьми далекими от охоты и рыбалки. Но близость Байкала, тогда еще очень богатого рыбой, начала накладывать отпечаток на характер занятий жителей, и население стало вести рыбный промысел, дававший большое подспорье в обеспечении его продуктами питания. Развитие рыболовства послужило второму рождению селений в устьях рек Верхняя Ангара и Кичеры. В этой связи следует отметить, что все междуречье Кичеры и Верхней Ангары в 19 веке стало именоваться Нижнеангарском. Под этим названием объединялись поселения Чичевки на устье р. Кичера и Дагара на устье Верхней Ангары.

Река Верхняя Ангара впадает в северо-восточный угол Байкала и имеет два устья: главное — Дагарское, впадающее в Дагарскую губу и расположенное в 4 км от него к западу — устье Среднее. На 20-м км Верхней Ангары от нее отходит протока Ангаракан длиной около 12 км, которая уходит на запад и впадает в р. Кичера на 15 км от ее устья. Таким образом, обе реки, Верхняя Ангара и Кичера имеют одну общую дельту. Расстояние от Среднего ангарского устья до устья р. Кичера, впадающей в северо-западный угол озера, составляет около 15 км. Между этими устьями расположен Северо-Байкальский сор, отделяющийся от Байкала низкой песчаной намывной косой — островом Ярки средней шириной в 200 м. Устья Верхней Ангары — Дагарское и Среднее — образуют остров под названием Миллионный, длиной (если считать по байкальскому берегу) около 3 км.

В связи с бесплодностью здешних мест и отдаленностью от губернского центра — Иркутска, развитие рыбных промыслов на севере байкальского озера началось значительно позже по сравнению с другими рыбопромысловыми районами. До недавнего времени считалось, что первыми на Северный Байкал за рыбой стали ходить в конце 18 века члены одной из крупных артелей — Ольхонской (Сельский, 1853). Во всяком случае, с этого времени ангарские промыслы стали постепенно играть все большую роль в байкальском рыболовстве (рис. 8.1).

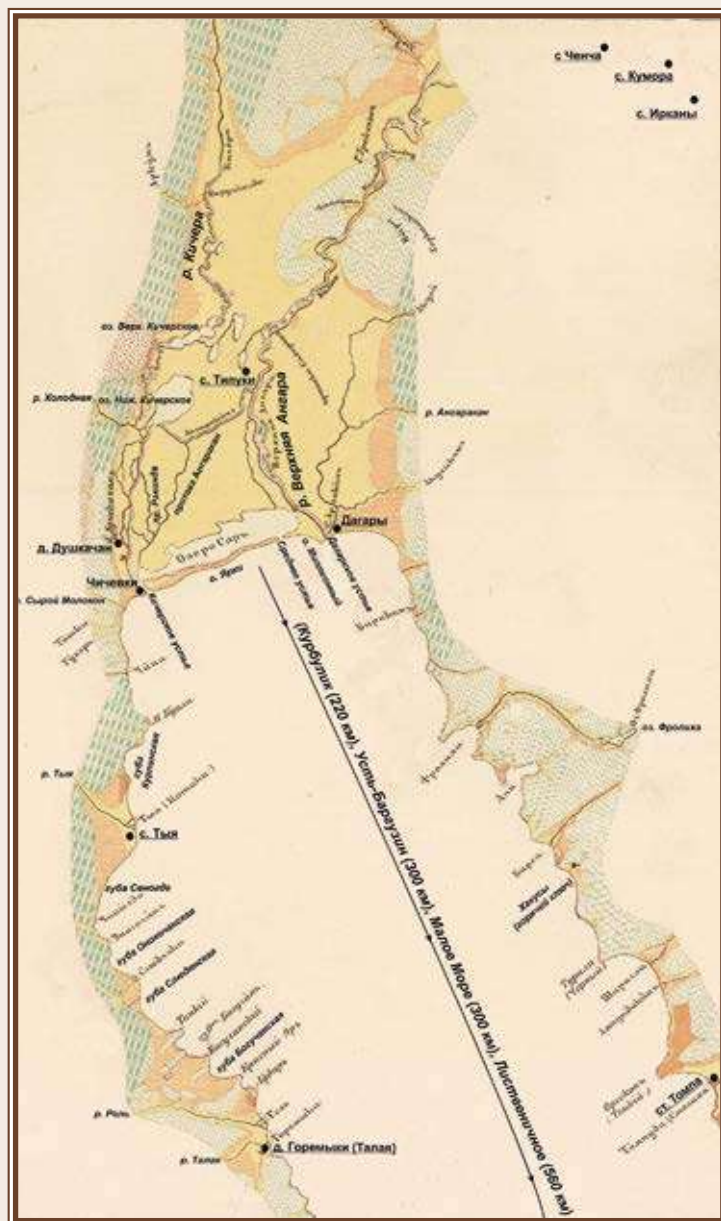

Рис. 8.1. Ангарские рыбные промыслы (на основе геологической карты И.Д. Черского, 1880 г.)

Однако, в 2004 г. новосибирским исследователем А.Х. Эллертом были расшифрованы и опубликованы путевые дневники немецкого врача и естествоиспытателя Г.В. Стеллера. Ученый остановился на целый год в Иркутске и с марта 1739 г. по март 1740 г. провел время, выезжая на маршруты по Байкалу, побывал на Витиме и посетил Баргузинский острог. Результатом этих поездок стал трактат «Топографическое описание разных мест около Иркутска и Байкала», где ученый оставил, в том числе, подробное описание организации рыбопромысловых экспедиций из Иркутска в разные районы Байкала (Элерт, 2004). Г.В. Стеллер пишет, что из Иркутска промышленные люди для рыбной ловли плывут на дощаниках в самые дальние уголки Байкала. Самые отчаянные отваживаются заплывать на северную оконечность озера на реки Кичера и Верхняя Ангара. Отважные не только из-за дальнего плавания по суровому морю, но и потому, что тамошние тунгусы — дерзкие и считают эти реки своими, иногда отбирают у промышленных рыбу, а при сопротивлении убивают, что было неоднократно. Подробное описание такой экспедиции приведено в первой главе.

Центр байкальского рыболовства переместился на север озера в первой половине 19 столетия. Истощенная Селенга перестала привлекать взоры крупных рыбопромышленников, которые

двинулись осваивать новые районы промысла. Известно, что в 1810 г. свои невода на ангарских промыслах уже держали купец третьей гильдии из Ильинского острога Андрей Цивилев и баргузинский первой гильдии купец Иван Черных. Приходили они сюда по последнему льду в начале лета и уходили обратно не позднее 25 сентября (ст. стиль) на простых парусных судах (Цивилев, 1993).

По свидетельству Н.С. Щукина (1847) до 1832 г. ловлей омулей в Верхней Ангаре занимались только жители города Баргузин, получая от этого большие выгоды. Кроме рыбы, баргузинские купцы скупали у тунгусов пушнину по низким ценам. По словам Н.С. Щукина, именно баргузинские купцы научили тунгусов обращаться с просьбой к правительству о закреплении за ними речных рыболовных угодий. Значительных размеров северобайкальский промысел достиг к 30-м гг. 19 века, когда падение добычи омуля в Селенге выявилось вполне определенно. Тогда все крупные рыбопромышленники оставили Селенгу местным селянам и мещанам и переехали на реки Баргузин и Верхняя Ангара. Деятельность иркутских рыбопромышленников, начавшаяся с ближайшей к Иркутску р. Селенга и перешедшая постепенно на р. Баргузин, в 30-х гг. 19 века сконцентрировалась в Нижнеангарске.

Сведения о рыболовстве на Северном Байкале в 30-х гг. 19 века были опубликованы А. Курбатовым в 1841 г. в Материалах для статистики Российской империи, на которые, так или иначе ссылаются все поздние авторы: «В начале августа к устью пустынной Ангары собираются до 60 различных судов, и рыболовные артели, заняв по реке самые удобные места, ждут привалов рыбы. Она появляется в десятых числах августа (ст. стиль), и тогда нередко одна тоня доставляет полтораста и двести тысяч омулей. Прежде, по обилию их в Баргузине и Селенге, промышленники совсем не посещали Ангары, где лов, сначала не превышавший миллиона рыб, в 1836 году простирался уже до 10 миллионов. Оканчивается он почти всегда в две недели. При такой кратковременности засол огромного количества рыбы бывает тем более затруднителен, что на самих местах ловли нет жителей, и только во время промыслов приходит туда бедное и малочисленное племя тунгусов, помощь которого не может быть значительна. Остальные рабочие привозятся промышленниками из Иркутска и Баргузина, но в числе недостаточном: пятьсот верст водного пути и необходимость везти с собой все съестные припасы пугают многих хозяев. Случается, что пойманную рыбу не успевают засолить и испортившуюся сваливают в реку. Ныне уже Правительство приняло меры против такого непростительного злоупотребления и беспорядки уменьшились» (Курбатов, 1841, с. 37–38). Очевидно, говоря о мерах, А. Курбатов имел в виду закон под названием «Положение о рыбном промысле на устьях реки Ангары», принятый в 1837 г. Добавим, что лов омуля в то время проводился преимущественно во время рунного хода, поэтому приведенные в статье цифры вылова следует относить исключительно к речному промыслу в Верхней Ангаре. От этого же автора узнаем, что неводной лов по берегам Байкала находился в 30-х гг. 19 века еще в зачаточном состоянии и велся теми же самыми небольшими речными неводами: «Со вскрытием Байкала, по берегам его, начиная от Посольска до устья Верхней Ангары, производится промысел омулей неводами до 20 июля. Тогда рыба из глубины моря приваливает к берегам, и, смотря по погоде, приближается к ним или удаляется от них. В последнем случае отвозят невода за версту или две от берега, бросают там и потом притягивают канатами. Тони не всегда удачны; лучшие дают не более пяти тысяч, весь же лов на показанном пространстве от одного до двух миллионов рыб» (там же, с. 38).

Хищнический вылов омуля в нерестовых реках отрицательно сказался на его уловах. Богатые речные промыслы на Верхней Ангаре были всего лет двадцать. Если в первые годы после открытия промысла на Верхней Ангаре промышленники до 7000 бочек, то к 60-м гг. 19 века уловы снизились до 1500 бочек (Тюрин, 1932). Тем временем, в условиях снижения уловов в реках, спрос на рыбу у растущего населения губернии увеличивался, и рыбаки вышли с неводами на берега Байкала: «Чтобы удовлетворить спросу, промышленники обратились за омулем к самому Байкалу, но и здесь произошло оскудение; чтобы удержать уловы на прежней высоте промышленники увеличивают число и величину неводов и время, посвящаемое этому промыслу, наконец, заводят сети, чтобы ловить омуля дальше от берега, чем это позволяет сделать невод» (Сабуров, 1889, с. 24).

Иллюстрацией перемещения промысла из рек в Байкал могут служить некоторые материалы республиканского архива Бурятии, в которых указывается количество засоленных бочек омуля, учет которых велся для моря и реки отдельно (табл. 8.1–8.2).

Таблица 8. 1. Ведомость о числе уловленной рыбы рыбопромышленниками в Байкале море и в реке Верхняя Ангара. Сколько засолено в бочках в операцию 1847 г. (ГАРБ. ф. 180, д. 1113)

Промышленники	Количество судов	Засолено бочек		
		В море	В реке	
			Между островами	Выше островов
Иркутские купцы				
Иннокентий Русанов	3	272	57	20
Василий Пономарев	1	40	26	14
Андрей Кудрин	1	7	—	13
Гаврило Шигаев	1	24	—	24
Алексей Чурин	2	10	10	22
Петр Солдатов	1	24	12	2
Яков Замейщиков	2	20	4	6
Александр Сизых	2	44	42	—
Петр Власов	2	20	45	5
Иван Бесперстов	1	16	9	5
Александр Сибиряков	1	—	8	9
Мещане				
Петр Катышевцев	1	28	19	10
Гаврило Михайлов	2	78	15	8
Севастьян Сизых	2	20	20	19
Николай Малиновский	2	15	12	12
Степан Хребтовский	1	55	—	10
Александр Каргопольцев	2	70	10	6
Александр Яковлев	2	50	57	33
Данила Курбатов	1	34	30	—
Андрей Власов	1	32	34	—
Иркутский станичный казак Василий Оглоблин	2	62	20	15
Баргузинский купец Михаил Черных	2	27	40	5
Ольхонские братские	1	35	9	—
Итого	36	983	479	238

Примечание: мореходных лодок — 1, рабочих людей мужского пола — 648, женского (чищалок) — 65. Взыскано акциза по 50 коп. за бочку (всего на 850 руб.). Из них 20 руб. 57 коп. пошло в пользу тунгусов на приобретение пороха и свинца.

Подпись: старшина (неразборчиво)

Таблица 8.2. Ведомость о числе уловленной рыбы рыбопромышленниками в Байкале море и в реках Верхняя Ангара и Кичера. Сколько засолено в бочках в операцию 1865 г. (ГАРБ. ф. 296, д. 19)

Промышленники	Засолено бочек			
	Весна в Байкале	Лето в Байкале	р. Верхняя Ангара	р. Кичера
<i>Иркутские купцы</i>				
Павел Егорович Русанов	24	130	120	
Александр Сибиряков	11	8	36	
<i>Иркутские мещане</i>				
Федор Васильевич Елезов		27	60	
Иван Федорович Сверлов	87	155	76	
Прокопий Михайлович Никитин	30	60	15	
Иван Васильевич Елезов	20	77	118	
Федор Михайлович Елезов		9	32	
Иван Дементьевич Барабанщиков	40	40	154	
Кит Андреевич Улешев		22	89	
Иван Петрович Баженов		39	55	
Иннокентий Бунтин	15	13	34	
Хрисанф Петрович Кат... ов	7	8	20	
Иван Шишунов	16	30	28	
Алексей Мясников	16			
<i>Иркутские цеховые</i>				
Илья Петрович Леранов	7	7	20	
Захар Шишилов	12	7	47	
Захар Полканов				
<i>Крестьяне Верхнеудинского округа</i>				
Лука Власов		20	110	
<i>Иркутские казаки служащие</i>				
Николай Степанович Могилев		49	110	
Павел Матвеевич Оглоблин	17	43	70	
Иннокентий Сизых		8	60	
<i>Отставные казаки</i>				
Иннокентий Могилев		80	160	
Прокопий Рыков		110	60	
Василий Оглоблин	20	40	50	
Дмитрий Могилев		37	59	
<i>Иностранцы Ольхонского ведомства</i>				
Назай Москин	9	16	8	
Танган (фамилия неразборчиво)		20	9	
Байбак Солдатов		18	11	
Хаза Хутугов		20	10	
Николка Халкин			13	
Мазай Хомонов		21	10	
(имя неразборчиво) Дархигонов		27		

Промышленники	Засолено бочек			
	Весна в Байкале	Лето в Байкале	р. Верхняя Ангара	р. Кичера
Собар Хомутаев			18	
(имя неразборчиво) Кулгонов		15	30	
(имя неразборчиво) Коргунов		15	15	
Баин Бархонов			20	
<i>Иногородцы Капсальского ведомства</i>				
Нохомка Бугланов		36	14	
Хамту Хомогонов			18	
Баянда Батуров				
Итого	331	1207	1759	0

Подпись: старшина Прокопий Сверлов

Из ведомости видно, что в 1847 г. в реке было поймано и засолено 42 % всей рыбы, а в 1865 г. — 53 %. То есть речной лов омуля в середине 19 века на ангарских промыслах примерно равнялся морскому. В ведомости отсутствует рыба, пойманная тунгусами, вероятно потому, что аборигены были хозяевами рек, тогда как регистрации и учету подлежали только приезжие промышленники, которые были обязаны в конце промысла отчитаться о его результатах. Кроме арендной платы за пользование промысловыми участками, тунгусам, как видно из документа, причиталась еще и часть акцизного сбора с каждой засоленной бочки.

Обращает на себя внимание, что рыбный промысел стал для многих промышленников семейным делом, а фамилии многих из них прошли через весь 19 век и вошли в век 20-й. В 1883 г. в Иркутске была зарегистрирована компания из тринадцати рыбопромышленников, промышленявших в основном на севере, фамилии которых упоминаются в приведенных выше документах (П.Ф. Сверлов, Г.И. Могилев, А.А. Улишев, Д.А. Курбатов, В.Н. Власов, братья Шипуновы, М.М. Оглоблин и др.). Насколько широк был размах деятельности компании можно видеть хотя бы из того, что только на устье р. Верхняя Ангара в конце 19 века из 65 неводов ей принадлежали 50.

На рубеже веков среди рыбопромышленников, которые вели лов на ангарских промыслах, одним из самых крупных был Прокоп Федорович Сверлов. В разные годы он владел двумя одномачтовыми, двумя двухмачтовыми судами и двумя паровыми катерами. Летний лов он вел на баргузинских промыслах, а осенью на Верхней Ангаре держал до 24 неводов. Здесь же вел промысел Михаил Матвеевич Оглоблин, имевший по одному одномачтовому и двухмачтовому судну. Летом у него работало в Нижнеангарске до 8 неводов, осенью до 20; кроме севера, промышленял на баргузинских промыслах, где имел 12 летних неводов. Андрей Андреевич Улишев владел одним одномачтовым и одним двухмачтовым судами. Держал на Северном Байкале 3 летних невода и до 16 осенних речных, кроме этого, на баргузинских промыслах имел 12 летних неводов. Имел свои невода его брат Осип. Рыбачили также братья: Могилевы (Василий и Гаврила Иннокентьевичи), Шипуновы (Иван, Гаврила, Федор и Павел Николаевичи), у каждого из которых было свое дело. Среди более мелких промышленников были Дмитрий Афанасьевич Курбатов, Нил Степанович Вокин,

Рис. 8.2. Международная рыбопромышленная выставка (Михайловский манеж, 1902 г.) российские рыбопромышленники — участники выставки (фото из коллекции Хумус (<https://humus.livejournal.com/>))

Таблица 8.3. Среднегодовые показатели добычи омуля на Северном Байкале в период с 1880 по 1931 гг. (по: Суханов, 1933; Тюрин, 1934)

Годы	Летний промысел в Байкале				Осенний промысел в реках				Общий вылов, ц
	Количество рыбопромысловых ленингов	Количество неводов	Средний улов на невод, бочек	Вылов в сред. за год, ц	Количество рыбопромысловых ленингов	Количество неводов	Средний улов на невод, бочек	Вылов в сред. за год, ц	
1836								30000	
1830–1840								7000 боч. (39000)	
1850-е									3500 боч. (20000)
1860-е									26038
1880–1883	12	36	35	6300	17	105	35	18375	24675
1885–1889	12	36,6	35	6400	17	105	40	21000	27400
1890–1894	12	37,6	29	5450	18,2	103,4	35	18095	23545
1895–1899	16	37,7	23	4385	19,8	86,2	26	11850	16235
1900–1904	11,8	26,2	20	2620	16,6	60	18	5235	7855
1905–1909	11,6	22	20	2200	14,5	51,8	17	4620	6820
1910–1914	10	15,6	19	1500	14,6	32,2	17	2625	4125
1915–1916	7,5	8,5	15	635	12	24	15	1800	2435
1926									7765
1927									7212
1928									7531
1929									9056
1930									5529
1931									8641

Василий Никитич Власов, Михаил Дмитриевич Зубков, Федор Николаевич Петухов, Александр Иннокентьевич Бунтин, Моисей Григорьевич Лев, Константин Павлович Денисов, Федор Михайлович Елизов, Михаил Васильевич Белозерцев, а также бурятская компания Танганова (Цивилев, 1993) (рис. 8.2).

Очевидно, какая-никакая статистика рыбодобычи компанией крупных промышленников велась, что позволило сотрудникам северобайкальской рыбопромысловой экспедиции Сибирской Рыбстанции в начале 1930-х гг. свести некоторые результаты вылова омуля на ангарских промыслах в конце 19 — начале 20 веков (табл. 8.3).

Из табл. 8.3 видно, что на период речного осеннего лова на Северном Байкале выставлялось на 30% больше неводов, чем для морской рыбалки весной и летом. В результате соотношение морского и речного лова сильно изменилось в пользу речного, доля которого в эти годы составила в среднем 73%. Хорошо хранившийся соленый осенний омуль ценился особо и давал львиную долю дохода предпринимателям. Прибыль приносила и посоленная икра. В конце 19 — начале 20 века на ангарских промыслах промышленниками заготавливалось в лучшие годы до 237 бочат (икра солилась в бочках весом 1 пуд нетто) икры (табл. 8.4).

Летнего же омуля крупные промышленники предпочитали добывать значительно южнее — на баргузинских промыслах. Связано это было с тем, что рыбу летнего засола, хранившуюся значительно хуже, нужно было как можно скорее вывезти и реализовать на рынках Иркутска и Верхнеудинска, путь до которых отсюда был значительно короче, да и летние уловы на Баргузинских промыслах были богаче. Летний лов на баргузинских промыслах базировался

Таблица 8.4. Количество заготавливаемой омулевой икры на ангарских промыслах в 1894–1908 гг. (по: Коротнев, 1901; Егоров, Клеменченко, 1971)

Год	1894	1895	1896	1897	1899	1900	1901
Бочонков	39	37	194	124	237	100	173
Год	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908
Бочонков	149	111	371	130	106	100	100

в значительной степени на том же верхнеангарском омуле, который здесь нагуливался и к концу лета мигрировал на нерест к Верхней Ангаре и Кичере. Вслед за ним на север отплывали и рыбаки, чтобы к августу месяцу быть в полной готовности и встретить рыбу уже на устьях северных рек.

Из этой же таблицы становится ясно, что к концу первого десятилетия прошлого века промыслы пришли в совершеннейший упадок. Побывавший на северном Байкале в 1911 г. капитан корпуса военных топографов Петров в своем дневнике отмечает, что о бывших уловах остались одни воспоминания, а уловы последних лет составляют не более 1/10 от того, что раньше составляло средний улов. Хищнический промысел окончательно уменьшил количество рыбы, промышленники стали терпеть убытки, многие разорились и прекратили промыслы (Петров, 2018).

Наибольшая концентрация морских неводных тоней приходилась на остров Ярки. При длине острова от устья р. Кичера до Среднего устья р. Верхняя Ангара 15 км, где находились 24 тони. Первая тоня была уже в полутора километрах от западной его оконечности, то есть от устья р. Кичера и селения Чичевки, последняя, 24-я — у Среднего устья Верхней Ангары. Между двумя устьями Верхней Ангары на низком песчаном острове под названием Миллионный длиной 3 км находилось 2 неводных тони. По преданию в 1874 году здесь был установлен абсолютный рекорд по добыче рыбы на севере Байкала: артель Н.Е. Русанова вывела на берег невод, полный рыбы. Улов оценили в 1800 ц. Ни до, ни после такого улова больше не было, рыбу тогда даже не смогли всю переработать. В честь огромного улова остров по сей день носит название Миллионный. Случаи крупных уловов в летний промысел были редкостью. Известно, что в 1893 г. М.М. Оглоблиным было добыто на Ярках на тони № 8–80 бочек, П.Ф. Сверловым в 1891 г. на 23-й тони — 70 бочек, К.П. Денисовым и одним из братьев Шипуновых в 1910 г. в Душкчанской губе на 2-й и 3-й тонях по 80 бочек омуля (Цивилев, 1993). Считая вес нетто омулевой бочки в то время за 25 пудов, соленого омуля в 80 бочках могло быть около 320 ц. В переводе на сырец улов составил около 416 ц.

Неводные участки находились по восточному и западному берегам озера в сторону от крайних устьев. В Дагарской губе на протяжении 6,5 км имелось 9 неводных тоней, в Душкчанской губе (губа Молокон) при устье р. Кичера — 6 тоней. В 20 км от устья р. Кичера — в Курлинской губе — 6 тоней, в 33 км в губе Сеногда — 5, в губе Онокачанской (40 км) — 3, в губе Слюдянская (45 км) — 4, в Букачанской губе (50 км) — 6 тоней. Наиболее уловистые тони назывались «боевыми», и там могло стоять в спарках до 5 неводов. Основные речные тони для рунного лова омуля были следующие (табл. 8.5).

Таблица 8.5. Речные тони на реках Северного Байкала (по: Тюрин, 1932)

р. Верхняя Ангара	Расстояние от устья, км	р. Кичера	Расстояние от устья, км
Нижняя	2	Нижняя 1-я	2
Тунгуска	4	Нижняя 2-я	2,5
Русановская	5,5	Чуриная 1-я	4,5
Кривушка	6,5	Чуриная 2-я	4,8
Рышковская	8	Рышковская	7
Бродская	9	Долгая	9
Анбарчики	15	Ракинда	10,5
Уэро нижняя	19		
Уэро верхняя	21		

Еще весной по крепкому льду в Нижнеангарск съезжались артельные рабочие из Иркутской губернии и Забайкалья. Суда рыбопромышленников отправлялись в Нижнеангарск из Лиственничного в мае месяце на весь сезон для проведения двух видов промысла: летнего и осеннего. К августу по окончании летнего промысла в других районах на Северный Байкал в Дагарскую губу подтягивались другие артели, желавшие принять участие в осеннем лове. Первая путина начиналась в конце мая и продолжалась обыкновенно до половины июля, иногда дольше. Центром лова в летнее время становились Чечевки на устье р. Кичера, а общее количество летних неводов в лучшие годы доходило до 60.

Ловился весной и летом преимущественно только омуль. По словам местных промышленников, эта рыба предназначалась лишь для «харча», т. е. на пропитание артели. «Летний промысел в тамошних местах производится по берегам Байкала, и этот засол омулей бывает самый низкий в сорте потому, что ловля и засол бывают еще рано и в самое жаркое время, причем засол скопляется мало-помалу в ожидании, пока можно будет отправить в Иркутск сколько-нибудь значительное число бочек, да и самая эта летняя рыба слабее и скорее подвержена порче; наконец, дальняя доставка омулей в Иркутск тоже уменьшает доброту их. Однако ж, и летний засол верхнеангарских омулей расходуется, по сильному требованию, в городе и в уезде скоро, но только дешевыми ценами, потому что омуль этот далеко уступает коргинскому, ловимому около Селенги» (Пежемский 1852, с. 19). Соленую рыбу вывозили либо водным путем в Иркутск, либо зимой с установлением ледового покрова на санях. Тогда на промыслы приезжали скупщики, обычно буряты с о. Ольхон, а также крестьяне с верховий р. Лена, которые для обмена на рыбу привозили муку. Кроме сбыта в иркутские рыбные ряды, летняя верхнеангарская рыба отправлялась по Московскому тракту до Нижнеудинска, вниз по Ангаре до Братского острога и к жителям верховий р. Лена до Киренска.

Летний лов переходил в осенний, который был основным и базировался на нерестовой рыбе (ходовка). Он проводился уже не в Байкале, а в Верхней Ангаре и Кичере во время рунного хода омуля. Способ добычи и на Байкале, и в реке был почти одинаков. Там и тут ловили, преимущественно неводом, с той лишь разницей, что невода, применяемые на Байкале, были значительно больше речных. Количество речных неводов всегда было больше и число их доходило до 105 (Цивилев, 1993).

Один из участников байкальской гидрографической экспедиции Ф.К. Дриженко (1895—1903 гг.) так описывает дни всеобщего ожидания подхода омулевых косяков на ангарские промыслы: «На 18-ти верстной полосе от Кичерского до Дагарского устья, точно так же, как и вверх по Ангаре на 25 верст громадные баркасы-неводники были уже расставлены по своим местам, по тоням, и полторы тысячи народу напряженно ожидали «хода» рыбы. Но на этот раз рыба долго заставила себя ждать и только после 20 сентября, после сильных штормов от SW-а, пошла она в реку, — и тем воскресила надежды промышленников. «Жрать, ведь, нечего...» — слышались до сих пор всеобщие жалобы... В этом районе не было никаких других интересов, кроме «рыбных». Вставали и ложились только с мыслью об улове. На широких началах ведет рыбный промысел только компания «Сверлов, Улишев и Шипунов»; ей принадлежат почти все тони и она уже арендует у тунгусов большую их часть. Пароход «Забияка» поддерживает сообщение между обоими устьями, развозя провизию и буксируя неводники. Я. Иванов» (Восточное обозрение, 1901 г., № 266).

Начиная с конца августа, рыбаки начинают посылать сторожевые невода по очереди на взморье — следить, не идет ли рыба в реку. Однако первыми встречают омулевые косяки еще далеко в море «большие кормораны» (бакланы), живущие летом большими колониями на островах Малого Моря и Чивыркуйского залива и перед отлетом на зимовку прилетающие сюда отъедаться нерестовым омулем. Рыбаки знают — появился баклан — скоро жди рыбу. Огромные черные стаи этих птиц в конце лета собираются в устьях омулевых рек и устраивают настоящую охоту на омуля. Черный баклан надолго ныряет, бьет омуля своим острым клювом и иногда сотни мертвых рыб плавают на поверхности воды около места нападения, за ним следует неизбежная его спутница — белая чайка. Баклан всегда убивает значительно больше рыбы, чем может съесть, насытившись, он не останавливается и продолжает убивать омуля. Часто баклан нападает на идущее руно рыбы, заставляя его остановиться и даже повернуть назад. Вот свидетельство Н.В. Кирилова: «Массы омулей истребляют и угоняют обратно в Байкал бакланы. Заседая громадными стаями на берегах

Рис. 8.3. Охота стаи бакланов на нерестового омуля (фото автора)

и заметив рунный ход рыбы, эта прожорливая птица моментально бросается на руно и начинает бить рыбу не только для утоления своего голода, но и, по-видимому, просто из любви к искусству. По наблюдению местных жителей, одна такая птица перебивает в сутки до 100 омулей, коими русло реки покрывается как броней. Избитая и израненная рыба уносится в Байкал, где и выбрасывается на берег» (Кирилов, 1886, с. 16) (рис. 8.3–8.4).

Наконец, руно входит в реку, и наблюдатель пишет далее: «Но вот, один за другим, неводники начали привозить рыбу, нагруженную чуть не до бортов... Лица всех просветлели... Пустовавшие сараи (рыбоделы) оживились и чищальки принялись за потрошение и посолку рыбы, а бочки и лагуны стали наполниться рыбой и икрой; послышались даже развеселые песни. Освещенные ярким пламенем лучин, горевших на колонках, сложенных из кирпича, ночью рыбоделы, наполненные женщинами, ловко маневрировавшими ножами, представляли собою фантастическую картину. В стороне же от рыбоделов, во влажном ночном воздухе носились дикие завывания («ой-ной») тунгусов, устраивавших сладострастные пляски».

Первая рыба всегда шла в Верхнюю Ангару через Дагарское устье, затем невода перебирались в Чечевки на р. Кичера, ход омуля в которую был немного позже. На нижних, (лицевых) тонях рек собиралось до 10 неводов разных хозяев. Во время сильного хода, который продолжался несколько дней, работа кипела круглосуточно, и каждую четверть часа метался новый невод. В начале хода рыбы в невода попадало очень мало, не более 25–100 штук омулей, потом, когда рыба пойдет сплошной массой (рунно), то ее попадалось в одну тоню 5, 10, 20, а случалось и до 70-ти бочек. Омуль доходил до Верхнеангарского острога, расположенного в 140 км выше по течению на притоке Верхней Ангары — р. Котера, жители которого ловили его небольшими неводами недалеко от своих жилищ. Рыба шла еще выше, где ее добычей занимались уже тунгусы, которые били ее острогами, освещая в ночное время поверхность реки берестяными факелами. После нереста омуль скатывался в Байкал. Ловом покатной отнерестившейся рыбы занимались почти исключительно тунгусы, которые городили черезовые запоры (переколоты) и добывали в 80-х гг. 19 века до 300 тыс. шт. Этот омуль сдавался купцам (Цивилев, 1993). О лове тунгусами покатного омуля упоминает Елизов, по его данным тунгусы в р. Кичера ловили до 100 бочек такого омуля (Елизов, 1874). Жители

Рис. 8.4. Нерестовый омуль, травмированный бакланом (фото автора)

Верхнеангарского селения также загораживали реку поперек заездками и ловили покатника для собственного употребления.

Подвоз летней рыбы с неводов на засолочные пункты производился следующим образом. Если добывали рыбу в Байкале на тонях острова Ярки ближних к Дагарам, то рыбу везли туда. Если же добывали рыбу дальше 12 тони, то увозили ее в Кичерский засолочный пункт, т. е. в устье р. Кичера. Рыбу с вечерних тоней, пойманную в небольшом количестве, оставляли до следующего утра — до утренних тоней. Выловленную в реках рыбу копили за весь день в баркасах и вывозили чаще всего после «заколоту», т. е. после прекращения неводьбы на ночь. Днем рыбу возили на пункты только в тех случаях, если попадала гуртовая рыба. С тоней на р. Верхняя Ангара рыбу вывозили в Дагарский засолочный пункт, с р. Кичера — на устьинский засолочный пункт в Чечевки.

В 1903 г. всем рыбакам и корабельщикам ангарских промыслов был сделан подарок. Уже упомянутая нами гидрографическая экспедиция под руководством Ф.К. Дриженко, воспоминаниями членов которой мы воспользовались выше, завершила свою работу на Северном Байкале установкой двух маяков в устьях тамошних рек. Силами экспедиции в 1903 году в устье р. Верхняя Ангара был поставлен Дагарский маяк с маячным домом и службами, а в устье р. Кичера — Душкочанский маяк с такими же постройками (рис. 8.12—8.13). С этого момента промыслы по ночам светились не только огнями рыбоделов, но и лампами маяков. Кроме маяков, для входа в р. Верхняя Ангара поставлены еще два створных огня на так называемом Миллионном островке. Крупные промышленники не остались в долгу и в течение всех лет работы гидрографов на Байкале регулярно представляли в их распоряжение свои паровые суда.

Согласно Правилам о рыбопромышленности от 1872 г. во время рунного хода в реках Верхняя Ангара и Кичера омулей не разрешалось ловить в Байкале ближе двух верст от устьев, а также в самих реках на три версты от устья. Профессор А.А. Коротнев, посетивший осенью 1900 г. ангарские промыслы для проведения биологических исследований по заданию Министерства Земледелия, рассказывает об истинном положении дел с соблюдением порядка добычи рыбы: «В действительности эти правила вовсе не исполняются: при устьях Кичеры устанавливаются невода на правой и левой стороне реки, которые закидываются наперекрест устья (в шахматном порядке), как только вход омулей в реку обнаружится. Этого мало: в 2 верстах от устья, на обоих берегах той же Кичеры, стоят две тони, почти одна против другой и, при закидывании одной после другой, безусловно вычерпывают всю рыбу, попавшую в реку, тогда как, согласно положению, половина реки должна быть свободна для прохода руна. Поставленные весьма редко бакены для указания места, до которого можно закидывать невода, не препятствуют изловчившимся рыбопромышленникам в перегораживании неводами всего устья. Далее на левом берегу Кичеры, в пяти верстах от устья, находятся так называемые Чуриновские тони, которыми река перехватывается во всю ширину ее. Очевидно, что при таких ухищрениях весь рунный ход делается добычей хищного промышленника, которому к тому же покровительствуют и местные власти» (Коротнев, 1901, с. 18).

Орудиями лова сначала были исключительно невода. Сетной промысел пришел на Северный Байкал в 1898 г. Больших размеров этот лов достиг в 1900 г. По сообщению Н.И. Цивилева на августовский лов с 1905 г. по в 1912 г. выходило до 50 сетовых лодок (Цивилев, 1993).

Компания иркутских рыбопромышленников на Северном Байкале имела две пристани: главная — на устье Верхней Ангары (Догады), вторая — на устье Кичеры (Чичевки) (рис. 8.5—8.7).

В конце 19 века в Дагарах насчитывалось до 20 рыбоделов, при них стояло столько же хозяйских домиков. Были двухэтажные дома, 60 жилых барачков для чищалок и рабочих, около 30 складских помещений. Компания рыбопромышленников содержала здесь больницу и фельдшера, который выписывался на время промыслов из Иркутска. Болезни рыбаков, работавших по колесу в воде в любую погоду, носили преимущественно простудный характер. В 1869 г. на средства купцов-рыбопромышленников была построена деревянная церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи, церковь обнесена оградой, внутри которой разведен садик и аллеи, внутреннее украшение церкви было изящное и дорогое. Священник почти все лето находился в разъездах, исполняя требы. По краям поселка на болотах располагались многочисленные юрты тунгусов.

Характер занятия населения и дух конкуренции обусловили появление нового архитектурного элемента жилищ рыбопромышленников. Профессор А.А. Коротнев писал, что рыбопромышленники зорко следят за очередностью постановки невода и ради этой цели у многих на домах построены

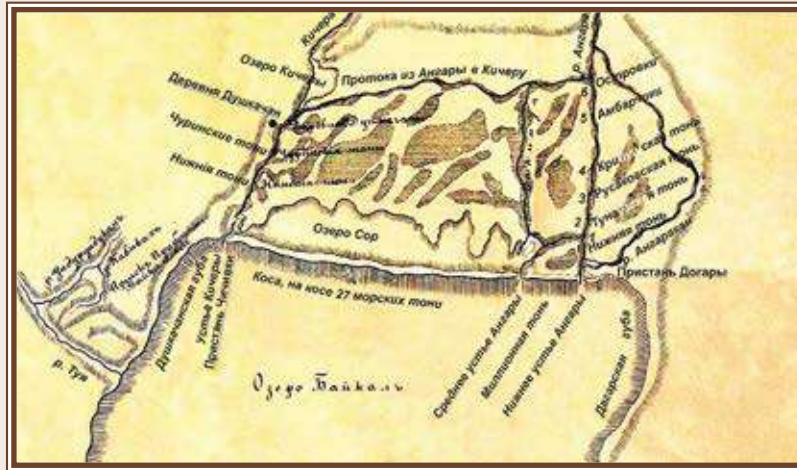

Рис. 8.5. Дельта рек Верхняя Ангара и Кичера (по: Кирилов, 1886)

Рис. 8.6. Пристань Дагары (по: Кирилов, 1886)

балкончики, вроде пожарных каланчей, с которых и производится «обсервация». Построенные на низких берегах, дома и рыбоделы подходят к самой воде, отделяясь от нее узкой набережной, укрепленной бревнами. На набережной устроено большое количество мостков, к которым подходят и отходят большие и малые лодки, толпится народ — рыбаки, чищальки, служащие, торговцы. В 1880—1895 гг. местных коренных жителей из русского населения в Дагарах было всего три двора. В 1895—1916 гг. — пять дворов. Кроме того, в Дагарах жило до 30 семей тунгусов. Рядом стояли домики, принадлежащие рабочим близлежащих Нерундуханских приисков. Рабочие с приисков приходили в Дагары на гулянку и за покупками. Осенью, по окончании промывочного сезона приисковые рабочие вместе с рыбаками (ангарщиной) выезжали на зимовку в Иркутск.

Особенность данного поселения заключалась в том, что оно пустело на зиму и оживало в мае: летний вдох, зимний выдох. На зимовку оставались только немногочисленные местные жители, большинство домов пустели и закрывались. В межсезонье в районе ни докторов, ни фельдшеров не оставалось. Торговых заведений на зиму в Дагарах оставалась одна лавка Куликова, местного жителя.

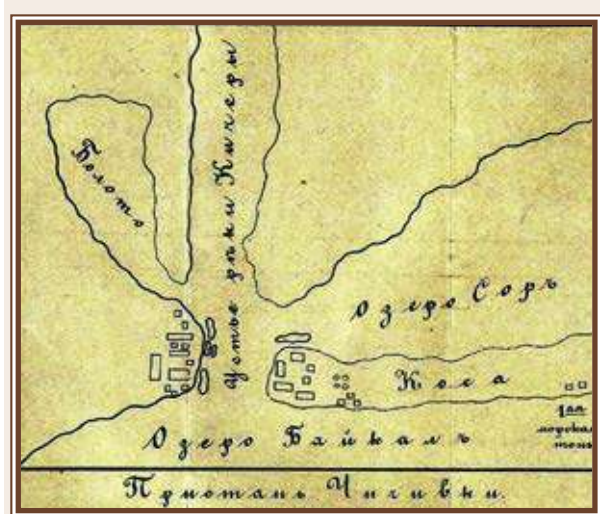

Рис. 8.7. Пристань Чечевки (по: Кирилов, 1886)

Торговали в лавках на деньги и рыбу. Большая часть этой торговли прикрывала другую деятельность, вроде скупки рыбы. Процветала подпольная продажа спиртного. Рыбопромышленники следили за тайной виноторговлей, которая строго запрещена в этой местности, однако вино ловко провозилось, отчего пьянство и драки между рабочими и тунгусами почти никогда не прекращались. Цена за бутылку столовой водки в конце 19 века была от 2 руб. до 2 руб. 50 коп. Несмотря на строгие преследования за продажу водки, торговали ею вовсю. Занимались этим и сами рабочие, их жены, но наибольшее преимущество винной торговли было за рабочими-бурятами и баргузинскими и иркутскими евреями. Они покупали водку на пароходе в буфете или специально ездили в Баргузин и привозили вино контрабандой разными способами (в муке, соли), и затем продавали ее по тоням.

Наступала весна, затем лето. К 1 июля в селение Дагары съезжались почти все рыбопромышленники со своими судами, из Верхнеангарска приезжал священник с семейством. В первый раз, после долгого молчания, раздавался звон церковного колокола. С этого дня поселок с полуторатысячным населением как бы пробуждался от сна. Забыты нужда и заботы, все веселы и полны оптимизма в ожидании рыбы и в предвкушении свободной и разгульной жизни на берегу. Рыбопромышленники начинали по очереди расставлять невода на морской берег.

Большое скопление народа требовало присутствия властей. Из надзора полиции в Нижнеангарске постоянно присутствовал лишь один урядник. На время промысла приезжали два казака и пристав из Баргузина. В их ведении находилось соблюдение правил ловли рыбы, разборы возникающих недоразумений, наблюдение за общественной безопасностью. «Но у чиновников не было времени наблюдать за порядком: сегодня у одного рыбопромышленника пирог, а завтра у другого жена именинница — опять пирог, так что большинство чиновников, бывших здесь, как говорится, не просыхало. В широких размерах было развито взяточничество. Когда чиновник уезжал домой, он нагружал целую лодку лагунами с икрой и рыбой — все это преподносилось как гостинцы» (Цивилев, 1993, с. 12). Судя по всему, каких либо серьезных преступлений на промыслах, несмотря на пьянство, было немного: «Нужно отдать справедливость: рабочие ведут себя пологительно прекрасно, несмотря на то, что все это, по большей части, элемент ссыльный, голытьба, а женщины-чищалки, за некоторыми исключениями, прямо-таки наемнованы из «погибших, но милых созданий» (Восточное обозрение № 266 от 5 декабря 1901 г.).

Рыбалка была практически единственным отхожим промыслом для немногочисленного местного крестьянского населения, которые занимались им, порой в ущерб сельхозработам. Похожая картина наблюдалась и на других байкальских промыслах, когда местное население во время рунного хода омуля бросало работу в поле и перебиралось на берег. Такое неразумное хозяйствование отмечали многие, в частности, Н.В. Кирилов при обследовании ангарских промыслов писал: «В первых числах августа, когда еще сено не вполне выкошено, а хлеб лишь вызревает, надо бы готовить пашню к следующему году; в это горячее время до сорока самых сильных мужчин, многие с семьями, плывут в Нижнеангарск наниматься на рыбную ловлю. Добро бы еще старые времена, когда женщине платили 4 рубля с бочки за чистку рыбы и, когда при низких промыслах она зарабатывала до 40 рублей в месяц. Ныне же плата понизилась до 20–25 рублей мужчине. И из-за такого вот ничтожного заработка люди решаются жертвовать благоустройством домашнего быта. Тем более странным это выглядело, когда полученный заработок полностью уходил на приобретение того же хлеба, ибо у большинства его не хватало» (Кирилов, 1886, с. 26).

Вторая половина Нижнеангарска, местечко Чечевки, расположенное со стороны устья р. Кичера, было меньше Дагар. Здесь имелись такие же рыбоделы, склады и лавки рыбопромышленников и купцов, жилые дома и другие постройки местных жителей. Если в Дагары рыбопромышленники стекались в основном осенью, то в Чечевках они появлялись весной, вслед за уходящим льдом, поскольку занимались летней рыбалкой на Байкале. Помимо рыбного промысла, здесь ежегодно бывали осенняя и зимняя соболиные ярмарки, на которые приезжали баргузинские и иркутские купцы (рис. 8.8–8.17).

Неумеренный лов значительно сократил численность омуля, заходившего в Верхнюю Ангару, и рыбаки постепенно перебрались на устье р. Кичера в Чичевки. Собиравший в 1905 г. этнографические сведения А.М. Станиловский отмечает Дагары как умирающее поселение, представлявшее собой преимущественно одни развалины — догнивающие рыбоделы разорившихся промышленников. К началу 20 века промысел и обработка сместились к западному берегу: в Чечевках в 1916 г.

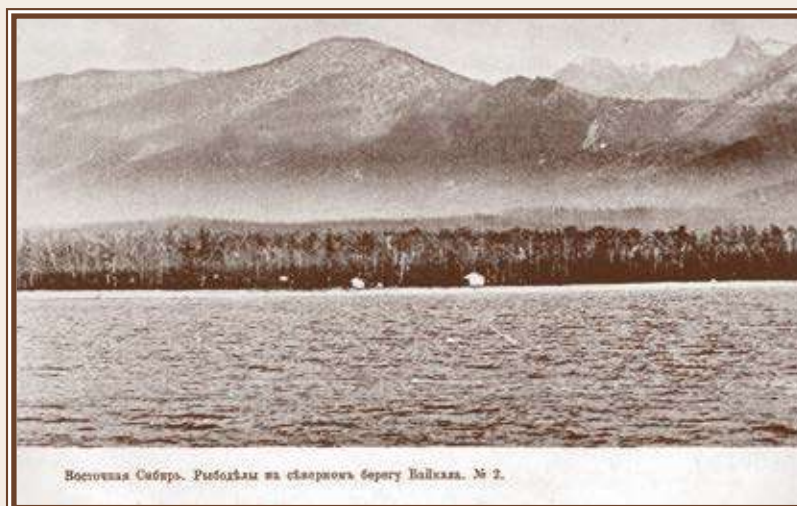

Рис. 8.8. Рыбодёлы на Северном Байкале (открытка, 1903 г.)

Рис. 8.9. Рыбодел на мысе Курла (дореволюционная открытка)

Рис. 8.10. Возвращение в Чивевки с неводного лова (дореволюционная открытка)

Рис. 8.11. Тяга невода на Верхней Ангаре (по: Кузнецов, 1909)

Рис. 8.12. Рыбачьи лодки в п. Чивевки (фото А.П. Сидорычева, 1925 г.)

Рис. 8. 13. Вид на Байкал в Нижнеангарске в 820 верстах от Иркутска, рыбоделы (открытка, нач. 20 в.)

Рис. 8. 15. Дагарский маяк в с. Дагары (по: Дриженко, 1908)

Рис. 8. 17. Чечевки (по: Дриженко, 1908)

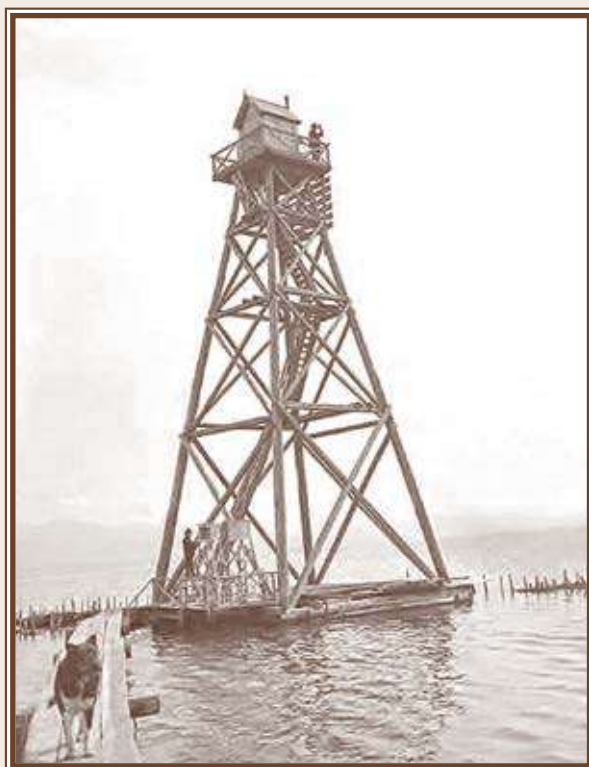

Рис. 8. 14. Душкочанский маяк в с. Чечевки, 1904 г.

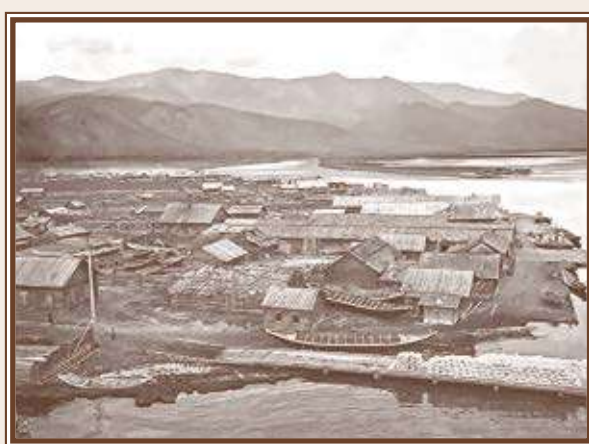

Рис. 8. 16. Чечевки (вид с маяка)

было уже 12 рыбоделов, а в Дагарах только 7 (Цивилев, 1993). Этим рыбацким поселкам судьбой было отпущено еще около 15 лет жизни. В 1931 году (6 августа) в результате землетрясения просела почва в дельте Верхней Ангары, что вызвало наводнение, смывшее с географических карт населенные пункты Дагары и Чечёвки. Все строения, а также кладбища оказались на дне образовавшегося сора. Жители двух поселений вынуждены были перебраться на берег Байкала в близлежащую от Чечёвок деревню Губа, которая начала стремительно расти, превратившись в советское время в районный центр Нижнеангарск, ставший родиной для новых поколений дагарцев и чечевковцев.

В результате первой мировой и гражданской войн рыболовство на Байкале и в том числе на ангарских промыслах сократилось, наступил его запуск, а омуль получил небольшую передышку. Наемные артели крупных иркутских рыбопромышленников, как в стародавние времена, на время уступили место бытовым сезонным артелям местных жителей.

В 1920 г. на Северном Байкале была организована первая рыбацкая организация — «Союз рыбаков». До осени 1931 г. центром Верхнеангарской волости был поселок Чечевки, который после подтопления вследствие землетрясения был перенесен в поселок Губа. В 1932 г. поселок переименован в Козлово — в память Ивана Козлова — большевика, члена «Союза рыбаков» Северного Байкала, убитого в 1921 г. в ходе гражданской войны и борьбы за установление Советской власти белогвардейским повстанческим отрядом штабс-капитана В.П. Дуганова. С сентября 1935 года поселок Козлово стал Нижнеангарском (с 1938 года — районный центр), в топонимике района осталась Козловская губа. В 1931 г. Декретом правительства Северобайкальский туземный район был отнесен к районам крайнего Севера. В административном отношении район делился на 3 туземных совета: Чильчигирский с центром в с. Ирканы, Киндигирский с центром в п. Душкачаны, Шемагирский с центром в стойбище Томпа и 3 сельских совета: Верхнеангарский (с. Ирканы), Нижнеангарский (с. Нижнеангарск) и Горемыкский (с. Горемыки). Население района: русские — 76,4%, эвенки (тунгусы) — 20,7% и буряты — 1,4% (рис. 8.18).

Рис. 8.18. Поселок Нижнеангарск в 1938 г.

По данным республиканского архива, в 1929 году на Северном Байкале оставалось всего 18 неводов на существующие 38 тоней, чего было явно недостаточно. При этом 60% рыбы добывалось осенью, а 40% — во время летней рыбалки. Общее количество ловцов на осенней рыбалке составляло 640 человек, летом на неводах работали 400–450 человек, кроме этого, в Байкале ловили омуля 65–70 сетовщиков. После окончания лова ходового омуля велась добыча хариуса колотовыми сетями (50 человек), затем по ледоставу начинался бормашовый лов, которым занималось около 200 человек. Соровую рыбу добывали подледными неводами до февраля 30–40 человек (ГАРБ. ф. 247, д. 85).

Заметных перемен в организации рыбного промысла не произошло. снабжение рыбаков-кооператоров сетематериалами и продуктами было организовано плохо. Часть рыбы продолжала вывозиться на Лену в Качутский район для обмена на хлеб. Поступление налогов от рыбной отрасли было плохим, учета добываемой рыбы не велось. Промысел продолжал оставаться пассивным, а обрабатывающая база — примитивной. Рыба вываливалась из невода в лодку, которая гребями доставляла ее в рыбоделы, куда она доходила уже помятой и без чешуи. После посола на солнце и ветре, без какого-то бы ни было охлаждения, продукция получалась низкого качества, появлялся характерный «дух». Как вариант сохранения омуля и доставки на рыбоделы рассматривался способ транспортировки в заполненных тузлуком (рассолом) лодках. Вывоз рыбы с промысла осуществлялся водным путем. Раз в 2 недели на Северный Байкал приходил пароход, осенью до декабря месяца успевал сделать пару рейсов ледокол «Ангара».

Некоторые сведения, характеризующие рыбный промысел в эти годы на Северном Байкале, находим в материалах экспедиции Сибирской Рыбостанции (табл. 8.6).

Как видно из табл. 8.6, вылов частиковой рыбы все еще оставался небольшим и использовался для местных нужд. На оз. Фролиха в 1928–1931 гг. по данным наблюдателя Сибирской

Таблица 8.6. Вылов рыбы на Северном Байкале в 1925–1931 гг. (по: Свидерская. 1936), ц

Год	Вылов омуля (общий)	В том числе нерестового в реках*	В том числе покатного в реках	Вылов черной рыбы (частика)
1925	7210	—	1660	н/д
1926	8931	—	4462	145
1927	8990	—	3786	518
1928	7535	—	4256	504
1929	9060	—	4794	1021
1930	7042	в сумме около 2800		2031
1931	10067	2800	2954	н/д

* С 1925 г. по 1929 г. запрещен лов ходового омуля в Верхней Ангаре и Кичере и разрешен лов покатного.

Рыбстанции М.Д. Журбы ловили рыбу рыбаки-индивидуалы (Рыков), бригады Гослова и Интегралсоюза. Товарная добыча составляла около 8 ц (сорога, окунь, щука, немного форель (голец-даватчан)) (Суханов, Тюрин, 1932). Схожая картина по частику наблюдалась в целом и на других промыслах Байкала.

В первые послереволюционные годы в районе рыболовством занимались кооперативные трудовые артели, объединенные в Нижнеангарское товарищество рыбаков. Наряду с кооперативными формами рыбного хозяйства в конце 20-х гг. в районе развивалось и колхозное движение. К 1933 г. рыбодобыча на Северном Байкале проводилась силами двух организаций: Райрыбакколхозсоюзом, образованным в 1932 г. и объединявшим 19 специализированных рыбацких колхозов (табл. 8.7) и Гословом.

Таблица 8.7. Рыболовецкие колхозы Северного Байкала в начале 1930-х гг. (по: Суханов, 1932)

Название колхоза	Центр
Искра	Нижнеангарск
Рыбак	Нижнеангарск
1 мая	Нижнеангарск
ТОЗ «Пахарь»	Душкочан
Типукинец-рыбак	Типуки
Красный охотник	Кичера
Коллективист	Душкочан
Красный рыбак	Душкочан
Путь к социализму	Душкочан
Байкал	Нижнеангарск
Им. Блохера	Иркана
Пятилетка	Кумора
Красный октябрь	Ченча
Исаевский «Омократ Иниунди» (Новая жизнь)	Исаево
Трудовой север	Горемыка
Объединенный труд	Талая
Тыйский труд	Тыя
Томпский «Омократ Иниунди» (Новая жизнь)	Томпа
Киндигирский	Душкочан

С началом коллективизации не желавшие коллективизироваться крестьяне с Селенги, Баргузина и других районов стали переселяться в более глухие места, в частности, на север озера. В 1929 г., когда поток переселенцев достиг максимума, властями было решено не допускать в береговые районы, жившие за счет рыбной ловли, лишних людей. Исключение составили специалисты, которые могли повлиять на улучшение техники рыболовства и материально-технической базы: бондари, смолокуры, мастера по изготовлению водоходной посуды. Переселенцев, не имеющих отношения к рыбной ловле, селили в среднем и верхнем течении Верхней Ангары и Кичеры с тем, чтобы они не могли мешать живущим за счет рыбного промысла оседлым тунгусам (История..., 2015).

Вторая организация — Гослов или Северобайкальское отделение Восточно-Сибирского рыбопромышленного треста (Востсибрыбтрест) — государственное предприятие по добыче и переработке рыбы-сырца. Северо-байкальский промысел образован в октябре 1930 г. с центром в п. Козлово на территории общей площадью 6194 км² с прилегающими сорами, бассейнами Кичеры, Верхней Ангары, а также озерами Фролиха, Слюдянского, Богучанского и др. Имел 5 рыбозасоляющих пунктов, 1 механическую мастерскую,

1 бондарную, 1 сетевязально-починочную, 7 катеров и мелкий гребной флот. Важнейшими промысловыми участками района были: острова Миллионный и Ярки, Черновская тоня, губы Дагарская, Душкчанская, Курлинская, Сеногда, Онокачанская, Слюдянская, Букачанская, неводные тони на оз. Сор и речные неводные тони на покатного: Ракинда, Туколокон, Островки, Холодная. Применяемые орудия лова: невода морские, озерные, речные, речные запорные, сети-трехстенки, вентери в комбинации с заездками, крючковая снасть на бормаша (рис. 8.19).

Рис. 8. 19. Неводная бригада северобайкальского Гослова, 1937 г. (по: История..., 2015)

Как следует из материалов рыбохозяйственной экспедиции, удельный вес рыбозаготовителей Северобайкальского туземного района в 1931 г. составлял: Гослов — 38,40%, колхозы — 35,96%, кооперативы — 9,51%, единоличники — 15,5%, а также т. н. твердозаданцы (кулацко-зачиточные хозяйства, обязанные сдать государству твердое задание) — 0,62% (Суханов, Тюрин, 1933).

Старейшее предприятие Северного Байкала — Нижнеангарский рыбоконсервный завод возник как предприятие Гослова вблизи от райцентра в губе Молокон. Отдаленность северобайкальских промыслов обусловила строительство здесь консервного завода, который решал бы проблему переработки рыбы в этом районе. Вопрос о его строительстве стоял с 1924 г. с момента организации рыбного хозяйства на Байкале. В 1931 г. в поселке Губа Востсибрыбтрестом был оборудован временный засолпункт для чанового посола омуля, причем, для этой цели был использован уже существовавший засолпункт старого типа, который был дооборудован прямоугольными чанами общей емкостью 550 ц. При оборачиваемости чанов 3 раза в месяц месячная производительность составляла 1650 ц рыбы. Помимо чанового, рыбпункт обеспечивал посол 350 ц омуля традиционным бочечным способом. Месячная пропускная способность рыбпункта составляла, таким образом, 2000 ц рыбы.

Рыбохозяйственной наукой было рекомендовано строительство консервного завода в Нижнеангарске мощностью 3,5 млн условных банок консервов. Мощности жестяно-баночного цеха по плану должны были обеспечивать, помимо собственных нужд, также потребности Усть-Баргузинского завода. Забегая вперед, отметим, что на практике все оказалось наоборот — консервную банку впоследствии возили из Усть-Баргузина. Для хранения рыбы предполагалось строительство холодильника соляно-ледяного безмашинного охлаждения производительностью 3 т рыбы в сутки с рыбохранилищем емкостью 50 т. В открытой ветрам бухте Молокон необходимо было возвести мол длиной 100 м. Любопытны рекомендации, данные ихтиологом профессором А.И. Березовским относительно ассортимента рыбной продукции. Изготовление консервов из омуля ученый считал нецелесообразным, так как нежная рыба сильно подвержена мацерации при стерилизации, что обезличивало продукт. Несколько более выигрышным, по его мнению, было бы изготовление закусовых консервов с обжаркой рыбы меньшей стерилизации и соответствующим соусом. Наиболее рациональным А.И. Березовский считал изготовление не консервов, а пресервов

деликатесного типа без термической обработки. Собственноручно изготовленные профессором опытные образцы «пресервов-филейчиков» и «рольмопсов» из байкальского омуля дали ему уверенность, что в будущем использование омуля пойдет именно этим путем. Глядя на ассортимент сегодняшних рыбных отделов в магазинах и кафе (разнообразные пресервы и роллы), приходится признать, что ученый, как говорится, в воду глядел (Березовский, 1936). Необходимо также было построить икорный цех и цех по переработке отходов в рыбную муку и жир. С организацией Гослова на Северном Байкале одновременно были проведены мероприятия по улучшению способов обработки рыбы — были введены и закреплены следующие виды посолов: посол рыбы с цельной спинкой (на колоду), посол мелкой рыбы кругляком (культурный) и тузлучный посол омулевой икры. Следует немного остановиться на посоле омулевой икры. Шел 1931 год, а икру омуля на Байкале заготавливали так же как и 100 лет назад. Икра солилась сухим способом, причем молодая икра заготавливалась только для нужд местного населения так как быстро закисала и чернела. Октябрьская икра до рынков доходила, но качество ее было весьма невысоко. С одной стороны, для посола икры не подходила соль местных усолских солепромыслов из-за большого содержания в ней солей кальция и магния, но самое главное, что сказывалось на качестве продукта, — отсутствие промывки икры перед посолом от крови и слизи. Работавший на Байкале по поручению Министерства Земледелия ихтиолог И.Д. Кузнецов еще в 1909 г. провел опыты по тузлучному способу посола омулевой икры, которые дали положительные результаты, однако сдвигов в отношении обработки не произошло никаких. На Байкале, нужно заметить, вообще какие-либо нововведения что в рыбодобыче, что в рыбообработке приживались с большим трудом. И только в 1931 г. усилиями Северобайкальской научно-промысловой рыбохозяйственной экспедиции, сотрудники которой сделали опытный посол икры в крепком рассоле, была введена в практику заготовка икры на товар (Суханов, Тюрин, 1933). В 1934 г. на Северном Байкале было заготовлено 56 ц омулевой икры, в 1935 г. — 64 ц, 1936 г. — 68 ц, 1937 г. — 112 ц, 1938 г. — 164 ц, 1939 г. — 90 ц (не учтена икра у рыбы, посоленной кругляшом, и потребленная на месте) (Мишарин, 1945).

В 1935 г. начатое было строительство завода было законсервировано. Впоследствии строительство увязывалось с постройкой железной дороги на Северный Байкал. Завод должен был снабжать рыбной продукцией Ангар-строй (лагерный комплекс системы ГУЛАГа), рабочих на золотых приисках и предприятиях лесной промышленности. Высококачественная продукция планировалась и на экспорт. Курс на всеобщую индустриализацию страны предусматривал переход к оседлому образу жизни кочующих тунгусов путем вовлечения аборигенов к работе на заводе и обслуживанию его нужд. В 1932 г. население Северного Байкала составляло всего 5614 душ (в том числе 3707 промыслового населения) (НАРБ. ф. 195, д. 46).

В годы войны в Бурятию эвакуировались предприятия, жители центральных районов страны. В сентябре 1941 г. нарком рыбной промышленности СССР предложил руководству Рыбтреста согласовать с директивными органами республики вопрос о размещении на Байкале оборудования Очаковского рыбоконсервного завода Николаевской области Украины с расчетом ввода оборудования в производство в первом квартале 1942 г. В октябре 1941 г. на станцию Байкал с Украины прибыл железнодорожный состав с оборудованием, материалами и специалистами консервного завода во главе с директором. Оборудование для консервного производства было размещено в здании бывшей семилетней школы. За три месяца была построена котельная, жестяно-баночный, механический и консервный цеха, рыбообделочное, обжарочное, соусоварочное, расфасовочное и фабрикатное производства. 31 февраля 1942 г. завод вступил в строй. В августе 1942 г. на пароходе «Комсомолец» на завод прибыло дополнительно 300 рабочих, набранных в Поволжье и других районах страны. Консервы «Мелкий частичек в томатном соусе» и «Омуль в томатном соусе» — вот первая продукция в Нижнеангарске Очаковского завода. Таким образом, до 1942 г. основным направлением обработки рыбы на Северном Байкале был посол на рыбозаводе, с 1942 г. — посол и консервирование. В 1946 году консервный завод был объединен с рыбозаводом в рыбоконсервный комбинат. Консервное производство, просуществовав 24 года, было ликвидировано в 1966 году. Рыбоконсервный завод стал снова просто рыбозаводом. Консервное оборудование было перевезено в Усть-Баргузин. Туда же уехали 10 семей специалистов консервного производства (рис. 8.20–8.22).

В апреле 1942 г. на базе Ирканинского рыбоучастка Нижнеангарского рыбозавода был сформирован Верхнеангарский рыбозавод. Рыбаки завода вели добычу рыбы в основном на оз. Иркана,

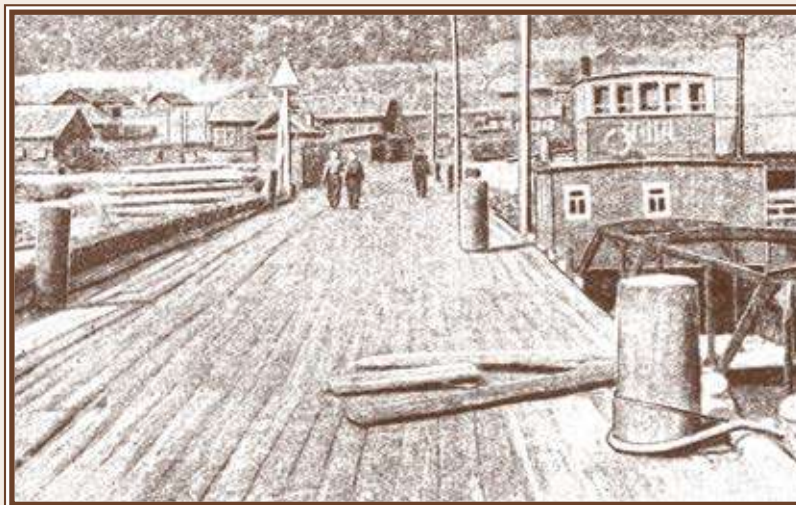

Рис. 8.20. Пристань в Нижнеангарске (по: Кожов, 1958)

Рис. 8.21. Рыбоконсервный завод в Нижнеангарске (по: Кожов, 1958)

других мелких озерах и в протоках. Рыбу ловили круглый год. В зимнее время ее вывозили на самолетах «ЛИ-2», аэродромом служил лед на озере. Добытая рыба в зимнее время отгружалась в Нижнеангарск для производства консервов. Летом рыбу солили, после чего на баржах отправляли в Нижнеангарск. Завод функционировал только в годы войны и в апреле 1945 года был закрыт.

К концу 40-х гг. на северобайкальских промыслах насчитывалось 14 рыбопромысловых участков и рыбпунктов при них. В большинстве случаев пункты представляли собой временные примитивные постройки, размещавшиеся в старых полуразрушенных рыбацких зимовьях:

1. Пункт и рыбопромысловый участок Центральный пропускной способностью 3000 ц

Рис. 8.22. Образцы продукции рыбоконсервных заводов Байкала, 1940-е гг. (фото из архива Большереченского рыбозавода)

рыбы. К участку непосредственно примыкают 8 неводных тоней в Козловской губе, кроме этого, рыбу на пункт привозили с 24 тоней острова Ярки. Улов поступал непосредственно на рыбоконсервный завод.

2. Рыбоприемный пункт Устьевой пропускной способностью 2000 ц располагался в устье р. Кичера и являлся филиалом Центрального. Наибольшее количество рыбы на этот пункт поступало осенью с тоней рек Кичера и Ангарака (отнерестившийся покатной омуль), на втором месте — частичковая рыба, вылавливаемая в сорах.

3. Дагарский располагался в устье р. Верхняя Ангара. На участке имелись многочисленные тони для лова омуля, хариуса и частика (в Дагарской губе, по островам Миллионный и Ярки), а также речные тони для лова покатного лова (Русановская тоня). Пропускная способность пункта — 2000 ц рыбы.

4. Холодненский располагался на р. Кичера в 20 км от устья вблизи Нижнее-Кичерских озер. Пункт представлял собой перевалочную базу Центрального пункта пропускной способностью 700 ц.

5. Томпинский находился в устье р. Томпуда по восточному берегу Байкала. На промучастке весной и летом велся промысел хариуса закидными неводами. В зимний период хариуса, а также налима ловили на бормашевые уды и подледными налимьими сетями. Пропускная способность 500 ц.

6. Ченчинский располагался около с. Ченча на Верхней Ангаре в 120 км от устья. Пропускная способность 1000 ц. На пункте имелся льдосолевой холодильник для сырца, направляемого на консервное производство, а также помещение для выпуска соленой продукции. Лов производился в озерах и протоках Верхней Ангары круглый год. Наибольший вылов падал на осенние месяцы, когда рыба начинала концентрироваться для ската из озер.

7. Ирканинский располагался на берегу оз. Иркана в 150 км от устья Верхней Ангары. На пункт поступала рыба, вылавливаемая главным образом, в оз. Иркана закидными неводами. Пропускная способность 1500 ц рыбы.

8. Уоянский располагался северо-восточнее оз. Иркана в верхнем течении р. Верхней Ангары в 200 км от устья. В реках и озерах участка велся лов сетями и неводами крупного и мелкого частика, главным образом в период весеннего подъема этих рыб на нерест. Вылов колебался в пределах 100—300 ц. Вся вылавливаемая в летний период рыба перерабатывалась в соленую продукцию.

9. Рыбопромысловый участок и пункт Букачанский пропускной способностью 1000 ц располагался по западному берегу озера в Букачанской (Богучанской) губе. Имел постоянную посольную емкость и льдохранилище. На участке имелся ряд тоневых участков, где велся лов байкальскими закидными неводами. В зимний период на этом участке ловили хариуса и омуля на бормашевые уды, а так же налима. Кроме того, облавливались Слюдянские озера, расположенные на берегу губы Слюдянской. Наибольшее поступление рыбы (омуля) было в июне-июле во время летних привалов омуля. В этот период на пункт обычно доставлялось 60—70 % всего годового улова.

10. Тыйский пункт пропускной способностью 100 ц рыбы располагался в устье р. Тья. Здесь ловили, главным образом, хариуса и налима бормашевыми удами и сетями, в небольшом количестве сетями же ловили омуля.

11. Мужинайский располагался в Мужинайской губе. На этот участок обычно направлялось не более одной бригады для подледного лова налима (заездками), а летом (июнь-июль) — для неводного лова омуля и хариуса. Пропускная способность 50 ц.

Кроме вышеназванных, действовали три временных приемных пункта на восточном берегу: Фролихинский в устье р. Фролиха (100 ц), Кабаний на р. Кабанья (300 ц) и пункт в бухте Ая (50 ц) (Кравчук, 1952; Кожов, Спелит, 1958).

Из рекордных уловов омуля на Северном Байкале, помимо знаменитого улова 1874 г. на о. Миллионный, отметим случаи больших уловов последних лет: В 1951 г. в Козловской губе невод принес 1150 ц, в 1954 г. на 4-й тони на Ярках — 300 ц, в 1961 г. в местечке Бургунда — 640 ц, а в 2009 г. автор был свидетелем улова омуля недалеко от устья Кичеры в 600 ц (рис. 8.23—8.24). По традиции на обработку таких больших уловов приглашались все желающие из числа жителей поселка и без пайки рыбы никто не уходил.

Рис. 8.23. Разгрузка омуля в 2009 г. в Нижнеангарске (фото автора)

Рис. 8.24. Разгрузка омуля в 2009 г. в Нижнеангарске (фото автора)

Нижнеангарский рыбозавод внес свой вклад в строительство Байкало-Амурской магистрали. В настоящее время рыбозавод преобразован в акционерное предприятие и находится в тяжелых условиях, так как для освоения выпуска новых видов продукции и расширения ассортимента, необходимы деньги, а по причине снижения запасов омуля в Байкале на его промышленный лов с 2017 г. был введен мораторий.

Глава 9

Баргузинские рыбные промыслы

Баргузинский и Чивыркуйский заливы на карте 1806 г. (по: Семивский, 1817)

Трудно удержаться от искушения и не начать очередную главу, посвященную баргузинским рыбным промыслам с небольшого отступления, тем более, что слово «Баргузин» более любого другого у всех на слуху и неразрывно связано с Байкалом и главной рыбой озера — омулем.

Река Баргузин дала название знаменитому северо-восточному ветру, разгонявшему байкальский вал — волну с плывущим в бочке одиноким бродягой из известной песни. Существует красивая сказка, придуманная иркутским детским писателем и сказочником Василием Стародумовым, согласно которой ветер Баргузин был одним из хозяев не менее знаменитой омулевой бочки, вторым хозяином был юго-западный ветер Култук. Оба ветра были лучшими друзьями, ходили друг к другу в гости и любимой игрушкой у них была эта самая бочка. Куда ее пригонит ветер, туда и косяки рыб устремляются, как будто в ту бочку сами просятся. Надо же так случиться, что оба приятеля влюбились в своенравную красавицу Сарму, такую же ветреную девицу, но северо-западного направления. А та потребовала приданого — омулевую бочку. Стали ветры-богатыри за омулевую бочку драться, долго дрались, а она вдруг как в воду канула. Это Байкал ее забрал, чтобы ссоры прекратить. А Сарма так ни за кого замуж и не вышла. С тех пор дуют байкальские ветры, сменяя друг друга и нагоняя ужас на рыбаков, а ветер Сарма — самый страшный из них (Стародумов, 1968).

Изначально центром баргузинских рыбных промыслов, откуда рыболовство распространилось на весь район, была река Баргузин, протекающая по долине протяженностью около 200 км и зажата с двух сторон Баргузинским и Икатским хребтами. Людей давно привлекала эта долина: окружающие леса и горы изобиловали дичью, пушниной, дикоросами, озера и реки были полны рыбы, земли долины позволяли вести земледелие, а обилие пастбищ развивать скотоводство.

Современный состав населения Баргузинского края начал формироваться в первой половине 17 века. В это время началось массовое переселение части бурятских родов с верховий р. Лена, что на противоположной стороне Байкала, которое продолжалось вплоть до 1920-х гг. Незначительную часть баргузинских бурят составили вынужденно переселившиеся в 1862 году жители кударинской степи на р. Селенга, где в результате землетрясения воды Байкала затопили их земли и села. До прихода бурят долина Баргузина была заселена тунгусами, поэтому поселения бурят расположились рядом с их стойбищами. К 1897 г. бурятское население состояло из восьми родов: Баяндаевский, Буровский, 1-й и 2-й Хингэлдэрские, 1-й и 2-й Чернорудские, Галзутский и сборный (Нанзатова, 2015).

Русское население появилось в Баргузинской долине в 1648 году, когда отряд из 70 казаков под начальством Ивана Галкина основал Баргузинский острог. В 1666 году в устье реки Баргузин было основано ясачное зимовье, названное впоследствии Усть-Баргузином. Вскоре Баргузинский острог становится административным центром, а поселению в устье реки Баргузин до конца 18 столетия отводится более скромная, но не менее важная роль: он занимается ловлей рыбы, которую отправляет для пропитания служилых и промышленных людей в Баргузинский острог. Рыба служила пищей как для самого населения, так и была единственным кормом для их собак в условиях еще только зарождающегося сельского хозяйства района. На карте С.Е. Ремезова от 1701 г. Усть-Баргузин обозначен как «Старое ясачное зимовье, летом промыслиют рыбу» (рис. 9.1).

Рис. 9.1. Фрагмент карты С.Е. Ремезова
«Чертеж земли Иркутского города»

Русское население постепенно сосредотачивалось в нижнем течении Баргузина, где долина расширялась до 35 верст, были хорошие пастбища, а места, пригодные для хлебопашества переселенцам зачастую приходилось отвоевывать у тайги. Здесь на протяжении 60 верст от Байкала до Баргузинского острога возникла цепь зимовий и хуторов, ставших впоследствии деревнями Макарино, Гусиха, Адамово, Зорино, Журавлиха, Шапеньково, Нестериха, Сухая. Таким образом, нижнюю часть долины Баргузина, а также побережье Байкала к югу до села Гремячинское заняло русское население, а буряты в соперничестве с тунгусами осваивали верхнюю степь, пока в конце 19 в. местные тунгусы после поразившей их народ эпидемии не откочевали в тайгу к рекам Верхняя Ангара и Цина. Бурятам же достались тунгусские названия их улусов: Улон, Улукчikan, Улонхан, Уро, Суво, Ярикта, Курумкан.

Начиная с 18 в. Баргузинский край определяется местом ссылки для уголовников, участников пугачевского бунта, декабристов и различного рода беглых крестьян, которых старались расселять по Баргузинской долине. В поисках лучшей доли за ними шли на свой страх и риск добровольные переселенцы. Прибывавшие вместе с торговыми людьми крестьяне, окрепнув на новом месте, выписывали из Центральной России свои семьи, родственников и знакомых. Однако из-за недостатка пахотных земель хлеб приходилось закупать или менять его на рыбу. Поэтому часть населения занималась сельским хозяйством, часть ловила рыбу и охотилась, а осенью во время рунного хода омуля в реку Баргузин все вместе собирались на берегу с неводами.

Описание народонаселения Баргузинского края было бы неполным без упоминания о еврейской общине. Сибирь долгое время вплоть до конца 19 в. не входила в т. н. черту оседлости для евреев. Легально находиться за Уралом могли только евреи-христиане, ссыльные, каторжане или получившие специальное разрешение. Тем не менее, численность еврейского населения в Забайкалье в 19 в. быстро увеличивалась. Прибывали евреи, главным образом, из Прибайкалья, а также из западных губерний российской империи. По данным переписи населения 1897 г. в Баргузинском

округе проживало 25,5 тыс. жителей, среди которых 44,9% были буряты, 40,6% — русские, 8,3% — тунгусы, 4,7% — евреи. В г. Баргузин евреев проживало даже в 3 раза больше, чем в уездной столице, — г. Верхнеудинск, чему причиной были развитые промыслы, главным образом, рыбные, а также золотые прииски в Баргузинских горах, повлекшие за собой развитие торговли и обслуживания населения (Цыдыпова, 2013). Путешествовавший по Байкалу в середине 19 в. А. Мичи отмечает, что в Баргузинском заливе много занимаются рыбной ловлей преимущественно изгнанные евреи, которые, однако, сами не ходят в воду, а нанимают для этого работников (Мичи, 1868). Похожую картину спустя 20 лет описывает врач Н.В. Кирилов, отмечая, что евреи рыбаками и земледельцами лишь считаются, за соху держатся через работников, а в рыбацкой артели редко остаются только рыбаками, кроме того, тайно торгуют водкой (Кирилов, 1886). В этой связи необходимо заметить, что в литературе и периодической печати 19 в. отражалась государственная политика царской России в отношении еврейского населения, а публикации того времени носили несколько нетерпимый по отношению к ним характер. Здесь и далее автор использует только приемы, по его мнению, высказывания.

Баргузинский рыбопромысловый район охватывает среднюю часть восточного берега Байкала от р. Кабанья на севере до бухты Гремячая на юге. В районе имеются: два больших залива — Баргузинский и Чивыркуйский, разделенные полуостровом Святой Нос, крупные озера: Арангатуй (Большой сор), Духовое и Котокель, ряд мелких озер в пойме р. Баргузин.

Баргузинский залив — самый крупный и глубокий залив Байкала — вдается в материк на 29 км. На востоке в него впадает один из крупнейших притоков Байкала — река Баргузин. По обеим сторонам от устья тянутся пологие, песчаные берега, удобные для неводного лова, которые повсеместно на Байкале зовут «карга́ми». Севернее устья р. Баргузин на 19 верст до залива Култук тянется Поливная (Полевая) карга — одно из самых рыбных мест на Байкале. В середине 19 в. здесь ставилось до 13 закидных неводов и находились постоянные рыбоделы (Кирилов, 1886). Начиная с урочища Макарова песчаная карга сменяется каменистыми берегами полуострова Святой Нос, не очень удобными для неводов, которых здесь по данным того же автора ставилось не более 3.

Чивыркуйский залив (историческое название Кургуликский) отделяется от Баргузинского полуостровом Святой Нос и песчано-болотистым перешейком. По площади это второй по величине залив на Байкале. Длина его с севера на юг — 28 км, ширина — от 6 до 14 км. Здесь расположены многочисленные бухты и острова, есть нерестовые омулевые речки. Свое название залив получил по названию реки Большой Чивыркуй, впадающей у входа в залив в северной его части. От устья реки к югу тянется ряд бухт, утесов и песков, получивших с давних времен различные наименования. Так, южнее р. Большой Чивыркуй сначала идут пески, за ним утес Каракосун, далее — пологое место и мыс Тоненький — место сетного лова. За мысом — речка Крохалиная, впадающая в одноименную бухту — место нереста и лова соровой рыбы. Рядом с Крохалиной, отделенная небольшим мысом, находится бухта Крутая — место для двух неводов. Далее идет Чирковский берег, где неводили обычно осенью. За мысом располагается бухта Безымянка, куда впадает речка того же названия. Осенью в речку заходит на нерест омуль. В 5 верстах за Безымянкой — мыс Иркана, здесь также стояли закидные невода. В конце залива находится протока Исток длиной около 5 верст, соединяющая залив с Большим озером — сором Арангатуй. В него в свою очередь впадает речка Малый Чивыркуй, куда в массе заходит на нерест омуль. От протоки Исток начинаются берега полуострова Святой Нос — губа Катайская, пески у мыса Монаховский — место неводьбы. Далее в двух верстах — мыс Катунь, затем мыс Покойники, который также служит местом неводьбы. Следом расположен мыс Крестовский, называемый чаще просто «Крестами», — здесь производился весенний лов неводами омуля. От Крестов идет бухта Змеёвая, названная так по обилию здесь ужей и щитомордников, которые тяготеют к расположенным здесь горячим источникам. В семи верстах от Змеёвой расположена большая бухта Ангоконская (летом тут стояло обычно шесть неводов), за ней Фертиховская и Соленькая. На этом залив заканчивался и начинался открытый Байкал (Бородкина, 2013). В Чивыркуйском заливе имеются семь островов: Лохматый, Бакланий, Елена, Голый, Коврижка, Покойницкий Камень, Белый Камень.

Самым людным местом во всем заливе была Ангаконская бухта — столица рыбоделов иркутских и ольхонских рыбопромышленников с островом под названием Елена посередине залива. Думается, название острову дал один из бывалых людей, либо видевших остров Елена

в Амурском заливе во Владивостоке, либо читавший про остров с тем же названием — местом ссылки Наполеона. В разных местах залива на местах лова стояли зимовья баргузинских крестьян и оседлых инородцев района — бурят и тунгусов. Постоянные поселения в заливе отсутствовали. Лишь в 1915 г. с образованием Баргузинского соболиного заповедника, в устье Большого Чивыркуя появился кордон, где жила стража. Позже у мыса Покойники образовался небольшой рыбацкий поселок Курбулик. В целом, место было дикое, красивое и безлюдное, оживавшее лишь на время летнего промысла.

Севернее Чивыркуйского залива удобные места для лова есть близ реки Сосновка, где раньше становились 5–6 неводов. Здесь же находилось родовое управление тунгусов Подлеморско-Шемагирского рода, владевшего всеми реками, впадающими в Байкал, начиная с Большого Чивыркуя до рек Верхняя Ангара и Кичера включительно. В Сосновке была часовня, на постоянной основе при рыболовах круглый год жил сторож (Дриженко, 1908).

Все описанное выше находится к северу от р. Баргузин. К югу от устья находится песчаная карга под названием Сиговая — место летнего лова омуля неводами. Южное побережье залива, начиная с мыса Холодянка, — гористое, затем идут пески у д. Максимиха, губа у д. Каткова и залив Безымянка. Заканчиваются промыслы на карге под названием Песчаная («Пески») около с. Горячинское, известного с 18 века благодаря целебным горячим источникам. И, наконец, центральное место всех промыслов занимает река Баргузин — третий по величине приток озера Байкал (рис. 9.2).

Владели рыболовными участками баргузинских промыслов самые разнообразные общества: Иркутский Архиерейский дом, Селенгинский Спасо-Преображенский монастырь, казна, крестьяне, оседлые инородцы и бродячие тунгусы, казаки. С 30-х гг. 19 века практически все промыслы были отданы во владения духовным учреждениям. В результате постоянной борьбы местного населения

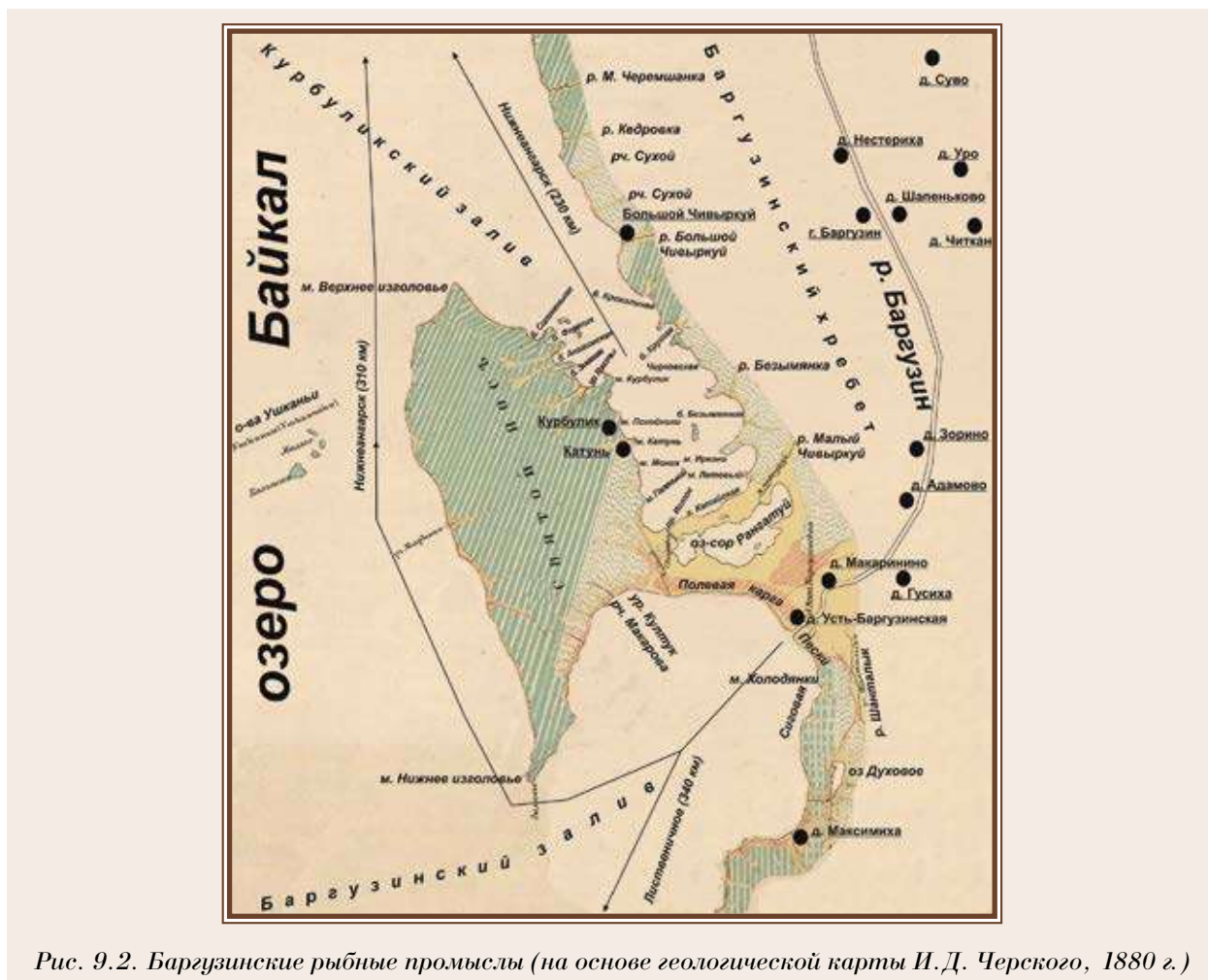

Рис. 9.2. Баргузинские рыбные промыслы (на основе геологической карты И.Д. Черского, 1880 г.)

за участки лова возникла настоящая чересполосица, когда участки одного владельца сменялись участками других. Архиерейский дом понемногу сдавал позиции, но самые уловистые места всегда оставались за ним. Местному населению доставались тони не очень рыбные, каменистые, неудобные для неводного лова.

До начала 19 века рыбный промысел близ реки Баргузин имел преимущественно местное значение. Имелись свидетельства, в частности Георга Стеллера, что еще в 1735 г. иркутские промышленные люди наведывались на дощаниках в Чивыркуйский залив в летнее время. Целью их промысла был преимущественно осетр, водившийся в здешних водах в то время в изобилии (Элерт, 2004).

Баргузинские рыбные промыслы стали интенсивно развиваться в первые годы 19 века. К тому времени многие промышленники начали активно искать новые районы лова. Помимо р. Селенга, в первую очередь, их взоры обратились, к неудовольствию местного населения, на р. Баргузин, лов рыбы в которой был свободен для всех желающих. Сюда по разбитию льда в Байкале на нерест входят осетр, сиг, окунь, язь, налим. Омуль, которого зовут баргузинским, заходил руном в реку с 10 августа (ст. стиль). Ловить его начинали сетями сначала на лопатках вблизи устья, затем неводами, саками, заездками, корытами в самой реке. Осетра добывали также как и на р. Селенга — вершами.

В условиях нашествия желающих заняться рыбной ловлей в реке Баргузин, местным властям за отсутствием в то время правил рыболовства пришлось самим регулировать рыбодобычу. Так Баргузинский земский суд в 1814 г. постановил установить в 15 верстах от устья граневый столб, ниже которого воспрещался лов омуля, что вызывало недовольство промышленников. В 1816 г. уже губернским начальством издано Положение об омулевом промысле на р. Селенга, основные положения которого распространили и на р. Баргузин. Рунный ход в реке сохранялся до середины 19 века, после чего стадо баргузинского омуля стало редеть (Кирилов, 1886). Река Баргузин с ее рыбными запасами оказалась крайне нестойкой к такой экспансии рыбопромышленников и большие уловы здесь держались недолго — значительно меньше, чем на других реках, — Селенге и Верхней Ангаре.

При анализе статистических данных по рыбопромышленности А. Курбатов (1841) пишет, что в р. Баргузин до 1836 г. солилось от 1 до 1,5 млн омулей. По данным Ю. Гагемейстера (1856) в 1830-х гг. в р. Баргузин вылавливалось 1,1 млн шт. омуля, или 1000 бочек, в 1850-х около 300 бочек. В дальнейшем уловы еще более сократились, и часть рыбопромышленников стала выезжать ловить нерестового омуля на Северный Байкал. Врач Н.В. Кирилов в 1886 г. писал, что еще живы деда, которые самолично налавливали в Баргузине за ночь саком до 5 бочек омуля. По самым скромным подсчетам это не менее 5000 шт. В 1888 г. в Вестнике рыбопромышленности опубликована статья, где говорилось, что исчезновение омуля в оз. Байкал уже давно обратило на себя внимание местной администрации. Для исследования вопроса на Байкал были командированы ряд лиц, которые указали, что вероятной причиной уменьшения уловов в частности баргузинского омуля стало загоразживание реки «каменными косами типа забоек и черезовыми заездками». В качестве доказательства в статье приведена таблица уловов нерестового омуля в р. Баргузин во время рунного хода за ряд лет. Так, в 1835 г. 125 неводами и сетками поймано 1238 бочек омуля по 1500 шт. в каждой (1 857 000 шт.), в 1840 г. 147 бочек (220 500 шт.), 1841 г. — 114 бочек (171 000 шт.), в 1842 г. — 20 бочек (30 000 шт.), 1843 г. — 20 бочек (30 000 шт.), 1844 г. — 58 бочек (87 000 шт.), 1845 г. — 35 бочек (52 500 шт.), 1846 г. — 22 бочки (33 000 шт.), 1847 г. — 25 бочек (37 500 шт.), 1848 г. — 27 бочек (40 500 шт.), 1849 г. — 7 бочек (10 500 шт.), 1850 г. 29,5 бочек (44 250 шт.). В последующие годы сведения отсутствуют в связи с незначительностью уловов, зато есть сведения за 1887 г., когда было поймано 9 бочек по 750 омулей в каждой (6750 шт.). Констатируется, что за 50 лет уловы баргузинского омуля уменьшились в 140 раз (Исчезновение ..., 1888).

В начале 20 века немногочисленных живых свидетелей прежних рыбных богатств р. Баргузин опросил младший специалист рыбоводства Бурятского Наркомзема А.В. Кичагов. Так, по его данным в средней части реки в 48 верстах от устья против г. Баргузин в 1850 г. за ночь добывали 50 бочек ходового омуля пятью неводами. Еще в 1870–80 гг. на тонях Баргузина осенью во время хода стояло 100 омулевых неводов на участке от устья до д. Адамовой (22 версты), а с деревянных мостиков, выдвигаемых в реку в ночь, налавливали саком до 2000 омулей. В 1898 г. точка

невозврата была пройдена, лов омуля совсем прекратился, а река перестала быть промысловой (Кичагов, 1923). В настоящее время в Баргузин заходят остатки некогда знаменитого баргузинского омуля, а его стадо в этой реке уже никогда не смогло создать численности, которая дала бы начало его возрождению.

Жившие в среднем и верхнем течении Баргузина оседлые инородцы (переселившиеся с другой стороны байкальского озера пять бурятских родов) жили в основном скотоводством. Выручка от продажи скотины шла на уплату ясака, земельных повинностей, прочих казенных налогов и сборов, покупку хлеба и товаров. Рыболовство для населения этой части баргузинской долины было делом второстепенным. Проблемы в скотоводстве временами усиливали значение рыбной ловли и, наоборот, успехи принижали роль рыболовства. Рыболовству бурят в верховьях р. Баргузин посвящена работа Д.М. Маншеева, сведениями из которой мы воспользуемся (Маншеев, 2013). В 1820-х гг. основной добычей баргузинских бурят был сиг. В эти годы на Баргузинской ярмарке выставялось на продажу от 3 до 150 пудов сига. Судя по всему, это был баргузинский озерно-речной сиг, в настоящее время практически исчезнувший. Вплоть до второй половины 1850-х гг. в документах Баргузинской Степной думы нет данных о рыболовстве, что свидетельствует об отсутствии ловли рыбы на продажу. Рыболовство в это время производилось в малых количествах в р. Баргузин и ряде мелких озер и прибыли от продажи не было никакой. Со второй половины 1850-х гг. в документах Баргузинской думы вновь фиксируются данные о количестве пойманной и проданной рыбы. Так в 1857 г. баргузинские буряты выловили 100 пудов щук, 60 пудов налимов, 45 тыс. пудов омулей, 30 пудов сегов, 350 пудов сороги на сумму 198 руб. В последующие годы улов рыбы растет. К 1873 г. доход баргузинских бурят от рыболовства вырос до 857 руб. С начала 80-х гг. 19 века рыбный промысел снова приходит в упадок. Однако, к 1899 г. добыча рыбы в баргузинском ведомстве вырастает до 1373 пудов. Количество же скота на душу населения Баргузинского ведомства падает с 11,2 голов в 1885 г. до 9,7 голов в 1899 г., то есть стагнация скотоводства обуславливала развитие рыболовства. Поэтому в такие годы баргузинским бурятам приходилось выходить в Байкал в поисках заработка. Здесь они в составе артелей вылавливали омуля, которого в море было много и хватало всем.

Со временем одновременно с речным развивается неводной лов на песчаных берегах Баргузинского залива, чему, безусловно, способствовало снижение уловов омуля в реке. Немногочисленные сведения о рыболовстве в первой половине 19 века в Баргузинском заливе довольно неожиданно находятся в переписке живших в Забайкалье на поселении декабристов. По окончании срока каторги в 1831 г. в заштатном городке Баргузин поселяется декабрист М.К. Кюхельбекер, женится на местной барышне и живет в собственном доме. Занимается изучением Забайкалья, пишет «Краткий очерк Забайкальского края». Регулярно ведя метеорологические наблюдения, записывая сведения о погоде в разное время, осадках, засухах, дождевых сезонах, несвоевременных морозах, нашествиях вредителей, оказал большую услугу современной метеорологической и сельскохозяйственной науке. Михаил Карлович — единственный из всех декабристов, занимавшихся, кроме земледелия, еще и рыбной ловлей. Из письма М.К. Кюхельбекера брату В.К. Кюхельбекеру от 18 июня 1840 г.: «Я нынешний год имею ½ невода у моря; Николай Иванович меня снарядил. Омулей добываем плохо, все мелочь, но зато первые по осетрам, в двух тонях добыли 44, всего более 35 пудов. Может, господь даст и омулей. Вообще по всей Карге промысел плох еще, мелкой рыбы столько, что и не помнят, а засольной нету ... Засуха, пожары» (Декабристы о Бурятии, 1975, с. 164). Спустя 8 лет, 27 мая 1848 г. в письме И.И. Пущину: «С месяц была ужасная засуха, лес горит везде, так что свету белого не видать... Рыбный промысел только начался; вот и все, что нас здесь интересует» (там же, с. 177). За год до этого, 25 сентября 1847 г. в письме тому же И.И. Пущину: «...год хорош хлебом, рыбой и сеном».

К югу от устья Баргузина, начиная с Сиговой карги, побережье залива и Байкала вплоть до Горячинских песков принадлежало местному населению и в рыбном отношении ничем выдающимся не отличалось. Лов здесь на паевых началах вели артели местных крестьян, мещан и казаков вплоть до организации колхозов в конце 20-х гг. 20 века. Район этот всегда оставался заповедником изначально существовавшего на Байкале артельного характера рыболовства. Крупный капитал здесь никогда промысел не вел, поэтому вплоть до организации колхозов на летний промысел выходило

все местное население в качестве собственников и рабочих. На этом участке во второй половине 19 века ставилось не более 10 неводов (Кирилов, 1886).

Главным местом добычи омуля была песчаная карга под названием Полевая, или Архиерейское место, сдаваемая владельцем в аренду за большие деньги. В середине 19 века на баргузинских промыслах началось засилье иркутских и богатых баргузинских купцов, выкупавших каргу у Архиерейского дома. Лов здесь велся в основном наемными артелями крупных рыбопромышленников. Понятно, что селянам место это было не по карману и они рыбачили по краям запретной зоны, а так же на камнях вдоль нижнего изголовья полуострова Святой Нос в урочище Макарова.

Весна и лето. Рыболовство на Баргузинских промыслах начиналось весной со времени вскрытия Байкала и продолжалось все лето до Ильина дня. Жителей района можно смело назвать рыбаками. Половину года, если не весь год, округ питается рыбой, добываемой в оз. Байкал и реках. Рыба — обыкновенная еда всех — и бедноты и зажиточных как в пост, так и в мясоед. Трудно найти стола, где не было бы разного вида соленой, свежей рыбы да кирпичного чая.

Лишь только вскрыется Байкал (числа с 15 мая, а иногда позднее), по всему его побережью, где есть удобные для рыболовства места, особенно в Чивыркуйском и Баргузинском заливах, располагаются артелями рыбаки. Подготовка к промыслу начинается очень оживленно, на берегу разводятся костры, на которых греют чаши со смолой. Просмоленные рыболовные снасти сушатся дня два, после чего члены артелей сшивают свои столбы, составляя один общий невод. Везде вдоль берегов стоят баркасы и лодки поменьше, груженные рыболовными принадлежностями, кружатся лошади на воротах. По всей каргелюдно, шумно и весело, слышатся песни, народ находится в ожидании хорошего улова. Зима закончилась, наступают сытые времена. Над всем же этим кружатся чайки, оглашая воздух своим резким криком.

Особенно широкий размах в это время принимала деятельность крупных иркутских промышленников, каковыми здесь были во второй половине 19 века купцы Сверлов в компании с Шипуновым и Улишевым, арендовавшие Полевую каргу у Архиерейского дома за 7000 руб. В их наемных артелях трудились не менее 400 работников на двенадцати неводах (Кирилов, 1886).

Летом 1900 г. на промыслах лагерем стояла Байкальская гидрографическая экспедиция Ф.К. Дриженко, занимавшаяся в то время съемкой Баргузинского залива. Своими впечатлениями от омулевой путины делится один из гидрологов: «Когда придет подходящий момент для ловли, они, на всем 20-верстном протяжении, точно оглядываясь, как один, сталкивают баркасы и быстро догребают до положенной глубины, описывая затем обратный круг к берегу и все время сбрасывая невода. В это время находящиеся на берегу также не дремлют — у каждого ворота кружится лошадь, подгоняемая мальчуганом. Но вот мотня подтянута, и трепещущая рыба только сверкает в руках рабочих, стоящих по пояс в воде и перебрасывающих ее из мотни в лодку. Здесь мелкая рыба — хариус и др. не признаются. Здесь царствует один только омуль; остальная рыба идет обратно в озеро. Изредка попадается осетр; но тому уж и честь особая... На всем упомянутом протяжении, кроме мелких зимовьев, находятся две главные станции, или по местному, два рыбодола, где артель женщин, или так называемых «чищалок», чистит рыбу и где ее солят впрок. Но и крестьяне, и другие мелкие рыбопромышленники не дремлют. По обе стороны этой «заарендованной» полосы они также берут от озера дань и также в виде омуля, но конечно в более скромных размерах ...». (Я. Иванов, Усть-Баргузин, 8 июля. Лагерь Байкальской экспедиции) (Восточное обозрение, 1900). Путина 1900 г., судя по всему, была очень хорошей, так как рыбопромышленник Сверлов, в этот год, наполнив 900 бочонков по 1000 шт. в каждом, за неимением тары раньше обычного закончил рыбалку (Гирченко, 1928). В этом же году здесь был неводной улов таких крупных размеров, что промышленники, использовав всю посуду и даже свободные лодки для посола рыбы, вынуждены были около 300 000 рыб выпустить обратно в залив (Дриженко, 1902). За два года до этого в иркутской летописи Романова (1914) сообщалось, что 1 июня 1898 г. началась очередная омулевая путина на Байкале. И к 20 июня одни только баргузинские рыбаки 18 неводами добыли 517 бочек омуля. Что и говорить, баргузинские промыслы были богаты омулем.

В середине июля, обычно к Прокопьеву дню, когда с установлением жары омуль отваливает от берегов, заканчивается его летний лов. Большинство рыбаков разъезжаются по домам, чтобы заняться сенокосом. «Сверлов и К^о» также заканчивали летний лов на баргузинских промыслах и переезжали на ангарские для лова уже ходового омуля в реках Верхняя Ангара и Кичера.

На Чивыркуйский же залив неводной лов распространился, по-видимому, несколько позже, чем в Баргузинском. По мнению Н.Н. Сабурова (1889) это произошло в 50-е гг. 19 века. По берегам залива тогда становилось до 15 неводов и за весенний лов здесь добывалось около 150 бочонков (*омуля — авт.*), кроме этого солилось до 150 бочонков осетрины (Кирилов, 1886). В середине 19 века в Чивыркуйском заливе осетра еще было достаточно много, по данным ихтиолога И.Д. Кузнецова за один замет невода порой вылавливалось несколько сот рыб (Кузнецов, 1909). По данным А.Г. Егорова (1961) в заливе на осетровом промысле в конце 19 века специализировались 2–3 артели и каждая добывала до 80–100 ц осетра.

Как и весь промысел, залив оживал ранней весной, когда из-за моря на сетовых лодках приходили буряты-рыболовы с острова Ольхон, съезжались на рыбалку жители баргузинского уезда а также вездесущие крупные иркутские рыбопромышленники. Из Усть-Баргузина приходил катер рыбопромышленника П.Ф. Сверлова «Забияка» чтобы развести по рыбоделам рабочих с главной базы в Ангоконской бухте. Вся акватория залива принадлежала арендаторам, выкупившим рыболовные участки. Свободная для промысла рыбы зона оставалась лишь на входе в залив, на границе с холодными байкальскими водами. На этом участке нередко происходили конфликты рыбаков с промышленниками, которые нанимали на время промысла паровой катер, следивший за тем, чтобы крестьянские сетелодки не заматывали сети в пределах их арендных владений.

Одну из таких историй со слов стариков в середине прошлого века записал писатель-краевед М.И. Жигжитов. В пос. Усть-Баргузин после революции 1905 г. под надзор полиции был сослан большевик П.Ф. Лобанов-Лобанчук, под воздействием которого в 1913 г. произошел бунт местных рыбаков против арендатора Лозовского, который ловил рыбу в богатом Чивыркуйском заливе и под угрозой конфискации орудий лова не допускал туда местных рыбаков. Однажды вечером, когда катер охраны вошел в Чивыркуйский залив, рыбаки на 30 лодках окружили его со всех сторон. На призыв покинуть залив рыбаки ответили градом камней, были разгромлены палубные надстройки и разбиты сигнальные фонари. Выйдя из окружения, катер ушел на базу, а рыбаки приступили к лову омуля. Для расследования инцидента из Баргузина прислали пристава с двумя конвоирами. По данному происшествию было проведено дознание, в результате чего под подозрение попали и были арестованы восемь человек. До окончания следствия их на три месяца посадили в Баргузинскую тюрьму. До суда не дошло, дело было закрыто, а рыбаки отпущены. В течение длительного периода, пока катер охраны был на ремонте, рыбацкая беднота свободно рыбачила в пределах арендных владений Лозовского (Жигжитов, 1985).

До середины 20 века в Баргузинском районе сохранялся так называемый «поняжный» промысел. Заключался он в том, что рыбаки заходили через тайгу в верховья рек, где на небольшой глубине острогами или просто расщепленными палками кололи рыбу (в основном омуля и хариуса). Поняжным такой промысел назывался потому, что выловленную рыбу выносили на т. н. «понягах» — заплечных мешках, прообразах современных рюкзаков (Мишарин, 1932).

Летом в многочисленных озерах мордами добывали карасей до 2 фунтов весом, а в реке Баргузин, главным образом, в «петровки» (Петров день) неводили осетров (Бородкина, 2013).

В 19 веке р. Баргузин была еще богата осетром. По данным А.Г. Егорова (1961) на реке выставлялось около 5 верш со средним выловом на одно устройство 20–30 ц. В среднем и нижнем течении осетра ловили плавными сетями и неводами. По подсчетам ученого на р. Баргузин тогда вылавливалось 300–400 ц красной рыбы. Со слов старого рыбака в районе д. Нестериха за два притонения было поймано 440 осетров средним весом 10 кг, а в районе г. Баргузин в 1897 г. за ночь добывали до 40–60 осетров.

В то время как одна часть рыбопромыслового населения занималась ловом омуля, другая весной выезжала на лов хариуса. Промысел этот обычно бывал комбинированным и проводился в сочетании с добычей байкальской нерпы. Для его краткого описания воспользуемся материалами, собранными этнографической экспедицией Географического общества, состоявшейся в начале 1920 г. в Баргузинский район Бурят-Монголии (Бородкина, 2013). Так, уже с конца марта артели по льду разъезжались по берегам Байкала от полуострова Святой Нос до р. Сосновка. С собой брались съестные припасы примерно месяца на три, бочки для жира и рыбы, соль, лодка, рыболовные и охотничьи принадлежности. Гужевым транспортом нерповщики-харюзятники направлялись через д. Макарино и озеро Большой сор к Чивыркуйскому заливу. Оттуда уже по льду и по

берегу Байкала — к устью речки Сосновка — обычному месту стоянки нерповщиков. На берегу промысловики срубали зимовье — небольшую избушку, которая некоторое время будет служить им ночлегом и складом. Тут же недалеко устраивался небольшой рыбодел, длиной сажени 2—3, шириной 2 и высотой 2,5 аршина. Рыбодел имел лари для рыбы, главным образом, хариузов, лов которых производится сразу после очищения Байкала ото льда. По окончании постройки зимовья и рыбодела охотники выезжали в открытый Байкал, верст за 20—25 от берега и поселялись на все время охоты на льду. Промысел морского зверя (нерповка) продолжался до тех пор, пока не вскроется Байкал, — числа до 15 мая. Окончив охоту, нерповщики принимались за обработку нерпы. Со зверя снимается шкура, а мелко искрошенное сало складывалось в большие, вместимостью до 15 пудов бочки. В это же время неводом ловили в Байкале хариусов. Невод на эту рыбу употреблялся небольшой — длиной 35 сажен, высотой 6—7 аршин. Артель рыбаков на ловле хариусов состояла обычно из четырех-шести человек. Тоня длилась полчаса-час; пойманную рыбу тут же чистили и засаливали в такие же бочки как и сало нерпы, кладя на 15 пудов рыбы до 2 пудов соли. К Прокопьеву дню артельщики возвращались домой. Если каждый везет пудов 15 рыбы и пудов 25 нерпичьего жиру, — такие охота и рыбалка считались у местных удачными. Во второй половине 19 века по данным Н.В. Кирилова (1886) близ устья р. Сосновка хариуса ловилось до 6—7 неводов, добывая при этом за весну и начало лета около 300 бочонков (Бородкина, 2013).

Осень. В конце июля — начале августа заканчивался летний лов, население занимается сенокосом, затем уборкой урожая. Пауза в рыбном промысле возникает небольшая, так как числа с 1 августа (старый стиль), начинается осенний лов омуля и соровой рыбы сетями и неводами.

С конца августа и вплоть до октября омуль идет в реки метать икру, причем, самый крупный на Байкале омуль приваливает в р. Большой Чивыркуй. Крупный, весом от 3 до 4 фунтов, такой омуль повсеместно на Байкале называется «чивыркуем», независимо от того, где был пойман. Осенний омуль отличается величиной и вкусом от летнего, хорошо хранился и поэтому ценился значительно дороже. Если в р. Баргузин во время рунного хода омуля ловили преимущественно неводами, то в реках Безымянка, Большом и Малом Чивыркуе неводов не употребляли. Вся река городилась особым способом двумя перегородками, из которых верхняя была глухая, а нижняя с извилистым входом. Пойманная рыба называлась котцовой и держалась взаперти в ловушках до морозов, после чего высакивалась и морозилась тут же кучами на льду. В Большом Чивыркуе владевшие рекой тунгусы, заготавливая омуля себе на зиму, целый день били его острогой с берега (Гагемейстер, 1854). Н.В. Кирилов отмечает, что осенью эта река перегораживается и всего 2 человека добывают без хлопот до 19 000 шт. (свыше 1000 пудов) омуля, которую в феврале вывозят на Верхнеудинскую ярмарку. В этот же период ловятся также хариус и сиг. Кроме омуля в Большой Чивыркуй весной по разбитию льда на Байкале, идет для метания икры хариус, ленок и в малом количестве таймень, после чего возвращаются в озеро, за исключением «жировой рыбы», которая остается на зиму в глубоких местах реки (Елезов, 1873).

По окончании летнего омулевого промысла, починив невода, рыбопромышленники «жирят» их нерпичьим жиром и выезжают в Чивыркуйский залив на водопольный промысел так называемой черной или соровой рыбы (щука, окунь, сорожина). Этой рыбой богат весь Чивыркуйский залив, но особенно связанный с ним неширокой протокой Исток, так называемый Большой Сор. Поперек протоки шириной не более 30 саженей устраиваются переколоты в два ряда на расстоянии один от другого в 80-ти саженях. Переколоты эти, называются езями. Между езями запускают берды, в которых для впуска рыбы оставляются ворота. Так ловят щуку, язя и окуня. Они ловятся в таком громадном количестве, что порой от большого напора рыбы не в состоянии устоять загороди езей, и иногда, пробивши таким образом стену, рыба ускользает из рук промышленников. Все это устройство остается не разобранным до ледостава. Тогда рыба высакивается на поверхность льда. В самом озере Большой Сор водится та же самая рыба, что и в Истоке, которую промышленники добывают неводами длиной до 200 сажен, а вышиной от 5 и до 6 аршин. (Елезов, 1873). Водопольный промысел продолжается до тех пор, пока не станет залив, что обычно бывает в заговенье перед рождественским постом.

Зима. В ноябре (как покроется льдом Баргузин) начинается лов окуня и щуки на блесну, занимаются этим большей частью сельские ребяташки. Ловят идущего на нерест в Баргузин налима, для чего ставят заездки. Когда в Курбуликском заливе замерзают губы, открывается подледный

промысел рыбы сетями и неводами. В это же время начинается бормашение, имеющее большое значение для баргузинцев, продолжающееся все время, пока не вскрыется Байкал и реки (Бородкина, 2013).

В большей степени благосостояние местных рыбаков держится именно на зимнем промысле. Наиболее значительным из всей рыбной ловли в это время является подледный неводной и сетной промысел в Чивыркуйском заливе. Основная рыба, которую добывают в это время, — подходящий на нерест в залив сиг, а также все виды «черной» рыбы — щука, окунь, плотва, елец, язь. Зимний промысел делился на два периода: покровский — с 1 октября до Рождества, и великопостный, — от масляной недели до Пасхи.

Наиболее крепкая часть мужского населения, не занятого в сельском хозяйстве, нанимается летом на золотые прииски, расположенные за Икатским хребтом в верховьях р. Витим. По окончании промывочного сезона, обеспечив себя и семью, рабочие зиму отдыхают дома. Другая часть, забракованная золотыми приисками, вынуждена наниматься на зимний рыбный промысел, где при существующей нужде работает за не очень большие деньги. Артели собираются («заусловливаются» — устно договариваются) задолго до начала рыбалки. Хозяева неводов, имея по несколько паев, нанимают рабочих, которые живут на промысле поневодно (около 20 человек) в специально выстроенных балаганах с печами. Если есть рыба — едят ее без ограничения, если нет — дожидаются. Каждый хозяин платит только своему рабочему. Кроме платы деньгами, работнику полагались 2,5 пуда ржаной муки и 2 кирпича чая за весь сезон. Плата за покровский промысел обычно бывает больше чем за великопостный. Ценную рыбу (сигов и хариусов) промышленники увозят на ярмарку в уездный центр — Верхнеудинск.

Основную долю зимних уловов составляет плотва (сорожина), которая большей частью меняется на хлеб, привозимый с Лены, причем за 1 пуд рыбы брали до 11 пудов муки. Порой этой рыбы ловилось так много, что промышленники за неимением сбыта выбрасывали ее просто на берег, где она гнила, привлекая весной запахом окрестных медведей. Дореволюционных фотографий баргузинских рыбных промыслов сохранилось не так много, мы постарались их собрать (рис. 9.3–9.9).

Рис. 118. На байкальском рыбном промысле.
Работа на плотве, работа на берегу Чивыркуйского залива.

Рис. 9.3. Работа в летнем рыбоделе на берегу Чивыркуйского залива (по: Кузнецов, 1909)

Рис. 9.4. Рыбодел Кузьмина в Ангаконской бухте (по: Гольдфарб, 2010)

Рис. 9.5. Устье р. Баргузин. Перевоз через нее и рыбацкий поселок Усть-Баргузин на правом берегу (стереофотография из серии «Восточная Сибирь», 1912 г.)

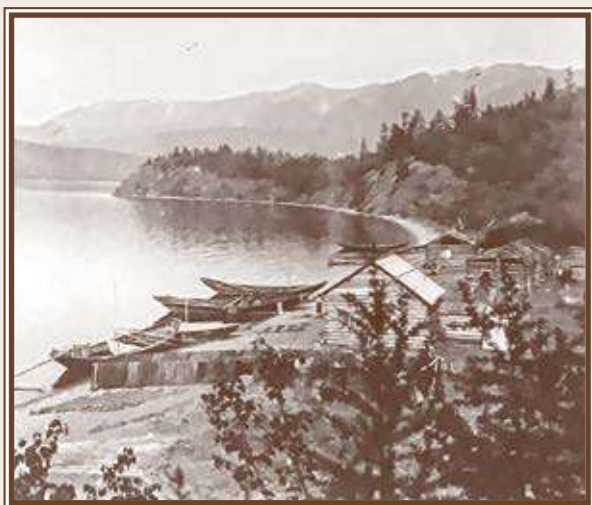

Рис. 9.6. Становище крупных рыбопромышленников-неводчиков в Чивыркуйском заливе в бухте Змеёвая, урочище Кресты (стереофотография из серии «Восточная Сибирь», 1912 г.)

Рис. 9.8. Становище сетовщиков на Байкале у Усть-Баргузина (стереофотография из серии «Восточная Сибирь», 1912 г.)

Рис. 9.7. Барки для перевозки рыбы в Ангаконской бухте (стереофотография из серии «Восточная Сибирь», 1912 г.)

Рис. 9.9. Баргузинские рыбаки за починкой сетей (по: Гольдфарб, 2010)

Центром всего баргузинского рыбного промысла до революции был небольшой поселок Усть-Баргузин, бывший центром Низовской волости Баргузинского уезда. Долгое время поселок был очень маленьким. В 1900 г. во всем поселке насчитывалось 15 домов, через 10 лет их число выросло до 22, а в 1917 г. — до 37 (рис. 9.10). Экспедиция Ф.К. Дриженко в 1900 г. застала селение расположенным на правом берегу Баргузина вдоль почтовой дороги, начинающейся от парома. Примерно в 1870 г. рыбацкий поселок был перенесен от самого устья выше по течению, когда вследствие большого наводнения он был полностью затоплен (Дриженко, 1908).

Историческое развитие Баргузинских рыбных промыслов показано в табл. 9.1.

После революции, на протяжении всех 20-х гг., как и на других байкальских рыбных промыслах, рыболовство на Баргузине осуществлялось, помимо единоличников, бытовыми рыболовными артелями. На летних баргузинских промыслах хозяин невода брал в помощь несколько человек,

Рис. 9. 10. Рыбачий поселок Усть-Баргузин (дореволюционная открытка, 1903 г.)

Таблица 9. 1. Развитие баргузинских рыбных промыслов с начала лова до 1925 г. (только омуль)

Годы	Уловы	
	Бочек	Центнеры
1830-е	1000 по 35 пудов	6400
1840-е	1000 по 35 пудов	5000
1850-е	300 по 35 пудов	1680
1880-е		4000
1890-е		2260
1910		6494
1911		4662
1912		3719
1913		4463
1921		292
1924		686
1925		658

которым отдавал половину добычи или нанимал рабочих с оплатой 50–60 коп. в день (Онгоева).

В конце 20-х гг. начинается процесс коллективизации хозяйств. Несколько рыбацких артелей в 1917 г. объединились в первый рыбопромысловый кооператив «Байкал», на базе которого в 1927 г. было организовано Баргузинское рыболовное товарищество. В 1928 г. оно стало носить название «Рыбак и пахарь», с 1929 г. — «Рыбак». В составе «Рыбака» в момент организации было всего 4 рыболовецкие бригады, которые вели лов рыбы с частичной ее переработкой и дальнейшей реализацией продукции на рынке. К 1932 г. с увеличением добычи рыбы товарищество начало сдавать улов государству — организованному в 1930 г. в Усть-Баргузине рыбозаводу. На вырученные от продажи рыбы деньги покупались новые плавсредства и сетеснасти, что позволило увеличивать и развивать рыболовецкий кооператив. Впоследствии, в 60-х гг., объединившись

с другой артелью — колхозом «Путь к коммунизму», из д. Максимиха «Рыбак» превратился в один из самых крупных колхозов района — «Байкалец» с центральной усадьбой в п. Усть-Баргузин. Основным профилем колхоза были лов и переработка рыбы — омуля и частика. Наряду с добычей рыбы, в колхозе были организованы подсобные отрасли хозяйства: звероферма, известковый карьер, тепличный комплекс. Колхоз имел отделения в 4-х населенных пунктах, находящихся на значительном расстоянии от центра колхоза: кроме Усть-Баргузина — в деревнях Нестерихе, Максимихе и Курбулике.

К 1935 г. в рыбном хозяйстве района насчитывалось 11 рыбопромысловых колхозов. К началу Великой Отечественной войны лов рыбы в районе вели несколько рыболовецких колхозов и рыботорварных ферм сельскохозяйственных колхозов: «им. Чапаева» (д. Адамово), «им. Кирова» (д. Макарино и д. Нестерово), «Путь к коммунизму» (д. Максимиха), «Заря» (д. Читкан), «Рыбак» и «им. К.Е. Ворошилова» (п. Усть-Баргузин). Колхозы пойманную рыбу сдавали по договорам государству в лице рыбоконсервного комбината, который в свою очередь, также имел рыболовецкие бригады. Кроме колхозов и рыбокомбината рыбалкой занимались неосновные

заготовители: снабженческие конторы Иркутского управления пароходства, Байкальского леспромпхоза и Баргузинского райпотребсоюза.

В современной истории Бурятии первенцем механизированного рыбоперерабатывающего производства стала Усть-Баргузинская консервная фабрика, впоследствии консервный завод. В 1921 году рыбоконсервное производство братьев Вассерман в селе Посольское Кабанского района было закрыто, национализировано и перевезено в поселок Усть-Баргузин. Здесь сначала производственные помещения для фабрики были арендованы у местных рыбопромышленников, которые вскоре были экспроприированы и стали собственностью фабрики. Так как фабрика не имела собственных рыболовецких бригад, первое время руководство заключало договоры на поставку сырья с рыбацкими артелями близлежащих деревень: Адамово, Макарино, Зорино, Максимиха, Усть-Баргузин, а штат рабочих консервного завода в количестве 50 человек был укомплектован из местного населения. В 1924 г. после того, как были оборваны последние производственные связи с немецкими поставщиками тары и компонентов для изготовления консервов, было открыто собственное жестяно-баночное производство, укомплектованы и вышли на промысел первые фабричные рыболовецкие бригады. Производство консервов было достаточно примитивным, варка и стерилизация банок производилась в железном ящике, который предварительно наполняли водой. Слабая техническая база, изношенность оборудования и механизмов тормозили наращивание выпуска готовой продукции. Но, тем не менее, уже к 1926 г. завод имел механический, паяльный, кулинарный, автоклавный цеха и склад готовой продукции.

Государственная рыбная промышленность района — Усть-Баргузинское рыбопромысловое управление (Гослов системы «Востсибрыбтрест») было организовано в октябре 1930 г. В отличие от консервного завода рыбозавод начал создаваться с нуля. Заводоуправление разместили в доме бывшего зажиточного крестьянина. Решено было начать строительство двух стационарных посолпунктов: в Усть-Баргузине на берегу р. Баргузин и в Чивыркуйском заливе в п. Курбулик с цехами посола, ледником, складами соли, бондарной мастерской, мастерской по сооружению и ремонту орудий лова, ремонту флота, копильной установкой и жиротопкой. Строительство парусного флота было развернуто в бухте Крохалиная. Там строились баркасы, подъездки, мореходки, сухогрузные суда грузоподъемностью 20–25 т. В адрес завода стали поступать нитки на катушках. А так как в то время готовых сетей предприятия не получали, то эти нитки раздавались надомникам — жителям деревень Зорино, Адамово, Макарино и Усть-Баргузин, которые и вязали ручную сети. В отличие от сетного полотна неводная дель была фабричная и из нее сооружались неводные столбы, которые потом сшивались в невода. Впоследствии на Усть-Баргузинском рыбозаводе была открыта собственная сетевязальная мастерская.

А тем временем дела у первого байкальского консервного завода шли из рук вон плохо. Производство переходило из рук в руки, пока, наконец, в 1930 г. завод не вошел в состав государственного предприятия «Востсибрыбтрест». В конце 1933 г. трестом было принято решение об организации Усть-Баргузинского рыбокомбината, куда вошли консервный завод и рыбозавод. Новое руководство решило вопрос о строительстве нового современного производства. Были построены жестяно-баночный цех, машинное отделение, котельная (табл. 9.2) (Голубая нива..., 2001).

Таблица 9.2. Валовая выработка консервов за 1934 г., тыс. условных банок* (по: Свицерская, 1936)

Ассортимент консервов		Консервы по основным видам рыб			
		Сиговые	Крупный частик	Мелкий частик	Всего
Группа «А» (Закусочные)	В томате	117,08	32,665	562,523	712,268
	В масле	0,540	—	0,919	1,459
	В маринаде	1,110	0,318	133,946	135,374
	Всего	118,730	32,983	697,388	849,108
Группа «Б» (пищевые)	В собств. соку	30,234	10,935	—	41,169
	С наваром	—	—	56,237	56,237
	Всего	30,234	10,935	56,237	97,406
Итого		148,971	43,918	753,625	946,514

* Условной банкой считалась банка весом 400 г нетто.

Организованная в 1936 г. Советом по изучению производительных сил при Академии наук СССР конференция отмечала, что намечаемая реконструкция рыбоконсервной мастерской является кардинальным решением проблем переработки рыбы этого района, а сырьевая база баргузинских промыслов может обеспечить заводу выработку до 2 млн условных банок консервов. В целях использования рыбного сырья из района Чивыркуйского залива, говорилось на конференции, было бы целесообразным соединить Усть-Баргузинский завод с заливом шоссейной дорогой, которая обеспечивала бы транспортировку рыбного сырья по кратчайшему пути вместо дальнего обхода полуострова Святой Нос по Байкалу (Березовский, 1936). Для выполнения рекомендации конференции понадобилось целых шестьдесят лет — в 90-х гг. дорога, в конце концов, была отсыпана.

До 1942 г. Усть-Баргузинский консервный завод был единственным механизированным предприятием по обработке рыбы на озере Байкал. Консервы выпускались двух видов: в масле и в томате. Для обеспечения томатом Усть-Баргузинского и Северо-Байкальского консервных заводов в 1942 г. началось строительство Баргузинского томатно-сушильного завода в с. Баргузин. Завод проработал 2 года, выпуская томат-пюре для консервного производства. Помидоры выращивали колхозы баргузинской долины. В первый год было принято от колхозов 280 т помидоров, которые переработали в 64 т томатной пасты. Неблагоприятные климатические условия приводили к тому, что продукт не соответствовал нормам, помидоры попросту не успевали вызревать, поэтому выращивание томатов и производство пасты вскоре было прекращено. Фотографии, относящиеся к этому периоду, нам были любезно предоставлены краеведом А.К. Башаровым (рис. 9.11–9.14).

Рис. 9.11. Рабочие Усть-Баргузинского рыбозавода, 1940 г.

Рис. 9.12. Пирс в Усть-Баргузине

Рис. 9. 13. Работники рыбозавода, 50-е гг.

Производство рыбных консервов на Усть-Баргузинском рыбокомбинате достигло в 1940 г. 1 млн 392 тыс. условных банок. Всего за годы войны два консервные завода Байкала (Северо-Байкальский и Усть-Баргузинский) выработали 13 млн 47 тыс. условных банок рыбных консервов, чем была оказана существенная помощь фронту и тылу (Голубая нива, 2001).

С целью увеличения вылова рыбы в годы Великой Отечественной войны весной 1942 г. на базе Кукуйского рыбоучастка, входившего в состав Усть-Баргузинского рыбокомбината, был организован Баргузинский рыбозавод. Бригады рыболовецких бригад и рыбаки являлись жителями д. Кукуй близ г. Баргузин. В составе завода были два рыбпункта — в самом Баргузине и в 20 км от него — в д. Сухая.

На Баргузинском рыбпункте планировался посол рыбы, а в Сухой решено было выпускать рыбные концентраты (рыба сушеная, крупа рыбная) для поставок по военному заказу. На рыбозаводе было скомплектовано пять рыболовецких бригад, из них четыре работали в бассейне р. Баргузин (озера, протоки) на добыче таких видов рыб, как щука, язь, налим, карась, окунь, сорога и др., а одна бригада работала на Байкале на добыче омуля. С открытием навигации по Байкалу в 1942 г. в Баргузинский район прибыло большое количество эвакуированных переселенцев. Значительное число семей пришлось принять Баргузинскому рыбозаводу. Работал Баргузинский рыбозавод только в годы войны, после чего был расформирован (Голубая нива..., 2001).

Самым напряженным для Усть-Баргузинского рыбокомбината были с 1951 по 1961 гг., когда одновременно шли строительство новых заводских цехов и перенос предприятия и всего поселка на левый берег реки Баргузин. По ходу строительства объектов нового рыбокомбината старый консервный завод продолжал работать. В 1958 г. на новом заводе была выпущена первая партия консервов. После строительства новых цехов на рыбокомбинате появились поточные технологические линии, оснащенные электрообжарочными плитами, рыботорзательными машинами, чешуеъемочными барабанами, полуавтоматическими закаточными линиями, дефростерами, автоклавами, соусонаполнителями, жестяно-баночными линиями. Часть оборудования была демонтирована из старых цехов.

Рис. 9. 14. Готовая продукция консервного комбината — «омуль натуральный»

Все это позволило улучшить условия труда, усовершенствовать технологический процесс, увеличить выпуск консервов до 4 млн 694 тыс. условных банок в 1970 г. В 1975 г. производительность достигла 5 млн 251 тыс. условных банок, а ассортимент увеличился до 30 видов.

Со временем, наряду с переработкой местной рыбы, комбинат освоил выработку консервов из океанического сырья. Консервы пользовались большим спросом по всей республике, поэтому для того, чтобы восстановить линейку консервов, не пришлось обращаться к архивным данным. Память об этой вкусной продукции и даже цены на нее до сих пор живы в народе. Вот некоторые из них: «Камбала с овощным гарниром в томатном соусе» по цене 45 коп. за банку, «Карась с гречневой кашей» (50 коп.), «Скумбрия натуральная с добавлением масла» (75 коп.), «Минтай (из спинки) в томатном соусе» (44 коп.), «Фрикадельки в томатном соусе с овощным гарниром из частиковых рыб» (48 коп.), «Мелкий частик в томатном соусе» с овощами и без (40 коп.), «Икра мелкого частика стерилизованная» (32 коп.), «Котлеты из сиговых рыб в томатном соусе» (43 коп.), «Рыбоовощная солянка» (39 коп.), «Язь в томатном соусе с вином и черносливом» (56 коп.), «Щука в томатном соусе с вином и черносливом» (56 коп.), «Печень налима» (80 коп.), «Налим, обжаренный в масле» (80 коп.), «Омуль натуральный в желе» (60 коп.), «Омуль в томатном соусе» (70 коп.), «Сиг натуральный в желе» (64 коп.) и др. До 1945 г. выпускались консервы из осетра и черная икра в банках. В начале 1990-х гг. завод прекратил выпуск консервной продукции. Ниже представлены фотографии, относящиеся к периоду расцвета комбината, выпавшего на 1960–1980 гг. (рис. 9.15–9.21).

Рис. 9. 15. Часть ассортимента консервного производства Усть-Баргузинского консервного завода

Рис. 9. 16. Усть-Баргузинский рыбокомбинат, консервное производство

Рис. 9. 17. Усть-Баргузинский рыбокомбинат, консервное производство

Рис. 9. 18. Усть-Баргузинский рыбокомбинат, консервное производство

Рис. 9.19. Усть-Баргузинский рыбокомбинат, склад готовой продукции

Рис. 9.20. Усть-Баргузинский рыбокомбинат, разделочный цех

Рис. 9.21. Усть-Баргузинский рыбоконсервный комбинат

В советское время баргузинские рыбные промыслы, ставшие самостоятельным рыбопромысловым районом, были разделены на три крупных подрайона: первый — Баргузинский залив с прилегающими к нему Духовыми озерами; второй — Чивыркуйский залив с озером-сором Рангатуй и впадающими в залив речками; третий — река Баргузин с пойменной системой озер.

В Баргузинском заливе основным приемным пунктом был п. Усть-Баргузин, здесь же находилась резиденция рыбокомбината. Промысловый участок «Ельзиха» располагался на протяжении 20 км от залива Култук до устья р. Баргузин (бывшая Полевая карга или Архиерейское место), а также южное побережье полуострова Святой Нос, примыкающее к Баргузинскому заливу. Этот участок издавна известен как основное угодье для лова омуля. Здесь находились 35 неводных тоней, названия многих из них пришли из прошлых веков (табл. 9.3).

Промысловый участок «Сиговая» соответствовал бывшим «Пескам», что находились к югу от устья р. Баргузин. Здесь на протяжении 5 км располагались 4 неводных тони: Чаша, Новисовская, Зубковская и Холодянка. Рыбопромысловый участок «Максимиха» располагался по южному побережью Баргузинского залива с центром в селе Максимиха, где находится правление рыболовецкого колхоза «Путь к коммунизму». В губе у д. Максимиха ходил один невод. Неводные тони располагались в бухте Безымянка, относившейся к одноименному рыбоучастку. Заводской рыбпункт находился также на берегу Байкала в д. Котково. В 1965 г. в д. Максимиха прямо на промысле

Таблица 9.3. Названия неводных тоней по Полевой карге (уч. Ельзиха) Баргузинского залива (по: Свидерская, 1936)

№	Название	№	Название	№	Название
1	Угловая первая (Култук)	13	Баракы первые	25	Церковная первая
2	Угловая вторая	14	Баракы вторые	26	Церковная вторая
3	Буртуй	15	Крест	27	Баракы первые
4	Сосна	16	Упруг	28	Баракы вторые
5	Завозня	17	Кедра	29	Козловская
6	Ельзиха первая	18	Бутры первые	30	Юрта
7	Ельзиха вторая	19	Бутры вторые	31	Заброшенная
8	Едьзиха третья	20	Жировская	32	Осетровая
9	Черемуховый куст	21	Сорожья	33	Отметная
10	Горячинский шалаш	22	Кузьминовская	34	Грана
11	Коряга	23	Дрожжинская	35	Лопатки (устье р. Баргузин)
12	Кировская	24	Днепровская		

Рис. 9.22. Приемка омуля на пункте в д. Максимиха (фото из собрания А. К. Башарова)

омуля проходили съемки художественного фильма «Приезжайте на Байкал», благодаря которому на экране остались и чудесные панорамы Байкала и эпизоды из жизни рыбаков (рис. 9.22–9.23).

Чивыркуйский рыбопромысловый подрайон по количеству вылавливаемой рыбы занимал первое место. Центральным пунктом подрайона являлся рыбацкий поселок и рыбоприемный пункт Курбулик. В поселке проживали рыбаки и обработчики рыбы с семьями. Пункт располагал льдосолевым холодильником, необходимым для временного хранения сырца, частично направляемого в Усть-Баргузин на консервное производство. На пункте имелись чановые емкости для выпуска всех видов соленой рыбопродукции. Наряду с этим, в Курбулике вырабатывались вяленые рыботоровары. Связь поселка с Усть-Баргузином осуществлялась в зимнее время по

Рис. 9.23. Кадры из фильма «Приезжайте на Байкал» (1966 г., реж. В. Дорман), снятые в д. Максимиха

льду, в водопольный период — водным путем вокруг полуострова Святой нос. Автомобильная дорога до поселка была проложена только в 1990 г. (рис. 9.24–9.31).

Рис. 9.24. Рыбаки, 1941 г. (фото из собрания А. К. Башарова)

Рис. 9.25. Чивыркуйский залив, 1941 г. (фото из собрания А. К. Башарова)

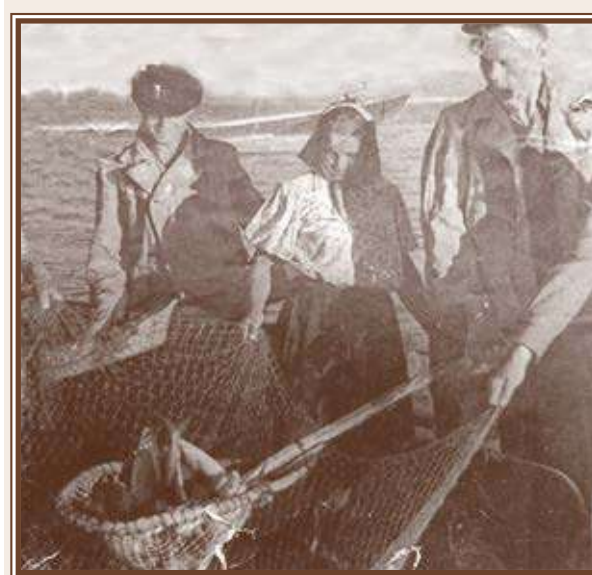

Рис. 9.26. Бригада неводного лова, 1946 г. (фото из собрания А. К. Башарова)

Рис. 9.27. Посолочные чаны для омуля в Курбулике (1940-е гг.) вместимостью 1 т омуля (фото автора)

Рис. 9.28. У пирса в Курбулике (фото из собрания А.К. Башарова)

Рис. 9.29. Рыбачий поселок Курбулик, 1961 г. (фото из собрания А.К. Башарова)

Рис. 9.30. Неводная бригада в Чивыркуйском заливе (фото из собрания А.К. Башарова)

Рис. 9.31. Кадры из фильма «Приезжайте на Байкал», (1966 г., реж. В. Дорман), снятые в Курбулике

Рыбопромысловый участок и пункт «Монахово» располагался южнее п. Курбулик и являлся его филиалом. Еще один участок и пункт «Рангатуй» располагались на озере-соре Рангатуй и были предназначены для приема рыбы, вылавливаемой в соре и прилегающих озерах. Промысел на участке велся лишь в зимнее время, так как летом отсутствовали условия для обработки или транспортировки рыбы.

В Чивыркуйском заливе в многочисленных бухтах: Онгоконской, Змеевой, Крестах, у мыса Иркана, на косе у р. Большой Чивыркуй, около некоторых островов (Бакланий) располагались до 25 неводных тоней. В частности, в Онгоконской бухте было 7 неводных тоней: Грязная, Могилица, три Елены, Садко и Логариха (Кожов, 1958). В залив впадают три небольшие омулевые речки: Безымянка, Большой и Малый Чивыркуй. О былых рыбных богатствах этих рек, про которые мы рассказывали выше, остались только воспоминания.

К северу от залива, в районе Сосновской губы, почти ежегодно наблюдаются подходы омуля. На так называемых тунгусских тоневых участках в августе бывают значительные скопления не только омуля, но и сига. В многочисленных бухточках участка (особенно вблизи р. Черемшанка) имеются благоприятные условия для успешного ведения хариусового промысла.

Среди всех подрайонов Баргузинский (р. Баргузин с пойменными озерами) по количеству вылавливаемой в год рыбы занимает последнее место, однако рыболовство здесь широко распространено среди местного населения для собственного употребления. По оценке П.Ф. Попова 75% заходящего в р. Баргузин омуля вылавливается местным населением. Рыбаки часто превращаются в хищников, ловят икруную рыбу. Рыба используется для внутреннего употребления, ею кормят собак, свиней, куриц, часть продается на сторону. В 1933 г. Райпотребсоюз организовал бригаду рыбаков для лова рыбы в верховьях Баргузина. Поймано 79 ц хариуса, тайменя и ленка, при этом 54 ц употреблено самими рыбаками. Лов признан убыточным и прекращен. В эти же годы

организован лов сига в районе д. Тазы с осени до весны поймано 40 ц сига с тем же результатом. Ловили сига осенью заездками, зимой на удочку на ямах. В 50-е гг. в верховьях Баргузина вылавливалось до 453 ц сига, в то время как омуля добывалось не более 13 ц, следом по уловам следовали хариус и таймень (Попов, 1958).

В 1933 г. был организован Горячинский опытно-показательный рыбный промысел (Гослов) с центром в с. Горячинск (в 1937 г. контора была перенесена в с. Гремячинск). В то время в крупных рыбодобывающих районах страны (на Каспии, на Дальнем Востоке) были организованы т. н. опытные промыслы с целью приблизить и внедрить в практику все имевшиеся на тот момент достижения рыбохозяйственной науки. Отсталый и патриархальный в этом плане промысел рыбы на оз. Байкал как никакой другой нуждался в модернизации. Руководили опытными промыслами научно-исследовательские рыбохозяйственные учреждения. Курировать Горячинский опытный Гослов было поручено сотрудникам Восточно-Сибирского отделения ВНИОРХ из г. Красноярск.

Район охватывал восточное побережье оз. Байкал от м. Каткова на севере до м. Толстого на юге. Длина береговой линии Горячинского промысла составляла около 100 км. На этом протяжении в Байкал впадают довольно крупная р. Турка (длиной 230 км), р. Кика (100 км), а также много речек и ручьев, имеющих горный характер. В район входит также крупное оз. Котокель, площадью 5600 га, расположенное в бассейне р. Турка в 5 км от Байкала. В районе вдоль побережья Байкала имеется несколько населенных пунктов, из них наиболее крупное — с. Горячинск, где на горячих водах имеется курорт, с. Турка, д. Гремячая, д. Котково, на берегу оз. Котокель — село Исток. Основным занятием населения, проживавшего в прибрежных селах, издавна было рыболовство, которое велось в летний период на Байкале, а зимой — на озере Котокель.

Горячинский промысел географически располагался между двумя крупными промысловыми районами — селенгинским и баргузинским, крайние части которого с имеющимися постройками были переданы новообразованному промыслу. Кроме промысловых участков, новому промыслу от Селенгинского и Баргузинского Гословов были переданы также часть орудий лова и водоходной посуды. По факту же было передано имущество, оказавшееся ненужным и негодным, что на начальном этапе работы опытного промысла привело к значительным проблемам. К этому времени ловом рыбы здесь занимались рыболовецкие колхозы: «им. Ленина» (с. Исток), «Свободный путь» (с. Гремячинск) и «им. Сталина» (с. Горячинск).

Опытный промысел имел на Байкале несколько рыбпунктов: Таланки, Гремячинск, Пески и Котково. Рыбозаводской пункт Таланки располагался в одноименной губе, где насчитывалось до 17 неводных тоневых участков. В губе велся также сетной промысел с гребных и моторных сетелодок. Рыбоприемный пункт располагал чановыми емкостями на 1000 ц для единовременного посола. Рыбоприемный пункт в селе Гремячее располагал чановой емкостью для обработки на 700–800 ц омуля, имелись ледник, бондарный цех, пилорама для выпуска различных видов тары. На участке имелись четыре неводных тони (три — рыбоколхозов и одна — Гослова). Пункт Пески располагался южнее устья р. Турка. В районе Песков имелись 4 тоневых участка, принадлежащих Гослову и колхозам, и один участок принадлежал Байкальскому леспромхозу. Здесь велся также сетной лов омуля в 3–5 км от берега, вдоль каменистого побережья между Песками и п. Гремячий ловили хариуса. В подледный период хариуса ловили на бормашевую уду, а после распадаения льда — хариусовыми сетями. Рыбоприемный пункт Безымянка располагался в губе Безымянной, к северу от Горячинской губы. Участок и пункт Котково имели очень небольшое значение. На оз. Котокель промыслом были открыты четыре рыбоприемных пункта — Исток, Остров, Черемушки и Бая. Промысел рыбы на озере велся только в подледный период (Гаврилов, 1934). Промысел омуля на горячинском участке оз. Байкал с 1990-х гг. стал очень небольшим, а лов частика на оз. Котокель в связи со вспышкой гаффской болезни в 2008 г. был закрыт (рис. 9.32–9.33).

Рис. 9.32. Сетная бригада на участке Таланки (фото из музея д. Сухая)

Рис. 9.33. Рыбаки на участке Таланки (фото из музея д. Сухая)

Глава 10

Маломорские рыбные промыслы

Остров Ольхон и Малое Море на карте 1806 г. (по: Семивский, 1817)

Западное побережье озера Байкал в средней его части — там, где находится остров Ольхон, отделенный от материка широким проливом под названием Малое Море, — место с которого началось знакомство русских с сибирским озером. В 1643 г., поднявшись несколько это было возможно на дощаниках из Якутского острога вверх по р. Лена, казачий пятидесятник Курбат Иванов с 75 казаками спустился затем с водораздела к Байкалу как раз где-то в районе о. Ольхон — центра будущих маломорских рыбных промыслов. Остров и окрестности были заселены бурятами, которые в первых же вооруженных стычках были разбиты казаками. Однако острога казаки на острове не заложили, вероятно, по недостатку удобных на нем для земледелия мест. Побывавший на Байкале в 1675 г. Н. Спафарий пишет: «А в середине Байкальского (моря) есть остров великий, который именуется Ольхон, а тот остров стоит посреди в длину моря, кругом будет больше ста верст, и прежде жили на том острову многие братские иноземцы ..., а после того, как погромили их казаки, с того острова разбежались и ныне (остров) пуст» (Арсеньев, 1882, с. 119). По всей видимости, отселение бурят, если оно имело место, было кратковременным. С.П. Крашенинников, в 1736 г. побывавший на Ольхоне, отмечает, что на острове кочуют представители различных бурятских племен (Степанов, 1962). В Чертежной книге Сибири С.Е. Ремезова, составленной в 1701 г., отмечается, что на острове и материке живут ясачные братские люди, принявшие подданство русского царя. Заметим, что русские переселенцы так никогда не построили здесь ни острогов, ни деревень. Засушливый климат о. Ольхон и Приольхонья, а также бедные почвенные ресурсы с преобладанием каменистого грунта не способствовали развитию здесь земледелия, жили и хозяйствовало на этих землях аборигены — скотоводы и охотники.

Сложный родоплеменной состав бурятского населения Приольхонья царская администрация в рамках местного самоуправления с целью упрощения учета народонаселения, сбора налогов и управления территорией объединила в несколько административных родов, а именно: шесть Чернорудских, два Абазаевских и один Хенхедурский. Члены этих 9 бурятских родов, живших на о. Ольхон и прилегающем к острову материковом берегу, и составили основную рабочую силу возникших здесь маломорских рыбных промыслов. К концу 19 века 46 % всего промыслового населения района занимались рыбной ловлей. Еще 2,6 % занимались изготовлением бочек для посола рыбы. Другая половина традиционно занималась охотой, добычей нерпы, а также извозом все той же рыбы и хлеба (Кулаков, 1898). Согласно другому исследованию, в 1884 г. в районе рыболовством занималось около трех четвертей мужского населения (Жамбалова, 2000). Если сюда добавить других жителей, имеющих отношение к рыбному делу, например, т. н. «наймашин» (сословие лиц торгующих рыбой), а также рабочих, нанимающихся на ангарские промыслы, то доля людей, живущих за счет рыбы, еще более увеличится.

Маломорские рыбные промыслы — сегодняшний Маломорский промысловый район охватывает всю акваторию Малого моря и западную прибрежную часть озера от мыса Елохин на севере до р. Бугульдейка на юге. Малое море расположено между о. Ольхон и западным материковым берегом озера. На юге оно связано с открытым Байкалом проливом Ольхонские Ворота, на севере, постепенно расширяясь, переходит в открытый Байкал между м. Хобой, представляющим собою северную оконечность острова, и м. Арул на западном материковом берегу. Общая длина Малого моря равна 72 км. Наибольшая ширина по линии Хобой-Арул — 17 км, ширина в средней части около 13 км. Дальше к югу Малое море становится все уже, заканчиваясь заливом Мухор. Пролив Ольхонские Ворота имеет в длину около 8 км и в ширину 2,5 км. Берега Малого моря сильно изрезаны бухтами и заливами. Особенно обширные, глубоко вдающиеся в берег заливы и бухты имеются в южной его части. Таковы, например, заливы и губы в районе Ольхонских Ворот (Загли, Харин-Ирги, Куркутская, Тутская, Базарная), а также обширный залив Мухор, бухты Елгай, Семисосенная, Хагден-Хале, всего около 65 бухт и заливов. В Малом море имеются несколько островов, из которых наиболее крупные — Угунгой, Зумугой, Хубын. Почти все они расположены в южной части Малого моря, которая представляет собою настоящий архипелаг из каменистых островов и полуотчлененных от материков каменистых, обрывистых мысов. Из более или менее значительных притоков следует указать на речку Сарма, впадающую с материкового берега в южную часть Малого моря. В залив Мухор, в его южную оконечность, кроме речки Сармы, впадает небольшая речка Кучулга. Обе реки являются местом размножения байкальского омуля, правда, популяции байкальского эндемика в этих реках небольшие.

Из работ исследователей, посвященных жизни и хозяйствованию населения на берегах Малого моря, необходимо отметить записки путешественника Г. Раддэ (1858), отчеты о командировках на рыбные и звериные промыслы О.В. Елезова (1873) и Н.Н. Сабурова (1889), а также работу Н.С. Щукина «Рыбные промыслы Восточной Сибири» (1847). Один из наиболее информативных трудов — «Ольхон. Хозяйство и быт бурят Еланцинского и Кутульского ведомств» оставил для потомков П.Е. Кулаков (1898). Работа представляет собой комплексное исследование хозяйства ольхонских бурят, в частности рыбных промыслов, проведенное в 1895 г. Среди современных исследований выделяются работы С.Г. Жамбаловой (2000), Н.И. Онгоевой (2005) и Д.М. Маншеева (2013).

Все бурятское население относилось к разряду кочующих. Исключение составляли так называемые оседлые инородцы — буряты, принявшие христианство, взявшие русских жен и выделившиеся в особые поселки. Кочевые буряты жили улусами, причем, большинство имели, кроме зимников, еще и летние жилища, а некоторые перекочевывают еще и в осенники (Дриженко, 1908). В конце 19 века на острове насчитывалось 11 бурятских улусов: Идибинский, Нурский, Семисосенский (Долонургун), Усукский, Хадайский, Халзановский, Харанцинский, Хонхоевский, Хоргойский, Хужирский, Шибетский. Самыми крупными были Хужирский, Харанцинский и Семисосенский, где находилось волостное правление. Посетивший эти места в 1885 г. Г. Раддэ в своих записках сообщает, что численность населения Семисосенского улуса составляет не более 300 жителей. Большею частью это бедные люди, не занимающиеся хлебопашеством, а питающиеся

рыбной ловлей и скотоводством. На материковом берегу располагались несколько улусов — Онгурены и Зама на севере и Бугульдейка на юге при устье одноименной речки, а также улусы Сарма, Еланцы и Тьргинская деревня, населенная инородцами, перешедшими к оседлой жизни (рис. 10.1–10.2).

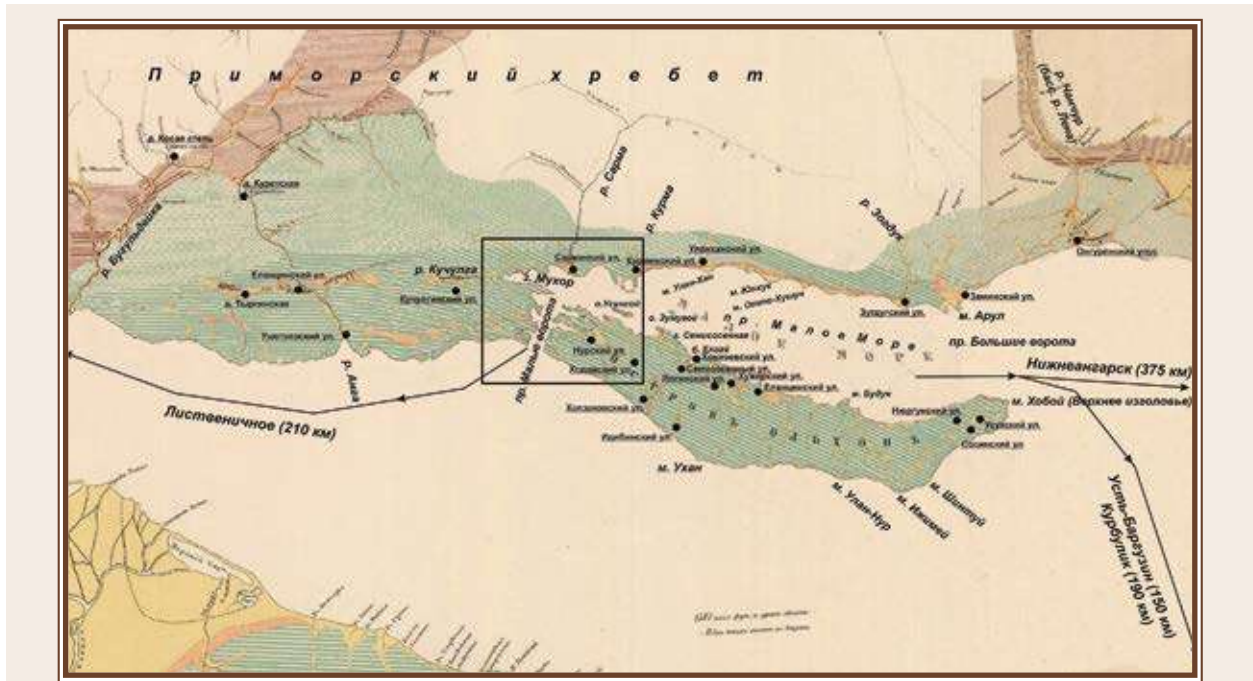

Рис. 10.1. Маломорские рыбные промыслы (на основе геологической карты И.Д. Черского, 1880 г.)

Рыболовством на Байкале занимались преимущественно жители приморских районов — островитяне и жители западного побережья. Наименьшее распространение данный промысел имел у бурят, живших на материковой части, удаленной от Байкала, за исключением короткого сезона ловли хариуса в реках. Как шутят современные ольхонцы, в районе есть морские и сухопутные буряты. Жители некоторых улусов, особенно прибрежных, почти поголовно занимались рыбной ловлей и это были типично рыбацкие поселения. Привычка употреблять в пищу рыбу у бурят выработалась не сразу. Побывавший на маломорских промыслах Н.Н. Сабуров писал в 1898 г. в своем отчете о командировке: «Случается, рассказывали мне, что бурят при улове рыбы предпочитает иной раз съесть молодого баклана, которого ловко убивает камнем. В бытность на Ольхоне, я видел, что артель бурят, ловившая рыбу, ужинала не рыбою, а сухарями, которые были разварены в артельном котле наподобие каши, причем, на всю артель в 12–14 человек было положено в эту кашу всего два омуля... Рыбу они едят вообще редко и ловят ее только на продажу» (Сабуров, 1889, с. 4). Со временем привычка к рыбной пище настолько укоренилась у морских бурят, что они стали, если можно так выразиться, ихтиофагами — рыба стала неотъемлемой частью их стола.

Рис. 10.2. Маломорские рыбные промыслы (центральная часть)

До прихода русских местное население рыбной ловлей почти не занималось. Буряты, прикочевавшие в Приольхонье в первой четверти второго тысячелетия из южных районов, на своей прародине были кочевниками-скотоводами и рыбный промысел им был чужд. Ольхонские буряты занялись рыболовством много спустя, после знакомства с русскими. Вдобавок ко всему, развитию рыбного промысла немало способствовали невыгодные почвенные и климатические условия. Властями в первой половине 19 века делались попытки насадить земледелие среди инородцев путем мер административного воздействия, оставшиеся, впрочем, малоуспешными.

Таким образом, в первой половине 19 века рыбный промысел не имел большого значения для ольхонских бурят. Значительную часть наличных денег они получали от продажи овечьей шерсти на Тельминскую суконную фабрику. Положение начинает меняться примерно в середине века, когда местные инородцы вплотную начинают заниматься ловом и продажей рыбы. Звериный промысел в местных лесах не мог поддерживать существование местных жителей. Скотоводство давало только насущное пропитание, а добывание денег на уплату ясака, земельных повинностей, прочих казенных налогов и сборов, покупку хлеба и товаров во многом зависело от рыболовства, чему способствовала близость Байкала, изобиловавшего тогда рыбой. Кроме того, рыбный промысел был дополнительным подспорьем в питании в зимний период. К концу 19 века в хозяйстве бурят значительную роль стал играть промысел нерпы (Жамбалова, 2000).

Рыболовство района с момента начала промысла делилось на «домашнее», производившееся в многочисленных бухтах и заливах Малого моря у берегов острова Ольхон, и своего рода отхожее, экспедиционное в других районах Байкала. Рыболовству в Малом море способствовали сравнительно небольшая глубина этого пролива, защищенность от больших штормов, часто бушующих в открытом Байкале, наличие целого ряда прекрасных бухт и тоней. Эти обстоятельства, по мнению Н.П. Левина (1897), делали рыболовство у берегов Ольхона в Малом море относительно легким делом для прибрежных жителей, что позволяло им привлекать к нему даже детей.

Рыболовство у ольхонских бурят всегда велось на артельных началах. Обыкновенно жители одного улуса приобретали сообща невод и необходимый инвентарь: лодки, веревки, паруса, якорь, бочки и прочее. Количество паев определялось количеством необходимых на каждом неводе работников. Обычно для омулевого невода на Малом море была нужна бригада в 15 человек, для сигового и хариусового — 6–8 человек, для обслуживания сети достаточно трех человек. Пайщик брал столько паев, сколько человек он мог поставить на работу. Посторонних почти не нанимали, зато активно привлекали подростков. В соответствии с местным обычаем обладатель трех паев мог выставить двух взрослых работников и одного малолетнего, т. е. третью часть каждой артели составляли подростки. Любопытно, но тот же обычай крайне отрицательно относился к участию женщин в промысле. Женщин к промыслу не допускали, в крайнем случае, женщина могла заменить малолетнего работника. При неводьбе имелись специальные работы, выполнение которых возлагалось на молодежь: укладывание невода в подъездки, соби- рание и разматывание веревок, расстилка и сушка невода после тони, чистка, засолка и укладка

Рис. 10.3. Ольхонские подростки за работой на неводном ворота (по: Иллюстративное описание..., 1896)

в бочки посоленной рыбы. Судя по фотографии, мальчишки покрепче принимали участие в работе на ворота при выборке невода — на фото четверо подростков крутят ворот, один направляет спуск от невода. Возможно, один из этих мальчишек по просьбе сотрудника этнографической экспедиции в начале 20-х гг. прошлого века и изобразил работу закидного невода на Малом море (рис. 10.3, «Графика, живопись»).

При разделе рыбы все члены артели получали одинаковые пай. Староста (башлык) получал такой же пай, как и подросток десяти лет, которых на неводную артель из пятнадцати человек полагалось пять. Побывавший на

промыслах в 1857 г. Г. Раддэ пишет, что: «Употребление ворота им известно и они пользуются им для вытаскивания больших сетей на берег. Челноки свои строят сами, не употребляя при этом никаких металлических связей; лодки их вообще очень сходны с теми, которые повсеместно употребляются на берегах европейских морей, только несколько длиннее и уже. Правят судном посредством длинного весла, прикрепляемого к особой высокой распорке, и гребут чрезвычайно сильно и часто, так, что уже издали, по одним веселым ударам гребцов, можно отличить, едет ли лодка тунгусская или бурятская. Должность гребцов исполняется обыкновенно 10- и 12-летними мальчиками и нередко даже взрослыми девочками» (Раддэ, 1857, с. 142). Техническая сторона неводьбы на Малом Море не представляет никаких особенностей, будучи заимствованной у русских промышленников.

Во время путины в Малом Море все прибрежные жители, независимо от причастности к промыслу, питались рыбой, так как у бурятских рыбаков существовал обычай, сохранившийся до наших дней, делиться уловом с пришедшими к притонению людьми. Рыбаки не только оделяли их рыбой, но и приглашали приходить еще. Так же поступали и на других тонях: артели раздавали понемногу рыбы приходящим на берег беднякам — бурятам и тунгусам.

Иркутские промышленники, всегда имевшие желание закрепиться на маломорских промыслах, отказались от этой затеи. Местные буряты чтобы отвести пришлых бросали в море камни, чтобы испортить тони (Кулаков, 1898). В конце концов, на Малое Море стали заезжать лишь немногочисленные сторонние сетевые артели, которые местные рыбаки также особо не жаловали. В конечном итоге, де-факто, сложилось так, что местные воды по закону были свободны для всех, но рыбачили здесь только местные жители, а неводные тони они считали родовыми. Похожая участь постигла иркутских промышленников и на Селенгинских промыслах, после чего они окончательно закрепились на севере озера и на баргузинских ловлях.

Помимо рыбалки на Малом Море, с весны большое число бурят отправлялось целыми ватагами на баргузинские и ангарские промыслы, иногда самостоятельными артелями, но чаще в качестве рабочих. Бурятским артелям на севере озера сложно было конкурировать с богатыми иркутскими и баргузинскими рыбопромышленниками, из-за чего они часто попадали в зависимость от крупного капитала и становились наемными работниками. И только в своих водах, в пределах родовых тоней, артели были свободны от эксплуатации, деля добытую рыбу поровну. Многие рыбаки после летнего лова в Малом Море двигались за косяками в северные акватории озера — к рекам Верхняя Ангара и Кичера. Некоторые отправлялись на рыбалку в середине лета, когда озеро бывает спокойно, переплывая на противоположную сторону Байкала на селенгинские и баргузинские ловли. Здесь они арендовали участки для лова у монастырей, откуда все лето бурятские лодки с уловом свежей рыбы отважно ходили от Селенги через Байкал, спускаясь по Ангаре до иркутского рыбного рынка. При этом все желающие выехать на отхожие промыслы, в том числе связанные с рыболовством и торговлей рыбой, обязаны были получить от местных властей виды на отлучку (паспорта). В 1891–1895 гг. таких документов в Ольхонском ведомстве выдавалось в среднем 755 шт. в год (Кулаков, 1898).

О масштабах подготовки и проведения рыбной путины во второй половине 19 века свидетельствуют архивные данные, собранные С.Г. Жамбаловой (2004) в этнографической работе, посвященной быту ольхонских бурят. Накануне выхода артелей на лов органы местного самоуправления собирали и подавали в вышестоящие инстанции специальные сведения о количестве рабочих и судов, направляющихся на разные рыбные промыслы Байкала (ангарские, баргузинские, селенгинские и остающиеся рыбачить дома в пределах Малого Моря). В частности, автор отмечает, что в 1884 г. было организовано 53 артели на 6 карбазах (парусно-гребных судах) и 47 лодках, количество рабочих составило 759 человек. Рыбным промыслом в этот год занялись жители первого, второго и шестого Чернорудских, Хенхедурского, первого и второго Абызаевских родов. Иностранцы третьего, четвертого и пятого Чернорудских родов, а также оседлые иностранцы Тыргинской деревни самостоятельно рыбопромышленностью за неимением плавсредств и снастей не занимались, поэтому вынуждены были наниматься на ангарские промыслы к иркутским купцам в качестве рабочих. Другие же занимались бондарничеством: бочки под рыбу пользовались большим спросом; кроме изготовления бочек, строили лодки и карбазы. За три года до этого, в 1881 г. ольхонские буряты для рыбного промысла организовали 63 артели

и выходили в море на 4 карбазах и 59 лодках общей численностью 1017 человек из улусов прибрежных родов: первого Чернорудского, а также первого и второго Абызаевских. Из их числа 21 артель на 4 карбазах и 17 лодках ушли на север к устью Верхней Ангары, чтобы работать по подрядам от иркутских крупных хозяев — рыбопромышленников, имея продовольственные запасы только для себя в один конец. По прибытии на место рыбаки поступали на довольствие нанимавших их купцов, тогда как остальные 42 артели занимались промыслом самостоятельно в Малом Море (ГАРБ. ф. 12, оп. 1, д. 490).

Наиболее полные сведения о количестве артелей, составлявшихся на маломорских промыслах, собраны руководителем отдела рыболовства и рыбоводства при Бурят-Монгольском Наркомате Земледелия К. Н. Пантелеевым (1926). В своей работе «Очерки по изучению Прибайкалья» автор приводит данные, из которых следует, что к концу 19 — началу 20 века количество неводных медленно, но верно сокращалось из года в год. Напротив, появление на Малом Море в 1892 г. дрефтерных сетей привело к тому, что начиная с 1900 г. количество сетевых артелей быстро догнало и перегнало количество неводных (табл. 10.1). При анализе сведений, приводимых К. Н. Пантелеевым, необходимо учитывать, что количество неводных артелей указано в общем количестве, включая те артели, которые уходили промысливать в другие районы. Например, в 1881 г. из 63 артелей 21 ушла на ангарские промыслы, а в 1884 г. из 53 артелей 20 ушли на ангарские и баргузинские промыслы в Курбуликский залив.

Календарно добычу рыбы на маломорских рыбных промыслах можно было разделить на

Таблица 10.1. Количество неводных и сетных артелей на Малом Море (по: Пантелеев, 1926)

Год	Неводных артелей	Сетевых артелей
1881	63	
1882	61	
1883	62	
1884	53	
1886	56	
1887	46	
1888	47	
1892	58	Появились первые сети
1893	62	
1894	75	
1895	97	
1900	41	7
1901	46	23
1902	43	27
1903	40	38
1904	41	36
1905	41	43
1906	40	54
1907	47	72

летний, осенний и зимний лов. Главное значение имел летний омулевый и хариусовый промысел. Елезов (1874) пишет, что рыбной ловлей занимаются буряты с 25 мая и по 1 июля, употребляя для этого невода длиной от 200 и до 400 сажень, а вышиной от 9 до 11 аршин. Самой ранней весной, пока Байкал еще покрыт льдом, бурятские артели съезжаются в залив Мухор, который растаивает рано, и начинают здесь промысел. С распаением льда буряты разъезжаются по многочисленным бухтам, но враз собираются, заслышав, что в каком-то месте был богатый улов. На время проведения рыбной ярмарки в середине лета в Базарной бухте залива Мухор артели рыбаков съезжаются в район Малых Ворот близ торжища. Здесь же поблизости ловили омуля и везли на продажу. Место ярмарки в Базарной бухте было выбрано не случайно. Именно в этой части Малого Моря в середине лета нагуливаются косяки омуля.

В Малом Море с середины июня до середины июля промыслили омуля, называемого «бугульдейкой», которого нынешние жители Иркутска зовут «маломоркой». Этот омуль отличается превосходными вкусовыми качествами и на иркутском рынке в свежем виде считался одним из лучших сортов. После летнего нагула в Малое Море в конце лета омуль отхо-

дит на север и юг к устьям рек (Верхняя Ангара, Кичера и Селенга), где его ловили уже во время рунного хода на нерест. Около 1 июня часть ольхонских рыбаков отправлялась на противоположный берег Байкала в Баргузин для летнего лова хариуса. Промысел этот продолжался до 20 июля. В июле лов рыбы немного затихает, хотя и не останавливается совсем. Если погода была хорошая, после трудового дня буряты спешили вечером закинуть раз-другой невод.

В конце сентября ольхонские рыбаки приступали к осенней рыбалке. Омуля у берегов в это время уже почти не бывает. Молодой неполовозрелый омуль уходит на глубину, нерестовый отправляется на поиск своей реки. Наступал сезон ловли сига — одной из самых ценных байкальских рыб, причем, около 98 % его добычи обычно приходилось на долю бурят 6-го Чернорудского рода. Правда, улов бывал обильным один раз в десятилетие, так как сиг, по мнению бурят, «худо» плодится. Промысел сига начинался с 20 октября и продолжался вплоть до самой весны.

С появлением сначала шуги, а затем и льда буряты бросали рыболовство и начинался праздник — резались овцы, кони, варился тарасун (молочная водка). Живший впроголодь в другое время года народ ходил друг к другу в гости из улуса в улус, из юрты в юрту, наедался до отвала. Вскоре, однако, запасы истощались и рыбаки снова брались за невод — начинался чрезвычайно трудный зимний промысел (Елизов, 1873).

Зимой в небольших количествах велся подледный лов неводами все той же «бугульдейки», спрос на которую в это время года был особенно большим. Бугульдейка зимой держится вблизи бухт, служащих летними тонями ольхонских рыбаков. Для зимнего хариусового лова ольхонские буряты отправлялись на другой берег Байкала в Баргузинский округ. Лов тут вели на арендованных у тунгусов за плату тонях. При ловле хариуса в день закидывали 5–6 неводов, детей к этой более тяжелой работе в экстремальных зимних условиях не привлекали. Хариусов в замороженном виде продавали на месте приезжим скупщикам. Весной хариуса ловили в устьях впадающих в Байкал рек Бугульдейка, Анга и других, куда он сразу после вскрытия льда заходит для икрометания. Ход рыбы продолжается всего 7–10 дней. Лов неводами здесь затруднен, поэтому ловили мордами, перекрывая реки. В основном эти промысловые угодья эксплуатировались бурятами близлежащих к рекам улусов Алагуй, Бугульдейка, Анга, Еланцы и др.

По закону маломорские рыболовные угодья были свободны для всех, никакой платы за промысел не взималось. Единственный существующий налог брался с промышленников, сбывающих рыбу на местную рыбную ярмарку, которую местные называли «базаром». Ольхонская ярмарка проводилась ежегодно, начиная с 1855 г. в период с 15 июня по 15 июля на берегу Базарной бухты залива Мухор. На продажу выставлялись мануфактурные и мелочные товары, свежая и соленая рыба, жир рыбий и нерпичий, разные меха, печеный хлеб, сухари, соль, бочки, домашняя утварь, земледельческие орудия.

Незадолго до открытия ярмарки выпускался приказ (предписание) ольхонских властей, о том, что башлыки и артели, желающие принять участие в ярмарке, всю пойманную рыбу в период с 15 июня по 15 июля не имели права продавать на сторону, а были обязаны ежедневно привозить для продажи на ярмарку, в чем башлыки давали подписку. Здесь же, прямо на торговой площадке торговцы в своих временных рыбодолах занимались незатейливым процессом посолки. Вот одно из объявлений, которое было вывешено накануне открытия торгов в 1876 г.: «Ольхонская Степная дума доводит до сведения, что с 15 июня по 15 июля проводится ярмарка. 1) Будет производиться денежный сбор в пользу инородцев Ольхонского ведомства: с каждой бочки посоленной рыбы по 3 коп., с лагуна, равного по объему половине бочки, по 1,5 коп. Торговое место — 3 руб., балаган — 1,5 руб., с хозяина невода — 5 руб. За взвешивание на весах — 2 коп. Сбор денег производится заседателем Степной думы. 2) Производство торгов на ярмарке без установленных свидетельств на продажу вина и других крепких напитков строго воспрещается. 3) Лица, не уплатившие установленных пошлин, не должны уезжать с ярмарки и увозить рыбу. 4) На ярмарке должна быть тишина и спокойствие. 5) Зачинщики беспорядков на ярмарке будут высылаемы и наказаны по закону по тяжести вины».

На период проведения торгов выбирали ярмарочного старосту, который во время ярмарки должен находиться на ней безотлучно, наблюдать за порядком, строго следить, чтобы не продавали крепкие спиртные напитки, запрещать скупку рыбы для дальнейшей перепродажи, соблюдать чистоту возле лавок, балаганов, амбаров, на базарной площади (ГАРБ. ф. 12. оп. 1, д. 605).

По данным Кулакова (1898) в период с 1890 по 1895 гг. оборот рыбной торговли на ярмарке составлял в среднем 12 тыс. руб. (табл. 10.2).

В 1895 г. на базарной площади было 16 лавок, занятых торговцами. Еще в 1875 г. общественным приговором Степной думы было решено построить сарай для обработки и соленья рыбы и погребом для ее хранения, а также лавки для торгующих и баню. В 1883 г. ярмаркой куплен

Таблица 10.2. Количество реализованной рыбы на Ольхонской ярмарке в 1890–1895 гг.
(по: Кулаков, 1898)

Год	Продано соленой рыбы, боч.	Продано свежей рыбы, тыс. шт.
1890	123	28,5
1891	189	102
1892	149	52
1893	143	52
1894	75	45
1895	240	121

дом на базарной площади у миссионера Еланцинского стана Федора Орлова за 25 руб. Дом был предназначен для проживания чиновников и членов Думы во время ярмарки. Ольхонская рыбная ярмарка в ряду таких же торговых площадок уступала, в частности, Чертовкинской, Спасо-Преображенской в устье Селенги, денежный оборот которой в несколько раз превышал оборот Ольхонской ярмарки.

Счастливым случаем оставил для нас панораму этого торжища, сделанную заезжим фотографом, очевидно, в самый разгар торговли (рис. 10.4). Снимок можно рассматривать как в целом, так и по частям, находя в нем немало интересных деталей. Так, справа несколько в стороне стоит дом под российским триколором — тут проживают члены степной Думы и ярмарочный староста. У крыльца стоит запряженная бричка. Рядом с конторой построена часовня (рис. 10.6). Весь берег занят неводниками и лодками, привезшими с тоней на ярмарку рыбу. В центре композиции фотограф поместил главную деталь всего происходящего. Здесь вокруг огромных весов стоит толпа народу: это рыбаки и покупатели рыбопродукции, просто зеваки, есть даже совершенно чеховского вида городские барышни с зонтиками от солнца. На лодках к весам подвозят бочки на взвешивание. Этот фрагмент также выведен нами отдельно (рис. 10.5). Справа и слева располагаются навесы — рыбоделы (рис. 10.8). Между ними стоят многочисленные лавки с товарами. Всех товаров в подробностях не видно, но среди них выделяются многочисленные бочки, можно разглядеть конскую сбрую, мешки. По всей территории стоит большое количество телег для перевозки бочек с соленой рыбой. Все телеги двухколесные, типа арбы, предназначенные для транспортировки одной единственной бочки, но лошадей при них не видно ни одной — кони пасутся где-то отдельно. Завершает композицию стоящее отдельно в стороне, по-видимому, отхожее место. К этому же времени относится фото с рыбаками на лодке в Малом Море (рис. 10.7).

Рис. 10.4. Ольхонская рыбная ярмарка в Базарной бухте Малого Моря (фото из собрания Хужирского краеведческого музея им. Н.М. Ревякина, конец 19 века)

Рис. 10.5. Взвешивание рыбы (фрагмент)

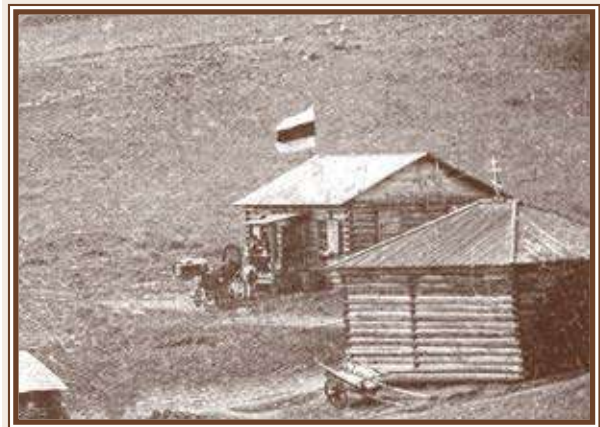

Рис. 10.6. Здания конторы и часовни (фрагмент)

Рис. 10.7. Маломорские рыбаки на лодке (фото из собрания Хужирского краеведческого музея им. Н.М. Ревякина, конец 19 века)

Рис. 10.8. Рыбодел (фрагмент)

Если во время проведения Ольхонской ярмарки многие рыболовные артели сами не солили рыбу, то в остальное время промышленники самостоятельно занимались ее обработкой. Для этого пойманную рыбу стаскивали в рыбоделы в особые полубочки — обрезы, где чищальки, как и в других местах Байкала, распластывая рыбу надвое, солили ее, жир собирали и топили — все это на открытом воздухе и в любую погоду. Необходимо заметить, что вся обстановка этого процесса отличалась крайней неряшливостью, рыба не мылась и не чистилась. Все эти причины крайне невыгодным образом отражались на вкусовых достоинствах местного омуля. В других районах Байкала процесс посола был не намного лучше, однако, омуль, посоленный в бурятских рыбододелах отличался в еще более худшую сторону и расходился при продаже последним. Омули, посоленные на маломорских рыбододелах, были значительно ниже по цене и преимущественно находили сбыт только в отдаленных селениях Забайкальского края и Иркутской губернии, редко доходя до иркутского рыбного рынка. При всем этом свежепросоленный маломорский омуль ценился особо.

На рис. 10.9 изображена засолка омуля бурятами острова Ольхон. Два рыбака около полубочки распластывают рыбу, вынимают внутренности и передают разделанную рыбу подростку, который макает ее в соляное корыто и складывает в котел, после чего рыба укладывалась в бочки, стоящие тут же. На рис. 10.10 изображен общий вид этого рыбододела, стоявшего на берегу Малого моря близ Семисосенского улуса и принадлежавшего одной из ольхонских артелей. На всем острове в 1895 г. было всего два постоянных деревянных рыбододела и это один из них. В рыбододеле хранились соль, бочки, засоленная рыба, съестные припасы и одежда артели, рыболовные принадлежности (Левин, 1897).

Рис. 10.9. Бурятский рыбодел в Семисосенском улусе на о. Ольхон. Посолка омуля (по: Гольдфарб, 2010)

Рис. 10.10. Бурятский рыбодел в Семисосенском улусе. Общий вид (по: Гольдфарб, 2010)

Часть засоленной рыбы буряты по окончании путины продавали сами за пределами своего ведомства, для этого в ноябре они отправлялись с рыбой по другим ведомствам и волостям Иркутской губернии и обменивали ее на хлеб. Существовали и другие схемы реализации пойманной рыбы, зачастую довольно сложные. Так, в 1876 г. рыбак Болдык Берханов продал 12 бочек пойманной и засоленной им рыбы по 19 руб. серебром за каждую некоему Хорхонову, который приехал за этими бочонками на 12 лошадях. Хорхонов, в свою очередь, продал каждую бочку по 25 руб. серебром. До продажи добытую рыбу Берханов оставил на хранение в амбаре Ербатхаева, которому за хранение и работу уплатил 3 пуда ржаной муки и оставил соли полпуда для добавления свежего рассола. Другой пример: оседлый инородец Ольхонского ведомства из Тыргинской деревни Ефим Попов за два бочонка рыбы обязан был доставить инородцу Семисосенского улуса Артамону Аларкину по месту его жительства 36 пудов ржи зерном и 30 пудов мукою. Но по неурожаю хлеба Ефим обязался в январе 1876 г. доставить 11 пудов, остальные 55 пудов доставлять ежегодно по 11 пудов, но, если будет возможность, доставлять более 11 пудов в год. Или: бурят Илья Урбаев из Таловского улуса считался зажиточным, имел 8 рабочих лошадей, 30 коров, 40 овец и коз, сеял 6 десятин хлеба, имел двух жен, нанимал одного работника. Осенью он закупал у рыбаков 100–150 бочек омуля, по 1000–1500 штук соленой рыбы в каждой, которую сбывал поштучно на постоянных дворах г. Иркутск, и этим доходом покрывал годовые расходы на свое хозяйство (Жамбалова, 2000).

Однако не всем рыбакам удавалось совмещать рыболовецкий труд с торговлей. На ее перепродаже неплохо зарабатывали перекупщики, которые специально приезжали на промыслы. Существовали специальные артели посредников между промысловиками и потребителями, которых называли «наймашины» (торговцы). Больше всего наймашинов было в родах, славящихся своей зажиточностью (2, 4 и 5 Чернорудские). С другой стороны, в Хенхедорском, 1 и 2 Абызаевском торговцев почти не было. Несколько бурят, обычно 3–4 человека из одного улуса, создавали компанию на паях с целью скупки у промысловиков рыбы и продажи ее в Иркутске и других населенных пунктах. Всего на промыслах по переписи, проведенной в 1895 г. П.Е. Кулаковым, насчитывалось 303 торговца-наймашина. Для организации работы им были необходимы бочки, соль, судно, лошади и телеги. Они разъезжали на арендованном судне по тоням и скупали свежую, а также соленую рыбу. Скупать рыбу наймашинам разрешалось и на Ольхонской ярмарке, но только во второй половине дня, когда другие покупатели не будут иметь в ней потребности (Кулаков, 1898; Жамбалова, 2000). При покупке рыбы на ярмарке платился небольшой налог, на тонях же на берегу Малого моря скупка проводилась совершенно свободно. Если на тоню приезжало сразу несколько покупателей, то рыба делилась поровну. Омули покупались счетом, сига и хариусы на вес. Обобщив данные разных источников, мы попытались восстановить развитие маломорских промыслов с начала 19 века до 1931 г.

(табл. 10.3). При этом необходимо учесть, что часть рыбы употреблялась на месте, часть свежей сразу увозилась в Иркутск и в статистике не учитывались.

Таблица 10.3. Исторический ход развития маломорских рыбных промыслов до 1931 г.
(по: Кулаков, 1898; ГАРБ. ф. 12, оп. 1, д. 204, 490, 892, 898; Паителев, 1926; Свидерская, 1936)

Год	Омуль боч.	Омуль, пуд.	Омуль, ц	Омуль штучный	Осетр, пуд.	Сиг, пуд.	Хариус, пуд.	Рыбий жир, пуд.
1831		6050						
1853	150			30000	50	500	300	
1862	50			40000		100		
1869	500			10000		90	250	
1872	1190			86000	5	250	191	10
1880	280			10000	4	25	540	62
1881	429			109000		47	500	400
1882	1592	40198						
1883	1312	33128						
1884	1513	38203						
1886	937	23659						
1887	1063	26841						
1888	920	23230						
1889	1075	27144						
1890	1050	26513						
1891	990	24999						
1892	905	22761						
1893	1493	36898						
1894	270	6818						
1895	774	18786						
1900		12000						
1901		13248						
1902		13000						
1903		12000						
1904		10000						
1905		9000						
1906		6000						
1924			429					
1927			1544					
1930			1227					
1931			2670					

Данные за длительный период, начиная с русско-японской войны, затем Первой мировой, революции и вплоть до окончания Гражданской войны отсутствуют, но из таблицы видно, что к 1924 г. уловы омуля были минимальны, после чего с восстановлением рыбного хозяйства начался рост.

Еще в период военного коммунизма (1918–1921 гг.) при поддержке новой власти создаются объединения рыбаков. При этом широко практикуется экспроприация средств производства, орудий лова у хозяев в пользу беднейших слоев рыбацкого населения. С начала 20-х гг. с переходом

на так называемую новую экономическую политику принимаются Постановления правительства (от 17 мая 1921 г. и 7 июля 1921 г.) о промысловой кооперации, создаются условия для развития кустарной и мелкой промышленности, вплоть до возврата бывшим хозяевам мелких предприятий. В рыбопромысловых районах Байкала создаются трудовые артели, союзы, объединяющие рыбацкое население края. В районе маломорских рыбных промыслов в 1921 г. был образован Кутульский союз рыбопромышленников и нерпопромышленников, в котором состояло 555 человек, а также Байкало-Онгуренское рыболовецкое товарищество. Советским правительством в эти годы был введен натуральный налог вместо продразверстки времен военного коммунизма, который запрещал сбыт продуктов сельского хозяйства до выполнения плана по налогу. В результате проводимой политики рыбаки Кутульского и Еланцинского хошунов не имели возможности обменивать продукты скотоводства и рыболовства на хлеб и другие продукты. На втором Съезде Советов Эхирит-Булагатского аймака население Ольхонского края и Голоустинского хошуна поднимали вопрос о разрешении свободного обмена продуктов рыбного и нерпового промыслов на хлеб в соседних районах и расторжении договоров, заключенных с государством в лице Губрыбы на поставку продукции (Онгоева, 2005).

В конце 30-х гг. на о. Ольхон и Приольхонье создаются многочисленные колхозы, названия которых, чтобы они не канули в лету, мы приводим ниже (табл. 10.4). Часть колхозов была чисто рыболовецкими, в остальных были свои рыбопромысловые бригады, получавшие на промысле свой промысловый участок.

Таблица 10.4. Рыболовецкие колхозы Ольхонского района в 30–40-х гг. 20-го века

№	Название колхоза	Улус	№	Название колхоза	Улус
1	Победа	Хадай	12	Байкал	Хага
2	Героев Арктики	Елга, Таловка	13	Красный партизан	Усуг, Тырган
3	Им. Кирова	Семисосенный, Елга	14	Им. Молотова	Күртун
4	Им. Кагановича	Харанцы, Күчулга	15	Ударная Бугульдейка	Бугульдейка
5	Улан-Хушун (Красная сила)	Халгай, Харанцы	16	Улан-Анга	Анга, Еланцы, Харагун
6	Им. Калинина	Тонта, Уланбургас, Бутухай, Буругер	17	Усть-Анга	Анга, Халсарай
7	Им. Фрунзе	Тутай, Шида, Сарма, Курма, Сурхаты	18	Красный пахарь	Харанцы, Куреть
8	Им. Ворошилова	Зундуки, Зама	19	Им. Пушкина	Күркут, Тогот, Күчулга
9	Худмэршин (Работник)	Онгурёны	20	Им. Жданова	Загалмай
10	Им. Сталина	Кочериково	21	Им. Чкалова	Онгурёны
11	Им. Орджоникидзе	Хидуса	22	им. Ленина,	Нарин-Кунта

Кроме перечисленных, ловили рыбу колхозы «Маломорец», «Дружба» и «Победа», в каких улусах они были организованы установить не удалось.

Материально-техническое обслуживание колхозов проводилось создававшимися с начала 30-х гг. моторно-рыболовными станциями (МРС) — государственными предприятиями по организационно-производственному обслуживанию рыболовецких колхозов. Моторно-рыболовные станции обеспечивали рыболовецкие колхозы судами и орудиями лова для добычи рыбы и морского зверя, сооружали ловецкие базы, ремонтировали моторный флот и береговые сооружения. Существовали МРС до 1959 г., после чего флот был передан в собственность колхозов. Маломорская МРС базировалась в п. Сахьюрте на материковом берегу Малого моря. Флот станции состоял из 49 единиц самоходных судов общей мощностью 1 070 л. с. и одного транспортного буксира с мотором 80 л. с. (ГАНИИО. ф. 572. оп. 1. д. 1. л. 3).

Все побережье Малого моря и оз. Байкал от м. Кочериково до р. Бугульдейка было отдано государством для рыбалки. В разных точках стояли рыбацкие бригады или были рыбоприемные пункты. Множество удобных, пологих заливов побережья было очищено от утопленных стволов деревьев, коряг и использовалось для работы закидными неводами. Первая инвентаризация маломорского рыбного промысла осуществлена в 1932 г. рыбопромысловым отрядом Восточно-Сибирского отделения ВНИОРХ (Благовидова, 1932). В 1944 г. рыбопромысловой экспедицией Иркутского Биолого-Географического НИИ при иркутском университете было проведено рыбопромысловое районирование и составлена карта промыслов (Асхаев, 1948). По результатам работы экспедиции на материковом берегу и островной части выделено по 22 участка с общим количеством тоней в количестве 102 (рис. 10.11, табл. 10.5). Картирование промрайона было завершено в 1950 г., когда количество участков путем укрупнения было сокращено до 9 (Башмакова, 1950).

Рис. 10.11. Карта рыбопромысловых участков Малого моря, составленная в 1944 г. М.Г. Асхаевым

Таблица 10.5. Рыбопромысловые участки Малого моря по материалам экспедиции 1944 г.
(по: Асхаев, 1948)

№	Название участка	№ тоней	№	Название участка	№ тоней
	Материковый берег			Островной берег	
1	Мухорский	1–6	1	Ольхонский	51–54
2	Курминский	7–10 и 102	2	Нюрганский	55–59
3	Улан-Хынский	11–12	3	Харанцинский	60–64
4	Сурхайтэ	13–16	4	Шаманский	65–69
5	Енхокский	17–21	5	Хужирский	70–72
6	Зонойский	22–27	6	Ханхойский	73
7	Хухо-Нохойтэ	28–29	7	Семисосенский	74–76
8	Зогдукский	30–32	8	Харгойский	77–79
9	Заминский	33–39	9	Харин-Ирги	80–91
10	Онгуренский	40–45	10	Ташкайский	92–94
11	Кочериковский	46–50	11	Мухорский	95–101

Промысловый участок в районе бухт Харин-Ирги и Загли располагался в южной части ольхонского берега. В обеих бухтах располагались 15 тоневых участков, проводился летний и зимний сетной лов. На участке имелся рыбоприемный пункт в улусе Ташкай емкостью 900 ц. Пункт служил перевалочной базой, так как сюда свозилась рыба со всего промысла и частично дорабатывалась. На участке добывались омуль, сиг, хариус и частичковая рыба.

Промысловый участок залив Мухор занимал самую южную часть Малого моря. К нему относились бухты Тоготская, Куркутская, острова Тойник и Хунык. В рыбопромысловом отношении участок смешанный. Основу промысла составляли сиг и частичковая рыба, меньше — омуль и хариус, отмечены случаи захода в залив осетра. На участке 7 неводных тоней, обширный сетевой лов. Рыбоучасток обслуживался одним рыбоприемным пунктом, расположенным на о. Хунык.

Промысловый участок Халы располагался по западному материковому берегу Малого моря от р. Сармы до м. Ходартуй. Основная промысловая рыба района — омуль, немного сига и хариуса. Добыча рыбы велась неводами, сетями и зимой — бормашовыми удами. С сокращением уловов в сентябре месяце бригады участка переключались на экспедиционный сетевой лов омуля в других районах Байкала. Участок обслуживался приемным пунктом в урочище Хал.

Промысловый участок в районе р. Курмы и Улан-Хана располагался по материковому берегу от м. Худертуй на юге до улуса Улан-Хан на севере. На участке три омулевых и четыре омулево-сиговых тони, основу промысла составляет омуль. Приемный пункт емкостью 750 ц находился в улусе Улан-Хан.

Промысловый участок Тодактэ располагался в южной островной части Малого моря между мысами Хорогой на юге и Елгай на севере. На участке 7 неводных тоней на о. Ольхон и одна тень на о. Угунгой. Участок числился как исключительно омулевый. Приемный пункт находится в ур. Тодактэ.

Промысловый участок Хужир располагался на островном берегу к северу от Тодактэ. Южной границей была бухта Елгай, на севере участок заканчивался в 700 м южнее ручья Харансы. На участке было 7 неводных тоней. Участок омулевый с небольшим приловом сига, хариуса и частичковых рыб. На участке расположен Маломорский рыбозавод, здесь же рыбоприемный пункт емкостью 1500 ц рыбы.

Промысловый участок Харанцы занимал островной берег между улусом Харанцы и м. Будун. На участке 7 неводных тоней. В улусе Харанцы находился приемный пункт емкостью 400 ц.

Промысловый участок Бурутер — самый северный участок на островном побережье от м. Будун до м. Саган. На участке располагались 10 омулевых тоней, активно использовались сети. Приемный пункт емкостью 710 ц находился в рыбацком поселке Бурутер. В этой же бухте впоследствии на базе ИТК НКВД возник поселок Песчанка с рыбоприемным пунктом. В Песчанку поступал большой поток рыбы в летнее время. На пункте были построены дома, работали клуб, магазин, фельдшерский пункт, пекарня. Здесь готовили омуль мороженный, соленый, копченый. Зимой рыбу морозили естественным способом, а летом — льдо-солевой месью (рис. 10.12–10.13).

Рис. 10.12. Рыбоприемный пункт Песчаный

Рис. 10.13. Рыбоприемный пункт Песчаный

Промысловый участок в районе Зугдук, Зама, Онгурен простирался по западному материковому берегу в северной части промрайона от улуса Улан-Хан до р. Хейрем на севере. На участке 38 тоней, в промысловом отношении характер участка смешанный: омулево-хариусовый. Значительная часть омуля промысливается зимой подледными сетями. Приемный пункт находился в улусе Онгурёны.

Всю пойманную на маломорских промыслах рыбу и рыбопродукцию летом катерами на баржах доставляли на перевалочную базу в п. Бурдугуз на Ангаре, откуда ее машинами развозили по торговым точкам. Зимой рыба вывозилась на автомашинах сразу в г. Иркутск. Помимо Гослова и колхозов, рыбный промысел на Малом Море вели многочисленные организации, в их числе: завод им. Куйбышева, завод № 39 (авиационный), Маломорский Рыбкооп, Ольхонское Райпо, Иркутскинщеторг, Орс Госстроя, Байкалзолото, транспортные организации.

Государственная рыбная промышленность района берет свое начало в 1932 г., когда в улусе Ташкай на берегу бухты Загли на острове Ольхон был организован рыбоприемный пункт Маломорского Гослова. На пункте солили, коптили и упаковывали рыбу. Рыбообрабатывающий пункт в Ташкае на момент организации обслуживался одним старшим засольщиком, одним младшим засольщиком и периодически выделяемыми резалками (чищалками) в количестве от 4 до 6 человек. Там же была выстроена коптильня для переработки омуля и сига на балык и тешку, которая обслуживалась одним коптильщиком и персоналом рыбозасольного пункта. В бухте функционировала пристань Госпароходства. В летнее время сюда приходили баржи из Иркутска, разгружали муку, соль, оборудование, обратно увозили готовую продукцию. Недалеко — в улусе Нуры была начальная школа для детей рабочих завода и окрестных улусов. В улусе Онгурёны на севере района был организован филиал основного пункта по приему и переработке рыбы. Пункт обслуживался одним засольщиком-приемщиком. На летний период (июнь-сентябрь) около Хужирского улуса организовывался сезонный засольно-приемочный пункт, впоследствии перенесенный в бухты Тодокта и Шибетуйскую. Пункт обслуживался одним засольщиком, одним помощником засольщика и тремя резалками-чищалками. Из-за недостатка приемочных пунктов и значительной разбросанности района далеко не вся рыба перерабатывалась на стационарных базах. Основная же масса рыбы (75%) перерабатывалась (солилась) самими рыбаками (колхозниками, рабочими Гослова, единоличниками). Засол рыбы как на пунктах, так и на местах добычи производилась на открытом воздухе дедовскими методами. Рыба не мылась, товар получался некачественным (воньким) и разносортным (Благовидова, 1932).

Говоря о рабочей силе на промыслах, необходимо отметить, что Ольхон оказался в составе печально известного «архипелага» — на острове расположился «Рыболовецкий» ГУЛАГ НКВД СССР. Из-за нехватки работников, начиная с Великой Отечественной войны, на промыслах использовался труд заключенных. В улусе Семисосны и в урочище Песчаное были лагерные пункты

ИТК НКВД СССР, просуществовавшие до 50-х гг. Кроме непосредственной работы на промысле, заключенные выполняли на рыбозаводских пунктах все тяжелые и сопутствующие работы, не свойственные самому рыбозаводу: валка леса, распиловка его на пилораме, смолокурение и изготовление угля для кузницы, чистка берегового дна тоней для завода невода и многие другие. Кроме коренного населения — русских и бурят — на острове было много спецпереселенцев, приехавших не по своей воле (литовцы, латыши, эстонцы, украинцы, молдаване, поляки и др.), большинство из них ловили рыбу и работали на рыбозаводе. После закрытия лагерей, многие бывшие узники, их конвоиры и спецпереселенцы оставались жить на острове, всем нашлось место для жительства и работа, а Ольхон стал для них новым домом.

В 1938 г. в Хужирском улусе открылся новый рыбоприемный пункт, который по плану должен был стать центром нового рыбопромыслового района Байкала. Туда же перевели сельсовет, больницу, магазин из Семисосенского улуса, школу, склады и лабазы из старого пункта в Ташкае. Вблизи сакрального шаманского места ольхонских бурят — мыса Бурхан развернулось строительство рабочего поселка Хужир — будущей столицы острова с поселкообразующим предприятием — Маломорским рыбозаводом. Решение о размещении завода на Малом Море было обусловлено наличием высокопродуктивной сырьевой базы, а также избытком в районе трудовых ресурсов в отсутствие других отраслей промышленности (ГАРБ. ф. п-876. оп. 1. д. 16. л. 29). Две мощные дизельные станции рыбозавода обеспечивали электроэнергией все населенные пункты острова (рис. 10.14–10.22).

В 50-х гг. на заводе было создано консервное производство, введен в эксплуатацию достаточно крупный копильный цех, позволяющий перерабатывать 2 т рыбы в сутки. В ассортимент рыбной продукции входили охлажденная, мороженая, соленая, вяленая рыба, балык, бычок сушеный, мука кормовая, шкуры и жир байкальской нерпы. Налаженное консервное производство выпускало консервы, в частности, «Омуль в желе», «Бычок в томате», «Шпроты» из бычка-желтокрылки, «Котлеты рыбные байкальские», «Закуска байкальская», «Щука в томатном соусе», «Паштет из сига рыб», «Частик в томатном соусе» и другие (рис. 10.19). В период уменьшения квоты на добычу омуля, как и на других консервных заводах Байкала, выпускалась продукция из океанического сырья.

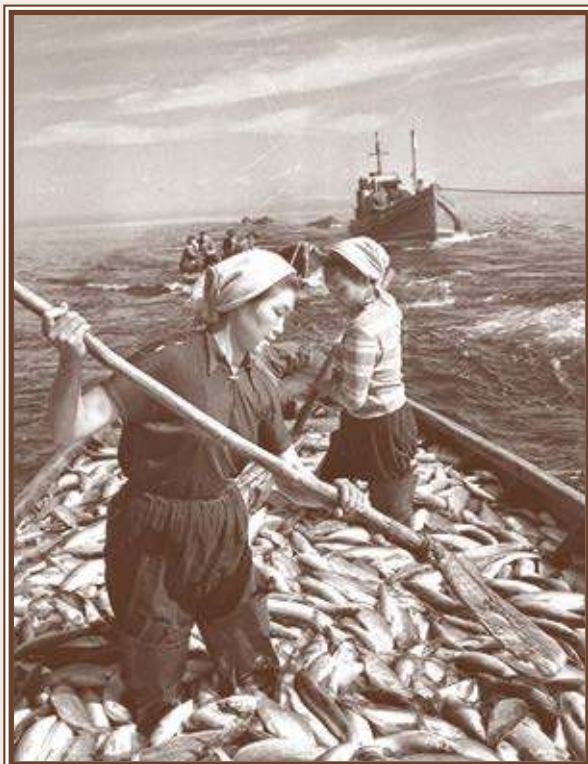
К 80-м гг. у рыбозавода оставалось три действующих рыбоприемных пункта — Хужир, Песчаная и Шида. Работали два копильных цеха на 2,7 т рыбы в сутки, завод располагал холодильными мощностями на 400 т. С началом приватизации в 1993 г. на базе завода было образовано ОАО «Маломорский рыбозавод». В перспективе руководство завода планировало организовать производство деликатесных видов рыбопродукции из маломорского сига. Кроме того, мощности предприятия позволяли начать производство кулинарных полуфабрикатов: пресервов и рыбного фарша, упакованных в удобную для потребителя тару. Но этим планам не суждено было сбыться.

Рис. 10.14. Пирс Маломорского рыбозавода (фото Э.Д. Брюханенко)

*Рис. 10. 15. Политинформация на рыбучастке
(фото из альбома Иркутского рыбопромышлен-
ного треста, 1947 г.)*

*Рис. 10. 16. Возвращение на рыбпункт с уловом
(фото Э.Д. Брюханенко)*

Рис. 10. 17. Таймень (фото Э.Д. Брюханенко)

*Рис. 10. 18. Омуль (фото из альбома Иркутского
рыбопромышленного треста, 1947 г.)*

Рис. 10.19. Образцы продукции консервного производства Маломорского рыбозавода (фото из собрания Хужирского краеведческого музея им. Н. М. Ревякина)

Рис. 10.21. Чан для посола омуля, 1940-е гг. (фото из собрания Хужирского краеведческого музея им. Н. М. Ревякина)

Рис. 10.20. Чановый посол бычка (фото из альбома Иркутского рыбопромышленного треста, 1947 г.)

Рис. 10.22. Посол омуля в бетонных чанах (фото из альбома Иркутского рыбопромышленного треста, 1947 г.)

В силу разных причин косяки омуля перестали заходить в Малое Море, а запасы других видов были сильно подорваны.

Заканчивая рассказ о байкальских рыбных промыслах, необходимо упомянуть еще об одном промысловом районе, расположенном к югу от Малого Моря и включавшем в себя побережье и акваторию озера вокруг юго-западной его оконечности. Уловы рыбы на юге озера всегда были невелики и поэтому рыбопромышленники этот район никогда не жаловали. Лов рыбы здесь вели монастыри и местные жители.

С 1932 г. с ростом добывающей промышленности на Байкале были проведены рыбохозяйственные исследования основных рыбопромысловых районов озера. Были инвентаризированы все промыслы, где велась сколько-нибудь значительная добыча рыбы. В этом плане, однако, необследованными долгое время оставались южные районы Байкала, пока, наконец, в 1945 г. не состоялась экспедиция Биолого-географического НИИ при Иркутском университете с целью составить рыбопромысловую карту озера от п. Култук до р. Снежная (Асхаев 1946). Вскоре, в 1946–1947 гг. этой же экспедицией было закрыто последнее белое пятно — составлена рыбопромысловая карта на участке от истока р. Ангара на север до Малых ворот Малого моря (Асхаев, 1948).

Южнобайкальский (вначале он назывался Слюдянский) промысловый район охватывает побережье южной части Байкала в пределах Иркутской области — от п. Култук до п. Выдрино. Сколько-нибудь значительные прибрежные мелководья здесь отсутствуют — берега Байкала круто обрываются и дно резко уходит вниз. В озеро в пределах района впадает множество горных притоков — мест нереста хариуса и ленка. Самые крупные из них: Култучная, Похабиха, Безымянная, Утулик, Бабха, Мурино, Паньковка, Большая и Малая Мангилы.

Рыбопромысловые участки прилегали к берегам вдоль полотна железной дороги и могли облавливаться как закидными (омулевыми, хариусовыми, бычковыми) так и ставными неводами. Кроме того, бычковые участки облавливались вентерными установками, частично донными ставными сетями и простейшими орудиями лова (удочки, сачки, столовые вилки). Повсеместно применялись хариусовые сети, в том числе трехстенные колотовые. Основной рыбопромысловый участок в южной части оз. Байкал — Муринская банка с глубинами до 20 метров, где мелководья занимают площадь более 1200 га. Банка облавливалась как ставными, так и дрейфтерными омулевыми сетями. На речках района существует весенний и осенний лов хариуса и ленка заездками. Облавливались также приустьевые пространства этих рек во время образования преднерестовых концентраций хариуса. Основным промысловым видом на южном Байкале сразу стал новый объект промысла — придонно-пелагические байкальские бычки желтокрылка и длиннокрылка, дававшие до 90 % всех уловов. Лов бычка происходил во время его подхода на нерест, который протекает тремя волнами с марта-апреля до июня, к берегу. Кроме этого, в течение лета периодически наблюдаются небольшие подходы омуля в акваторию южного Байкала. Промысловые участки по результатам работ экспедиции с указанием количества орудий лова приведены в табл. 10.6.

Таблица 10.6. Рыбопромысловые участки Слюдянского района (по: Асхаев, 1946)

№	Участок	Омулевые тони	Бычковые тони	Количество ставников	Хариусовые участки, км
1	Култукский	—	5	1	—
2	Шаманский	—	4	1	—
3	Слюдянский	1	4	1	1,3
4	Сухой ручей	2	1	2	2,5
5	Киркидайский	3	3	1	2,1
6	Касьяновский	2	3	1	2,5
7	Окладниковский	2	3	1	—
8	Мангутайский	1	2	—	4,2
9	Голландский	1	1	1	4,0
10	Утуликский	1	2	3	4,1
11	Солзанский	3	6	2	3,8
12	Осиновский	—	3	3	—
13	Муринский береговой	—	2	1	3,1
14	Муринский морской*	—	—	2	—
15	Паньковский	2	8	2	5,0
16	Мангильский	—	7	3	3,2
17	Выдринский	2	5	2	1,5
Всего		20	50	27	37,3

*Муринский морской участок № 14 является местом исключительно сетного промысла омуля и хариуса.

Рыбопромысловый участок западного берега Байкала от истока Ангары до Малого Моря характеризуется слабым развитием прибрежной мелководной части, за исключением устьевых участков наиболее крупных рек: Голоустной, Большой Бугульдейки и Анги. Кроме побережья, данный рыбопромысловый район охватывает открытую часть Байкала, прилегающую к западному берегу. Основными объектами промысла являются хариус и омуль. Имеются значительные запасы

пелагических бычков, не используемых промыслом. Запасы частиковых рыб вместе с налимом незначительны. Район, также как и южный Байкал, не имеет своей воспроизводящей базы основной рыбы — омуля, поэтому подходы косяков и образование промысловых концентраций омуля у берегов в летний период зависят от влияния гидрологических и биологических факторов. Всего рыбохозяйственной экспедицией вдоль западного берега зарегистрировано и обследовано 11 омулевых и 44 бычковых неводных тоней, 4 участка для ставных неводов (на бычка, хариуса и частика), 3 реки для налимого и хариусового промысла.

Лов рыбы в военные и первые послевоенные годы на южном Байкале вели колхозы: «Коминтерн» (с. Култук), «Таежник» (д. Быстрая), «им. Горького» (д. Тибельти), «Иден-гол» (улус Голоустный), «Байкал» (п. Никола), «им. Ворошилова» (д. Дальнеголоустная), «им. Пушкина» (д. Малооголоустная), «Ангарский рыбак» (д. Грудинино), «им. Кирова» (д. Большая Разводная), «им. Молотова» (с. Михалево), «Ангара» (п. Жилкино), колхозы Ольхонского, Кабанского и Байкало-Кударинского районов. Кроме колхозов промысел вели Южнобайкальский (с. Сухой ручей) и Мысовской (г. Бабушкин) рыбозаводы, военные части, исправительная колония № 4 (п. Выдрино), прочие организации.

Государственный рыбный промысел на южном Байкале берет свое начало в 1941 г., когда в истоке р. Ангара в п. Лиственничный был организован Южнобайкальский рыбозавод. Сырьевая база завода изначально была ориентирована на использование запасов ангарского хариуса. Первое время рыба на завод поступала от рыбаков-колхозников, впоследствии появились собственные рыболовецкие бригады. Краткая история Южнобайкальского рыбозавода нами воспроизводится со слов А.Г. Чибизовой, прибывшей в годы войны по набору из Татарстана и проработавшей на этом предприятии 58 лет (газета «Слюдянка» № 28 (71) от 12 июля 2013 г.).

Становление завода пришлось на военные годы. Мужчины воевали на фронте, на заводе работали в основном женщины и подростки, которым приходилось выполнять всевозможные работы, какие только были на заводе: заготовка леса, сенокос, заготовка льда, строительство, заморозка, посол, копчение рыбы, разгрузка судов и вагонов. Рабочих рук не хватало, и так называемые «стройколонны» с мобилизованными из всех уголков Союза ехали в Сибирь, в том числе на Байкал. Работницы сетевязального цеха в условиях дефицита сетематериалов обеспечивали рыбаков неводных бригад орудиями лова, распуская пеньковые канаты на пряди, из которых вязали дель для изготовления ставных и закидных неводов, бычковых вентерей. С 1943 г. начался промышленный лов байкальских бычков, удельный вес которых постоянно возрастал. Учитывая его пищевую ценность, были введены талоны за сданного бычка продуктами: мукой, сахаром, крупами, жиром, чаем, табаком и т. д. На лед выходили сотни слудянцев — взрослых и детей, ловили на простую удочку. Принимали рыбу прямо на льду. Продукция из бычка пользовалась спросом не только у слудянцев, но и за пределами области, отгружалась вагонами. Бычок спас многих людей от голода.

В этом же 1943 г. рыбозавод переехал в п. Слюдянка, где был построен деревянный холодильник емкостью 90 тонн. Лед для этого холодильника заготавливали большими глыбами в марте-апреле на Байкале, на санках вручную тянули до холодильника, где делали льдосолевою смесь для охлаждения рыбы летом. Посол рыбы производили в деревянных чанах, которых было установлено 10. Кроме посола, на рыбозаводе стали выпускать копченую рыбу, для чего были построены 3 копильные камеры. В 1945 г. рыбозавод снова переехал. На этот раз база была перенесена из п. Слюдянка в п. Сухой Ручей, где наряду с промыслом и обработкой рыбы были построены промышленные здания, жилой поселок с детским садом, школой, магазином, баней и медпунктом. В 1946 г. на Байкале для лова омуля начали внедряться ставные невода. Новшество не обошло стороной и южнобайкальцев. На Муринской банке, где позволяли глубины, заводскими бригадами выставилось 3 ставника, на закидных неводах также работали 3 заводских бригады, а добычей омуля сетями занималось не менее 10 звеньев. В 1951 году завод получил первые самоходные маломерные суда, капроновые сети и начал проводить активный экспедиционный лов омуля. В 1961 г. введен в эксплуатацию консервный цех, что позволило расширить ассортимент выпускаемой продукции. Наряду с мороженой, соленой и копченой продукцией, рыбозавод стал выпускать рыбные консервы — натуральные в собственном соку, в томатном соусе, с овощами, бычки в масле типа «шпрот», фрикадельки из рыбы (рис. 10.23–10.29).

Проблемы начались в 70-х гг. прошлого века. Сначала на Байкале был введен первый мораторий на лов байкальского омуля, а в 1971 г. запрещен вылов бычковых, бывших для юга Байкала основным объектом промысла. Из-за недостатка сырья заводом регулярно стали срывать планы по выпуску пищевой рыбопродукции и консервов. В это время предприятие ожидаемо начинает работать на привозном океаническом сырье, которое в начале 90-х гг. в силу известных событий становится дорогим, транспортные расходы тоже, а производство — в целом нерентабельным. В 1993 г. предприятие преобразуется в акционерное общество «Южнобайкальский рыбозавод и К°». В 1997 г. производство рыбных консервов остановлено. Какое-то время завод работает на мясе птицы, осваивает выпуск консервированных цыплят в собственном соку, куриного колбасного фарша и субпродуктов из курицы. В 2001 г. завод объявлен банкротом. Оборудование было вывезено, флот и остатки оборудования распроданы, производственные здания разрушены. Аналогичная судьба, как мы уже знаем, постигла другие рыбокомбинаты на Байкале.

Рис. 10.23. Бригада рыбаков экспедиционного лова

Рис. 10.25. Экспедиционный лов на Южнобайкальском рыбозаводе

Рис. 10.24. Рыбаки Южнобайкальского рыбозавода, 1950-е гг.

Рис. 10.26. Изготовление консервов из бычков на Южнобайкальском рыбозаводе

Рис. 10.27. Сетевязальный цех, 1940-е гг.

Рис. 10.29. Вентерный лов бычка на южном Байкале, 1940-е гг.

Рис. 10.28. Вяление соленого бычка на берегу, 1947 г.

Глава 11

Вылов рыбы в озере Байкал

Улов закидного невода (фото С. Н. Подберезкина)

Закончив рассказ о разных промысловых районах, будет логичным сказать, сколько же рыбы ловилось в Байкале в разные времена.

Несмотря на существование рыбного промысла на Байкале в течение 350 лет, литература по этому вопросу ограничена, исчерпывающих данных по динамике уловов нет. К сожалению, авторы 19-го столетия уделяли больше внимания описательной стороне рыбного промысла того времени, относясь небрежно к статистике уловов. Очевидно, что учет рыбы вообще был в то время поставлен очень слабо. Рыбопромышленники на промыслах обязаны были отчитаться о количестве неводов и объеме выловленной и посоленной рыбы. Сведения купцов о размерах своих уловов были явно неточными и, как правило, преуменьшенными. Данные, приводимые источниками, настолько общие, что трудно предположить отношение определенных показателей вылова к какому-либо району, сезону, виду рыбы, орудиям лова, к тому же, данные были всегда приблизительными. Одни ведут счет в штуках, по несколько пород вместе, другие — в бочках и штуках вместе. Без указания размеров тары, не говоря уже о потреблении рыбы на месте. Вот классический образец литературных сведений того времени: «Лов неводами в августе и сентябре месяцах доставляет хариузов, тайменей, ленков, налимов, щук, окуней сегов до 10 млн рыб... много их и в Верхней Ангаре...». Впрочем, замечает автор, «упомянутое исчисление улова рыбы следует преувеличить, поскольку прибрежные жители Селенги сверх тех месяцев, обыкновенно посвящаемых рыбному промыслу, ловят рыбу весной, летом, и даже зимой...» (Мартос, 1834, с. 198—199). По справедливым замечаниям Н. В. Кирилова (1886) в отчете о командировке в 1886 г. на селенгинские рыбные промыслы статистические данные являются «наиболее слабым местом». Волостные правления и ведомства на местах в 19 веке также обязаны были представлять ежегодные статистические отчеты о народонаселении,

сельском хозяйстве и промыслах. Вот что писал о том, как собирались такие сведения, в частности, в Ильинском ведомстве Верхнеудинского уезда некто «П — р — н» в одном из номеров «Иркутских губернских ведомостей» за 1877 г.: «... Конечно, за верность счета ручаться нельзя, потому что статистические сведения, собираемые волостными и сельскими писарями, в большинстве случаев, только приблизительно верны. Кто может упомянуть, что он добыл столько-то штук окуней или язей? Сведения собираются таким образом: писарь спрашивает старшину какого-нибудь селения: «Сколько добыли такой-то рыбы?». Старшина, почесывая за ухом, отвечает: «Да мы посчитали, если начальство требует, пиши столько-то пудов... Кто ее знает, может было и более». Писарь записывает пуды, которые потом перелагает на штуки, полагая в пуде примерно известное количество штук. Так, за исключением народонаселения, собираются все статистические сведения. Да и в народонаселении не без греха, доказательством тому, пропущенные ревизские души, в особенности между евреями».

Еще в 70-х гг. 18 века академики П.С. Паллас и И.-Г. Георги, посетившие Байкал, отмечали, что рыбопромышленники летом ловили в озере только осетра и лишь осенью занимались ловом омуля в нерестовых реках. Тогда омуля в Байкале было так много, что рыбопромышленники пренебрегали ловом его в летнее время и ловили летом только осетра, мало обращая внимания на другую рыбу, и только осенью заплывали в реки Селенга и Баргузин для лова рунного омуля. Промышленные люди, жившие рыбалкой, говорили, что омуль приносит им хлеб насущный, а осетр — богатство. С него и начнем.

Первые дошедшие до нас далеко не полные сведения о вылове байкальского осетра относятся к первой четверти 19 столетия и оцениваются в 1000 пудов или 16 тонн в год. Максимальную цифру вылова дает А. Курбатов (1841) — 25 000 пудов или 400 т. В пятидесятых годах 19 столетия вылов осетра колебался от 1000 до 3000 пудов (16–48 т). Какие-либо точные данные о вылове осетра в Байкале отсутствуют и для получения хотя бы приблизительного представления о масштабах осетрового промысла занимавшийся изучением байкальского осетра профессор А.Г. Егоров (1961) использовал косвенные данные, полученные в результате опроса стариков-рыбаков и анализа литературных и архивных источников. Дополнив его сведения фондовыми материалами, получим следующую таблицу вылова осетра, в том числе по районам промысла (табл. 11.1). В таблице в период до 1968 г. цифровые данные отражают объемы вылова, все последующие — вылов в научных целях и для искусственного воспроизводства.

Хищнический, неконтролируемый промысел осетра в реках в период нерестовых миграций и повсеместное истребление молоди прибрежным омулевым промыслом быстро и ощутимо подорвали запасы этой ценной рыбы, возникла угроза ее исчезновения, в связи с чем в 1925 г. был введен первый трехлетний запрет на промысел осетра (до 1928 г.). С 1930 по 1935 гг. — второй, который способствовал лишь кратковременному и незначительному повышению его запасов. Возобновленный в 1935–1944 гг. лов осетра на местах формирования и продвижения нерестовых стад, а также вновь имевшее место массовое изъятие его молоди прибрежным рыболовством привели к еще более ощутимому подрыву запасов. В 1945 г. был введен третий и окончательный мораторий на лов осетра на Байкале, действующий по настоящее время.

Сведения о количестве вылавливаемого омуля появляются в литературе с начала 19 века. В это время промысел сосредотачивался в больших реках, куда омуль мигрировал на нерест в огромных количествах. В дальнейшем в связи с ростом населения и увеличением потребностей в продуктах питания росло число рыбаков, орудий лова и промысловых участков сначала по рекам, а затем и в самом Байкале. При этом, характерно, что авторы прошлого, описывая рыбный промысел, обычно повествуют о том, что в былые годы рыбы было значительно больше, а в настоящее же время запасы заметно оскудели. История промысла омуля изобилует подобными материалами. Уже в начале 19 века Г. Щукин (1821) жалуется на уменьшение добычи омуля, при этом, все же констатируя, что «несмотря на такое истребление рыбы, количество ее столь велико, что оную веслами выбрасывают из воды». Тот же Г. Щукин сообщает о том, что до 1818 г. на Селенгинских промыслах во время рунного хода в реке Селенга и заливе Прорва вылавливалось 100 000 ц омуля (4–5 млн производителей), в то время, как другие промрайоны только начинали осваиваться. Можно не сомневаться только в том, что промысел омуля в течение всего 19 века и первые три

Таблица 11.1. Данные о вылове осетра в бассейне оз. Байкал, ц

Годы	Байкал	В том числе по промысловым районам		
		Баргузинские промыслы	Селенгинские промыслы	Ангарские промыслы
1826	160			
1836	4000			
1850-е	240			
конец 19 века	500			
1909		31		
1910			63	
1911	118			
1924	100		38,7	
1926		7		78
1927				64
1928				9
1930				39
1931				52
1934	80			
1935	110			
1936	190			
1937	70	50		
1938	215		25	
1939	210	90	27	
1940	200	80	37	
1941	190	30	81	
1942	103	70	33	
1943		10	43	
1944	45	10	14	
1946		3,8		
1949		31		
1959			16	
1961	37			
1962	42			
1963	30			
1964	21			
1966	21		6	
1967	17		10	
1968	13		3	
1969			2	
1970			1	
1972			0,5	
1973	3		1	
1974			2	
1976			1	
1977			1	

Окончание табл. 11.1

Годы	Байкал	В том числе по промысловым районам		
		Баргузинские промыслы	Селенгинские промыслы	Ангарские промыслы
1978			1	
1979			1	
1983	5			
1984	6			
1985	2			
1988	2		1	
1989			1	
1990	1		1	
1993			1	
2001	0,4		0,4	
2002	6,38		0,4	

десятилетия 20 столетия был хищническим, будучи всюду почти неограниченным ни местом, ни временем, ни размерами, включая лов на нерестилищах.

Кроме Иркутска, омуль сбывался в Верхотенский округ и по Забайкальской области. По сведениям П. Пежемского (1852) сбыт в Забайкалье составлял третью часть сбыта в Прибайкалье, куда рыба уходила прямо с промысла, что еще больше затрудняло учет. Потребительский спрос на месте лова оценивался в 15–20 %.

Капитальная сводка Е. С. Соллертинского (1929), повторенная М. М. Кожовым и К. К. Спелитом (1958), по уловам омуля на Байкале, была подвергнута критике П. В. Тюриным (1969), предметом которой оказался пересчет веса рыбы в бочках разных лет. Учет рыбопродукции в ряде случаев велся в бочках, а рыба в них была соленой в распластанном виде. Ее величеству омулевой бочке будет посвящена отдельная глава настоящей монографии.

В этой связи вызывала горячие споры величина максимальных уловов в 1830–1840 гг. Говоря об исключительно высоких уловах омуля в 1840-х гг. (87000 ц, по Пежемскому, 1853), необходимо принять во внимание, что тогдашнее население Забайкалья и Прибайкалья было небольшим. Отсутствовало железнодорожное сообщение, местный рынок был ограничен, мог ли он поглотить такое количество омуля в год, учитывая даже некоторую возможность вывоза продукции за пределы региона? Согласно Статистическому обозрению Сибири, во всех уездах Иркутской губернии, за исключением Якутского, Камчатки и Охотска проживало в 1835 г. — 544 208 человек, в 1851 г. — 656 841 (Гагемейстер, 1854). Расчет показывает, что среднелововое потребление рыбы в 40-х гг. 19 века могло составлять около 14 кг в год на человека, что очень немного. Учитывая, что местное аборигенное население — охотники и скотоводы питались исключительно мясом и молоком, следует несколько преувеличить расчетные 14 кг рыбы на душу. Неучтенный вылов также повысит показатель потребления рыбной пищи. В любом случае, максимальные уловы первой половины 19 века могли с легкостью поглощаться местным рынком.

Второй период высоких уловов пришелся на 1880-е гг., характеризующийся небывало высокой интенсивностью промысла. И, наконец, третий — на 1940-е гг., когда на фоне общего повышения запасов были сняты ограничения на лов омуля в военные и первые послевоенные годы. В 1948 г. лов нерестового омуля снова был запрещен, лов же покатоного (отнерестившегося) продолжался до 1957 г., после чего также был запрещен. С 1992 г. вылов отнерестившегося омуля в Селенге, Верхней Ангаре и Кичере был снова разрешен (рис. 11.1).

Более-менее учет выловленной рыбы был налажен в советское время, если точнее, то до 1924 г. он вообще не велся. Как уже упоминалось выше, ведение статистики вылова рыбы в Байкале никогда не было сильной стороной лиц и организаций, ответственных за сбор этих сведений. Современная статистическая база вылова по рыбопромысловым районам, участкам, орудиям лова, пользователям и видам биоресурсов ведется лишь с 2001 г.

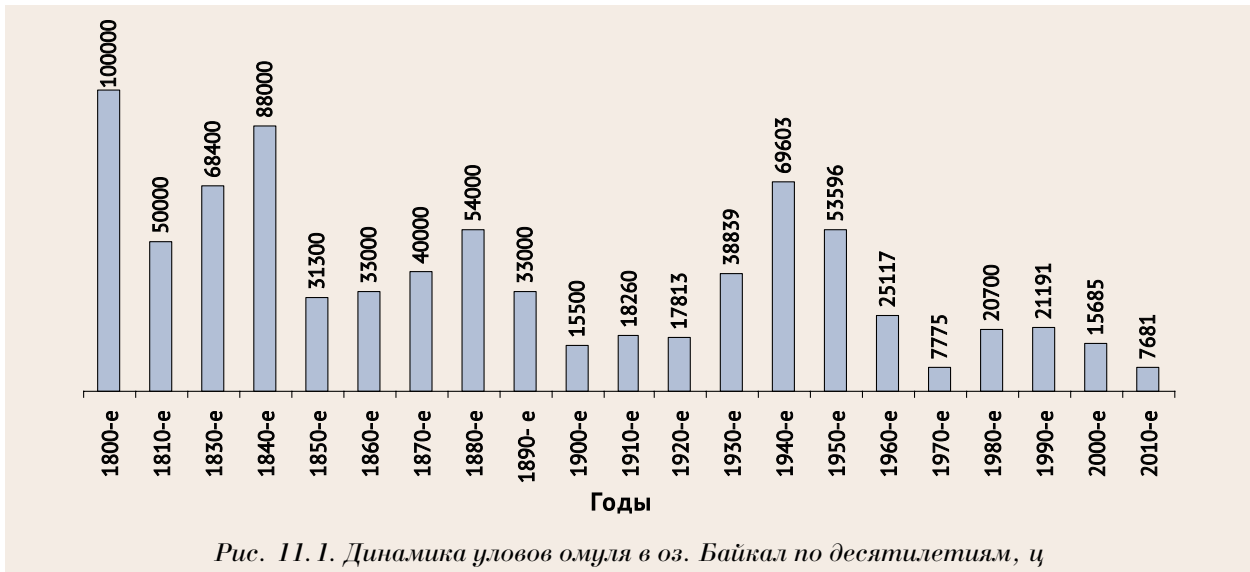

Рис. 11.1. Динамика уловов омуля в оз. Байкал по десятилетиям, ц

При ведении рыбного промысла на Байкале часть уловов всегда оставлялась для местного потребления без включения в статистические сведения, составляя, таким образом, неучтенный вылов. С ростом численности населения и изменения социальных условий, вылов рыбы, не входящий в промысловую статистику, претерпевал изменения. Рыба распределялась между родственными группами, поселениями, рыбой выдавали зарплату в колхозах. Цена на рыбу в колхозной бригаде и на рынке могла достигать десятикратной величины. В итоге значительная часть добываемой рыбы не попадала в государственные и кооперативные организации. Все это способствовало увеличению неучтенного вылова. Увеличение «неучтенки» происходило и за счет прилова мелкой рыбы, которая не принималась рыбоприемными пунктами. Можно предполагать, что фактическая добыча рыбы в бассейне Байкала в первые годы Советской власти была значительно большей, чем указано в приводимых материалах, однако каких-либо достоверных данных об этом не имеется.

Росло число рыбаков-любителей, в результате чего спортивное рыболовство стало принимать форму организованного промысла. Анализ неучтенного вылова, проведенный А.М. Мамонтовым (2009), показал, что с 1938 по 1965 гг. рыба, не вошедшая в промысловую статистику, составляла в среднем 41,4% уловов. По данным П.Ф. Попова (1958) в 1950-е гг. при обследовании неорганизованного лова местным населением Приселенгинского района, официальными заготовителями вылавливалось 48,4% всей рыбы, неофициальными — 44,6%, кроме того, 7% улова продавалось на сторону официальными заготовителями (утечка с промысла). По расчетам того же А.М. Мамонтова, с 1966 по 2000 гг. в среднем учитывалось только 29,2% уловов омуля. В последние годы по экспертной оценке БайкалНИРО неучтенный вылов сопоставим с величиной официальной добычи, что представляется весьма оптимистичной оценкой. Начиная примерно с 2007 г. неучтенный вылов омуля стал носить неконтролируемый характер, что в итоге привело к необходимости с 2017 г. второй раз в истории рыболовства на Байкале запретить его промышленный лов и принять ряд жестких мер по охране. Первый запрет на лов омуля действовал с 1969 г. по 1975 г. (был разрешен отлов нерестового омуля в реках Северного Байкала коренными малочисленными народами Севера — эвенками (современное название тунгусов), а также в целях рыбозаведения). По окончании запрета с 1976 по 1981 гг. — проводился ограниченный лов в рамках промысловой разведки состояния запасов; с 1982 г. был начат сначала экспериментальный, а затем промышленный (с 1987 г.) лимитированный лов данного вида. С 1 октября 2017 г. введен ныне действующий мораторий на промышленный лов омуля. Небольшие квоты оставлены лишь рыбохозяйственной науке в целях искусственного разведения и нескольким родовым общинам и ассоциациям эвенков из расчета около 5 т на общину.

Вылов байкальского омуля с начала 19 века по настоящее время приведен в табл. 11.2, остальных видов рыб — в табл. 11.3. Таблицы составлены в результате обобщения сведений, сохранившихся в следующих источниках: Щукин, 1821; Щукин, 1847; Мартос, 1834; Курбатов,

1841; Пежемский, 1853; Иркутские губернские ведомости, 1857; Памятные книжки статистического комитета Иркутской губернии, 1863–1911; Елезов, 1873; Кирилов, 1886; Сабуров, 1889; Коротнев, 1901; Пантелеев, 1926; Гирченко, 1928; Соллертинский, 1929; Луховцев, 1932; Тюрин, 1933; Дексбах, 1947; Подлесный, 1950; Кожов, Селит, 1958; Егоров, 1961; фондовые материалы БайкалНИРО.

Таблица 11.2. Вылов омуля в оз. Байкал, ц

Год	Байкал	В том числе по промысловым районам					
		Селенгинский (Селенгинские промыслы)	Северо-Байкальский (Ангарские промыслы)	Баргузинский (Баргузинские промыслы)	Маломорский (Маломорские промыслы)	Прибайкальский (Горячинский опытный промысел)	Южно-Байкальский (Слюдянский)
Конец 18 века	100000	100000					
1818	50000	50000					
1836	37000	2800	32000	2200			
1830-е	68400	11000	51000	6400			
1840-е	88000	11000	51000	5000			
1850	37000						
1851	22000						
1852	13000						
1853	22000						
1854	16000						
1855	13000						
1856	17000						
1850-е	31300	3600	25500	2200			
1860-е	33000		26000				
1875	40000		23200				
1870 -е	40000		23200				
1882					6700		
1883			24675		5521		
1884					6367		
1885			27540				
1886					3943		
1887					4473		
1888					3872		
1889					4524		
1880-е	54000		30000	4000			
1890			23545		4419		
1891					4166		
1892					3793		
1893					6150		
1894					1136		

Продолжение табл. 11.2

Год	Байкал	В том числе по промысловым районам					
		Селенгинский (Селенгинские промыслы)	Северо-Байкальский (Ангарские промыслы)	Баргузинский (Баргузинские промыслы)	Маломорский (Маломорские промыслы)	Прибайкальский (Горячинский опытный промысел)	Южно-Байкальский (Слюдянский)
1895		18878	16235		3131		
1890-е	33000		18500	2260			
1900	24600	13400	7855		2000		
1901					2208		
1902					2167		
1903					2000		
1904					1667		
1905			6820		1500		
1906	10500				1000		
1907	22030						
1908				16000			
1909				11400			
1900-е	15500		8500				
1910			4125	2625	6494		
1911					4662		
1912	18260				3719		
1913					4463		
1910-е	18260						
1921	7380				292		
1923			6575	2352	480		
1924	12972	2646	7610	2030	686		
1925	17300	4005	7210	2623	658		
1926	22056	10505	8931	1993	627		
1927	25492	12525	8990	2434	1543		
1928		14611	7535				
1929	30400	18659	9060				
1920-е	17 813						
1930	29957	16005	7042				
1931	32055	12996	10067				
1932	24720	10090	7942		3000		
1933	25901	7300	16000				
1934	27647	4300	16760				
1935	32116	5800	15180				
1936	47886	8800	14200		3218		
1937	48921	13900	15500	9954	3495	6072	
1938	63005	31900	16400	5531	3633	5541	
1939	53821	26700	15100	3940	3950	4131	
1940	69848	40700	12700	4380	4926	7142	

Продолжение табл. 11.2

Год	Байкал	В том числе по промысловым районам					
		Селенгинский (Селенгинские промыслы)	Северо-Байкальский (Ангарские промыслы)	Баргузинский (Баргузинские промыслы)	Маломорский (Маломорские промыслы)	Прибайкальский (Горячинский опытный промысел)	Южно-Байкальский (Слюдянский)
1941	76909	37900	13900	6200	9819	9090	
1942	100356	57400	16600	10650	9188	6518	
1943	99823	47400	17900	7244	16636	10643	
1944	67138	29700	12300	4540	14245	6353	
1945	56874	20700	12000	3550	17305	3319	
1946	53016	19900	10500	2640	14355	5621	
1947	67612	31000	9595	4450	14320	8247	
1948	59268	30900	6662	2940	14926	3840	
1949	45185	19600	5878	2432	14832	2443	
1950	43472	16891	9459	2054	11705	3363	
1951	67025	23256	12621	3032	23933	4183	
1952	55440	20068	9678	2359	18670	4665	
1953	59364	18151	13153	2730	23016	2314	
1954	73436	27175	17123	5078	20655	3405	
1955	60099	20960	11241	6179	17793	3926	
1956	52800	16400	6800	7600	20000	2000	
1957	45623	19300	4100	9500	11000	1723	
1958	47700	23100	5500	5700	11000	2400	
1959	31000	14600	1700	5700	8000	1000	
1960	38500	14600	2000	4700	13500	3700	
1961	38900	19000	2700	5400	9000	2800	
1962	48600	32000	3300	3200	6800	3300	
1963	33300	23000	3100	3000	2600	1600	
1964	26517	13785	5143	1815	5410	364	
1965	19980	11560	2770	1868	3600	182	
1966	18759		3372				
1967	11422		2332				
1968	10549		2082				
1969	4640		1017				
1970	4375						
1971	5535						
1972	7490						
1973	6503						
1974	5504						
1975	5725						
1976	10812						
1977	12082	1884					
1978	11393	2251					
1979	8335	1183					
1980	8025	2025					

Окончание табл. 11.2

Год	Байкал	В том числе по промысловым районам					
		Селенгинский (Селенгинские промыслы)	Северо-Байкальский (Ангарские промыслы)	Баргузинский (Баргузинские промыслы)	Маломорский (Маломорские промыслы)	Прибайкальский (Горячинский опытный промысел)	Южно-Байкальский (Слюдянский)
1981	11987	2930					
1982	21930	6213					
1983	23701	6141					
1984	22346	4809					
1985	22829	6500					
1986	25606	6947					
1987	27143						
1988	23660						
1989	19773						
1990	18343	5723					
1991	25247	7881					
1992	19483	5789					
1993	21208	5630	7740				
1994	19790	7515					
1995	23653	8308					
1996	22919	8124					
1997	23596	7665	4736	2740	5884	2571	
1998	22705		7739				
1999	20456						
2000	19169						
2001	24681	7752	6001	2812	7083	498	535
2002	18785	6158	5974	3066	3228	188	171
2003	22376	6346	6763	2945	5305	808	209
2004	16747	6113	2553	2592	4976	302	211
2005	13995	5431	3309	2528	2307	204	216
2006	11392	5053	1261	2029	2544	158	347
2007	8970	2485	2550	1937	1589	24	385
2008	9911	3257	1774	2336	2119	99	326
2009	10797	2816	3891	2302	1350	119	319
2010	12301	3772	3080	3233	1608	216	392
2011	14126	3992	4362	3571	1606	145	450
2012	12071	3248	3710	3328	1202	96	487
2013	11403	2835	3106	3261	1624	31	581
2014	8373	2105	2455	1901	1252	44	642
2015	7884	1869	2323	1892	1157	74	618
2016	5785	1803	1268	1212	1047	45	433
2017	1998	840	690	417	1	31	0
2018	816	549	245	25	1	0	1
2019	2050	1487	814	95	0	1	0

Таблица 11.3. Вылов рыбы в оз. Байкал (кроме осетра и омуля), ц

Год	Таймень	Ленок	Хариус	Сиг	Сорога	Окунь	Язь	Щука	Карась	Сазан	Сом	Лещ	Налим	Линь	Бычки
1924			328,0	157,0	5352,0	3266,0	71,0	200,0							
1925					1213,0										
1926	11,0	13,0	1309,8	162,4	8039,6	2535,8	198,8	302,2					18,3		
1927			867,7	337,8	4624,0	597,3	23,3	138,0					24,4		
1928	9,0	61,0	731,0	143,0	2205,0										
1929	13,0	42,0	610,0	83,0											
1930	6,0	34,0	785,0	81,0	6645,0										
1931	14,0	36,0	1095,0	95,0	3304,0										
1932	21,0	135,0	1145,0	80,0	4082,0										
1933	9,0	6,0	456,0	41,0											
1934	4,0	8,0	367,0	19,0											
1935	6,0	11,0	211,0	527,0											
1936				485,0											
1937			270,0	1057,0	3860,0	2500,0	80,0	170,0	0,0				80,0		
1938	4,0	7,0	826,0	1136,0	13615,0	4126,0	177,0	1346,0	264,0				711,0		
1939	11,0	19,0	1680,0	1240,0	8744,0	6865,0	291,0	1905,0	70,0				964,0		
1940		15,0	2142,0	1324,0	16163,0	5911,0	639,0	2204,0	65,0				1191,0		
1941	3,0	3,0	1521,0	1253,0	17543,0	4006,0	831,0	1614,0	81,0				1154,0		
1942	16,0	8,0	1408,0	1888,0	25177,0	7263,0	1436,0	4961,0	2468,0				966,0		440,0
1943	8,0	63,0	2919,0	2426,0	20192,0	6137,0	664,0	1738,0	925,0				1164,0		1023,0
1944	2,0	1,0	2669,0	705,0	26188,0	3805,0	232,0	840,0	678,0				786,0		1560,0
1945	6,0	19,0	1805,0	597,0	24955,0	2198,0	198,0	1079,0	73,0				759,0		8630,0
1946		10,0	1364,0	536,0	18353,0	2349,0	180,0	481,0	82,0				670,0		5340,0
1947	1,0	16,0	1585,0	798,0	14707,0	3181,0	176,0	550,0	44,0				486,0		5180,0
1948	3,0	9,0	1377,0	456,0	15836,0	3923,0	293,0	371,0	2,0				409,0		15990,0
1949	2,0	19,0	2266,0	550,0	16692,0	3494,0	316,0	980,0	203,0				565,0		5810,0
1950	6,0	33,0	1697,0	285,0	23937,0	4513,0	547,0	1368,0	113,0				569,0	26,0	1410,0
1951		94,0	1179,0	235,0	16534,0	4772,0	433,0	1079,0	196,0				1034,0		2460,0
1952		29,0	1376,0	351,0	15459,0	6019,0	343,0	1086,0	102,0				743,0		9190,0
1953	2,0	39,0	1356,0	878,0	16839,0	8962,0	607,0	1419,0	122,0				887,0		3840,0
1954	3,0	17,0	1628,0	1265,0	15284,0	8791,0	402,0	1083,0	82,0				1065,0	5,0	17240,0
1955	16,0	61,0	1896,0	819,0	14710,0	8509,0	730,0	1189,0	92,0				1314,0		17140,0
1956	4,0	129,0	1671,0	959,0	15116,0	8782,0	384,0	1059,0	544,0				813,0		19580,0
1957	4,0	57,0	2080,0	797,0	11277,0	8039,0	504,0	959,0	452,0				720,0		5160,0
1958	0,1	10,0	1108,0	655,0	13028,0	5827,0	304,0	732,0	224,0				770,0		12770,0
1959		11,0	1246,0	493,0	10278,0	4416,0	164,0	571,0	216,0				772,0		10840,0
1960		6,0	992,0	273,0	10566,0	5371,0	365,0	1051,0	275,0	8,0	8,0		770,0		14150,0
1961	0,1	17,0	945,0	264,0	9274,0	4198,0	443,0	1644,0	140,0	0,0	0,0		762,0		4754,0
1962	0,1	8,0	1155,0	530,0	7675,0	7274,0	527,0	1943,0	338,0	10,0	97,0		837,0		9510,0
1963		24,0	1589,0	99,0	11710,0	11814,0	701,0	2668,0	200,0	76,0	23,0		1076,0		11526,0
1964		11,0	1598,0	247,0	13163,0	8980,0	855,0	3607,0	577,0	2,0	9,0		1435,0		10635,0
1965			1334,0	103,0	12432,0	8955,0	773,0	3790,0	699,0	32,0	31,0		1375,0		5268,0
1966			1037,0	73,0	10493,0	7228,0	663,0	3469,0	800,0	147,0	11,0		1825,0		12298,0

Продолжение табл. 11.3

Год	Таймень	Ленок	Хариус	Сиг	Сорога	Окунь	Язь	Щука	Карась	Сазан	Сом	Лещ	Налим	Линь	Бычки
1967			654,0	58,0	14198,0	6262,0	807,0	2644,0	371,0	130,0	38,0		2268,0		6217,0
1968			778,0	76,0	18258,0	4614,0	935,0	2290,0	608,0	21,0	2,0		1630,0		3570,0
1969		1,0	445,0	30,0	16299,0	5062,0	1168,0	2470,0	586,0	119,0	7,0		1285,0		1960,0
1970		9,0	511,0	4,0	19467,0	3234,0	713,0	1662,0	798,0	70,0	2,0		1344,0		1290,0
1971			446,0	11,0	19652,0	3403,0	424,0	1435,0	161,0	141,0	3,0		885,0		225,0
1972			393,0	2,0	21701,0	4155,0	380,0	1599,0	350,0	237,0	7,0		814,0		0,0
1973			345,0	2,0	19793,0	3703,0	336,0	1539,0	266,0	257,0	4,0		933,0		23,0
1974			292,0	34,0	15895,0	3150,0	284,0	1582,0	178,5	404,5	4,0		843,0		121,0
1975	1,3	6,9	271,0	1,0	18470,0	2836,0	194,0	1277,0	140,0	793,0	7,0		830,0		31,0
1976		13,0	377,0	15,0	13642,0	1702,0	212,0	1084,0	166,0	1042,0	2,0		928,0		0,0
1977			540,0	9,0	15932,0	1758,0	192,0	459,0	101,0	993,0	3,0		693,0		0,0
1978				10,0	13629,0	2293,0	142,0	237,0	0,0	416,0	0,0		550,0		0,0
1979			66,0	21,0	10653,0	3745,0	179,0	445,0	1,0	73,0	0,0		519,0		0,0
1980			230,0	30,0	10636,0	2377,0	62,0	296,0	6,0	0,0	0,0		717,0		0,0
1981			3520,0	17,0	16082,0	561,0	123,0	286,0	0,0	0,0	0,0		625,0		3,0
1982			3659,0	0,0	16890,0	2416,0	141,0	433,0	0,0	0,0	0,0		571,0		49,0
1983			343,0	14,0	12844,0	1991,0	297,0	285,0	46,0	4,0	0,0		477,0		501,0
1984			2173,0	430,0	12548,0	1247,0	395,0	273,0	9,0	24,0	0,0		464,0		188,0
1985			63,0	256,0	9804,0	2266,0	153,0	708,0	303,0	0,0	0,0		380,0		136,0
1986			168,0	506,0	15689,0	2963,0	617,0	1378,0	55,0	15,0	0,0		599,0		32,0
1987			208,0	388,0	14148,0	3538,0	1010,0	2841,0	160,0	16,4	0,0		657,0		71,0
1988			1106,0	268,0	8007,0	2663,0	347,0	1778,0	17,0	4,0	2,0	5,0	548,0		23,0
1989			158,0	122,0	11627,0	2588,0	152,0	404,0	15,0	3,0	0,0	10,0	527,0		52,0
1990			1241,0	133,0	10103,0	1632,0	68,0	512,0	25,0	4,0	4,0	20,0	438,0		18,0
1991			1130,0	40,0	10744,0	1430,0	326,0	868,0	0,0	0,0	77,0	0,0	528,0		13,0
1992			960,0	7,0	13153,0	514,0	218,0	849,0	75,0	82,0	82,0	0,0	453,0		3,0
1993			1140,0	5,0	9444,0	487,0	262,0	579,0	0,0	5,0	0,0	0,0	213,0		3,0
1994			321,0	0,0	8376,0	463,0	128,0	311,0	115,0	3,0	11,5	0,0	265,0		0,0
1995			137,0	11,0	7889,0	346,0	162,0	593,0	54,0	30,0	18,0	0,0	500,0		0,0
1996			499,0	1,0	6563,0	302,0	350,0	490,0	17,0	650,0	50,0	3,8	300,0		0,0
1997		19,2	114,0	10,6	6398,0	270,4	224,4	772,4	96,7	715,0	23,5	0,2	199,9		0,0
1998			553,7	144,0	7804,6	208,7	74,2	252,6	0,0	512,5	18,7	1,3	113,6		0,0
1999			723,2	641,9	9994,7	557,2	236,4	508,6	238,7	272,7	36,1	2,0	241,5		0,0
2000			535,2	605,3	10212,6	796,0	234,6	576,7	161,8	340,7	0,0	4,0	235,0		0,0
2001	0,0	0,0	553,2	438,1	8419,6	695,8	252,0	525,9	207,1	310,3	40,9	18,6	398,8	0,0	0,0
2002	0,0	0,0	446,5	352,3	10672,2	1083,8	198,5	403,3	370,6	292,0	167,8	11,5	267,9	0,0	0,0
2003	0,0	0,0	134,6	129,3	8046,8	700,4	153,2	249,6	291,3	193,6	0,4	64,5	159,5	0,0	0,0
2004	0,0	0,0	46,9	176,0	8198,0	790,7	21,5	365,5	122,3	145,9	0,0	16,5	175,5	0,0	0,0
2005	0,0	0,0	109,7	180,3	7890,2	1290,5	34,7	220,2	269,6	103,2	2,5	0,3	169,8	0,0	0,0
2006	0,0	0,0	140,0	252,9	10139,9	839,8	130,0	309,7	60,3	29,6	0,0	1,8	129,7	0,0	0,0
2007	0,0	0,0	57,6	3,1	6603,2	939,9	26,7	63,6	174,4	51,9	8,5	5,5	81,7	0,0	3,5
2008	0,0	0,0	86,1	26,8	7712,9	825,5	46,1	109,3	120,3	24,2	11,8	0,7	125,4	0,0	0,0
2009	0,0	0,0	114,1	22,7	7949,5	863,2	79,1	102,8	332,9	15,4	6,1	0,1	148,6	0,0	0,1

Окончание табл. 11.3

Год	Таймень	Ленок	Хариус	Сиг	Сорога	Окунь	Язь	Щука	Карась	Сазан	Сом	Лещ	Налим	Линь	Бычки
2010	0,0	0,0	88,0	56,2	7612,5	557,7	64,2	119,5	86,7	22,0	3,2	2,0	119,2	0,0	0,0
2011	0,0	0,0	78,0	32,5	7467,4	939,8	65,1	120,6	103,1	45,8	2,8	2,0	134,4	0,0	0,0
2012	0,0	0,0	69,7	36,7	5367,2	636,7	60,1	160,6	148,3	38,0	3,2	4,8	160,5	0,0	0,5
2013	0,0	0,0	88,2	46,1	6880,8	745,6	139,2	225,3	130,9	3,8	1,2	2,1	170,4	0,0	0,2
2014	0,1	0,0	109,9	55,9	7472,7	895,7	191,0	249,5	215,5	2,1	14,3	31,6	220,9	0,0	3,4
2015	0,0	0,0	144,3	87,3	7872,3	915,1	134,9	280,6	262,1	8,9	24,8	23,5	222,6	0,0	0,3
2016	0,0	0,0	137,6	111,5	6733,0	888,5	140,4	307,9	245,3	8,7	8,5	24,8	209,4	0,0	0,4
2017	0,0	0,0	118,0	85,4	5809,7	739,0	155,8	274,1	338,4	7,2	5,0	57,1	140,6	0,0	0,0
2018	0,0	0,0	110,0	124,4	4548,1	704,6	169,4	197,9	280,5	12,9	9,8	70,9	215,1	0,0	0,8
2019	0,0	0,0	111,2	150,5	3142,7	791,2	98,3	348,9	295,8	25,7	3,0	32,7	219,3	0,0	0,6

Таймень и ленок никогда не были массовыми промысловыми видами на Байкале, а к началу 1970-х гг. исчезли из промысловой статистики. Численность тайменя быстро сокращалась, существовала реальная угроза его исчезновения, в связи с чем вид был внесен в Красную книгу Республики Бурятия (1985 год) и Красную книгу Монголии (1995 год). В 2005 г. в региональную Красную книгу был внесен и ленок.

Сиг в Байкале представлен двумя формами: озерной и озерно-речной. Озерно-речной сиг находится на грани исчезновения и нуждается в охране и искусственном воспроизводстве. Озерный сиг более многочислен, основными местами его обитания являются Чивыркуйский и Баргузинский заливы, Малое Море и Селенгинское мелководье. Озерный сиг образует промысловые скопления только в преднерестовый и нерестовый периоды, поэтому специализированный промышленный лов сига до 1960 г. проводился обычно в октябре-декабре. С введением с 1960 г. запрета на лов сига в нерестовый период среднегодовые уловы снизились, а с 1969 г. был введен круглогодичный запрет на вылов байкальского сига. С этого периода в промысловых уловах сига встречались в основном только в качестве прилова к омулю и частичковым рыбам в подледных закидных неводах, а в статистике вылова практически не фиксировались.

В оз. Байкал обитают подвиды сибирского хариуса — черный байкальский хариус и белый байкальский хариус. Черный байкальский хариус — места его обитания приурочены преимущественно к малым рекам Байкала. Достаточно устойчивые популяции черного хариуса наблюдаются в реках: южная часть Байкала — Снежная, Слюдянка, Переемная, средняя — Кика, Турка, Бугульдейка, северная — В. Ангара, Рель, Тья, Кабанья. Непосредственно в Байкале черный хариус встречается в предустьевых пространствах этих рек и отдельных губах (Аяя, Фролиха, Дагарская и некоторых других). Белый байкальский хариус более активно осваивает открытые прибрежные участки Байкала, а также заливы и является достаточно обычным видом прилова при промысле омуля. Белый байкальский хариус объектом специализированного промышленного лова в настоящее время также не является. Однако в качестве прилова в омулевые орудия лова встречается практически по всему Байкалу. Был внесен в Красную книгу Республики Бурятия (1988). В редакции от 2005 г. был выведен из списка как вид, не вызывающий опасений численностью.

Запасы налима осваиваются в настоящее время только на Северном Байкале. С 1970 г. прекратился официальный промысел налима в Прибайкалье. Практически не ведется промысел налима и в Селенгинском и Баргузинском районах (за исключением потребительского лова, объемы которого оценить трудно). Вместе с тем, запасы данного вида в последние годы начинают несколько снижаться, что в первую очередь связано со значительными объемами его неофициального изъятия в период нерестовых миграций и, возможно, изменения качества вод в нерестовых реках.

Плотва — наиболее многочисленный вид среди частичковых рыб Байкала — играет главную роль в промысле частичка во все годы его существования по всем промысловым районам. Основная добыча плотвы производится в Селенгинском промысловом районе, где добывается до 50% общего вылова. Однако следует иметь в виду, что елец на рыбоприемных пунктах зачастую учитывается вместе с плотвой и при сдаче улова записывается как плотва. Ведущая роль в промысле ельца

принадлежит Баргузинскому промысловому району. Кроме ельца, как плотва в статистике может проходить молодь язя, а в последнее время — гибрид плотвы и леща. Эту смесь с давних пор на Байкале было принято именовать «сорожиной» — под таким названием она дана в таблице уловов. Примерное соотношение видов в смеси: елец — 30 %, язь — 1–2 %, остальное — плотва.

Окунь является широко распространенным промысловым видом и имеет немаловажное значение в промысле частиковых. Встречается во всех сорах и заливах оз. Байкал. Щука также является распространенным видом в озерно-соровой системе Байкала, но роль ее в промысле по отдельным промысловым районам различна. На протяжении многих лет (за редким исключением) приоритет в добыче щуки принадлежал Селенгинскому району. От всей добычи этого вида по Байкалу на данный район в отдельные годы приходилось более 60 %. Добыча язя осуществлялась всегда в Селенгинском и Северобайкальском промысловых районах Байкала. Статистикой учитывается только взрослая рыба. Молодь язя, как правило, вместе с ельцом смешивается с уловом плотвы. Карась обитает в достаточно изолированных от Байкала мелководных системах (преимущественно водоемы дельты р. Селенга, нижнего течения рек Верхняя Ангара и Кичера).

Обитание линя в бассейне Байкала приурочено к выходам термальных вод, являющихся рефугиями для этого вида. В статистике линь фигурировал редко и был занесен в Красную книгу Республики Бурятия.

В годы войны массовым промысловым видом стали прибрежно-пелагические байкальские бычки — желтокрылка и длиннокрылка. Однако, в связи с изменившимся уровнем режимом озера в результате строительства Иркутской ГЭС были нарушены условия воспроизводства этих видов и, как следствие, произошло сокращение запасов. С 1971 г. специализированный лов бычков был прекращен.

Во второй половине 20-го столетия в статистике появились интродуцированные и натурализовавшиеся виды рыб, ранее не обитавшие в оз. Байкал — сазан, лещ и сом. Сазан был завезен на Байкал из бассейна Амура. В настоящее время распространен в Селенгинском и Баргузинском районах, имея местом размножения основные притоки Байкала — Селенгу

Рис. 11.1. Сортировка сороги (фото из архива Кабанского рыбозавода, 1960-е гг.)

Рис. 11.2. Улов нерестового омуля (фото из архива Большереченского рыбоводного завода, 1948 г.)

и Баргузин. Восточный лещ в течение ряда лет завозился в озера бассейна Байкала, в само озеро проник уже, вероятно, с первых лет вселения, где нашел подходящие условия для обитания в прибрежно-соровой системе озера. Сом попал в Байкал по системе рек Хилок — Селенга после его завоза в Ивано-Арахлейские озера в 30-е гг. прошлого столетия. Стал обычным видом и излюбленным объектом спортивного рыболовства.

Теперь, когда мы познакомились с историей байкальских рыбных промыслов, хотелось бы предложить вниманию читателя несколько глав на свободную тему, тем не менее, неразрывно связанных с рыболовством. А именно — осветить бытовую сторону вопроса: после того, как рыба поймана, она должна попасть на стол. Для этого рыбаку ее нужно было продать на ярмарке или рынке, а хозяйке приготовить. Несмотря на более вольный стиль изложения, чем это принято в научной литературе, при написании этих глав автор опирался исключительно на исторические источники.

Рис. 11.3. Обработка промысловых уловов сотрудниками БакалНИРО (фото К.М. Кожемякина)

Глава 12

Чертовкина пристань

Фрагмент плана земельного надела селений:
Шигаевского, Меркушевского, Мурзинового, Чертовкинского, 1913 г.

«**В** незначительной деревне Чертовкиной, в двух верстах от большой дороги, на левом берегу реки Селенги близ впадения ее в Байкал, построен ряд маленьких деревянных лавок грубой отделки. Сии лавки образуют дурный гостиный двор, бывают наполнены товарами для сбыта крестьянам, каждогодно, не более одного месяца, в продолжении которого и раскупаются; ибо в конце июля или в начале августа, когда омули идут из Байкала в Селенгу для метания икры, в Чертовкину стекается множество людей обоего пола и всякого возраста из разных мест для ловли сей рыбы. Тогда весь берег усеян судами, баржами, лодками и челноками, на коих живут промышленники по причине недостатка помещений в самом селении. Улицы кипят народом, в шалашах, устроенных там и сям, видны патриархальные семейные картины, крик и плач детей, шум и буйство заглушаются веселыми громкими песнями» (Северная пчела, 1854).

В 1988 г. автор монографии, будучи тогда молодым специалистом, во время своей первой командировки на Байкал приехал в институтский стационар, расположенный в дельте Селенги в крохотной деревеньке в несколько домов. Отсюда уже несколько поколений сотрудников выезжали на Байкал для изучения его рыбного населения, сбора ихтиологических и гидробиологических материалов. Домов в деревне было несколько: собственно, стационар, инспекция рыбоохраны и несколько доживающих свой век развалюх. Вот и все, что осталось от той самой, как оказалось, деревни Чертовкиной, гремевшей тогда от Иркутска до Читы благодаря необычайно обильному рунному ходу байкальского омуля в Селенгу на нерест. Впоследствии река поменяла русло, перемешала все, что оставалось на поверхности. Теперь Чертовкино — это «деревня забвения», о которой у местных жителей сохранились лишь предания и легенды. Собрав сохранившиеся сведения, попытаемся

воскресить, хотя бы на время, страницы истории сей «незначительной деревни», когда-то «столицы» омулевого промысла. Помогут нам, наряду с авторами прошлого и современными исследователями, юные краеведы из школьного музея с. Шигаево вместе со своим руководителем О.В. Сурановой. Свою скромную лепту постарался внести и автор. Читаем газету дальше:

«Но вдруг все умолкают и слышен лишь шепот, уподобляющийся жуужжанию пчел; сидящие группы наскоро встают; прикащики, крестьяне и поселенцы почтительно кланяются и подаются торопливо назад. Это Заседатель, который идет с важностью и мерными шагами в сопровождении нескольких казаков. ... Он единовластный начальник сего места, все перед ним раболепствуют, ибо от него зависит отстранить промышленника от рыбной ловли и даже наказать его под благовидным предлогом буйности или пьянства. Наконец, он окончил свой осмотр, удалился довольный собой и своими короткими распоряжениями, и общая картина снова начала дышать жизнью и веселием. ... Рыбаки узнают о ходе омулей, когда на реке появляется множество бакланов и чаек. Селенга покрывается лодками, в коих промышленники переплывают из одного протока в другой, дабы караулить, когда пойдет рыба. На лодках зажигаются огни, и река кажется иллюминированной, как будто для празднования торжества». Так, в частности, Твороговский сельский старшина доносит в Ильинское волостное правление, о том, что рыба, называемая омуль, появилась у Чертовкиной пристани 17 августа 1847 г. (сельский старшина Кузнецов) (ГАРБ. ф. 180, д. 1529).

Омуля с тех пор значительно поубавилось, однако картина всеобщего ожидания захода омуля в Селенгу (впрочем, как и в другие байкальские реки) в целом сохраняется до сих пор. Все интересуются друг у друга, не зашел ли омуль. Покупаются и садятся сети, присматриваются укромные места для их постановки, под благовидным предлогом поиска скотины по протокам разъезжаются лодки. Пенсионеры специально откладывают деньги для покупки свежего омулька. В последнее время это бывает по карману далеко не всем. Привычка же съесть «свежепросоленного» у населения, проживающего вокруг Байкала, в крови и подогревается воспоминаниями стариков, не только выросших на омуле, а порой и выживших только за счет рыбной ловли.

«В самом деле, весть о ходе омулей есть самая радостная для промышленников, но сия радость должна быть сокрыта, ибо шум и крики могут испугать омулей, кои идут фалангами, устроенными в величайшем порядке. Тогда повсюду видны деятельность, суетливость и расторопность, не нарушающие, однако же, царствующей вокруг тишины. Иные плывут на тони, другие возвращаются с лодками, нагруженными рыбою, которую тотчас же продают купцам в Чертовкине. Женщины и дети тоже не остаются праздными: последних нанимают для чистки рыбы, а первые сверх того кладут оную в бочки и наливают разсолом» (Северная пчела, 1854). Автору из «Северной пчелы» вторит некто П-р-н в «Иркутских губернских ведомостях»: *«Если омулевый промысел хорош, то и ярмарочная торговля хороша. Тогда торговый люд благодушествует, попивая шампанское и сражаясь на зеленом поле. Для последней цели приезжают сюда, из разных мест, специалисты по этой части. Если же омулевый промысел плох, то торговый люд, повеся носы, вздыхает и скупится проехаться по бокальчику»* (Иркутские губернские ведомости, 1877).

Собранный первыми учеными и путешественниками материал об байкальском омуле основывался, как правило, на опросных данных. Отсюда зачастую собранные сведения больше походили на охотничьи рассказы. Например, при описании рунного хода омуля в Селенгу говорилось о том, что весло, вставленное в воду в косяк рыбы, шло против течения стоя. Юлиусом Гагемейстером в его Статистическом обозрении Сибири записано расхожее предание о том, что «...в старину рыба шла в Селенге столь густо, что по ней переходили с одного берега на другой. В изобильные годы много попадало рыбы напрасно, по недостатку рук или соли, рыба, лежавшая на берегу в кучах, портилась, и должно было сваливать ее обратно в реку» (Гагемейстер, 1854, с. 229). В Материалах комиссии А.Н. Куломзина (1898) при описании рыболовства на Байкале говорится о том, что старики помнят то время, когда рыба шла в Селенгу таким руном, что на реке был слышан необыкновенный шум от ее хода». В 1889 г. Н.Н. Сабуров в работе «Об омуле и о состоянии рыбопромышленности на Байкале» пишет, что до сих пор жители на Селенге помнят, что ход омуля в д. Шигаево был настолько необыкновенным явлением, что собаки лаяли, глядя на реку (Сабуров, 1889). Можно только догадываться, насколько мощным и впечатляющим был рунный ход. От себя добавлю, что

шума от идущих омулей и лай собак мне слышать не довелось, но еще лет 20 тому назад ходовых омулей иногда удавалось подцепить, идя гребями, веслом на воздух.

Когда на берегу Селенги возникла Чертовкина пристань и деревня при ней неизвестно, но на карте Байкала И.-Г. Георги 1772 г. селение уже есть (Георги, 1799) (рис. 12.1).

Рис. 12.1. Фрагмент карты И.Г. Георги (1772 г.)

Первые упоминания в литературе о Чертовкиной пристани относятся к началу 19 века. Торговые пути того времени проходили в двух направлениях. Первый был сухопутный. После переправы через Байкал суда приставали к Посольскому монастырю, имевшему хорошую гавань, и далее грузы следовали берегом. Другой, водный путь, пролегал по Селенге. Большие суда разгружались в устье, в Хараузе, далее на веслах и бечевой лодки с товарами поднимались по протокам Селенги. Первый матерый берег появлялся близ деревень Творогово, Шигаево и Мурзино. В работе «Очерки истории западного Забайкалья» М.М. Шмудевича (1985) говорится о том, в 1806 г. важную роль в грузоперевозках из Иркутска в Нерчинский край, Монголию и обратно играли возчики из деревень Ильинской волости, в частности, Творогово и Шигаево. Сами деревни расположены довольно далеко от реки, ближайшим портом к ним и была Чертовкина пристань. Товары перевозились по направлению Чертовкина пристань — Кяхта и обратно.

Следующее упоминание о пристани относится к 1816 г. В Положении об омулевом промысле в реке Селенга в п. 17 говорится о том, что по окончании промысла башлыки должны были являться в Чертовкину пристань к чиновнику для отчета и сдачи свидетельства о промысле. В 21 п. Положения устанавливается граница (межа или черта), ниже которой запрещается ловить омуля во время рунного хода (ГАРБ. ф. 7, оп. 1, д. 7). По основному руслу Селенги такая черта устанавливалась в 10 верстах от устья, дав название пристани и поселению. Наиболее вероятную дату появления деревни и пристани можно вычислить, приняв во внимание замечание А.Ю. Гагемейстера, сделанное в 1854 г. в упомянутом выше Статистическом обозрении Сибири: «Более 100 лет Селенга является главным местом оптовой ловли омулей ... На реке Селенге для ловли назначено место и установлены правила. В 12 верстах от впадения этой реки в Байкал, лежит деревня Чертовкина. Сюда собираются рыболовные артели и покупатели наловленной рыбы. Они живут иногда по месяцу в ожидании хода рыбы. ... Там никому не дозволено ловить рыбу ближе 10 верст от устья Селенги, дабы не пугать ее тотчас при входе в реку и не заставить возвратиться. Каждая артель получает от земского чиновника билет, в котором означает число и величина неводов. В лучшие годы бывало артелей до ста» (Гагемейстер, 1854, с. 228). Получается, что деревня и пристань могли появиться в середине 18 века или немного раньше.

Развитие региона, усиление хозяйственной деятельности, многочисленные прошения населения и купечества к губернским властям привели к решению об учреждении по разным берегам Байкала, в Иркутске и Верхнеудинске торговых ярмарок. Вслед за ними на местах возникают более мелкие региональные сельские ярмарки. Так как рыбный промысел в хозяйственной деятельности населения прибрежных районов Байкала занимал видное место, в основных рыбопромысловых

районах стихийно образовались специализированные ярмарки, основным товаром на которых была рыба. Таких ярмарок было две. Это Ольхонская ярмарка на о. Ольхон на Малом Море Байкала и Спасо-Преображенская в селении Чертовкиной на Селенге недалеко от ее устья. Благодаря ярмарке название деревни становится широко известным, а многочисленные гости в своих воспоминаниях оставляют яркие письменные свидетельства, одно из которых мы привели в начале повествования.

После зимнего затишья дельта Селенги постепенно оживает. В начале апреля начинается подледный лов в основном осетров. «Когда вскроются ото льда Байкал и его реки, с того времени и во все лето в Чертовкинское селение и в другие места собираются промышленники, покупатели рыбы и специалисты, из которых первые занимаются ловлею осетров (и другой рыбы) и продажей торговцам, вторые — покупают и при случаях отправляют их в Иркутск, живьем и пластаными, третьи — пластают осетрину, солят ее, готовят паюсную икру, небольшую часть определяют в балык, наконец, сушат клей и вязигу» (Пежемский, 1853, с. 1–2). Однако основной промысел начинался в конце лета, когда рыба шла рунным ходом, называемый крестьянами «омулевкой». В это время обычно пустынные берега Байкала у устьев Селенги, Баргузина и верхней Ангары оживлялись.

Главным местом посола рыбы на Селенге стало селение Чертовкино, или Чертовкина пристань, являвшаяся одновременно оживленным торгово-скупочным пунктом и перевалочной базой грузов, транспортируемых из Иркутска в Забайкалье. Когда-то в этом поселке размещалось много различных портовых сооружений и зданий. В центре находился гостинный двор с примыкавшими к нему лавками иркутских, верхнеудинских, кабанских купцов. Грузы везли из Иркутска в Верхнеудинск, из Монголии и Китая в Иркутск. Основными видами товаров были: соль, пшеница, вино, чай, шелковые ткани, фарфор, металлы, прочие «казенные и купеческие клади».

С открытием навигации по Байкалу в Чертовкино из Иркутска прибывала целая флотилия с запасом соли для засолки рыбы и огромной рыболовецкой армией на борту под названием «ангарщина», достигавшей порой полторы тысяч человек. Нанимались на этот промысел не только мужчины, но и женщины, и не столько из горожан, сколько из ссыльнопоселенцев. По берегу располагались причалы для рыболовецких судов. На пристань съезжались рыболовецкие артели для продажи рыбы (рис. 12.2).

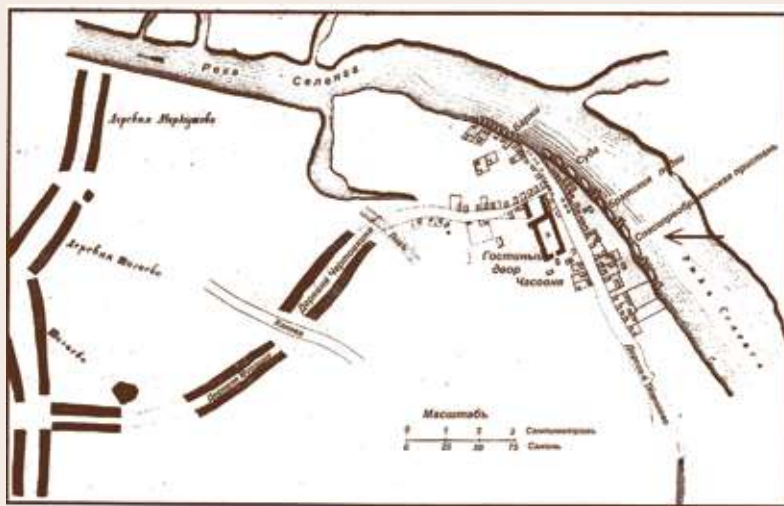

Рис. 12.2. Схематический план пристани Чертовкиной на р. Селенга с окрестностями (стрелка указывает на местоположение Спасо-Преображенской пристани) (по: Кирилов, 1886)

Ежегодно с 1 августа по 10 сентября в Чертовкино открывалась Спасо-Преображенская ярмарка, получившая свое название от православных праздников, приходящихся на август месяц. На открытии высоко поднимали флаг, который развивался все 40 дней торговли. У ярмарки был солидный товарооборот. Основным товаром был т. н. «спасовский» омуль (преднерестовый и нерестовый селенгинский омуль, имеющий наивысшие гастрономические качества). Ловить начинали

еще в море на подходе к устью. Затем лов продолжался уже в реке. Кто-то скупал живую рыбу, тут же засаливая, кто-то делал и продавал бочки, многие предлагали услуги перевоза. На время промысла в Чертовкино учреждалось временное полицейское управление для надзора за рыбной ловлей, приезжал местный заседатель и волостное начальство. В разные времена за соблюдением правил рыболовства следили земская полиция, крестьянские начальники, лесничие. Ими же велся сбор статистических сведений об улове омулей и ходе торгов. По окончании ярмарки здесь же собирались съезды рыбопромышленников.

Наиболее подробное описание пристани и деревни дал Н.В. Кирилов (1886), направляясь в 1885 г. в промысловые районы на Северный Байкал. Берег, где располагалась пристань, был чрезвычайно низменный, поэтому сама деревня была в полуверсте от нее, за логом (рис. 12.2). Однако это не спасало от того, что в иные годы с большой водой приходилось по улицам ездить на лодках. Заметим, что такое расположение пристани, в конце концов, сыграло роковую роль — во время большой воды в середине прошлого 20 века вода пошла по логу, отделявшему пристань от деревни, — и с Чертовкиной было покончено.

В деревне домов было не более 30, лишь три из них являлись настоящими крепкими постройками, остальные рассчитаны на временное проживание приезжающих на ярмарку. Многие спали на улице в телегах. В центре пристани находился гостинный двор, от него шла главная улица к стоянке судов с рыбой. Вдоль всей улицы располагаются лавки, которых Н.В. Кирилов насчитал 99. Кругом грязь, навоз, сырость, несмотря на два миллиона оборота торгового. К удивлению автора, из 1500 руб. аренды, собираемых ежегодно со всех лавок, ни копейки не выделяется ни на благоустройство, ни на жизненно необходимое берегоукрепление. Кабаков насчитывается 6, мясных лавок 3, столиков на улице бакалейных 9, с квасом 3, хлебных 10. Харчевни в руках кабанских евреев. «К глубокому берегу постоянно пристают лодки с крупной рыбою, на берегу стоит толпа заезжих засольщиков, происходит жаркий спор, когда мало торговцев «закаменских» (то есть из-за Яблоневого хребта — читинцы, нерчугане, держащих высокую цену), иркутские купцы заставляют простоять лодочников с рыбой до вечера и отдать по меньшей цене» (Кирилов, 1886, с. 133–134). На доходы от ярмарочной торговли сельское общество Ильинской волости содержало два сельских училища (Иркутские губернские ведомости, 1877).

Посол рыбы происходил достаточно патриархально. Самый продвинутый рыбодел представлял из себя настил из досок с огромными щелями, по краям стояли четыре доски, образуя подобие ларя. Многие поступали проще, сваливая рыбу прямо на землю. Женщины-чищальки седлали скамью и на ней же разделявали рыбу. Технология засола называлась: «по обычаю отцов», а именно: рыба не моется и солится прямо с кровью и слизью. Во время разделки омуля разрезается сердце и околосердечная сумка; вытекающая при этом кровь заливает всю рыбу, но ее не стирают и не сливают, так как местные жители требуют, чтобы рассол был кровавым. Когда кровь начинает портиться, тузлук заменяют на свежий. Публика это знает и остерегается покупать рыбу в светлом рассоле, понятно, что маточный раствор уже слит. Бочки также никогда не моются, даже существует поверье, что если бочки запарить кипятком, то рыба обязательно протухнет. «Между тем, благодаря кровавому рассолу сибиряки привыкли к омулю с душком. До чего силен бывает этот душок, я не нахожу выражений» (там же, с. 137).

За 30 лет до Н.В. Кирилова сибирский писатель, местный уроженец С.И. Черепанов одним абзацем описал ту же картину. Выдержку из его работы, в настоящее время звучащую несколько неполиткорректно, мы, тем не менее, приводим дословно: «Одни скупают живых омулей, засаливают их; другие делают и продают бочки; третьи, и, разумеется, большим числом, предлагают свои услуги. Евреи, как обыкновенно в местах выгодной торговли, производят и здесь деятельный торг. Буряты, народ любящий нажить деньги легким путем, суетятся здесь между русскими» (Черепанов, 1855, с. 138).

Здесь же, в Чертовкино, находился огромный «складочный магазин», осуществлявший оптовую торговлю солью, отсюда ее развозили по всей Восточной Сибири, а в прилегающих селах были соляные стойки, в которых «соляные сидельцы» принимали привезенную соль для розничной продажи окрестному населению, в основном для засолки рыбы. Из архивных данных за 1813 г. известно, что с 2 по 24 августа было продано местному населению для засола рыбы 4755 пудов соли (ГАРБ. ф. 22, оп. 1, д. 14). Бочка соленых селенгинских омулей в то время вмещала примерно 1600 шт. при

расходе соли 3,5 пуда на бочку (Курбатов, 1841). Расчет показывает, что этой солью можно было засолить 1359 бочек омуля (чуть более 2 млн хвостов).

Уловы омуля в Селенге тогда были огромны. У И.С. Сельского приводится весьма характерный случай из промысла осеннего омуля на Селенге. Он так описывает лов этой рыбы в период захода в р. Селенга на нерест в 1796 г.: «В то время на взморье стояли 3 артели, которые кроме своих рабочих имели еще нанятых крестьян. Когда омули огромными рунами вошли в верхнее устье Селенги, русло реки в полном смысле было загромождено рыбою. По жеребью первую на лов вышла артель Коргинская, когда она выкинула сети (невод), то столько попало рыбы, что едва вытащили двойным комплектом рабочих; в эту первую тоню было добыто 200 бочек, в засол пошло по 2500 омулей в каждую бочку. За Коргинской последовала Култукская артель, которая на одном и том же пространстве верхнего устья добыла также за одну тоню 150 бочек, потом третья — Березовская — 100 бочек. Количество рыбы на этот раз было настолько велико, что у рыбопромышленников не доставало ни бочек, ни соли, и целые груды рыбы были брошены на берегу» (Сельский, 1852, с. 39–40). Небольшой комментарий с высоты сегодняшнего дня. Вообще-то, улов в 200 бочек по 2500 омулей в каждой — это ни много ни мало 500 000 хвостов при весе около 250 тонн! Река Селенга в своем девственном состоянии, конечно, изобиловала омулем, но такой улов нашему современнику представить можно с большим трудом. Спустя полсотни лет, в 1854 г. газета «Северная пчела», цитируемая в начале главы, сообщает, что в Чертовкиной за одну тоню ловится от 20 до 30 бочек по 1500 омулей в каждой, то есть примерно от 30 до 45 тысяч рыбин.

Найденные архивные сведения помогут восстановить ход промысла омуля и его продажу на Чертовкинской Спасо-Преображенской ярмарке в 1844 г. (ГАРБ. ф.180, д. 639, л. 6–7).

Из ведомости видно, что промысел омуля начался весной после распада льда. По посольскому и кударинскому берегу (то есть справа и слева от устья Селенги) в течение весны и лета было засолено и продано 450 бочек омуля (480 000 шт. омулей). Вся рыба была поймана закидными неводами, морского дрифтерного лова омуля в открытом Байкале тогда не существовало. Соотношение уловов: 60% бочек было посолено на берегу озера, 40% в реке в деревне Чертовкино.

С окончанием летнего лова, 1 сентября 1844 г. открывается Спасо-Преображенская ярмарка. Какое-то время идет торговля различными товарами и изделиями местных нерыбных промыслов. Ангарица и промышленники уже на месте и ждут начала хода омуля в Селенгу. Первые продажи омуля фиксируются 12 августа с началом нерестового хода. По новому стилю это 26 августа, что соответствует времени начала нерестовой миграции в наши дни. Основная масса рыбы добыта речными неводами, лишь незначительное количество поймано саками. Последняя продажа соленого омуля датируется 3 сентября. Судя по всему, рунный ход омуля в нижнем течении Селенги к этому времени закончился, и косяк и ушел вверх по реке. С уходом густой рыбы завершался массовый лов омуля в Чертовкино и ярмарка начинала близиться к завершению.

Нам неизвестно с какой тщательностью собирались статистические сведения о лове и продаже рыбы в середине 19 века, скорее всего, они не были достаточно полными. Например, ничего не сказано о заготовке омулевой икры, которая составляла около 15% от веса самок. Кроме этого, из таблицы следует, что в 1 бочку входило от 600 до 1000 омулей (в среднем 888 шт.), что не совсем соответствует литературным данным, в которых утверждается, что в бочку середины 19 века входило 1200–1500 селенгинских омулей. Что касается цен на соленого омуля, то очевидно, что омуль летнего засола ценился в два раза ниже, нежели пойманный осенью в реке (35–40 руб. против 70–90 руб.).

Из воспоминаний Поповой Прасковьи Даниловны, родившейся в Чертовкино в 1927 году, узнаем, что на ярмарку на плотках вниз по Селенге приплывали «семейские» (староверы), которые привозили хлеб. Здесь меняли его на рыбу, плоты продавали, покупали коней и по сухопутному пути возвращались домой (Суранова, 2007). В меню староверов во время многочисленных постов омуль занимал не последнее место.

На выезде из Чертовкино в сторону московского тракта на перекрестке дорог до сих пор стоит Твороговская церковь Казанской иконы Божьей Матери, построенная в 1807 г. на средства купцов (рис. 12.3). И, наверное, не случайно нижний предел церкви был освящен во имя Святой Мученицы Параскевы Пятницы. Считалось, что святая помогает в делах торговли. Отсюда в России пошла традиция организовывать ярмарки в пятничный день.

Таблица 12.1. Количество проданной рыбы (омуля) на Чертовкиной ярмарке с 12 августа по 3 сентября 1844 г. по данным ведомости, составленной Ильинским волостным правлением

Дата (ст. стиль)	Поймано		Число бочек	По каким ценам продано (руб. за бочку)	К-во штук в 1 бочке
	Неводами	Саками			
12 августа	600		1	85–90	600
13 августа	2000	200	3	80–85	733
14 августа	3000	200	3	81–85	1067
15 августа	1000	400	2	82–83	700
16 августа	1000	500	11	81–83	955
17 августа	11000		13	72–75	846
18 августа	1000		1	70–75	1000
19 августа	1500		2	75–80	750
20 августа	2500		3	74–75	833
21 августа	15000		20	75–80	750
22 августа	10000		11	69–70	909
23 августа	25000		27	69–70	926
24 августа	3000		3	73–75	1000
25 августа	2000		2	75–80	1000
26 августа	15000		17	78–80	882
27 августа	15000		16	80–85	938
28 августа	50000		52	75–77	962
29 августа	100000		112	60–63	893
30 августа	20000		23	65–67	870
31 августа	20000		20	79–80	1000
1 сентября	10000		11	80–85	909
2 сентября	10000		11	81–85	909
3 сентября	7000		7	82–85	1000
Всего	325600	1300	353		Ср. 888

Кроме этого, упромышлено (поймано) по корге у Посольска неводом весной и летом 150 бочек (180 000 шт.) и продано по цене 35–40 руб. за бочку. По кударинскому берегу — 300 бочек (300 000 шт.) по цене 35–40 руб. за бочку.

Волостной голова (подпись неразборчива).

Рис. 12.3. Твороговская церковь Казанской иконы Божьей Матери. На переднем плане водозащитная дамба, построенная в 1939 г. и защищающая село от наводнений (фото автора)

Среди известных гостей, оставивших на бумаге свидетельства своего пребывания в Чертовкино, отметим востоковеда и путешественника Н.Я. Бичурина, декабристов М.А. Бестужева и А.Е. Розена.

В 1830 г. во время экспедиции в Забайкалье Н.Я. Бичурин, проходя водным путем вверх по Селенге, побывал в Чертовкино, отметив, что селение это достопримечательно тем, что в августе сюда собирается множество народа для засола омулей, промышляемых как в самой Селенге, так и на устьях ее. Кроме этого, ученый одним из первых оставил описание разных пород омуля. Он заметил, что первый вид омулей составляют «обыкновенные шестивершковые омули, идущие в августе в Селенгу, а в сентябре — в Прорву близ Посольского монастыря. Последние еще называются котцовыми, потому что ловят их не неводами, а перегородами, из коих верхняя бывает глухая, а нижняя с узкими отверстиями внутрь, другой вид — омули бугульдейские, длиною в четверть. Они зимою во множестве подходят к западному берегу Байкала, против острова Ольхона, где и ловят их неводами подо льдом». И, наконец, «... суть смешанные омули, так названные мною потому, что руно их состоит из рыб разной величины, от двух вершков до аршина. В июле во множестве приваливают они к восточному берегу Байкала... Тело сих омулей чрезвычайно нежно, бело, жирно и вкусом не уступает лучшей белой рыбе. Кажется, что вид сих омулей еще неизвестен естествоиспытателям» (Бичурин, 1841).

В своих воспоминаниях декабрист А.Е. Розен рассказывает о своем кратковременном пребывании в Чертовкино. В 1832 г. по окончании ссылки на пути на поселение в г. Курган, не доезжая до Посольского монастыря, где была главная пристань на Байкале, по совету сопровождающих он сворачивает к другой пристани на берегу Селенги — Чертовкиной. Рыболовный баркас, подняв якорь, уже отвалил от причала. Его пришлось догонять уже бегом по берегу. С трудом сторговавшись за 40 рублей, рыбаки согласились взять барона. Путешествие оказалось рискованным. Байкал штормил, и вместо десяти часов понадобилось 10 суток, чтобы оказаться на западной стороне священного моря. Благо, что попутчиком, как пишет декабрист, оказался начальник якутских солевых заводов, который поделился с ним последними сухарями. У самого барона из съестного была лишь бутылка дорогого токайского вина, данного ему в дорогу княгиней Е.И. Трубецкой (Розен, 1984).

Перед переездом на поселение в г. Селенгинск в 1839 г. здесь побывал декабрист М.А. Бестужев: «В пятый день мы прибыли в Чертовкину деревню, на устье Селенги, в самый разгар лова омулей. Тут мы пробыли две недели, пока наши товарищи отправлялись за море, в Иркутск» (Бестужев, 1951).

Значение селения Чертовкино, как торгово-перевалочного пункта, было утрачено в связи с появлением железной дороги в начале 20 века. А в 1928 г. первыми правилами рыболовства государства рабочих и крестьян был полностью запрещен лов преднерестового омуля в Байкале и нерестового в Селенге.

Село и окрестности регулярно затапливало во время наводнений на Селенге. Крупные наводнения были в 1908 и 1932 годах. В 1939 году от Кабанска до устья Селенги была построена Кабанская водозащитная дамба длиной 32 км. На строительство было выделено 1,719 миллионов рублей.

Уроженец Чертовкино Константин Сидорович Хлыстов, сейчас проживающий в Шигаево, поделился с юными краеведами своими воспоминаниями: «Я родился в деревне Чертовкино в 1922 году. И в старом паспорте у меня было написано: «место рождения — с. Чертовкино». Потом паспорт поменяли. А в новом я стал уже мурзинским. В Чертовкино стоял на реке пост. На острове были бакенники. От Улан-Удэ до Харауза ходил пароход «Чойболсан». Ходил дня через два: и днем, и ночью. Семья наша выехала из Чертовкино в 1940 г. Тогда на Селенге строилась дамба, потому что река затапливала земли. Так вот, дамба прошла как раз по нашей усадьбе, возле амбара. Землю для нее на конях и быках возили и с нашей усадьбы» (Суранова, 2008).

Своими воспоминаниями поделился капитан институтского НИС «Ихтиолог» Вениамин Михайлович Федосеев (1935 г. р.). Во время строительства дамбы ему было 4 года. По рассказам старших, серьезным препятствием при строительстве дамбы оказалась протока, отделяющая с. Мурзино от с. Чертовкино. В основание дамбы пошла ограда твороговской церкви Казанской иконы Божьей Матери, протоку закидали каменными надгробиями с церковного кладбища.

Но воду остановить так и не смогли, пока кому-то не пришла в голову мысль загородить протоку жердями и ветками, а между ними набить солому и сено. После того, как солома заилилась, воду удалось остановить. Дамбу сегодня хорошо видно из космоса, а местная администрация до 90-х гг. прошлого века регулярно чествовала здравствующих ветеранов ее строительства. Без рыбы, омуля, естественно, такие мероприятия обойтись не могли, поэтому организаторы мероприятия всегда обращались к научным сотрудникам, у которых было разрешение на лов омуля, в том числе нерестового.

В 60-е гг. река изменила русло и прошла прямо по д. Чертовкино. В местной топонимике на противоположном берегу Селенги, на месте бывшей деревни и пристани осталось название — остров Жилище. С тех пор отголосками той поры иногда всплывают рассказы черных археологов, вооруженных металлоискателями о находках то монет, то даже серебряного знака какого-то местного жандарма. Проезжая на лодке по реке мимо этого места, глаз всегда с надеждой невольно скользит по обрывистому берегу. Но, увы, за все годы только единожды омулевая сеть принесла старинный проржавевший кованый якорь.

Рыба расходилась из Чертовкино по всей Сибири бочками, число которых исчислялось десятками тысяч. Наш рассказ о Чертовкинской пристани был бы неполным без упоминания о них. Омулевая бочка — самый известный символ Байкала, но с ней, оказывается, далеко не все так просто... Об этом наш дальнейший рассказ.

Глава 13

Омулевая бочка

Омулевые бочки (фото автора)

Остановимся подробнее на такой вещи, неразрывно связанной с Байкалом, как бочка, в которой испокон веку солился добываемый в море-озере омуль. Несмотря на то, что наши предки изготовили огромное количество деревянных бочек, исчисляемое, наверное, сотнями тысяч, до наших дней образцов байкальского бондарного промысла 18 и 19 веков почти не сохранилось. Исходя из внешнего вида бочек, можно предположить, что прообразами для их изготовления были бочки «ижемки» и «мезенки», традиционно использовавшиеся для укладки соленой семги на европейском Русском Севере и попавшие на Байкал с первыми переселенцами.

Советскими учеными-ихтиологами делались попытки восстановить объемы вылавливаемого в разные исторические времена на Байкале омуля, начиная с момента возникновения рыболовства на озере. Данные Е.С. Соллертинского (1929) по уловам омуля на Байкале, были подвергнуты критике П.В. Тюриным (1936; 1969), предметом которой стал пересчет веса рыбы в бочках разных лет. Напомним, что учет рыбопродукции в ряде случаев велся в бочках, а рыба в них была соленой в распластанном виде.

Первое упоминание о размерах бочек находим в описании Иркутска и его окрестностей, сделанных Г.В. Стеллером, побывавшем на Байкале в 1739 г. Автор пишет, что промышленные люди привозили в Иркутск бочки, каждая из которых вмещала 1000–1100 омулей (Элерт, 2004). Весить такая бочка должна была примерно 25 пудов.

К концу 18 века появились свидетельства об увеличении размеров бочек до 40 пудов. Связано это, на наш взгляд, могло быть с ростом численности населения края и потребления ими рыбы, развитием торговли, что повлекло за собой увеличение рыбодобычи. То есть рост тары был вызван коммерческими соображениями.

Итак, некогда омулевые бочки были огромны. Заполнять их рыбой в местах промысла не было большой проблемой, так как рыба водилась в изобилии и все думали, что так будет всегда. Но размеры бочек падали с уменьшением количества рыбы, пока, наконец, у бочки не показалось дно. Воспетая, как «славный корабль», омулевая бочка, стало быть, не только самый известный байкальский символ, но и своего рода зеркало, отражающее запасы основной промысловой рыбы Байкала (рис. 13.1).

Отдельные бочки 19 века сохранились чудом, чего нельзя сказать о не сохранившихся бочках 18 века. Виною тому были, по всей видимости, деревянные обручи, используемые бондарями в то время. Мы попытались восстановить их размеры, используя сохранившиеся литературные сведения.

По И.С. Сельскому (1852) в 1796 г. в одну бочку засаливалось 2500 осенних селенгинских ходовых омулей. По самым скромным подсчетам, исходя из среднего веса нерестового селенгинского омуля и с учетом потери до 30% веса при разделке и усулке рыбы, ее содержимое должно была весить около 600–650 кг (38–41 пуд), что само по себе современному человеку трудно представить. Не менее 4–5 пудов должна была весить и сама бочка. О том, что такие бочки в конце 18 века существовали, подтверждается М.Д. Чулковым в работе «Историческое описание российской коммерции»: «Когда тунгус оную (рыбу — осетра) усмотрит, то немедленно садится в берестяную лодку, и догнав, копьём с зазубриной закалывает, а потом... за три рубли сороковую бочку наполняет; только соль хозяйская» (Чулков, 1785, с. 15). Бочки-сороковки — это сорокаведерные бочки емкостью около половины кубического метра. С учетом того, что плотность рыбы выше плотности воды, вес рыбы в такой бочке близок к 40 пудам.

С начала 19 века омулевые бочки продолжали весить около 37–40 пудов брутто при весе тары около 3 пудов (Луховцев, 1932). С учетом того, что на порку и усулку омуля приходится до 30% веса, бочка начала 19-го века соответствовала 7,2–7,8 ц сырца.

По сведениям исследователя Г. Раддэ (1858), посетившего Северный Байкал в 1855 г. высота омулевых бочек была 1 аршин и 6 вершков и 1 аршин и 2–5 вершков диаметр дна. Расчет показывает, что объем такой бочки около 500–550 литров. Так как плотность рыбы выше плотности воды, вес рыбы будет составлять около 6 ц (37 пудов) При этом в одной бочке, по словам Г. Раддэ, можно было засолить 1500–2200 омулей в зависимости от размера. При посоле нерестового омуля в бочку шло около 1500 шт. летнего нагульного, ловимого по корге в Байкале, в ней умещалось до 2200.

Иркутские Губернские ведомости в 1857 г. сообщали о привозе на иркутский рыбный рынок рыбопродукции из разных районов Байкала. Селенгинские омули в бочках весом до 40 пудов по 800–1000 омулей в каждой. Ангарские омули в бочках весом 35–45 пудов по 1500–1800 шт. в каждой. Баргузинские омули в бочках 35–45 пудов по 1500–2000 шт. Коргинские омули в бочках 35–40 пудов по 1500–2000 шт. (Иркутские Губернские ведомости, 1857). Командированный на ангарские промыслы на Северный Байкал О.В. Елизов (1874) сообщает о 2500 омулях в бочке. В Восточно-Сибирском календаре за 1875 г., изданном типографией Н.Н. Синецкина в 1874 г., на стр. 126 читаем: «В устьях Верхней Ангары поймано и посолено 4457 бочонков омулей, каждый по 1500 шт.» (Егоров, Клеменченко, 1971). По П. Пежемскому (1853) в бочке образца 1850 г.

можно было засолить селенгинских омулей от 800 до 1000 шт., баргузинских от 1000 до 1200, верхнеангарских от 1200 до 1700 шт. Газета «Северная пчела» за 1856 г. в № 257 сообщает о том, что в Чертовкиной на Селенге в одну бочку идет от 1300 до 1500 омулей.

В работе «Историческое прошлое Северобайкальских рыбных промыслов» Н. И. Цивилев (1993) сообщает, что тара под засол рыбы до 1883 года была большая. Бочка с рыбой весила до 36 пудов при весе тары 2–3 пуда. По свидетельству П. В. Тюрина и П. И. Сосиновича, работавших в 1930-х гг. в экспедиции, организованной Восточно-Сибирским отделением ВНИОРХ на Северном Байкале, «прежние бочки сохранились до настоящего времени и служат в качестве ларей для хранения муки». Измеренная ими бочка, изготовленная до 1883 г., имела наружную высоту 97 см при внутреннем диаметре в уторах 78 см. Объем такой бочки составлял 0,45 м³ (Тюрин, Сосинович, 1934). По правилам рыбопромышленности 1872 г. (Солдатов, 1912) установлены следующие размеры бочек: высота 22 вершка (97 см), диаметр дна 18–19 вершков (79–84 см) с учетом измерений внутри бочек. Расчет показывает, что объем такой бочки равен 0,5 м³, что несколько больше объема бочек, измеренных П. В. Тюриным и П. И. Сосиновичем.

С такой трактовкой размеров бочек до 1883 г. были согласны не все ученые. В 1936 г. на первой конференции производительных сил Бурят-Монголии разгорелась дискуссия между П. В. Тюриным и другим специалистом-ихтиологом и лимнологом Е. С. Соллертинским. Если признать существование сорокаведерных бочек, то при пересчете статистических сведений по вывозу омуля на рынки получались очень большие уловы этого вида по Байкалу. Соллертинский настаивал на том, что бочки-сороковки есть не что иное, как просто посолочные чаны, а укладочные бочки для транспортировки и продажи были значительно меньше. Аргументами его были: во-первых, неудобство при пользовании большими бочками в условиях отсутствия дорог и, самое главное, относительно небольшое по численности население края, которому не нужна была рыба в таких количествах. Согласно Статистическому обозрению Сибири в 1810 г. во всех уездах Иркутской губернии, за исключением Якутского уезда, Камчатки и Охотска, проживало 171 317 человек. В 1823 г. в Иркутской губернии жило уже 418 292 человек, в 1835 г. — 544 208, в 1851 г. — 656 841 (Гагемейстер, 1854).

Если принять точку зрения Е. С. Соллертинского, то максимальные уловы середины 19 века следовало оценить в разы меньше (25–35 тыс. ц сырца против 87 тыс. ц по оценке П. В. Тюрина). Отсюда Е. С. Соллертинским делался вывод о том, что количество омуля в Байкале постоянно на протяжении всей истории промысла и никакого снижения его численности в Байкале на самом деле нет.

В свою очередь, сотрудник ВСО ВНИОРХ (в будущем профессор), доктор биологических наук, П. В. Тюрин ссылаясь на существование в 19 веке бочек емкостью 40 пудов на Каспийских рыбных промыслах. По его мнению, применение больших бочек объяснялось, главным образом, условиями транспортировки. Бочки делались с таким расчетом, чтобы их можно было вывезти гужевым транспортом (такая большая бочка хорошо ложилась на телегу или сани). Аналогичным образом аргументировалось удобство транспортировки таких бочек на судах по Байкалу.

С 1883 г. вес бочек снизился до 25 пудов (410 кг). При высоте 90 см и диаметре дна 73 см бочка имела объем 0,33 м³. За вычетом веса самой бочки (около 2 пудов) на рыбу приходилось 23 пуда (377 кг) (Цивилев, 1993; Кирилов, 1886). Образец такой бочки сохранился в краеведческом музее им. Н. М. Ревякина в п. Хужир на о. Ольхон. Измерения внутри емкости показали, что высота бочек на маломорских промыслах в то время была 85 см, при диаметре 72 см. Расчет показывает, что войти в такую тару могло как раз 23 пуда омуля. На аналогичные размеры бочек указывает П. Е. Кулаков (1898) в описании быта бурят Ольхонского ведомства (5/4 аршина высота и 1 аршин в диаметре). С учетом порки и усолки омулевая бочка образца 1880-х гг. эквивалентна 4,9 ц омуля-сырца.

Способ транспортировки омулевых бочек весом в 25 пудов можно рассмотреть на дореволюционной фотографии, сделанной на Малом Море в Базарной бухте во время рыбной ярмарки (рис. 13.2). Судя по фрагменту фото, для транспортировки бочек применялись двухколесные телеги с большими колесами (типа арбы). На повозку укладывалась, как видно на фото, одна бочка.

По мнению П. В. Тюрина, уменьшение размеров бочек с 35–40 пудов до 25 пудов после 1883 г. было связано с уменьшением уловов омуля в Байкале. Растущий спрос на омуля при снижении

Рис. 13.2. Телеги для транспортировки омулевых бочек
(фрагмент фотографии из краеведческого музея им. Н.М. Ревякина, п. Хужир)

предложения отразился на ценах на рыбу, которая стала стоить дороже. Эта причина и заставила промышленников уменьшить емкость бочек при сохранении цены (Тюрин, 1934). Еще в 1855 г.

Рис. 13.3. Бондарня на рыбоделе. Заготовка бочек для засолки рыбы (стереофотография из серии «Восточная Сибирь», 1912 г.)

С.И. Черепанов писал: «И здесь не могу упустить случая указать на недостаток соображения: если неодновременный засол в одну большую бочку вредит рыбе, то, кажется, есть очень простое средство иметь бочки меньшей величины, так что как бы ни был мал улов, засолить его враз и закупорить» (Черепанов, 1855).

При исследовании внеземледельческих промыслов сельского населения Забайкалья В.К. Солдатов (1912) пишет, что в Баргузинском уезде в начале 20 века в бочки входит до 20 пудов, а в Селенгинском до 25 пудов. Кроме бочек, упоминаются лагуны (емкости усеченной конической формы), которые использовались как тара более мелкой фасовки и вмещали не более 4 пудов (рис. 13.3–13.5).

В 1931 г. омулевые бочки имели наружную высоту 80 см и диаметр дна 68 см при объеме 0,2 м³. В них входило 15–16 пудов (245–262 кг) омуля. Пересчет на рыбу-сырец дает 320–340 кг (Тюрин, Сосинович, 1934).

Автором в д. Сухая Кабанского района на одном из подворий измерены и сфотографированы две хорошо сохранившиеся бочки начала 20 века. Параметры этих бочек были: диаметр 56 см, высота 69 см при внутреннем их измерении. Объем, соответственно, составил примерно 170 л, что соответствует 12 пудам посоленной в них рыбы. В соседнем амбаре нашлась и более мелкая тара-лагуны (рис. 13.6–13.7).

В середине 20-го века размеры бочек еще более уменьшились. Измеренная нами бочка в музее им. Н.М. Ревякина в пос. Хужир была высотой 67 см и диаметром 42 см при внутреннем ее измерении. В среднем, такая бочка вмещала около 1 ц омуля. На других промыслах Байкала использовались бочки объемом 100 л. Так, измеренная в с. Посольское бочка середины 20 века имела внутренние диаметр 40 см и высоту 76 см (объем 100 л).

Рис. 13.4. Бондарное отделение одного из нижнеангарских рыбоделов в Дагарах. Бочки на 25 пудов начала 20 века, один из бондарей делает лагуны (по: Кузнецов, 1909)

Рис. 13.5. Погрузка бочек с омулем (дореволюционная открытка)

Рис. 13.6. Бочки начала 20 в.
(д. Сухая, фото автора)

Рис. 13.7. Лагуи (д. Сухая, фото автора)

В дополнение к вышесказанному можем лишь добавить, что в настоящее время бочечный посол омуля на Байкале канул в лету, а последние омулевые бочки, применявшиеся на промысле в конце 20-го века, имели следующие размеры: высота — 52 см, диаметр — 34 см при объеме 40 л. Селенгинских нерестовых омулей целиком в них входило не более 90 шт. В настоящее время можно увидеть лишь стилизованную под бочку сувенирную упаковку на витрине супермаркета (рис. 13.8).

Рис. 13.8. Прошлое и настоящее (фото из краеведческого музея им. Н.М. Ревякина в пос. Хужир)

Судя по всему, как «славный корабль» поэтом могла быть воспета бочка-сороковка 19 века (рис. 13.9).

*Шел я каргой, — и пришел, наконец,
К бочке, дресвою залитой.
Нечего думать, — бог счастья послал:
В этой посудине бык не утонет;
Труса достанет и на судне вал —
Смелого в бочке не тронет...
Четверо суток верчусь на волне;
Парусом служит армяк дыроватый,
Добрая лодка попалася мне, —
Лишь на ходу мешковата...
Славное море — привольный Байкал,
Славный корабль — омулевая бочка.
Ну, Баргузин, пошевеливай вал.
Плыть молодцу недалеко!*

(Д.П. Давыдов, 1848)

Рис. 13.9. «Бродяга» и его «славный корабль» (фото автора)

Бондарным ремеслом занималось население близ основных районов промысла рыбы (в Селенгинском и Баргузинском уездах, Ольхонском ведомстве). Существовал отхожий бондарный промысел, когда на время путины мастера уезжали и работали непосредственно на тонях при рыбо-

Рис. 13.10. Продукция бондарного цеха
(фото из архива Кабанского рыбозавода,
1950-е гг.)

делах, ремонтируя старые и изготавливая новые бочки. Лагуны и бочки зачастую изготавливались по заказу крупных промышленников, которые делали предоплату в размере половины стоимости партии. Материалом служили сырая сосна, реже — кедр. На доски шло прямое дерево без сучков. Железо было дорогое, поэтому обручи до 30-х гг. прошлого века делались не из металла, а из березовых или ивовых веток определенной толщины и длины, расколотых пополам. Из заготовленного материала 2 человека могли изготовить 50 бочек за 30 дней (Кулаков, 1898). На местных ярмарках готовая бочка стоила 1 руб. 30 коп. При ее доставке ремесленником на места промысла, в частности на Северный Байкал, стоимость возрастала до 1 руб. 50 коп. — 2 руб. 50 коп. (Цивилев, 1993). Занимающиеся

отхожим промыслом и нанимающиеся на работу к промышленникам на рыбные промыслы бондари получали плату 50–80 руб. за сезон (Кулаков, 1898). На рис. 13.10–13.13 можно увидеть образцы омулевых бочек советского периода.

Рис. 13.11. Маркировка готовой продукции на Маломорском рыбозаводе (фото из фотоальбома Иркутского рыбопромышленного треста, 1947 г.)

Рис. 13.12. Продукция рыбозавода (фото из фотоальбома Кабанского рыбозавода, 1960-е гг.)

Рис. 13.13. Продукция рыбозавода (фото из фотоальбома Кабанского рыбозавода, 1960-е гг.)

Глава 14

Байкальская рыбная кухня прошлого

*Жители с. Култук на южном Байкале за обеденным столом
(фото В. С. Житенёва, 1927 г.)*

В этой главе мы попытаемся восстановить часть меню людей, живших вокруг Байкала, точнее рыбную ее составляющую. Археологические исследования, давая ответ на вопрос о методах ловли рыбы и орудиях лова, в то же время практически ничего не говорят о способах ее употребления и заготовки впрок. Письменных и устных свидетельствах прошедших эпох, понятное дело, не осталось, а найденные на местах стоянок первобытных людей артефакты состояли только из кучи костей по соседству с кострищами. До зарождения собственно кухни и кулинарии оставались еще века, но рыба была той добычей, которую человек научился готовить одним из немногих доступных для него способов — на костре, скорее всего, в неочищенном виде, если, конечно, не съел ее еще сырой. Прочие способы приготовления и употребления рыбы унаследовали и сохранили до настоящего времени аборигены, живущие на этих территориях (якуты, эвенки, равно как и другие народы Сибири и Крайнего Севера). При всем обилии рыбы, кишевшей в девственных водах рек и озер, способов употребить ее в пищу и заготовить впрок, было не так много. На выбор: рыбу можно было съесть сырой либо запечь в костре. При дефиците соли, а часто при полном отсутствии таковой, чтобы законсервировать рыбу, можно было ее высушить, заморозить либо заквасить в вырытой яме.

Сырую рыбу ели и зимой и летом. Часто свежую, только что пойманную рыбу съедали тут же или слегка поджарив на вертеле. По-тунгусски, это называлось «талакаде» — есть сырую рыбу (Попов, 1926). Поскольку сырую рыбу жители Сибири ели веками, то какие-либо приправы и специи в исконном варианте блюда отсутствуют. Вместо них использовались подножные пряности — ложечная трава на крайнем севере материка или черемша, распространенная повсеместно. Свежие зеленые части этих растений очень богаты витамином С. Ложечница арктическая,

к примеру, обладает исключительными противоязвенными свойствами и в соленом виде использовалась европейскими моряками во время продолжительных плаваний. Употребление в пищу сырой рыбы с удовольствием было воспринято от местных жителей русскими переселенцами. Вместе с ними в Сибири появился репчатый лук — он стал дополнять черемшу. Одновременно при употреблении сырой рыбы стали использоваться соль, уксус, масло и специи. Постепенно блюдо трансформировалось в слегка просоленную и нарезанную ломтиками свежемороженную рыбу, приправленную маслом или чем-то кислым со специями, то есть в малосольный продукт типа пресервов. В настоящее время этот способ приготовления рыбы известен на Байкале под названием «сагудай», сибирское карпаччо.

Основным способом приготовления рыбы была ее термическая обработка. Семен Ремезов в Чертежной книге Сибири отмечает, что жители Сибири большей частью питаются рыбой, зверем и птицей часто даже невареными, а испеченными на огне (Ремезов, 1882). Связано это было с тем, что у тунгусов практически отсутствовала посуда кроме той, что делается из бересты. Металлическая и керамическая посуда появилась у них после знакомства с другими народами: сначала монголами и китайцами, затем с русскими. Только в 19 веке в обиход вошла покупная утварь — медные котлы, чайники, фарфоровые чашки. «Они (тунгусы) загребают рыбу во всем ее составе, т. е. нераспоротою и неочищенную от чешуи, в горячую золу своих вечно пылающих очагов, и дают ей там испечься. Способ этот называется тулунить рыбу, от монгольского слова тулун — кожаный мешок» (Черепанов, 2008, с. 133).

Этнографы начала 20 века отмечают способы горячего приготовления рыбы, уже явно заимствованные у переселенцев с запада вместе с металлической посудой: «Варят тунгусы всякую рыбу — и крупную и мелкую. Варят рыбу обычно в котле. Получившееся кушанье называется «херба». Рыбу не любят сильно разваривать. Дают воде вскипеть, и когда рыба немного размякнет, котел снимают с огня. Самую похлебку, которая, бывает часто довольно безвкусной, потому что самая рыба варится мало, в пищу не всегда употребляют. Иногда варят особую похлебку из голов. Головы эти предварительно копятся и, когда наступает трудное время, нет свежей рыбы и мяса, их кладут в котел и начинают варить. Получается довольно густой навар. Рыбу жарят чаще всего на вертеле. Жареная на вертеле рыба, как и мясо, зажаренное таким же способом, называется одним словом — «хелявун». Рожон обычно делается плоским, чтобы рыба на нем не вертелась... Практикуется также жарение рыбы на сковороде. Жарить по-тунгуски — «иридем». Жареная рыба — «привча». Чаще всего, жаря рыбу на сковородах, поливают только водой, жир стараются не тратить. Мелких рыб чистят, распаривают им живот, вынимают внутренности и кости. Из крупных рыб костей не вынимают, рыба режется на части. Никаких приправ при жарении в рыбу не кладется» (Попов, 1926, с. 135). Содранную кожу с крупных рыб кладут на уголья, поджаривают. После чего едят с удовольствием. Рыбий жир — «люра» вытапливался из кишок рыб и сливался в цельные шкуры рыб, снятые мешком. Этот жир обычно употребляли в пищу, подмешивая к сушеной рыбе, иногда, как большое лакомство, его хлебали ложками.

Одним из основных способов заготовки рыбы впрок в отсутствие соли было ее вяление. Известная у народов Крайнего Севера и Дальнего Востока как юкола, на Байкале подсушенная на солнце и ветре рыба называлась апчаном. В Словаре русских народных говоров Забайкалья Л.Е. Элиасова определяется апчан как «вяленый омуль» (Элиасов, 1980). Своим происхождением слово «апчан» обязано, скорее всего, тунгусскому «пч», что значит «загорелый» и относится в равной степени как к рыбе, так и мясу. Заготовкой апчанов занимались в летний период: «Каждо лето мы много на осень, да и на зиму апчанов готовим. Патрошим омуль, немного в рассоле продержим — и на палку. Дён за десять омуль просохнет насквозь, вот и апчан готов». Вяление рыбы шло при хорошем солнце, в связи с этим существовал особый вид промысла — апчанить: «Выбери солнеченое место, повесь омулей, пусть апчанятся ... Когда солнца нету, то и апчанить нечо: вместо апчанов одних червей снимешь ... Хороший апчан с год пролежать может» (Элиасов, 1980, с. 55) (рис. 14.1).

Любопытная особенность вяления рыбы тунгусами отмечена П.Ф. Поповым (1926). После разделки рыбы ее на особых палках развешивают в чумах у отверстия для выхода дыма, где она слегка коптится и лишь затем сушится на свежем воздухе. Иногда при сушке рыбку, пока та еще не отвердела, облепляли ягодами голубики и раскладывали на решетки для сушки мяса. Получалась копчено-сушеная рыба, в которую влипли ягоды.

Рис. 14.1. Апчан (фото автора)

Вяленый на солнце омуль был подспорьем в питании рыбаков и кормом для собак. Н.В. Кирилов, описывая порядки на байкальских рыбных промыслах, в частности, писал: «Кроме засаливания, рыбу еще сохраняют и в вяленом виде. Главным образом, этим занимаются рабочие для себя: некоторые успевают приготовить до 200 апчанов. Для сего омуль чистится, слегка засаливается и вешается на палке или веревке на солнце: здесь он высохнет, потемнеет, принимает отчасти вкус копченого: едят его сырым или жареным» (Кирилов, 1886, с. 59). Мелкая рыба (плотва, елец, окунь) также сушилась впрок и называлась уже не апчаном, а протвой (Элиасов, 1980). Наш рассказ о сушеной рыбе будет неполным без упоминания о таком виде сушеной рыбы как позем. Если для изготовления апчанов шла цельная рыба, то позем изготавливался из рыбьих боков, не захватывая брюшка и спинки, без костей, после чего филе рассекалось на рубешки и вывешивалось для просушки. Когда продукт достаточно провялится, чтобы он впоследствии не заплесневел, его слегка поджаривают на огне, после чего связывают в пучки числом до 20 штук поземов и так хранят (Зуев, 1947) (рис. 14.2).

Рис. 14.2. Позем из щуки

Как вариант, высушенную на солнце рыбу можно было растереть в порошок и таким образом сохранить на зиму. С появлением металлической посуды местным населением рыба стала заготавливаться в варено-сушеном виде. После просушки рыбная масса толклаась, растиралась в порошок и называлась порсой. Продукт, известный в настоящее время как рыбная мука, составная часть комбикормов для животноводства, в прошлом был частью меню как аборигенов-кочевников, так и беднейших слоев оседлого населения, в том числе ссыльных и каторжан в зимний период.

Прибайкальские тунгусы употребляли рыбу зимой главным образом в виде растертого порошка — пурчи. Сушить рыбу впрок называлось «пурчанде». Когда рыба достаточно просохнет, с нее сдиралась шкура и затем тушка растиралась между ладонями. Полученная мука складывалась

в кожаные мешки (потакуи) либо берестяные короба, закрывалась сверху корой и хранилась на лабазах.

С появлением металлической посуды, медных чайников, тунгусы стали заядлыми любителями чаепития, что вообще-то характерно для Сибири — потребление чая здесь многократно превышало потребление его в Европейской части России. Суровые условия обитания требовали постоянного тонуса, а горячий чай был своего рода адаптогеном. Чайник всегда висел на костре в чуме, у рыбаков на таборе, а за еду не садились без чая. В губернском отчете за 1850 г. особо отмечается, что инородцы вовсе не могут обходиться без кирпичного чая (Шмулевич, 1985). Чай не пился пустым, к нему подавалось блюдо из пурчи. Для этого еще на этапе заготовки (пурчанде) в рыбный порошок добавлялись ягоды голубики. К зиме пурча пропитывалась ягодным соком и в таком виде употреблялась с чаем. Хлеб при этом не использовался — его заменяла пурча. Иногда пурчу мешали с рыбьим жиром, разогретым на сковороде и в этом случае ее ели ложками. Пурча с рыбьим жиром употреблялась как закуска перед чаем или вместе с чаем. При заготовке впрок ее мешали также и с оленьим салом. По замечанию П. Ф. Попова такую роскошь могли себе позволить лишь богатые тунгусы — и жир и сало большинству аборигенов были недоступны, и им оставалось довольствоваться голубикой.

Изготовление рыбной муки от инородцев было воспринято русскими переселенцами, по мнению которых порса в течение довольно длительного времени не приедалась и использовалась в пищу во время продолжительной зимовки и во время постов. Изготовлением порсы занимались рыбаки на всех байкальских рыбных промыслах. Для этого шла мелкая и некондиционная рыба, негодная в засол. Рыбу варили, отделяли от костей, отжимали, измельчали и затем сушили на солнце или в печке. Высушенную массу растирали и пропускали через сито, чтобы отделить более крупные частицы. Готовую порсу сыпали в мешки. Из «Статистического обозрения Сибири» Ю. А. Гагемейстера (1854) известно, что в середине 19-го века порсы изготавливалось от 2 до 3 тысяч пудов и почти вся она шла на восток в Нерчинский край, где при общем недостатке продовольствия использовалась для пропитания населения отдаленного края, и в особенности для ссыльных. Способ употребления порсы в пищу приезжим населением не отличался большим разнообразием. Стоил этот продукт дешево — 5–6 руб. за пуд (Раддэ, 1858) и использовался зимой беднейшим населением для приготовления похлебки. Мелкие частицы порсы засыпались как крупа в воду и варились. На основе этого бульона приготавливались довольно невкусные щи. Также зимой из порсы готовили густое варево наподобие каши. Часто кашу из порсы смешивали с так называемой «деревянной кашей» из заболони лиственницы, сосны или березы. Порсу добавляли в муку для выпечки лепешек.

Об употреблении рыбы аборигенами в мороженом виде сообщают уже самые первые печатные источники. Так, один из первых картографов Сибири С. Е. Ремезов пишет, что местные оскобленную мерзлую рыбу, называемую строганиной, считают за верх лакомства и употребляют ее без всякой приправы. Строгалась крупная рыба, как правило, лососевые и сиговые — нельма, сиг, муксун и др. На Байкале употребление мороженой рыбы трансформировалось из строганины в так называемую расколотку. Связано это с тем, что местная мороженная рыба, а это, как правило, омуль или хариус были небольших размеров, строгать которые не сподручно. Зато очень удобно было раздробить их на кусочки обухом топора прямо на пороге избы, предварительно завернув в мешок или тряпку. На расколотку шла очень глубоко замороженная рыба. Достаточно сказать, что 15–20 градусов мороза в холодильнике недостаточно для раскалывания жирной рыбы, необходимую температуру обеспечивали лишь сибирские морозы.

Для консервации рыбы в отсутствие соли в древности применялось ее заквашивание в ямах. Квашение — один из древних способов хранения рыбы у народов, живущих в местах, богатых рыбой и бедных солью. Рыбу закапывали в ямы, устланные корой, засыпали землей на длительный срок, как правило, до зимы, когда и употребляли в пищу. Побывавший на Байкале А. Мичи отмечает, что тунгусы Северного Байкала нередко едят омуля «гнилым». Несколькоми годами ранее натуралист Г. Радде, повествуя о быте бурят о. Ольхон, пишет: «За неимением обильных запасов соли, они весьма дурно заготавливают рыбу впрок и нередко едят ее тухлою» (Мичи, 1868, с. 142).

В основе такого способа заготовки рыбы лежит брожение (ферментация), во время которого собственные ферменты рыбы и бактерии образуют различные кислоты и сероводород. Ферментация занимает в иных случаях несколько месяцев и даже лет. В итоге получается весьма странный для

большинства людей продукт (иногда это сама рыба, иногда рыбный соус). Все эти блюда объединяет одно — запах — от сомнительного до невыносимого, смотря по тому, как далеко зашли процессы ферментации.

В настоящее время подобные рыбные деликатесы из квашеной рыбы сохраняются в национальной кухне многих народов. Скандинавы обожают квашеную селедку — «сюрстреминг», на р. Печора заквашенная рыба носит название «печорский засол», а степень ферментативного брожения достигает такой степени, что есть такую рыбу приходится ложками. Якуты с древности квасили мелкую рыбу в неглубоких ямах, выложенных корой. Через некоторое время рыба прокисала, и такой продукт назывался «сымой» или «агараном». Аналогичным образом на северо-востоке России из лососевых рыб чукчи готовят «оргыз» или «копальку». Соусы из перегнившей рыбы широко применяются в азиатской кухне. Даже такие модные в настоящее время японские суши или роллы в исконном варианте представляли собой заквашенную вместе с рисом рыбу.

Отголоски такой культуры консервации и потребления рыбы сохранились и на Байкале — омуль с душком не что иное как начальный этап ферментации рыбы в отсутствие достаточного охлаждения при малом количестве соли. Жившие по берегам Байкала береговые тунгусы и байкальские береговые буряты испокон веков ели такую ферментированную рыбу. Осенью омуля потрошили, солили, укладывали в бочку, закапывали в землю или ставили в прохладное место. При этом была важна концентрация соли, ее должно быть как можно меньше. Весной доставали уже готовый, ароматно пахнущий, но абсолютно безопасный продукт. Такую рыбу еще иногда называют омулем по-медвежьи. Медведь, поймав омуля, не ест его сразу, а сваливает в яму, закидывает валежником и выжидает, а есть начинает, только когда рыба сильно запахнет. Все знают о ловле медведями лососей в реках Дальнего Востока. Ловля байкальского омуля медведями не так распространена и мало кому известна, но тем не менее, работавший в 1932 г. в Чивыркуйском заливе исследователь байкальского омуля К.И. Мишарин записал свидетельство усть-баргузинского охотника Шелковникова, наблюдавшего на р. Большой Чивыркуй как медведь ловит идущего на нерест омуля, которого тут же зарывал в мусор на берегу (Мишарин, 1932).

Между тем, привычка есть заквашенную рыбу выработалась, в основном, у народностей, живущих в местах, богатых рыбой. Например, те же самые тунгусы, но только не береговые, а живущие в тайге (оленные или ороченые), такую рыбу по свидетельству этнографов не ели. О таких тунгусах П.Ф. Попов писал: «Квашение рыбы тунгусам совершенно чуждо. Тунгусы не только не квасят сами, но и не едят квашеную рыбу. Сколько-нибудь пахнущую рыбу тунгусы пренебрежительно отбрасывают в сторону, называя ее гнилой. Точно также тунгусы не едят и соленую рыбу, называя ее прокисшей» (Попов, 1926, с. 119). Аналогичное отношение и к мясу — например, солонину, предлагаемую русскими, категорически не приемлют, предпочитая свежанину.

Особенное значение в рационе жителей Прибайкалья и Забайкалья имел соленый омуль. «Употребление жителями губернии соленых омулей, говорится в губернаторском отчете за 1850 г., так обратилось в привычку, что они в домашнем быту не могут обойтись без этой рыбы, точно так же, как инородцы без кирпичного чаю ...» (Шмулевич, 1985). «Омуль у нас здесь, все равно, что царек! Недаром про нашего брата сибиряка и пословица сложилась, что ежели, говорят, сибиряк умирать будет, так ему губы только помажь омулем — сейчас оживет» (Стахеев, 1869, с. 43). «Омуль в Иркутске и местах, с ним сопредельных, служит почти единственной пищей простого народа. Его встретите вы приготовленного вроде селедки, и в доме купца миллионера, его же ест на базаре какой-нибудь бурят-поденщик: одним словом, не будь омулей, бедный народ в Иркутске хоть умирай с голоду. Дорого мясо, дорога и не питательна крупа или картофель, а за омуля рабочий человек заплатит три копейки, съел его прямо сырого без всякого приготовления, выпил стакана два кирпичного карымского чая (низкий сорт чая, в плитках, употребляется преимущественно жителями Забайкалья — бурятами и метисами-карымами. Толченый чай варится в горшке с прибавлением молока, сметаны или масла, соли) за пять копеек, вместе и с обедом и с чаем, сыт с утра до самого ужина. Дешевле этого, кажется, трудно найти какую-нибудь пищу для простого чернорабочего человека» (Иркутские губернские ведомости, 1877).

По свидетельству современников в 19 веке жители Иркутска ожидали первых свежесоленых омулей, так же, как в Петербурге ожидают первые апельсины. В Иркутске тогда было две пристани: рыбная и чайная. Когда привозили в город первых омулей и икру свежего засола,

полгорода собиралось на берегу. Каждый покупал, кто сколько может. Тогда на рынке царил (гордость Иркутска) истекающий медленным янтарным жиром омуль. Улица города в то время выглядела примерно так: из десяти пешеходов, пять, наверное, несут перед собой на палочке омулей. Для удобства каждый мелочный торговец омулями имел у себя запас деревянных спиц, которыми снабжал покупателя для того, чтобы ему удобно было нести одну или несколько рыбин, только что вынутых из рассола. Главной закуской иркутян тогда был омуль под кедровым маслом и зеленым луком. Особенно ценился селенгинский. Мало того, на рынках, так называемых «обжорных рядах», продавался рассол, из которого уже давно вынута рыба. Желая полакомиться покупает калач или булку и чашку рассола, в который обмакивает хлеб и ест его с тем же наслаждением, с каким иные, кладут в рот бисквит, обмакнутый в шампанское (Черепанов, 1855) (рис. 14.3).

Рис. 14.3. Привоз соленого омуля в Иркутск (открытка, 1929 г.)

Устное народное творчество тех лет давало жителям разных местностей характерные прозвища или обидные сравнения. Например, томичей называли «гужи объели», забайкальцев — «байдаражники» (байдара — глиняная посуда, в которой варят чай). Иркутян же звали «кривой омуль» или «омулятники» (Станиловский, 1912), очевидно имея в виду, что львиная доля всего добываемого омуля уходила на продажу в губернский центр. Неудивительно потому, что горожане хорошо разбились во всем омулевом многообразии. Омулей в засол в 19 веке считалось пять сортов: 1) коргинский-селенгинский (ловимый по берегам Байкала около Селенги летом), 2) коргинский-верхнеангарский, 3) баргузинский, 4) верхнеангарский осенний и 5) селенгинский осенний (Пежемский 1853). Лучшим среди них считался селенгинский осенний: «Селенгинский омуль крупный белый и в солении крепкий и вкусный, баргузинский в солении слабее и уступает по вкусу селенгинскому, верхнеангарский мельче селенгинского и даже баргузинского и по вкусу уступает им обоим (Гагемейстер, с. 225). От себя добавлю, что позже предпочтения жителей Иркутска несколько изменились — в последнее время к ним добавились соленый маломорский омуль, ловимый в проливе Малое Море и посольский — осенний нерестовый омуль, заходивший на нерест в р. Большая речка.

Технология засолки омуля была такова, что соленый омуль доходил до покупателя уже с характерным душком. И если душок был «правильным» то такой омуль пользовался особым спросом. Знатки различали омуль с трехдневным, недельным и т. д. душком. Омуля солили поротым «на пласт», то есть с распоротым брюшком и подрезанными ребрами вдоль хребта. Плохое качество соли, отсутствие охлаждения, посол необмытой от крови и слизи рыбы, приводили к тому, что посоленная рыба приобретала характерный дух и спрос на такую рыбу иногда был даже большим, чем на рыбу без запаха. Кроме засолки «на пласт», практиковалась засолка «на колоду», когда из рыбы вынимались внутренности, но вдоль хребта она не разрезалась.

Проводивший исследования на Байкале в начале 20 века профессор киевского университета А.А. Коротнев с удивлением отмечает, что иных способов обработки рыбы, как копчение или маринование местное население не знает и даже считает их совершенно непригодными (Коротнев, 1901). «Приходится утверждать, — пишет врач Н.В. Кирилов, — что большинство промышленников оказываются консерваторами во всех отношениях... Не думают учиться в других странах или хотя бы на Каспийском море лучшим способам приготовления рыбы. Считают странным предложение продавать лучшего омуля в стеклянных банках, подобно голландским селедкам. Мало всего этого, недостаточно сказать, что все первобытно, с прискорбием надо признать, что заведомо готовят еще вонючую рыбу. Если до Иркутска рыба выдерживает и вони не дает, то пока она идет до потребителя в Нижнеудинске или Верхотуренске, бог знает, что с ней становится. В комнату свежий человек не захочет войти, если там стоит такая «лакомая» закуска на столе» (Кирилов, 1886, с. 68–69).

Ситуация с соленым омулем изменилась только 40-х гг. 20 века. На всех рыбоучастках, занимающихся посолом, появились ледники, рыба стала солиться без ее разрезания, целиком, с добавлением колотого льда и соли строго по технологии (т. н. «культурный засол»). После просаливания омуль помещался в бочки, прессовался и заливался чистым холодным рассолом (тузлуком). Улучшилось качество и срок хранения продукта, у соленого омуля, приготовленного по технологии, исчез пресловутый «душок».

Соленый товар был главным, и только в зимнее время на рынок поступала свежемороженая рыба. Омуль, ловимый осенью и зимой, морозился и копился на промыслах. В течение зимы эта рыба развозилась по местам продаж и называлась рассыпной. Свежих зимних омулей было четыре сорта: 1) бугульдейский и ольхонский — самые лучшие, омули эти невелики, но очень вкусны и жирны; 2) чивыркуйский; 3) коргинский; 4) котцовый (нерестовый омуль из рек Посольского сора и Чивыркуйского залива — самый последний по вкусу, так как до морозов сидит в ловушках и спадает с тела.). Верхнеангарской мороженой рыбы не бывает, и зимних промыслов там не производится (Пежемский, 1853).

На рынок поступала омулевая и осетровая икра. По данным Ю. Гагемейстера (1854) в середине 19 века осетровой икры на Байкале солилось 50 пудов, омулевой — 200 пудов. Особенно в больших количествах заготавливалась икра омуля. Солилась она непосредственно в местах лова, бочками же вывозилась на рынок. От небрежности при приготовлении, попросту от неумения правильно посолить икру, хранился такой продукт недолго, становился горьким, поэтому пользовался спросом только у простого народа. Икру ели как обычное кушанье. Чтобы отбить неприятный запах, употребляли ее с уксусом, перцем и луком. Несколько в стороне стояли дорогие сорта осетровой икры: свежая зернистая или паюсная. Осетровая икра готовилась либо на местах промысла, либо уже в Иркутске (существовала практика доставки живых осетров в столицу края). Городские газеты конца 19 — начала 20 века пестрели объявлениями о продаже свежей осетровой икры, изготавливаемой ежедневно. При описании рыболовных промыслов Восточной Сибири Н.С. Щукин (1847) отмечает, что долгое время икра на Байкале употреблялась на месте свежей или слегка присоленной, но потом сибиряки выучились изготавливать паюсную икру, которую ранее вывозили из России. А осетровый пирог по его словам — такое кушанье, с которым нет сравнения.

Сказанное выше к кулинарии имеет отдаленное отношение. Поэтому, далее несколько слов о собственно байкальской рыбной кухне, как набору блюд и кулинарных приемов, свойственных той или иной местности, либо определенной общности людей.

Особенностью старой сибирской рыбной кухни была ее простота. Что правда — то правда, каких-то особых кулинарных изысков в далекой Сибири раньше не наблюдалось, похвастаться тут нечем. Суровые условия, пресловутое рискованное земледелие зачастую сужали простор для кулинарных фантазий. Действительно, Забайкалье — это далеко не Малороссия. Так, мука была преимущественно ржаной, из зелени — зачастую только лук и соленая черемша. Правда, все эти недостатки с лихвой покрывались великолепным вкусом местной рыбы.

Несомненно, многие способы приготовления пищи были привезены переселенцами — российскими крестьянами, казаками, а также бежавшими от гонений старообрядцами, жившими до этого у разных водоемов на западе Империи. Новые сибиряки — выходцы из разных мест сумели не только сохранить традиции приготовления рыбы, но и приспособить их как к новым условиям ведения домашнего хозяйства, так и к другому составу ихтиофауны.

Начать следует, разумеется, с ухи.

«Ночь... На камнях Святого Носа,
На гранитном его горбу,
Разжигают костры матросы
Омулевку варить — щербу.
Трое русских и два бурята —
Баргузинские моряки...»

Лев Кондырев

Исстари рацион байкальских рыбаков составляли рыба и чай, чай и рыба. Мясо было большой редкостью. Щерба, состоящая из одной воды и рыбы, служила повседневной пищей членов рыбацкой артели. На промысле нет ни молока, ни овощей, ни сахара; хлеб обычно ржаной, и лишь изредка домашние присылают из дому пшеничные калачи. В словаре байкальских говоров Л.Е. Элиасова отмечаются лексемы, характеризующие наименования рыбных похлебок: шарба, шерба, щерба. Щерба — похлебка из свежей рыбы, сваренная на противне; шуля — рыбий навар, бульон (Элиасов, 1980). Само слово «щерба» имеет, вероятнее всего, тюркское происхождение и распространено во многих говорах русского языка. В традиции байкальских рыбаков варить уху или щербу не в котелке, а на противнях или сковородах — в один слой рыбы. Такая уха так и называется «по-рыбацки» и зачастую состоит только из воды и рыбы.

Любимой ухой на Байкале всегда являлась все-таки налимья, особенно если она приготовлена из свежей рыбы. Самым лучшим считался налим из р. Турка, имеющий самый превосходный вкус; иркутяне также уважали налимов, пойманных у себя под боком — в р. Ангара и р. Иркут, очевидно из-за того, что тот всегда бывает на рынке свежим. Считалось, что уха из налима, сваренная с икрой, молоками и максой (печенью) мало в чем уступает ухе стерляжьей. Вместе с тем, лежалые налимы считались нездоровой пищей, особенно для людей со слабым здоровьем (Пежемский, 1852). Наименьшим спросом пользовался налим, выловленный на Северном Байкале: «Налимы, улавливаемые в Байкале около берегов Верхней Ангары, вместе с другой рыбою, вовсе негодны в пищу: мясо их невкусно и деревянисто, так что даже рабочие люди едят его только во время безрыбицы... Однако ж, и из тамошних налимов постоянно вынимают молоки, максу и икру, которые, поистине превосходны и составляют лакомый кусок: их варят с другой рыбой и уха эта бывает отличного вкуса. Собственно, икра налимя очищенная и приправленная солью, составляет лакомое блюдо и употребляется в пищу тотчас по приготовлении» (Кирилов, 1886, с. 14). Местные считали, что если икру налима, только что вынутую, приправить солью и лимонным соком, то она будет подходить вкусом на устрицу, с тем только примечанием, что мало кто из сибиряков вообще знает, что это такое устрица.

Одним из лакомых блюд на байкальских рыбных промыслах летом являлась жареная на «рожных» рыба. Конечно, употребление в пищу жареной рыбы было возможно лишь при хорошем улове, когда попадает достаточное количество подходящей по размерам рыбы. Обычно это был омуль, но годились также окунь и щука. Напротив, хариус или сиг не подходили, так как плохо держались на рожне. Омуль на рожне — это своего рода шашлык из рыбы. Основным условием приготовления являются жаркие угли, на которых рыба жарится в собственном соку. А рожон — это выструганная палочка из дерева хвойных пород, наподобие шампура, на которую нанизываются куски рыбы или омуль целиком, и затем жарятся на углях.

У русского населения наиболее распространенным способом потребления рыбы (после соленого омуля) было печение ее в пирогах или так называемых кулебяках. Еда эта была и праздничной, и на каждый день. Пироги были обязательным атрибутом свадебного, новогоднего, именинного и любого другого праздничного стола. Бытописатели середины 19 века сообщали следующее: «В здешних местах отчасти соблюдается еще старинный обычай, чтобы в великие праздники, особенно в Пасху и Рождество, в первый день не садиться за стол без осетрового пирога. Лучшая торговля рыбой и сбыт ее бывает, разумеется, в такое время, когда и другие отрасли торговли идут в Иркутске без застоя, когда хороши цены на провоз тяжестей, а у крестьян и казаков значительные урожаи хлеба и трав: тогда не скупится и деревенский мужичек в праздничный день скушать со своей семьей торговый пирог и попотчевать осетровой икрой приятеля» (Пежемский, 1852, с. 6).

Но праздничное блюдо — есть праздничное. В повседневном быту в пироги шла любая рыба, а не только осетрина, не имеющая костей. Зачастую рыбный пирог представлял собой рыбу, упакованную в ржаное с «закалом» тесто. Перед укладкой рыба, конечно, потрошилась, но часто даже не чистилась и не очищалась от костей. Трудно было есть такой пирог. Для иллюстрации приведем отрывок из статьи С.И. Черепанова «О рыбном ловле в Сибири» (Черепанов, 2008, с. 131). Действие происходит в с. Култук, что на юге озера Байкал в 1884 г.:

« — Что это? — спросили мы в ужасе.

— Да видите ли, родимые, — ответила скромно хозяйка, — место-то здесь, как, может быть, изволите знать, неурожайное; хлебец-то чёрный родится, так вот корочка немного темновата.

— Какое немного, да она совсем черна! Неужели это хлеб?

— Да, гостюшки мои дорогие, уродился в этот год с травкой, так и смололи вместе; бедность у нас в хлебе-то...

Мы соблазнились и начали пробовать рыбу, тщательно отделяя её от некрасивой оболочки, на которую некоторые из нас не могли даже смотреть. Рыба в пироге была необыкновенно вкусна, но её было очень недостаточно для утоления голода нашей компании; некоторые смельчаки решились попробовать корку, и нашли, что она, пропитавшись соком рыбы, получила необыкновенно приятный вкус. Наши дамы недоверчиво посмотрели, — и вскоре чёрные корки, нижняя, верхняя и боковые, совершенно исчезли с лица деревянного блюда».

Существовало немало рецептов самых разных пирогов, свои особенности были в каждой местности. Например, в Сибири, в местах, где много ловят налимов, делают пироги из одних только налимовых молок, — вкусом такие пироги не уступают знаменитым страсбургским. Большой популярностью всегда пользовались расстегаи — пирожки, у которых сверху имеется специальное отверстие. На Руси издавна славилась пироги, расстегаи и кулебяка с вязигой — спинным хрящом осетровых рыб. Будучи разваренной, вязига превращается в прозрачную студенистую массу. Поселившиеся на Байкале выходцы с Поволжья использовали для начинки хрящ байкальского осетра. Правда, за недостатком местного сырья, вязигу приходилось завозить из других регионов. Вязиги из осетров, улавливаемых в Байкале, собиралось не более 30 пудов, и расходилась она в основном для собственного употребления, не доходя до рынка. Основная масса вязиги завозилась в Иркутск с Нижегородской и Ирбитской ярмарок (Кирилов, 1886).

Хозяйки в поселениях семейских выпекали пироги. В пирог, прямоугольной формы, потрошенная рыба закладывалась целиком с костями и головой, приправлялась луком и постным маслом. Такой пирог подавался к семейному столу целиком. С него сверху снималась хлебная корка и раскладывалась по краям, а рыба в пироге поедалась так же, как из общей чашки похлебка, поставленная посередине стола. Кроме пирогов, рыбу, в основном окуней, сорогу, омуля, карасей, жарили на жиру или варили уху с картошкой с добавлением риса и лука. В старообрядческих поселениях некоторых районов Бурятии из рыбы выпекались и пироги по особому рецепту. Рыбу для начинки потрошили и освобождали от костей и голов. Кости отдавали кошкам, собакам, свиньям. Форма пирогов сохранялась так же прямоугольной и начинялась слоями: сначала поливается постным маслом, затем укладывается рис, рыбное филе, снова лук, рис, снова поливается маслом и полностью закрывается лепёшкой из теста. Выпекается и подается к столу.

Омулевую икру варили в маковом молоке или пряжили (жарили). Из икры пекли блины. Для этого ее долго взбивали, добавляли муку и пекли как обычно.

Жареных котлет, как мы это понимаем ныне, не знали, зато существовал рецепт старинной русской кухни — тельное из рыбы — своеобразные рыбные пудинги. Готовился он из чистого филе (то есть тела — отсюда и название). За неимением мясорубки, филе измельчалось ножом или сечкой в деревянном корытце. Добавлялась сметана. Центральный момент — полученную массу нужно было «перебить», или «оттяпать» в фарш (тельно). Фарш загребался в обе ладони и бросался обратно в тазик. И так много раз. Через некоторое время он становился упругим и пружинистым. Полученная таким образом масса каталась в шарики, варилась в соленой воде. Это блюдо называлось — коlobки и представляло собой холодную закуску. Правильно приготовленные коlobки должны были быть упругими и резаться наподобие сыра. Как оказалось, из всех видов байкальских рыб, коlobки можно было изготовить только из обыкновенной щуки, мясо других рыб не удавалось

перебить в нужную консистенцию. Колобки из щуки наряду с блинами и кутьей до сих пор считаются обязательным блюдом на поминальном столе в прибайкальских деревнях.

Карась, язь и сорога — рыбы особенно костлявые, поэтому шли преимущественно на жарку. Из рыбы вынимались внутренности, после чего та начинялась различными крупами: перловой, рисом, саго, просом, а также ягодами с крупой и вязигой. После чего рыба прожаривалась на масле до того, чтобы кости ее сделались ломкими. В таком виде по словам современников, язь довольно вкусен, но отзывается озером (Пежемский, 1852). Зимой принято было заготавливать из рыбьего рубленого и толченого мяса тысячами маленькие мясные пирожки или пельмени, варимые в воде и глотаемые сибиряками в один присест (Черепанов, 1855). Необходимо еще добавить, дабы не обидеть еврейский народ, появившийся в здешних краях одновременно с русскими, их национальное блюдо — фаршированная щука — стало неотъемлемой частью здешней рыбной кулинарии.

Вопрос жиров, в частности, получаемых из рыбы, стоял не на последнем месте. Из растительных на местном рынке преобладало местное кедровое масло, другие приходилось завозить из других регионов, а оливковое, которое тогда называли «прованским», — из-за границы. Среди животных жиров в ходу был жир из байкальской нерпы, также употреблявшийся в пищу, но шедший в основном на технические цели: выделка кожи, освещение, смазка всего что крутится и трется. По Ю. Гагемейстеру (1854) на байкальских рыбных промыслах из омулевых кишок топили жир, которого заготавливалось в середине 19 века до 200 пудов. Рыбий жир использовался при хлебопечении, приготовлении пищи, а также для «жарки» сетематериалов (невода, к примеру, замачивались в жиру, что предотвращало ломкость веревок зимой на сильном морозе).

Рис. 14.4. Голомянки (фото автора)

Иногда после штормов на Байкале из глубин моря выбрасывало на берег рыбу, которая никогда не попадалась рыбакам ни в одно из орудий лова — голомянку, состоящую на 25–35% из жира: «Затихнет эта буря и пойдут наши ребята, бабы и девки по берегу эту голомянку собирать. Потом мы ее готовим на масло: вытопим значит жир и едим его вместо масла, ничего, ладно, кушанье скусное» (Стахеев, 1869, с. 44). Жир голомянки можно было съесть, а можно было продать в Иркутск тамошним аптекарям — в те времена он считался целебным (рис. 14.4).

Нужно ли говорить, что омуль для байкальцев являлся главной рыбой. Из него и готовилось наибольшее количество блюд. Соленый омуль имел то преимущество перед другими рыбами, что его можно было приготовить в разных видах: сырой, совершенно мерзлый, талый, облитый уксусом с прованским маслом — он составляет вкусную закуску; кроме того, готовится запеченный в пироге, в щаж, битый в «тельное», как холодное и как котлеты, жареный без всяких приправ в одной воде. Известно, что французский повар Пармантье, тот самый, который первый привез во Францию картофель, приготовил для французского короля Людовика XIV обед исключительно из одного картофеля. По воспоминанию писателя С.И. Черепанова (1855) нечто близкое к этому сделал бывший иркутский гражданский губернатор Иван Богданович Цейдлер (тот самый, что встречал и отправлял в ссылку за Байкал декабристов и последовавших за ними жен, образ которого воплотил на экране И.М. Смоктуновский в фильме «Звезда пленительного счастья»), когда вышел в отставку и жил уже в Петербурге. Он в долгое свое служение в Иркутске (с 1819 г. по 1835 г.) так полюбил омулей, что выписывал их в столицу и угощал своих знакомых обедом, приготовленным из них одних.

Рыба была неотъемлемой частью обрядовой кухни. Местное бурятское население, жившее по берегам Байкала в зонах развитого рыболовства, было в значительной степени ихтиофагами в отличие от своих степных сородичей, питавшихся мясной и молочной пищей. Во время путины рыба была на первом месте, что отразилось и на ритуальном столе, куда она стала входить наряду с молочными и мясными блюдами. Информаторы свидетельствуют, что рыбу, обычно сига, ставят

в качестве почетной пищи (нэрэтэ загaхан) на свадебный стол. Ее преподносят сватам со специальным благопожеланием: «Тулма загaхан һуулэрэ, Тулма һайдуд нюурэрэ» (букв.: «Рыбу видно по хвосту, а людей по лицу») (Жамбалова, 2004).

Значение рыбной пищи у старообрядцев Забайкалья, в первую очередь, обуславливалось религиозными соображениями. Рыба считалась пищей полупостной, и при том обилии постов, что были приняты в православной церкви, когда 2/3 года (от 192 до 216 дней) составляли постные дни, значение рыбы было очень велико. Только в «Домострое» перечислены блюда из 25 видов рыбы (и лишь 17 видов мяса), что же касается собственно кушаний, то только блюд из осетрины здесь названо более 30. Разумеется, семейским, строго соблюдавшим посты, очень повезло, что под боком оказался такой источник рыбы как Байкал. Трудолобивые и умелые земледельцы, староверы либо сами возили на продажу или для обмена на продукты, либо этим занимались купцы и рыбопромышленники, доставлявшие бочки с соленым омулем в сельскохозяйственные районы. Так, Верхотенский уезд Иркутской губернии, хлебная житница Прибайкалья, питался рыбой северобайкальских и маломорских рыбных промыслов, ближних к ним. Единоверцы из Бичурского, Мухоршибирского, Тарбагатайского районов Нижнеудинского уезда сами рыбачили по Селенге или спускались вниз по реке до Байкала, где и запасались всякой рыбой.

Такова была старая байкальская рыбная кухня, составленная нами на основании литературных источников прошлого и собственных изысканий. Современная рыбная кулинария, конечно, богата и разнообразна. Мы не ставили своей целью подробное описание многочисленных рецептов. Но есть небольшой перечень традиционных рыбных блюд, попробовать которые, приехав на Байкал, нужно обязательно. Приведены они исходя из предпочтений автора, следовательно, не всегда могут совпадать с мнением других. Одно «но»: неперенным условием такого кулинарного туризма должно быть отсутствие запрета на лов байкальского омуля, который временами вводится с целью поддержания численности популяции.

Соленый омуль. Соленый омуль — брэнд Байкала. Особенной местной изюминкой стал малосоленый байкальский омуль, слава о нежном вкусе которого известна далеко за пределами Сибири. Свежесоленый омуль настолько нежен, что его за один раз съедают по несколько хвостов даже те, кто обычно избегает рыбы. Чтобы приготовить действительно вкусный продукт, омуля нужно поймать в определенное время и в определенном месте. Омуль должен быть достаточной степени жирности. Лучше всего для этого подходит преднерестовый омуль, который идет на нерест в р. Селенга и имеет наивысшие кондиции. По старинной терминологии, это так называемый «спасовский» омуль, лов которого приходился на соответствующий православный праздник, то есть на август месяц. Созревает эта рыба на 8–10 году жизни, поэтому солить селенгинского омуля моложе 7 лет от роду имеет смысл, если нет другой рыбы. Кроме селенгинского омуля стоит отметить омуля из реки Верхняя Ангара. Нерестится он на севере озера, а вот нагуливается по всему озеру вплоть до Селенгинского мелководья и пролива Малое Море. По местной терминологии — это «маломорский» омуль («бутульдейка»), ловится он также в Чивыркуйском и Баргузинском заливах, доходит до р. Селенга. Созревает северный омуль на 2–3 года раньше, поэтому в размерах уступает селенгинскому, чего нельзя сказать о вкусе. Существуют разные способы его посола в потрошеном (крестьянский засол) и непотрошеном (культурный засол) видах, в зависимости от рецепта приготовления и времени, прошедшего со дня засола, сильно меняется и вкус рыбы. В ледниках соленая рыба может храниться все лето. Через 1–1,5 дня малосоленого омуля можно есть. Особенно ценится нежный вкус малосоленого омуля на 2 день после посола. При хранении малосольной рыбы при недостаточном охлаждении начинается процесс ферментации рыбы, и она приобретает характерный запах. Признавая вкус, фанатом такой рыбы автор, как и большинство, не является. Любители омуля с душком сохранились в местных деревнях, так как таким омулем селяне питались из поколения в поколение. Санитарные врачи не допускают такую рыбу на прилавки и столы общепита. И действительно, в регионе диагностируется ботулизм из-за употребления соленой и копченой рыбы. Следует избегать приобретения такого омуля на автомобильной трассе, а также на перронах и поездах дальнего следования.

Омулевая икра. Очень вкусный и крайне несложный в приготовлении продукт. Основная проблема состоит в том, что легального производства соленой омулевой икры не существует последние лет десять и рассуждать на эту тему мне дает только мой опыт ихтиологических исследований

на нерестовых омулевых реках. Немного о внешних признаках икры. Размеры икринок у омулей из разных нерестовых рек отличаются. У омуля рек Верхней Ангары и Кичеры и частично реки Баргузин икринки немного крупнее, чем у селенгинского омуля. Цвет также несколько отличается. В реках с быстрой прозрачной водой, богатой кислородом пигментация икры немного слабее, она более бледная по сравнению с омулем из равнинных рек, например, Селенги, имеющей более выраженный желто-оранжевый оттенок. На вкусовых качествах, правда, это никак не отражается. Вкус зависит от того, на какой стадии созревания икра солится. Сделать это надо на 4 стадии по 5-балльной шкале. Наиболее насыщенный вкус имеет икра, посоленная на ранней 4 стадии, с приближением к следующей 5 стадии вкус теряется, а непосредственно перед нерестом икринки становятся совершенно нераскусываемыми. С таким же успехом можно намазывать на хлеб дробь или шарики от подшипника. Итак, ястыки с икрой протираются через грохотку или дуршлаг.

Рис. 14.4. Приготовление омулевой икры (фото автора)

Пробитая икра несколько раз промывается в холодной воде для отмывания от крови и слизи, затем солится. Солить можно и сухим посолом, и в тузлуке — это принципиального значения не имеет. Затем икра вывешивается для стекания жидкости в марлевом мешочке и дозревает так дня два. В паюсном виде омулевую икру приготовить не удастся. Некоторое подобие паюсной икры можно получить, если посолить самку с икрой целиком, затем ее завялить и затем вынуть из нее ястык с икрой. Способ употребления икры традиционен — в виде бутерброда или с блинами. Наконец, соленая икра омуля прекрасно сохраняется в замороженном виде. Двухлетний эксперимент показал прекрасную сохранность вкусовых качеств в неизменном виде (рис. 14.4.-14.5).

Рис. 14.5. Омулевая икра (фото автора)

Сагудай. Сагудай ценится как хорошая закуска. Для его приготовления подходят омуль, сит и хариус. Рецепты могут незначительно отличаться друг от друга, но в основе — это мясо рыбы (как филе, так и с костями), растительное масло, лук, соль, черный перец, лимон (или другая кислая основа). Блюдо хорошо сочетается со свежим огурцом. Свежую рыбу тщательно очищают от чешуи, потрошат, разрезают по хребту на две половины, отделяют все кости и нарезают ломтиками по 3—4 см, солят. Приготовленный из свежельовленной рыбы, он готов к употреблению через 10—15 минут (рис. 14.6).

Омуль на рожне. Это традиционный рецепт приготовления рыбы байкальскими рыбаками. Рыба готовится на жару от углей костра. Ее нанизывают на деревянные рожны головой вниз, но

Рис. 14.6. Сазудай (фото автора)

не протыкают хвост, чтобы рыба не соскальзывала по рожну во время приготовления, когда нагреется. Рожны с рыбой втыкаются наклонно под углом над углями костра и периодически поворачивают, чтоб рыба прогревалась равномерно. Предварительно в чешуе рыбы делают 3–4 косых надреза от хребта к брюху, поверхность рыбы с надрезами натирается солью.

Дерево должно быть сухим и не смолистым, иначе рыба возьмет запах смолы. Рожны для рыбы в собственном соку (не поротая рыба) должны иметь рабочую часть рожна более тонкую, чтобы можно было пропороть рыбу с головы до хвоста. Для поротой рыбы рожны изготавливают более широкими, в 1,5–2 пальца, чтобы рыба не разваливалась. Рожон проталкивают вдоль хребта на ощупь, определяя, чтобы не повредить желчный пузырь. Большая рыба, которую нельзя полностью насадить на рожон режется на половину или на большие куски и по частям насаживается на рожны. Употреблять рыбу желательно сразу, с жара костра (рис. 14.7).

Расколотка. Будучи на Байкале зимой, нужно обязательно попробовать расколотку — свежемороженую прямо на льду рыбу, обычно это омуль, хариус или сиг. Для этого выбирается здоровая жирная рыба. Скорее всего, у такой рыбы будет меньшее количество паразитов. По рекомендации санэпидемстанции рыбу нужно морозить не менее 14 дней, но байкальские рыбаки умеют выбирать здоровую и употребляют ее сразу после подъема сетей, как только она затвердевает на морозе, желательно не выше минус 30 градусов. Нужно помнить, что в недостаточно замороженной рыбе могут быть личинки червей-паразитов. В этом есть некоторая опасность расколотки. Тушку омуля замораживают точно так же, как для строганины, но при этом не отделяют голову, не чистят и не потрошат. После заморозки тушку отбивают с помощью молотка или топора. При этом мясо внутри шкуры раскалывается на небольшие кусочки и потом легко отделяется от нее. Едят кусочки расколотки точно так же как строганину — обмакивая в соль и перец (рис. 14.8).

Уха. Рецепт приготовления ухи от руководителя Лиги байкальских ледовых капитанов А.А. Бурмейстера: для ухи лучше брать жирную рыбу, хариуса или сига. Рыба не промывается,

Рис. 14.7. Омуль на рожнях (фото автора)

Рис. 14.8. Расколотка из омуля и хариуса (фото автора)

если она свежая. Из такой получается самая вкусная уха. Для настоящей ухи должно быть много рыбы, полная кастрюля. Рыбу опускают в холодную подсоленную воду и варят в течение 7–10 минут. Когда сварится, вытаскивают и доваривают «мухлер» (бульон), добавляя туда щепотку риса, мелко нарезанную картошку и репчатый лук. Если рыбу не вытащить, она развалится. Вкусная уха получается на костре из лиственных и сосновых дров. Замечено, что горящие угольки, попадая в котелок, придают пикантный вкус бульону, поэтому местные рыбаки называют ее «уха с дымком». Незабываемое впечатление от настоящей ухи можно получить только на берегу Байкала, в сумерках при свете костра, под шум прибоя и застольную песню «Славное море — священный Байкал». На восточном берегу озера варят уху по другому рецепту. В Чивыркуйском заливе, где в невод попадает разнообразная рыба: окунь, налим, щука, белый хариус и сиг, варится «тройная уха». Для ее приготовления нужна большая емкость. Вся рыба потрошится, но ее не моют. Соровая и благородная рыба сортируется. Соровую распаривают, но не чистят от чешуи. Благородную очищают вкруговую от чешуи и распаривают. В холодную воду закладывают рис, мелко нарезанную картошку и в марлевом мешочке соровую рыбу (карась, налим, язь). Когда рыба разваривается, ее толкут и выжимают в основной бульон, остатки вместе с марлей удаляются. Во вторую очередь закладывается в чистой марле окунь, также не очищенный от чешуи. Когда он сварится, его так же отжимают и остатки удаляют вместе с марлей. Получается бульон из двух сортов рыбы, в него добавляют различные специи. Затем кладут куски благородной рыбы, очищенной от чешуи, и варят в течение 7 минут, пока глаза рыбьи не побелеют. Затем рыбу вытаскивают из бульона, дополнительно подсаливают ее и подают на стол в отдельной тарелке (рис. 14.9.-14.10).

Рис. 14.9. Уха (фото автора)

Рис. 14.10. Рыбаки с. Култук на южном Байкале за ухой (фото В.С. Житенёва, 1927 г.)

Глава 15

Цены на рыбу и рыбопродукты

г. Иркутск, рыбные ряды

Шо меткому замечанию занимавшегося сбором статистических сведений для российской империи А. Курбатова — «Байкал есть депо рыбного продовольствия Иркутской губернии. ... В огромном резервуаре байкальских вод бесчисленны семейства омулей, весьма обыкновенны осетры, таймени, хайрузы (некоторые выговаривают харьюсы), сиги, окуни, ленки, налимы, щуки, язи, сороги, есть голомянка и тюлени. Омули, хайрузы и осетры водятся в глубинах Байкала и в известное только время года привалами появляются у берегов и входят в реки» (Курбатов, 1841, с. 36).

До конца 17 века рыба, пойманная в реках, впадающих в Байкал, и в самом озере при немногочисленном в то время населении края, служила исключительно для насущного пропитания. В конце 17 — начале 18 века по мере роста населения и формирования рынка рыболовство начинает приобретать мелкотоварный характер. В это время отмечаются первые торговые сделки по купле-продаже рыбы селенгинскими служилыми и посадскими людьми, а также людьми промышленными, зарабатывающими рыбалкой и торговлей рыбой. В среднем один служилый человек в 1696—1711 гг. поставлял на рынок 2—3 бочки соленой рыбы и 10—15 пудов свежей. На одного промышленного человека приходилось значительно больше — до 10 бочек (Машанова, 1999).

Большую часть (около 75 %) пойманной или купленной у ловцов и засоленной рыбы промышленники на своих и фрахтованных судах переправляли в Иркутск, остальная попадала в города Верхнеудинск, Нерчинск, Кяхту, Киренск, ряд других уездов Прибайкалья и Забайкалья. Так, на восточном берегу Байкала рыба отправлялась к соблюдавшим пост старообрядцам Бичурского, Тарбагатайского, Заиграевского районов, на западном — в Качугский район, где обменивалась на хлеб и другие продукты. Рыбопродукция вывозилась на Верхнеудинскую ярмарку, открытую

в 1767 г. В местах промысла позже открылись специализированные рыбные ярмарки, приуроченные к периодам наибольших уловов. Так, в низовьях р. Селенга в деревне Чертовкино с 1 августа по 10 сентября (ст. стиль), проходила Спасо-Преображенская ярмарка с оборотом до 1,5 млн руб. В Малом Море в бухте Базарная с 15 июня по 15 июля работала Ольхонская ярмарка, оборот которой был меньше и в лучшие годы доходивший до 120 тыс. рублей.

Однако, главным местом реализации рыбы всегда был иркутский рынок. Основная масса выловленной на ближайших к Иркутску селенгинских промыслах рыбы шла именно сюда, где компактно проживала значительная часть населения губернии. Так, омуля сюда поступало не менее 3/4 от добытого, осетрина почти вся, а также половина всей прочей рыбы.

Мы сочли интересным попытаться рассмотреть цены на рыбу в течение всего периода существования рыбных промыслов на Байкале, тем более, что до нашего времени дошли многочисленные сведения о стоимости как самой рыбы, так и полученных от нее субпродуктов. Однако, эти данные носят разрозненный, несистемный характер, что несколько затрудняло проведение такого анализа. Авторы прошлого, освещая различные вопросы, связанные с промыслом рыбы, часто указывали также на ее стоимость. При этом приводились цены на разных рынках, порой сильно удаленных от Байкала и мест промысла, что удорожало продукцию, порой очень сильно. Кроме продажи на вес, существовала практика штучной продажи мерной рыбы. Таким образом, рыба реализовывалась то штучно, то пудами, то бочками, которые в разные времена были неодинаковыми по объему. Цены могли значительно отличаться в годы с хорошим или плохим уловом, сезонное их колебание также имело место. Крупная рыба стоила дороже мелкой. Как правило, не указывалось, какими деньгами велся расчет: бумажными ассигнациями или серебряной монетой, разница в курсе между которыми была иногда весьма значительной в пользу «серебра».

Следует иметь в виду, что за рассматриваемый период в России прошли несколько денежных реформ (1769, 1839–1843, 1897 и 1922–1924 гг.). Первый значительный рост цен на рыбу в 1830–1840-х гг. был связан с обесцениванием бумажных денег, введенных в России в 1769 году. В результате реформы 1839–1843 гг. установилась стабильная денежная система, которая была нарушена в результате Крымской войны 1853–1856 гг., когда деньги снова стали дешеветь, а в 1860–70 гг. начинается рост цен на рыбных рынках. Установить стабильный курс рубля к золоту удалось только в ходе денежной реформы 1897 г. Первая советская денежная реформа 1922–1924 гг. де-номинировала обесцененные за годы первой мировой и гражданской войн рубль и сделала сравнимыми цены. Вопреки ожиданиям, по мнению авторов, в частности А. Паршина, время православных постов в марте, июле, августе и декабре никак не отражалось на ценах, по крайней мере, на иркутском рыбном рынке.

Полученный результат сведен в табл. 15.1–15.17. При этом стоимость единицы товара, выраженного в старых неметрических мерах (бочка, пуд), переведена в привычные современнику килограммы. Стоимость штучного товара приведена к стоимости 1 рыбины. Средняя цена товара за килограмм и за штуку дана до третьего знака, что вполне логично, учитывая хождение в обороте до 1917 г. монет номиналом менее 1 коп. (Паллас, 1786; Георги, 1799; Курбатов, 1841; Паршин, 1844; Щукин, 1847; Пежемский, 1852; Гагемейстер, 1854; Северная пчела, 1854; Раддэ, 1858; Общий очерк..., 1871; Ларионов, 1870; 1871; Вагин, 1886; Иркутские губернские ведомости № 24 от 24 октября 1857 г.; Солдатов, 1912; Соллертинский, 1929; Луховцев, 1933; Егоров, 1947; Цивилев, 1993; Элерт, 2004).

Таблица 15.1. Цены на омуля

Год	Разновидности омуля	Ассортимент	Единица товара	Средняя стоимость, руб			Рынок сбыта
				За единицу товара	за 1 шт.	за 1 кг	
1739	ангарский	соленый	бочка	2,25		0,006	Иркутск
1772	селенгинский	соленый	бочка	3,25		0,005	Иркутск
	селенгинский	соленый	бочка	5,00		0,008	Нерчинск
	селенгинский	мороженный	тысяча	1,00	0,001		на месте лова
1796	селенгинский	свежий	тысяча	2,00	0,002		на месте лова
	посольский	свежий	тысяча	7,50	0,008		на месте лова
1800	селенгинский	соленый	тысяча	12,50	0,013		Верхнеудинск
1804	селенгинский	соленый	бочка	17,50		0,031	Иркутск
	селенгинский	соленый	тысяча	35,00	0,035		Тарбагатай
1818	селенгинский	соленый	тысяча	37,50	0,038		на месте лова
1836	селенгинский	соленый	бочка	67,50		0,121	на месте лова
	селенгинский	соленый	бочка	85,00		0,152	Иркутск
	селенгинский	соленый	бочка	80,00		0,143	Кяхта
	селенгинский	соленый	бочка	77,50		0,138	Верхнеудинск
	селенгинский	соленый	бочка	110,00		0,196	Нерчинск
	баргузинский	соленый	бочка	55,00		0,098	Иркутск
	баргузинский	соленый	бочка	62,50		0,112	Кяхта
	баргузинский	соленый	бочка	50,00		0,089	Верхнеудинск
	ангарский	соленый	бочка	40,00		0,071	Иркутск
	ангарский	соленый	бочка	55,00		0,098	Кяхта
	ангарский	соленый	бочка	55,00		0,098	Верхнеудинск
	ангарский	соленый	бочка	75,00		0,134	Нерчинск
	чивыркуйский	мороженный	пуд	3,50		0,219	Иркутск
	чивыркуйский	мороженный	пуд	5,50		0,344	Кяхта
	чивыркуйский	мороженный	пуд	4,50		0,281	Верхнеудинск
	бугульдейский	мороженный	тысяча	60,00	0,060		Иркутск
	бугульдейский	мороженный	тысяча	70,00	0,070		Кяхта
	бугульдейский	мороженный	тысяча	60,00	0,060		Верхнеудинск
1840	селенгинский	соленый	тысяча	15,50	0,016		Верхнеудинск
	селенгинский	соленый	тысяча	75,00	0,075		Иркутск
1847	ангарский	соленый	бочка	40,00		0,071	Иркутск
	баргузинский	соленый	бочка	40,00		0,071	Иркутск
	коргинский	соленый	бочка	42,84		0,076	Иркутск
	бугульдейский	свежий	тысяча	39,88	0,040		Иркутск
	котцовый и поплавной	мороженный	тысяча	71,25	0,071		Иркутск
	чивыркуйский	соленый	тысяча	21,43	0,021		Иркутск
	кучулга	мороженный	тысяча	21,43	0,021		Иркутск

Продолжение табл. 15. I

Год	Разновидности омуля	Ассортимент	Единица товара	Средняя стоимость, руб			Рынок сбыта
				За единицу товара	за 1 шт.	за 1 кг	
1848	селенгинский	соленый	бочка	37,14		0,066	Иркутск
	ангарский	соленый	бочка	28,57		0,051	Иркутск
	баргузинский	соленый	бочка	22,86		0,041	Иркутск
	коргинский	соленый	бочка	25,71		0,046	Иркутск
	бугульдейский	свежий	тысяча	42,75	0,043		Иркутск
	котцовый и поплавной	мороженный	тысяча	80,25	0,080		Иркутск
	кучулга	мороженный	тысяча	21,43	0,021		Иркутск
1849	селенгинский	соленый	бочка	30,00		0,054	Иркутск
	ангарский	соленый	бочка	24,29		0,043	Иркутск
	баргузинский	соленый	бочка	19,00		0,034	Иркутск
	коргинский	соленый	бочка	17,71		0,032	Иркутск
	котцовый и поплавной	мороженный	тысяча	47,75	0,048		Иркутск
1850	селенгинский	соленый	бочка	22,86		0,041	Иркутск
	ангарский	соленый	бочка	16,43		0,029	Иркутск
	баргузинский	соленый	бочка	13,57		0,024	Иркутск
	коргинский	соленый	бочка	17,14		0,031	Иркутск
	бугульдейский	свежий	тысяча	34,28	0,034		Иркутск
	котцовый и поплавной	мороженный	тысяча	68,21	0,068		Иркутск
	чивыркуйский	соленый	пуд	1,86		0,116	Иркутск
	кучулга	мороженный	тысяча	20,00	0,020		Иркутск
1851	селенгинский	соленый	бочка	30,00		0,054	Иркутск
	ангарский	соленый	бочка	21,50		0,038	Иркутск
	баргузинский	соленый	бочка	15,00		0,027	Иркутск
	коргинский	соленый	бочка	23,14		0,041	Иркутск
	бугульдейский	свежий	тысяча	35,00	0,035		Иркутск
	котцовый и поплавной	мороженный	пуд	1,86		0,116	Иркутск
	чивыркуйский	соленый	пуд	1,86		0,116	Иркутск
	кучулга	мороженный	тысяча	31,75	0,032		Иркутск
1852	селенгинский	соленый	бочка	30,00		0,054	Иркутск
	ангарский	соленый	бочка	25,00		0,045	Иркутск
	баргузинский	соленый	бочка	27,50		0,049	Иркутск
	коргинский	соленый	бочка	35,00		0,063	Иркутск
	бугульдейский	свежий	тысяча	32,00	0,032		Иркутск
	котцовый и поплавной	мороженный	пуд	1,90		0,119	Иркутск
	чивыркуйский	соленый	пуд	1,90		0,119	Иркутск
	кучулга	мороженный	тысяча	17,00	0,017		Иркутск

Продолжение табл. 15. 1

Год	Разновидности омуля	Ассортимент	Единица товара	Средняя стоимость, руб			Рынок сбыта
				За единицу товара	за 1 шт.	за 1 кг	
1853	селенгинский	соленый	бочка	35,00		0,063	Иркутск
	ангарский	соленый	бочка	24,50		0,044	Иркутск
	баргузинский	соленый	бочка	22,00		0,039	Иркутск
	коргинский	соленый	бочка	25,00		0,045	Иркутск
	бугульдейский	свежий	тысяча	35,00	0,035		Иркутск
	котцовый и поплавной	мороженный	тысяча	45,00	0,045		Иркутск
	чивыркуйский	соленый	пуд	1,80		0,113	Иркутск
	кучулга	мороженный	тысяча	25,00	0,025		Иркутск
	селенгинский речной	соленый	бочка	32,50		0,058	Иркутск
	селенгинский коргин- ский	соленый	сотня	2,18	0,022		Иркутск
	селенгинский	соленый	тысяча	7,50	0,075		на месте лова
	котцовый и поплавной	свежий	тысяча	7,50	0,075		на месте лова
1854	селенгинский	соленый	бочка	36,50		0,065	Иркутск
	ангарский	соленый	бочка	28,00		0,050	Иркутск
	баргузинский	соленый	бочка	19,50		0,035	Иркутск
	коргинский	соленый	бочка	25,00		0,045	Иркутск
	бугульдейский	свежий	тысяча	35,50	0,036		Иркутск
	котцовый и поплавной	мороженный	тысяча	75,00	0,075		Иркутск
	чивыркуйский	соленый	пуд	1,80		0,113	Иркутск
	кучулга	мороженный	тысяча	19,00	0,019		Иркутск
1855	селенгинский	соленый	бочка	48,00		0,086	Иркутск
	ангарский	соленый	бочка	35,00		0,063	Иркутск
	баргузинский	соленый	бочка	26,00		0,046	Иркутск
	коргинский	соленый	бочка	40,00		0,071	Иркутск
	бугульдейский	свежий	тысяча	27,00	0,027		Иркутск
	котцовый и поплавной	мороженный	пуд	1,80		0,113	Иркутск
	чивыркуйский	соленый	пуд	1,80		0,113	Иркутск
	кучулга	мороженный	тысяча	19,50	0,020		Иркутск
1856	селенгинский	соленый	бочка	42,50		0,076	Иркутск
	ангарский	соленый	бочка	24,00		0,043	Иркутск
	баргузинский	соленый	бочка	21,00		0,038	Иркутск
	коргинский	соленый	бочка	23,00		0,041	Иркутск
	бугульдейский	свежий	тысяча	22,00	0,022		Иркутск
	котцовый и поплавной	мороженный	тысяча	45,00	0,045		Иркутск
	чивыркуйский	соленый	пуд	1,50		0,094	Иркутск
	кучулга	мороженный	тысяча	14,00	0,014		Иркутск
1870		свежий	пуд	11,50		0,719	Иркутск
		соленый	пуд	8,50		0,531	Иркутск
	поплавной	свежий	штука	0,08	0,080		Иркутск
1886	ангарский	соленый	сотня	6,50	0,065		Иркутск
	селенгинский	соленый	сотня	17,50	0,175		Иркутск

Окончание табл. 15.1

Год	Разновидности омуля	Ассортимент	Единица товара	Средняя стоимость, руб			Рынок сбыта
				За единицу товара	за 1 шт.	за 1 кг	
1880-е		соленый	бочка	67,50		0,169	Иркутск
1890		свежий	штука	0,05	0,175		на месте
1890-е		соленый	бочка	90,00		0,225	Иркутск
1893		соленый	сотня	7,00	0,175		Иркутск
	коргинский	соленый	пуд	12,00		0,750	Иркутск
	ангарский	соленый	пуд	9,00		0,563	Иркутск
	баргузинский	соленый	пуд	6,75		0,422	Иркутск
1895		свежий	пуд	0,75		0,047	на месте
1900		соленый	бочка	95,00		0,238	Иркутск
1900-е		соленый	бочка	120,00		0,300	Иркутск
1912		свежий	пуд	4,61		0,288	Верхнеудинск
		соленый	пуд	6,12		0,383	Верхнеудинск
1925		соленый	пуд	8,00		0,50	
1933	ангарский летний	свежий	кг	0,33		0,33	Нижнеангарск (приемная р/з)
	ангарский ходовой	свежий	кг	0,47		0,47	Нижнеангарск (приемная р/з)
	ангарский покатной	свежий	кг	0,43		0,43	Нижнеангарск (приемная р/з)
2013	селенгинский	свежий	кг	150,00		150,00	на месте лова
	селенгинский	соленый	кг	230,00		230,00	на месте лова
	селенгинский	копченный	кг	350,00		350,00	на месте лова
	селенгинский	покатной	кг	110,00		110,00	на месте лова

Таблица 15.2. Цены на осетра

Год	Ассортимент	Единица товара	Средняя стоимость, руб.		Рынок сбыта
			за единицу товара	за 1 кг	
1739	соленый	бочка	14,000	0,022	Иркутск
1818	свежий	пуд	1,875	0,117	Иркутск
1831	свежий	пуд	2,500	0,156	на месте лова
1836	свежий	пуд	15,500	0,969	Иркутск
	свежий	пуд	13,500	0,844	Кяхта
	свежий	пуд	11,000	0,688	Верхнеудинск
	соленый	пуд	8,000	0,500	Иркутск
	соленый	пуд	8,500	0,531	Кяхта
	соленый	пуд	6,500	0,406	Верхнеудинск
	соленый	пуд	10,000	0,625	Нерчинск
1847	свежий	пуд	5,995	0,375	Иркутск
	соленый	пуд	4,565	0,285	Иркутск
1848	свежий	пуд	5,995	0,375	Иркутск
	соленый	пуд	4,855	0,303	Иркутск
1849	свежий	пуд	5,785	0,362	Иркутск
	соленый	пуд	4,035	0,252	Иркутск

Окончание табл. 15.2

Год	Ассортимент	Единица товара	Средняя стоимость, руб.		Рынок сбыта
			за единицу товара	за 1 кг	
1850	свежий	пуд	5,995	0,375	Иркутск
	соленый	пуд	4,285	0,268	Иркутск
1851	свежий	пуд	5,500	0,344	Иркутск
	соленый	пуд	4,285	0,268	Иркутск
1852	свежий	пуд	5,500	0,344	Иркутск
	соленый	пуд	4,500	0,281	Иркутск
1853	свежий	пуд	6,000	0,375	Иркутск
	соленый	пуд	4,500	0,281	Иркутск
	свежий	пуд	1,750	0,109	на месте
	икряный	пуд	5,000	0,313	Иркутск
	холостой	пуд	3,000	0,188	Иркутск
	мороженный	пуд	3,000	0,188	Иркутск
1854	свежий	пуд	6,000	0,375	Иркутск
	соленый	пуд	4,500	0,281	Иркутск
1855	свежий	пуд	6,500	0,406	Иркутск
	соленый	пуд	4,500	0,281	Иркутск
1856	свежий	пуд	7,000	0,438	Иркутск
	соленый	пуд	4,500	0,281	Иркутск
1886	мороженный	пуд	16,000	1,000	Иркутск
1893	свежий	пуд	11,000	0,688	Иркутск
	соленый	пуд	2,600	0,163	Иркутск
1900	свежий	пуд	8,000	0,500	Иркутск
1912	свежий	пуд	8,290	0,518	Селенгинский уезд
	соленый	пуд	11,180	0,699	Селенгинский уезд
1925	свежий	пуд	12,00	0,75	На месте
1933	свежий	кг	1,205	1,205	Нижнеангарск (приемная р/з)
1930—40 гг	свежий	кг	15,00	15,00	Улан-Удэ
2013	икряный	кг	2000,00	2000,00	На месте лова
	холостой	кг	700,00	700,00	На месте лова

Таблица 15.3. Цены на сига

Год	Ассортимент	Единица товара	Средняя стоимость, руб.		Рынок сбыта
			за единицу товара	за 1 кг	
1739	соленый	бочка	6,000	0,015	Иркутск
1836	соленый	пуд	7,000	0,438	Иркутск
	соленый	пуд	8,000	0,500	Кяхта
	свежий	пуд	6,500	0,406	Верхнеудинск
1847		пуд	4,285	0,268	Иркутск
1848		пуд	2,825	0,177	Иркутск
1849		пуд	2,575	0,161	Иркутск
1850		пуд	3,150	0,197	Иркутск
1851		пуд	3,250	0,203	Иркутск

Окончание табл. 15.3

Год	Ассортимент	Единица товара	Средняя стоимость, руб.		Рынок сбыта
			за единицу товара	за 1 кг	
1852		пуд	3,000	0,188	Иркутск
1853	мороженный	пуд	3,000	0,188	Иркутск
1854		пуд	2,750	0,172	Иркутск
1855		пуд	2,650	0,166	Иркутск
1856		пуд	2,300	0,144	Иркутск
1870	свежий	пуд	5,000	0,313	Иркутск
1885		пуд	4,000	0,250	
1886	мороженный	пуд	9,000	0,563	
1893	свежий	пуд	7,500	0,469	
1912	свежий	пуд	3,500	0,219	Селенгинский уезд
1925		пуд	7,000	0,44	
1933	свежий	кг	0,580	0,58	Нижнеангарск (приемная р/з)
2013	свежий	кг	270,000	270,00	На месте лова

Таблица 15.4. Цены на хариуса

Год	Разновидности хариуса	Ассортимент	Единица товара	Средняя стоимость, руб.		Рынок сбыта
				за единицу товара	за 1 кг (шт.)	
1836	селенгинский	мороженный	пуд	11,000	0,688	Кяхта
	селенгинский	мороженный	пуд	7,000	0,438	Верхнеудинск
1847		свежий	пуд	2,420	0,151	Иркутск
1848		свежий	пуд	1,995	0,125	Иркутск
1849		свежий	пуд	1,615	0,101	Иркутск
1850		свежий	пуд	1,850	0,116	Иркутск
1851		свежий	пуд	1,710	0,107	Иркутск
1852		свежий	пуд	1,500	0,094	Иркутск
1853		свежий	пуд	1,400	0,088	Иркутск
	летний		штука		(0,055)	
		мороженный	пуд	1,200	0,075	
1854		свежий	пуд	1,400	0,088	Иркутск
1855		свежий	пуд	1,600	0,100	Иркутск
1856		свежий	пуд	1,600	0,100	Иркутск
1870	морской	мороженный	сотня	3,500	0,035	Иркутск
	ангарский	свежий	пуд	3,000	0,188	Иркутск
1886		мороженный	пуд	4,000	0,250	
1893	ангарский		пуд	2,750	0,172	
1912		свежий	пуд	3,690	0,231	Селенгинский уезд
		соленый	пуд	3,320	0,208	Селенгинский уезд
1925			пуд	3,000	0,19	
1933	белый		кг	0,410	0,03	Нижнеангарск
	серый		кг	0,375	0,02	(приемная р/з)
2013		мороженный	кг	150,000	150,00	На месте лова

Таблица 15.5. Цены на ленка

Год	Ассортимент	Единица товара	Средняя стоимость, руб.		Рынок сбыта
			за единицу товара	за 1 кг	
1853	мороженный	штука	0,425		
	мороженный	пуд	2,000	0,125	Иркутск
1870	свежий	десяток	6,000	0,600	Иркутск
1912	свежий	пуд	4,160	0,260	Селенгинский уезд
	мороженный	пуд	2,000	0,125	Селенгинский уезд
1933	свежий	кг	0,54	0,540	Нижнеангарск (приемная р/з)

Таблица 15.6. Цены на тайменя

Год	Ассортимент	Единица товара	Средняя стоимость, руб.		Рынок сбыта
			за единицу товара	за 1 кг	
1836		пуд	7,000	0,438	Кяхта
		пуд	9,000	0,563	Верхнеудинск
1853	мороженный	пуд	4,500	0,281	
1870	свежий	пуд	7,000	0,438	Иркутск
1893	свежий	пуд	5,500	0,344	
1912	свежий	пуд	4,740	0,296	Селенгинский уезд
	соленый	пуд	4,50	0,28	Селенгинский уезд
1933	свежий	кг	0,80	0,80	Нижнеангарск (приемная р/з)

Таблица 15.7. Цены на налима

Год	Ассортимент	Единица товара	Средняя стоимость, руб.		Рынок сбыта
			за единицу товара	за 1 кг	
1836		пуд	5,000	0,313	Кяхта
		пуд	4,000	0,250	Верхнеудинск
1847		пуд	2,425	0,152	Иркутск
1848		пуд	2,280	0,143	Иркутск
1849		пуд	1,350	0,084	Иркутск
1850		пуд	2,135	0,133	Иркутск
1851		пуд	2,105	0,132	Иркутск
1852		пуд	1,850	0,116	Иркутск
1853		пуд	2,000	0,125	Иркутск
	мороженный	пуд	1,500	0,094	
1854		пуд	2,250	0,141	Иркутск
1855		пуд	1,500	0,094	Иркутск
1856		пуд	1,800	0,113	Иркутск
1870	свежий	пуд	7,000	0,438	Иркутск
1893	свежий	пуд	7,500	0,469	
1912	свежий	пуд	2,055	0,128	Селенгинский уезд
1925		пуд	2,500	0,156	
1932	свежий	кг	0,265	0,27	Нижнеангарск (приемная р/з)

Таблица 15.8. Цены на щуку

Год	Ассортимент	Единица товара	Средняя стоимость, руб.		Рынок сбыта
			за единицу товара	за 1 кг	
1836		пуд	5,500	0,344	Кяхта
		пуд	4,000	0,250	Верхнеудинск
1847		пуд	2,425	0,152	Иркутск
1848		пуд	2,275	0,142	Иркутск
1849		пуд	1,350	0,084	Иркутск
1850		пуд	2,135	0,133	Иркутск
1851		пуд	1,855	0,116	Иркутск
1852		пуд	2,150	0,134	Иркутск
1853		пуд	2,050	0,128	Иркутск
	зимняя	пуд	1,350	0,084	
1854		пуд	2,000	0,125	Иркутск
1855		пуд	1,500	0,094	Иркутск
1856		пуд	1,400	0,088	Иркутск
1870		пуд	2,750	0,172	Иркутск
1885		пуд	1,900	0,119	
1912	свежая	пуд	1,970	0,123	Селенгинский уезд
	соленая	пуд	2,065	0,129	Селенгинский уезд
1925		пуд	3,20	0,20	
1933	свежая	кг	0,29	0,29	Нижнеангарск (приемная р/з)
2013	свежая	кг	80,00	80,00	На месте лова

Таблица 15.9. Цены на окуня

Год	Ассортимент	Единица товара	Средняя стоимость, руб.		Рынок сбыта
			за единицу товара	за 1 кг	
1836		пуд	8,000	0,500	Кяхта
1837		пуд	6,000	0,375	Верхнеудинск
1847		пуд	2,425	0,152	Иркутск
1848		пуд	2,280	0,143	Иркутск
1849		пуд	1,990	0,124	Иркутск
1850		пуд	2,635	0,165	Иркутск
1851		пуд	1,855	0,116	Иркутск
1852		пуд	2,150	0,134	Иркутск
1853		пуд	2,050	0,128	Иркутск
		пуд	1,600	0,100	
		пуд	0,600	0,038	на месте лова
1854		пуд	1,400	0,088	Иркутск
1855		пуд	1,500	0,094	Иркутск
1856		пуд	1,400	0,088	Иркутск
1870		пуд	2,750	0,172	Иркутск
1885		пуд	3,000	0,188	
1886		пуд	4,500	0,281	

Окончание табл. 15.9

Год	Ассортимент	Единица товара	Средняя стоимость, руб.		Рынок сбыта
			за единицу товара	за 1 кг	
1912	свежая	пуд	2,545	0,159	Селенгинский уезд
1925		пуд	0,95	0,06	
1933	свежая	кг	0,19	0,19	Нижнеангарск (приемная р/з)
2013		кг	40,00	40,00	На месте лова

Таблица 15.10. Цены на язя

Год	Ассортимент	Единица товара	Средняя стоимость, руб.		Рынок сбыта
			за единицу товара	за 1 кг	
1836		пуд	5,500	0,344	Кяхта
		пуд	4,000	0,250	Верхнеудинск
1853		пуд	1,600	0,100	Иркутск
1870		пуд	3,500	0,219	Иркутск
1912	свежий	пуд	2,000	0,125	Селенгинский уезд
1925		пуд	4,000	0,250	
1933		кг	0,29	0,29	Нижнеангарск (приемная р/з)
	подъязок	кг	0,18	0,18	Нижнеангарск (приемная р/з)
2013		кг	60,00	60,00	На месте лова

Таблица 15.11. Цены на сорогу*

Год	Ассортимент	Единица товара	Средняя стоимость, руб.		Рынок сбыта
			за единицу товара	за 1 кг	
1847		пуд	0,995	0,062	Иркутск
1848		пуд	0,855	0,053	Иркутск
1849		пуд	0,995	0,062	Иркутск
1850		пуд	0,485	0,030	Иркутск
1851		пуд	0,480	0,030	Иркутск
1852		пуд	0,550	0,034	Иркутск
1853		пуд	0,600	0,038	Иркутск
1854		пуд	0,700	0,044	Иркутск
1855		пуд	0,500	0,031	Иркутск
1856		пуд	0,350	0,022	Иркутск
1895		пуд	0,250	0,016	
1912	свежая	пуд	1,200	0,075	Селенгинский уезд
1912	свежая	пуд	1,580	0,099	Селенгинский уезд
1925		пуд	1,15	0,072	
1933	свежая	кг	0,19	0,19	Нижнеангарск (приемная р/з)
2013	свежая	кг	30,00	30,00	На месте лова

*Смесь плотвы и ельца сибирского.

Таблица 15.12. Цены на карася

Год	Ассортимент	Единица товара	Средняя стоимость, руб.		Рынок сбыта
			за единицу товара	за 1 кг (шт)	
1870	свежий	сотня	2,750	(0,028)	Иркутск
1912	свежий	пуд	1,090	0,068	Селенгинский уезд
1912	соленый	пуд	2,500	0,156	Селенгинский уезд
1933	свежий	кг	0,20	0,20	Нижнеангарск (приемная р/з)
2013	свежий	кг	50,00	50,00	На месте лова

Таблица 15.13. Цены на икру

Год	Ассортимент	Единица товара	Средняя стоимость, руб.		Рынок сбыта
			за единицу товара	за 1 кг	
1847	осетровая	пуд	35,000	2,188	
1853	осетровая	пуд	12,000	0,750	
1853	омулевая	пуд	1,250	0,078	
1863	омулевая	фунт	0,055	0,121	Иркутск
1870	осетровая свежепросоленная	пуд	36,000	2,250	Иркутск
1870	осетровая	пуд	23,000	1,438	Иркутск
1870	омулевая	пуд	4,000	0,250	Иркутск
1890	омулевая	пуд	13,000	0,813	На месте лова
1900	омулевая	пуд	19,000	1,188	На месте лова
1930—40 гг.	осетровая	кг	15,00	15,00	Улан-Удэ
2013	омулевая	кг	800,00	800,00	На месте лова
2013	осетровая	кг	17000,00	17000,00	На месте лова

Таблица 15.14. Цены на порсу

Год	Единица товара	Средняя стоимость, руб.		Рынок сбыта
		за единицу товара	за 1 кг	
1834	пуд	4,000	0,250	Нерчинск
1844	пуд	5,000	0,313	
1847	пуд	2,540	0,159	Иркутск
1848	пуд	2,545	0,159	Иркутск
1849	пуд	2,550	0,159	Иркутск
1850	пуд	1,430	0,089	Иркутск
1851	пуд	1,570	0,098	Иркутск
1852	пуд	1,750	0,109	Иркутск
1853	пуд	1,400	0,088	Иркутск
1854	пуд	2,500	0,156	Иркутск
1855	пуд	2,500	0,156	Иркутск
1856	пуд	2,500	0,156	Иркутск
1857	пуд	5,500	0,344	
1870	пуд	3,250	0,203	Иркутск

Таблица 15.15. Цены на рыбий клей (осетровый)

Год	Единица товара	Средняя стоимость, руб.		Рынок сбыта
		за единицу товара	за 1 кг	
1796	пуд	25,000	1,563	Иркутск
1853	пуд	70,000	4,375	Иркутск
1870	фунт	3,250	7,159	Иркутск

Таблица 15.16. Цены на вязигу

Год	Единица товара	Средняя стоимость, руб.		Рынок сбыта
		за единицу товара	за 1 кг	
1853	пуд	19,000	1,188	
1870	фунт	0,675	1,487	Иркутск

Таблица 15.17. Цены на рыбий жир

Год	Единица товара	Средняя стоимость, руб.		Рынок сбыта
		за единицу товара	за 1 кг	
1796	пуд	2,100	0,131	
1797	пуд	2,000	0,125	Иркутск
1857	пуд	5,500	0,344	
1870	пуд	4,750	0,297	Иркутск

Для наглядности на рис. 15.1 показана стоимость одного килограмма соленого омуля на иркутском рыбном рынке за довольно длительный промежуток времени — с первой половины 18 века вплоть до начала века 20-го. Соленый омуль был главным товаром, и поэтому в источниках для него имеется репрезентативный материал.

Цены удивительно долго были довольно стабильными — вплоть до 1860-х гг., когда наступил перелом, и начиная примерно с 1870 г. цены на омуля поползли вверх. Связано это было со значительным снижением уловов омуля, особенно производителей в реках. На это же время приходится рост народонаселения губернии и увеличение потребительского спроса, что повлекло за собой увеличение количества орудий лова и ловцов на промысле. На росте цен отразилось и обесценивание рубля в результате Крымской войны 1853–1856 гг. Во многом, с сокращением уловов связан

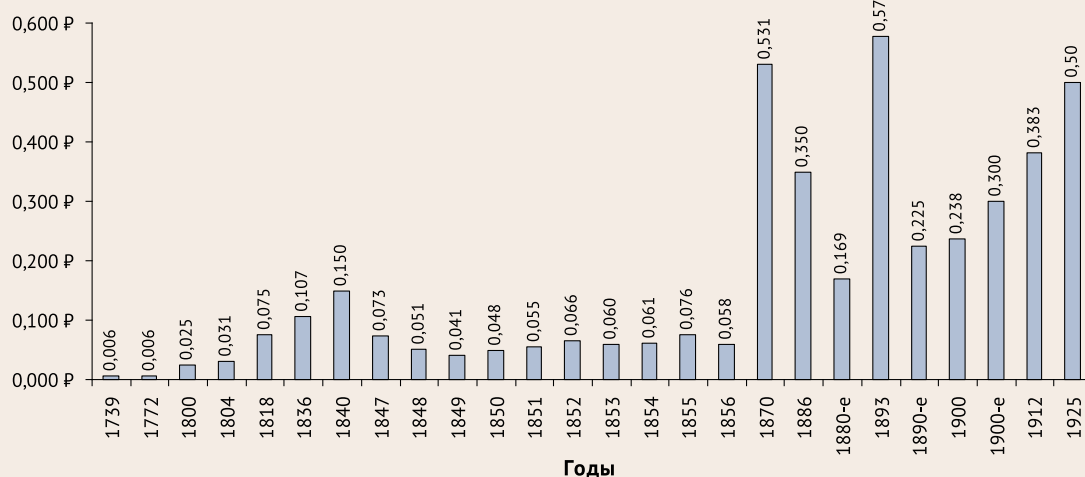

Рис. 15.1. Стоимость 1 кг соленого омуля

и переход на омулевые бочки меньшего объема и, соответственно, веса рыбы в них. Объем бочек снижали при сохранении старой цены. Так, с бочек весом 35—40 пудов сначала перешли на бочки в 25 пудов (в 1883 г.), затем — 15 пудов (ок. 1930 г.).

В 18 веке омули были баснословно дешевы. За 1 коп. можно было купить около одного килограмма или чуть больше соленого омуля. Свежих же на месте лова (р. Селенга) можно было приобрести и самому посолить за те же деньги около 3 кг. Рекордсменом по цене был чивыркуйский омуль. Ловился он осенью в речках Большой Чивыркуй и Безымянка, впадающих в Чивыркуйский залив котцами, солился или замораживался тут же на льду. В середине 19 века по стоимости он в 2 раза обгонял селенгинского — за него давали в среднем 11 коп. за килограмм против 6 коп. за «селенгового». Связано это было с тем, что «чивыркуй» в то время был самым крупным из омулей и его добывали сравнительно немного (речки Чивыркуйского залива по сравнению с р. Селенга давали небольшие уловы).

Все-таки, среди соленых омулей, продававшихся в массе на рынке, вне конкуренции был селенгинский или «селенговый», как его тогда называли. На иркутском рынке соленый селенгинский продавался в среднем на 30% дороже ангарского и баргузинского. Так называемый коргинский омуль — ловимый летом по берегам Байкала — на Бабьей и Алемасовой карге селенгинских промыслов и на Полевой карге в Баргузинском заливе стоил в среднем на 20% дешевле «селенгового». При этом летний омуль, пойманный и посоленный на ангарских ловлях на Северном Байкале, привозился реже, так как из-за отдаленности промысла плохо хранился и шел на другие рынки к менее требовательным покупателям. Интересно, но в литературе отсутствует упоминание о том, что на рынок в Иркутск привозился соленый летний омуль с Малого Моря. По-видимому, его ждала та же судьба, что и соленого летнего омуля с Северного Байкала — его развозили по близлежащим деревням, а также вывозили в Качугский район для промена на хлеб.

В цене был зимний мороженный омуль, ловимый в разных местах Байкала. Здесь уместно привести цитату из П. Пежемского: «Рассыпные омули, т. е. свежемороженые, продаются зимою в Иркутске тоже непостоянною ценою, соображаясь с уловом и привозом: бугульдейские и чивыркуйские от 2 до 3 р., коргинские и котцовые от 1 р. 50 к. до 2 р. 85 к. за сто. Здесь, при различии в сортах омулей, видим мы отчасти одни и те же цены: это от того, что бугульдейский омуль, хотя и вкуснее чивыркуйского, но зато гораздо мельче; точно также и коргинский, уступая котцовому в величине, превосходит его вкусом; впрочем, бугульдейский омуль далеко лучше всех других сортов» (Пежемский, 1852, с. 21).

Особым спросом пользовалась так называемая «кучулга» или «бугульдейка». Поступала эта рыба в зимнее время в основном из Малого Моря и района Бугульдейки. Ловили ее зимой неводами, замораживали на льду и продавали счетом. Так как этот омуль был некрупным, в килограмме его должно было быть не менее трех штук. Мороженая кучулга пользовалась спросом и стоила довольно дорого. В 40—50-е гг. 19 века за одного мороженного омуля давали в среднем 3 коп. и по самым скромным подсчетам это около 10 коп. за килограмм, что почти в 2 раза превышает стоимость самого дорогого соленого селенгинского омуля. Такая высокая цена могла объясняться тем, что ловился этот омуль в небольших количествах в суровых зимних условиях. В эти же годы в Иркутск привозился, если верить источникам, свежий бугульдейский омуль по средней цене 3—4 коп. за 1 шт. (до 12 коп. за кг). В целом, свежая или мороженная рыба стоила дороже соленой.

Уже упоминавшийся выше котцовый омуль привозился в мороженном виде из двух мест: с речек, впадающих в Посольский сор (Прорву) и в Чивыркуйский (Курбуликский) залив. Стоил котцовый омуль в среднем 8 коп. за штуку или около 12—15 коп. за килограмм. Запасы этого омуля в чивыркуйских реках давно иссякли, а вот нынешний аналог котцового омуля — посольский до сих пор в Иркутске пользуется популярностью за счет того, что стадо омуля р. Большая Речка полностью переведено на искусственное воспроизводство. Поплавной омуль в 19 веке промыслился, судя по всему, в р. Баргузин и Верхняя Ангара с Кичерой, сведений о том, что такого омуля ловили на р. Селенга на продажу нет. Привозился он на рынок мороженным, продавался поштучно и по цене был немного дороже соленого, но значительно уступал кучулге. Стоил поплавной наравне с котцовым — около 10—15 коп. за килограмм, тогда как соленый в это время был меньше гривенника.

Говоря о цене на свежую и соленую рыбу, необходимо сделать одно замечание. Современный покупатель привык к тому, что соленая рыба всегда стоит дороже свежей. Однако в 19 веке все

было наоборот. Как мы уже заметили, соленый омуль стоил дешевле свежего (мороженого); забегаая вперед, скажем, что даже соленая осетрина была дешевле свежей. Впоследствии, с улучшением качества соли и усовершенствованием технологии посола, конечный продукт стал более привлекательным, а соленая рыба — скорее закуской и дополнением к столу, чем основой трапезы.

Довольно затруднительным оказалось найти стоимость рыбы за советский период. Известно, что по окончании НЭПа советская экономика стала плановой, а цены директивными и далекими от рыночных. Ныне существующие цены на омуля в иркутских рыбных рядах (в качестве примера можно взглянуть на заставку данной главы) говорят о том, что Байкал перестал быть «депо народного продовольствия», а омуль из повседневной еды перешел в разряд деликатесов. Спрос на такой дорогой продукт как соленый или копченый омуль поддерживается, с одной стороны, за счет гастрономических привычек местного населения и с другой — за счет брендового названия.

Осетр поступал в продажу в живом и соленом виде в любое время года. Благодаря живучести, рыбьи после поимки держали в садках или на куках в ожидании транспортировки за море на иркутский рынок. Крупные садки для содержания осетров в живом виде были на Селенге и Баргузине. По мере накопления, партиями по 50–100 штук осетры на куках уводились по воде, прицепленными за мореходкой или пароходом. Зимой осетров, обложенных влажным мхом, возили по льду в саях. Живорыбных прорезей, применявшихся для этих целей на каспийских промыслах, на Байкале не изготовляли, очевидно, из-за сложных условий плавания в открытом море. Арендуя лучшие красноловные участки, рыбопромышленники и торговцы, кроме организации собственного лова, производили скупку осетра у других рыбаков, строили специальные рыбоделы, куда приглашали специалистов для товарного посола икры и осетрины.

Весь 19 век цены на осетрину, несмотря на значительное снижение его численности, оставались относительно стабильными, в среднем составляя около 40 коп. за килограмм (рис. 15.2). Даже всеобщее повышение цен на рыбу в 1860–1870 гг. не очень отразилось на стоимости осетра, рост цены сдерживался спросом на и так очень дорогой продукт. Выражаясь современным языком, осетрина была товаром эластичного спроса, в отличие от, например, омуля или хлеба. Блюда, приготовленные из осетра, не являлись повседневной пищей широких слоев населения, а были скорее праздничными, во всяком случае — не на каждый день. Действительно, осетрина по цене была в несколько раз дороже самого дорогого омуля. Продавался и соленый осетр, но стоил он в среднем на 30% дешевле, соленье было всего-навсего способом консервации рыбы во время летнего промысла, а изготовление балыков практиковалось крайне редко.

Сиг в продажу поступал из разных районов Байкала. В 19 веке он был обычной рыбой даже в тех местах, где сиг сейчас редкость. Отсутствие данных о цене на соленого сига позволяют предположить, что на рынок поступала в основном свежая (мороженная) рыба (рис. 15.3). Летние сиви, попавшие в невод в качестве прилова к омулю, солились, но основной промысел наступал по ледоставу, когда сиг подходил на нерест в определенные места. Таких мест нереста было

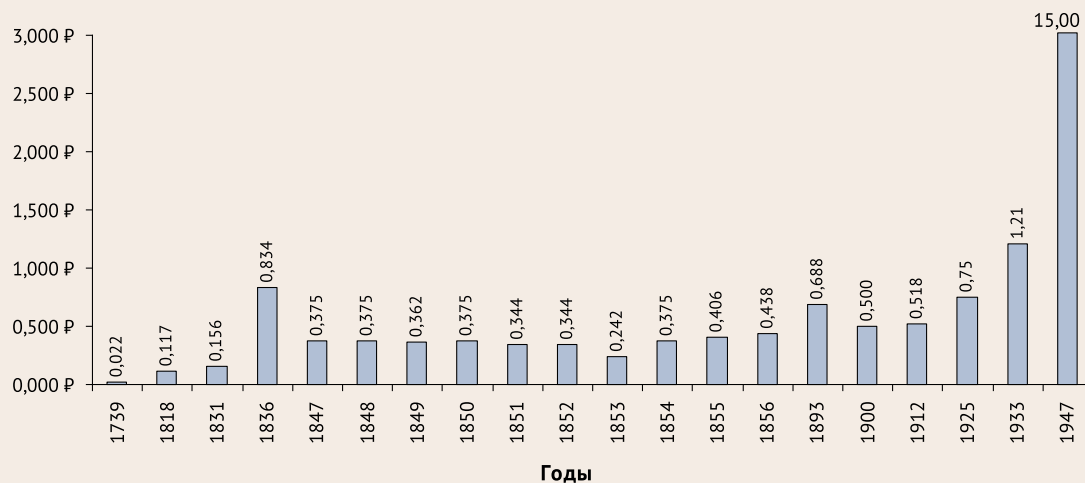

Рис. 15.2. Стоимость 1 кг свежей осетрины

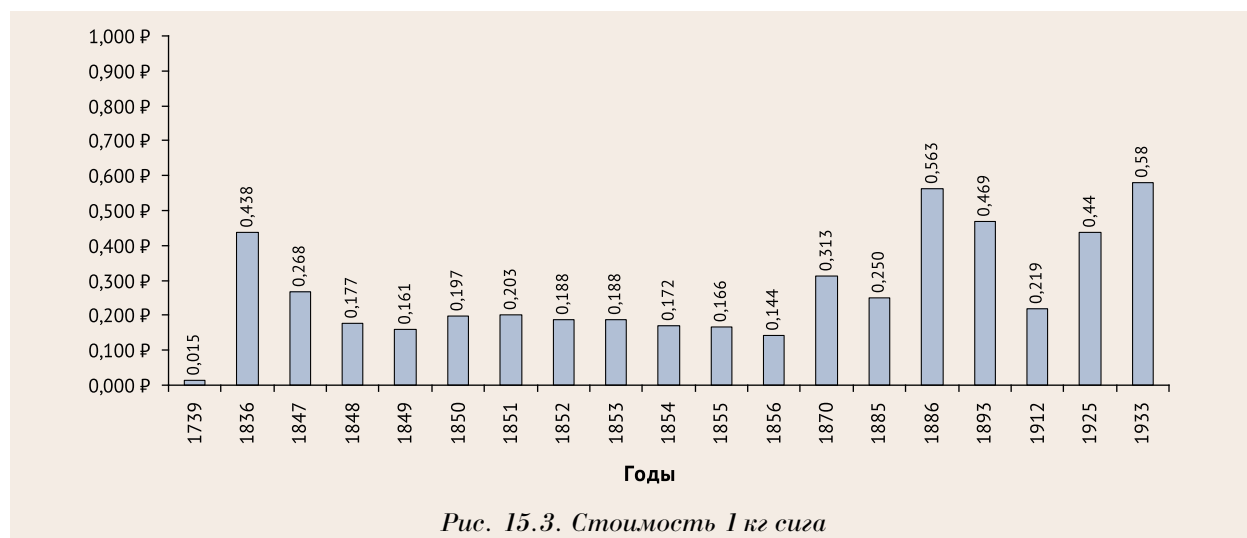

Рис. 15.3. Стоимость 1 кг сига

несколько, основные из них: Малое Море, Чивыркуйский залив, а также район, прилегающий к дельте р. Селенга.

Хариус также поступал на рынок преимущественно в свежем или мороженом виде. Осенью после рунного хода омуля в реках Селенга и Баргузин перед ледоставом ловился самый крупный, т. н. «белый» хариус, который морозился на зиму. Зимой и весной по берегам Байкала, а также в мелких горных речках, впадающих в озеро, ловили «черного» хариуса, его же добывали и осенью во время ската из реки. Существовал специализированный лов хариуса «колотовыми» сетями вдоль берегов озера. Хариусом была богата и сама река Ангара, на которой стоял губернский центр — Иркутск.

Все виды частиковых рыб или так называемая «черная» рыба («красной» рыбой был осетр, «белой» — омуль, сиг, хариус), шли в значительной степени на стол местному населению, проживавшему близ мест лова. Если омуль или осетр ловились не каждый день и уходили, преимущественно, на продажу, то частиковая рыба — обычно «сорожина» была всегда под рукой. В значительной степени, в голодные времена, иногда случавшиеся в жизни страны, рыбалка давала возможность прибрежному населению безбедно пережить тяжелые годы. Не случайно, что в 2020 г. известный российский архитектор В.Б. Бухаев, уроженец с. Корсаково, что расположено в дельте Селенги, и соавтор композиции «чижик-пыжик» на р. Фонтанка в Санкт-Петербурге планирует поставить на Родине, на берегу протоки Харауз, аналогичный памятник — и вовсе не омулю, а простой рыбке — сорожке.

Сведений о том, что в продажу шла вяленая рыба, нет, хотя такой способ заготовки был широко распространен. Спросом пользовался варено-вяленый продукт под названием «порса». Также в литературе отсутствуют упоминания о копченой рыбе.

Из субпродуктов, получаемых из рыбы и присутствовавших на рынке, следует отметить осетровую и омулевую икру, рыбий жир, вязигу и рыбий клей.

Употребление икры на территориях вокруг Байкала также следует считать традиционным и вошедшем в пищевые привычки местного населения. Дореволюционные газетные страницы иркутских периодических изданий полны объявлений о продаже омулевой икры по сходной цене (рис. 15.4). О способах приготовления и употребления, в частности, омулевой икры, было уже сказано достаточно в предыдущих главах. Добавим только, что разница в цене омулевой и осетровой икры по современным понятиям была не очень большой. Если в 19 веке килограмм омулевой икры стоил около 50 коп., то за килограмм осетровой нужно было отдать чуть больше полутора рублей, а свежепросоленной — свыше двух. Сведений о заготовке хариусовой или сиговой икры найти не удалось.

Из плавательного пузыря осетров делали рыбий клей. Без рыбьего клея в те времена не могло обойтись никакое мануфактурное и ремесленное производство, особенно столярное. Делалось это следующим образом. Плавательный пузырь помещали дня на два в воду; затем пузырь разрезали с одного бока и, развернув в виде пластинки, клали его на доски, которые выставлялись на воздух.

Рис. 15.4. Объявления о продаже омулевой икры в иркутских газетах 19 века

Часа через два или более, смотря по погоде, пластинка пузыря легко разделяется на два листка: внутренний — клеину и наружный — сдирок. Клеины слегка увлажнялись и складывались стопками под пресс. После просушки такие пачки клеевых пластинок пускались в продажу.

Вязига — спинная струна осетровых — или, собственно говоря, внешняя оболочка этого органа, готовилась таким образом, что, по выдавливанию из вязиги «скрипа» (внутренней хрящеватой массы) ее разрезали вдоль, прополаскивали в чистой воде и в виде лент вывешивали на воздухе для сушки. Сухую вязигу, смочив несколько для придания гибкости, свивали в жгуты от 1 до 5 фунтов весом, которые поступали на рынок. Вязига ценилась тем выше, чем она белее; белизна же ее зависит от того, насколько хорошо отмыта она от крови и слизи при изготовлении. В продаже на иркутских рынках была преимущественно привозная вязига с ярмарок Европейской части России. Была также вязига местного происхождения, но за небольшим количеством вылавливаемого байкальского осетра, большей частью оставлялась рыбаками для собственного употребления. В России, как известно, вязига употребляется для начинки пирогов; за границей вязигу применяли в качестве остова для щегольских бичей и даже для переплета, так называемых, канадских охотничьих лыж (Кузнецов, 1909).

Жир, вытапливаемый из внутренностей, шел как на технические цели (смазка, жирение орудий лова), так и в пищу. Известно, что иркутские аптекари принимали жир рыбы голомянки, который тогда считался целебным.

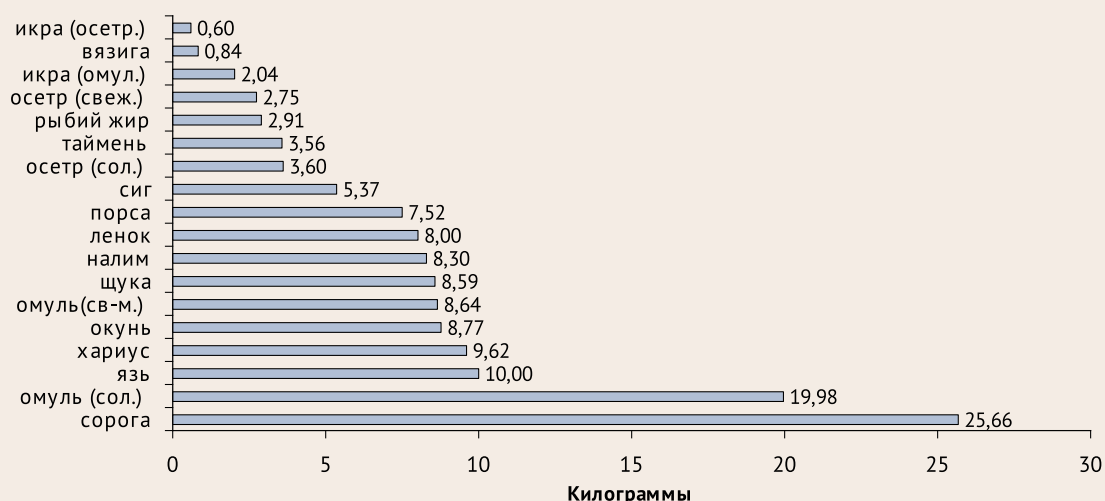

Рис. 15.5. Количество рыбы и рыбопродуктов, которые можно было купить на 1 руб. серебром в середине 19 столетия

В заключение нашего повествования, исходя из имеющихся данных, попробуем рассчитать, сколько рыбы мог купить житель Иркутской губернии в прошлом, придя на рынок. Для этого выберем, предположим, середину 19 столетия, «золотой век» байкальского рыболовства. Рыбы было много и всякой, денежная система стабильна, расчеты производятся серебряной монетой. Самым дорогим товаром в это время были икра, вязига и осетрина, а также примкнувший к ним таймень, самыми дешевыми — сорога и соленый омуль (рис. 15.5).

Итак, покупатель приходит на рынок. Обычно это женщина — кухарка или хозяйка — поход на рынок за рыбой, чистка и разделка считались делом женским (к сожалению, эти навыки современными женщинами почти утрачены). В кошельке у нее 1 руб. серебром и какая-то мелочь, завтра праздничный день, соленый омуль и уха семье уже изрядно приелись... Итак, для осетрового пирога на рубль можно взять пару кило осетрины, икры паюсной с фунт либо омулевой (смотря по привозу). И давно уже не стряпала пирожки с вязигой, они особенно нравятся мужу и детям, придется немного добавить...

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Уважаемый читатель! Мы с Вами прикоснулись к истории байкальского рыболовства, которое насчитывает более 350 лет, прошли путь от рыбацкой артели на берегу Байкала до прилавка на рынке и сможем самостоятельно приготовить блюдо из байкальской рыбы. Перефразируя выражение известного сатирика, можно сказать, что времена и настроения в обществе были всякие, но, тем не менее, рыба в Байкале была! И вот у омулевой бочки показалось дно. Как так случилось? Маститые научные сотрудники могут рассказать друг другу про допустимый улов, промвозврат и промзапас, деградацию нерестилищ и гидростроительство, инвазию чужеродных видов и глобальное потепление. Но как объяснить это местному прибрежному населению, за века привыкшему, что рыба, обитающая в Байкале, дана ему свыше для пропитания. Конечно, со временем изменятся привычки, крупные производители еды позаботятся, о том, чтобы наши гастрономические предпочтения стали другими, голод никому не грозит. Однако ученые утверждают, что для здоровья важно, чтобы основная часть продуктов питания, которые используются в повседневной жизни, должна быть произведена из сырья, выращенного или добытого в том месте, где вы проживаете, и это закреплено на генетическом уровне. Рыба на столе — залог здоровья нации. Конечно, Байкал не так велик, чтобы накормить рыбой огромную страну, но разнообразить рацион окрестного населения вполне способен, кроме того, постоянно растет туристический поток, и приезжающие непременно хотят отведать у Озера местных традиционных блюд, к чему они привыкли посещая другие регионы и страны. Для того, чтобы в будущем не пришлось показывать туристам за деньги как выглядит байкальский омуль, предстоит сделать очень многое и, главное, запастись терпением.

Сейчас население вокруг Байкала, рыбопромышленники находятся в ожидании окончания очередного запрета на лов байкальского омуля. Ловцы ждут возможности выйти в море, народ рыбы, а родные снова будут ждать возвращения рыбаков на берег. Пусть история будет вечной!

С надеждой, автор и весь коллектив Байкальского отделения ВНИРО.

Фото Э.Д. Брюханенко. Байкал. Малое Море. Хужир. Ожидание

ПРИМЕЧАНИЯ

Даты народного и церковного календаря, упоминаемые в связи с рыбным промыслом на Байкале (по Юлианскому календарю / по Григорианскому календарю)

Николин (Миколин) день

(весенний) — 9/22 мая

Николин день (зимний) — 6/19 декабря

Прокопьев день — 8/21 июля

Петров день 29 июня/ 12 июля

Троицын день — на 50-й день после Пасхи

Иванов день — 9/23 июня

День Кирика и Улиты — 15/28 июля

Спасовские дни: медовый — 1/14 августа,
яблочный (Преображение господне) —
6/19 августа, хлебный — 16/29 августа

День Казанской иконы Божьей
матери — 22 октября/4 ноября

Размер ячей сетей и неводов исчислялся по количеству ячеек в квадратной четверти аршина. Так, полотно с 16 ячейками в квадратной четверти аршина соответствовало ячее 45 мм, с 25 ячейками — 36 мм, с 36 ячейками — 30 мм, с 49 ячейками — 25 мм.

Так как линейная четверть аршина соответствовала размеру ручной пяди, размер ячее можно было определить по количеству рядов ячеек в ладони: 4 ячей — четырехрядка (45 мм), 5 ячеек — пятирядка (36 мм), 6 ячеек — шестирядка (30 мм), семь ячеек — семирядка (25 мм). Маховая сажень использовалась при определении глубины лотом (намерником).

Рис. 1. Сетное полотно с 36 ячейками в квадратной четверти аршина

Старые русские дометрические меры длины и размеры ячеек орудий лова

Единица	Отношение к аршину	Сантиметры
Вершок		4,45
Четверть (пядь)	1/4	17,78
Аршин	1	71,12
Сажень	3	213
Маховая сажень	2,5	176

Дометрические меры веса, объема, площади и длины, упоминаемые в тексте

Доля — 0,044 г

Золотник — 4,27 г

Фунт — 96 золотников (410 г)

Пуд — 16,38 кг

Куль — 8 пудов (128 кг)

Ведро — 12 литров

Ижемка — сороковедерная бочка (480 л)

Десятина — 1,093 гектара

Верста — 1067 м

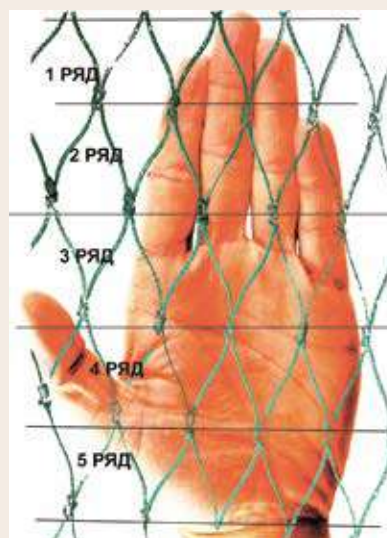

Рис. 2. Пять рядов ячеек в ручной пяди (пятирядка)

ЛИТЕРАТУРА

- Аргунова Ю.Ю. История рыбного хозяйства байкальского региона // Автореферат кандидата исторических наук. — Иркутск, 2016. — 26 с.
- Арсеньев Ю.В. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. // Записки Русского Географического о-ва по отделению этнографии. — СПб., 1882. — Т. 10. — Вып. 1. — 214 с.
- Артюнин И.М. Техника промысла и пути ее реконструкции // Рыбы и рыбное хозяйство в бассейне озера Байкал. — Иркутск, 1958. — С. 481–486.
- Артюнин И.М. Рыболовецкие колхозы Кабанского района. Улан-Удэ, 1955. — Рукопись — Фонды БайкалНИРО. — 147 с.
- Асхаев М.Г. Рыбопромысловые участки Малого моря. — Иркутск, 1948 г. — Рукопись. — Фонды БайкалНИРО. — 16 с.
- Асхаев М.А. Рыбопромысловые участки южной части Байкала. Иркутск, 1946. — Рукопись. — Фонды БайкалНИРО. — 22 с.
- Асхаев М.Г. Объяснительная записка к рыбопромысловой карте западного берега Байкала от истока р. Ангары до Малого моря. — Иркутск, 1948. — Рукопись. Фонды БайкалНИРО. — 8 с.
- Бабушкин С.М. Об островных улусах // Этнокультурные традиции и современное состояние кударинских бурят: материалы к национально-региональному компоненту образования. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007. — С. 3–21.
- Башмакова А.Я., Красикова В.А. Маломорский промысловый район // Состояние запасов сиговых рыб оз. Байкал. — Красноярск, 1950. — Отчет о НИР. — Рукопись. — Фонды БайкалНИРО. — 310 с.
- Березовский А.И. Сырьевая база рыбного хозяйства // Проблемы Бурят-Монгольской АССР: труды первой конференции по изучению производительных сил Бурят-Монгольской. — М.; Ленинград: Изд-во акад. наук СССР, 1935. — Т. 2. — 1936. — С. 208–224.
- Бестужев М.А. Воспоминания о пребывании в Шлиссельбурге, Чите и Петровском заводе // Воспоминания Бестужевых. — М.-Л., 1951. — 691 с.
- Бичурин Н.Я. Отрывки из путешествия по Сибири // Русский вестник, 1841. — Т. 4. — № 10. — С. 74–94.
- Благовидова Л.А. Характеристика рыбного промысла Маломорского района оз. Байкал по материалам инвентаризационного рыбопромыслового отряда Восточно-Сибирского Отделения ВНИОРХ 1932 г. — Красноярск, 1932. Рукопись. — Фонды БайкалНИРО. — 16 с.
- Бородкина М.В. Очерк хозяйственной жизни Баргузинского края // Провинциальная наука: этнография в Иркутске в 1920-е годы. — Москва — Иркутск, 2013. — С. 86–113.
- Бородкина М.В. Рыбацкий быт Прибайкалья // Сибирская живая старина. — Вып. 2 (6). — Иркутск, 1926. — С. 165–200.
- Борьба за Советы в Бурят-Монголии // Сб. воспоминаний и документов. — М., 1940. — С. 169.
- Бурят-Монгольская Автономная Социалистическая Советская Республика. Очерки и отчеты: 1924–1925 гг. Материалы Баргузинской экспедиции Г.Г. Доппельмайра 1914–1915 гг. — Верхнеудинск: Издание Госплана Б.-М. АССР, 1926. — 409 с.
- Вагин В.И. Продовольствие в Иркутске в 1886 г. // Известия ВСОРГО. — Т. 20. — № 3. — Иркутск, 1886. — 33 с.
- Василевич Г.К. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). — Л.: Наука, 1969. — 302 с.
- Ветов В.С. За байкальским омулем // Байкальские рассказы. — Москва, 1930. — Государственное издательство. — 64 с.
- Ветошкин М.К. Сибирские большевики в период первой русской революции. — М.: ОГИЗ, 1939. — 224 с.
- Восточное обозрение № 44 от 29 октября 1889 г.

- Восточное обозрение № 163 от 23 июля 1900 г.
 Восточное обозрение № 30 от 8 февраля 1901 г.
 Восточное обозрение № 233 от 24 октября 1901 г.
 Восточное обозрение № 266 от 5 декабря 1901 г.
 Гаврилов Г.Б. Отчет о работе на байкальском опытном рыбном промысле Востсибрыбтреста за время с января 1933 г. по апрель 1934 г. — Красноярск, 1934. — Рукопись. — Фонды БайкалНИРО. — 19 с.
 Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по Высочайшему Его Императорского Величества повелению при Сибирском комитете. Рыба Байкальского озера. — 1854. — СПб: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. — С. 342–348.
 Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве. — СПб.: Изд-во книгопродавца Ивана Глазунова, 1799. — Ч. 3: О народах самоедских, маньчжурских и восточных сибирских, как и о Шаманском законе. — 116 с.
 Гирченко В.П. Из прошлого байкальских рыбных промыслов // Жизнь Бурятии. — Верхнеудинск, 1928. — № 1–3. — С. 79–88.
 Голубая нива Бурятии / Ред.-сост. Б.Б. Болотов. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2001. — 144 с.
 Григоровский Н.И. Поездка на Верхнюю Ангару // Изв. Вост.-Сиб. отд. Имп. Рус. Геогр. о-ва. — Иркутск, 1890. — Т. 21. — № 2. — С. 3–28.
 Гольдфарб С.И. Мир Байкала. — Иркутск: Репроцентр А1, 2010. — 630 с.
 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. — Москва: Типография А. Семена, 1863.
 Декабристы о Бурятии. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975. — 232 с.
 Дексбах Е.М. Организационная структура рыбного хозяйства Б-М АССР и Иркутской области. — Улан-Удэ, 1947. — Рукопись. — Фонды БайкалНИРО. — 120 с.
 Дополнения к актам историческим, собранных и изданных археографическою комиссией. — Т. 8. — СПб., 1862. Акт № 91 от 22 февраля 1681 г. — С. 314–316.
 Дриженко Ф.К. Гидрографическое исследование Байкала. — СПб.: Тип. Безобразова и К°, 1902. — 44 с.
 Дриженко Ф.К. Атлас озера Байкал. — Санкт-Петербург, 1903. — 20 сдв. л.
 Дриженко Ф.К. Лочия и физико-географический очерк озера Байкал / Под ред. ген.-майора Ф.К. Дриженко. — СПб.: Гл. гидрогр. упр., 1908. — 443 с.
 Дроботушенко Е.В. Хозяйственная деятельность православных монастырей Забайкальской епархии во второй половине XIX — начале XX века // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. — 2008. — № 2. — С. 86–95.
 Егоров А.Г. Байкальский осетр. — Фонды БайкалНИРО, Рукопись, 1947. — 238 с.
 Егоров А.Г. Байкальский осетр // Рыбы и рыбное хозяйство в бассейне озера Байкал. — Иркутск: ОГИЗ, 1958. — С. 101–129.
 Егоров А.Г. Байкальский осетр. — Улан-Удэ, 1961. — 122 с.
 Егоров А.Г., Клименченко М.Д. Очерк истории рыболовства на Байкале и прилежащих водоемах // Известия БГНИ при ИГУ. — Иркутск, 1971. — Т. XXIV. — С. 193–233.
 Елезов О.В. Рыбная и звериная промышленность по берегам озера Байкала // Изв. Вост.-Сиб. отд. Имп. Рус. Геогр. о-ва, 1873. — Т. 4. — № 3. — С. 168–179.
 Жамбалова С.Г. Профанный и сакральный миры у ольхонских бурят (XIX — XX в.). — Новосибирск: Наука, 2000. — 400 с.
 Жамбалова С.Г. Рыболовство // Буряты. — М.: Наука, 2004. — С. 117–121.
 Жигжитов М.И. Подлеморье / Предисл. В. Тендрякова. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1985. — 800 с.
 Житие протопопа Аввакума им самим написанное / Под ред. Н.К. Гудзия. — М.: Изд-во АН СССР, 1934. — 498 с.

- Зуев В.Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771–1772). — Москва: Акад. наук СССР, 1947. — 96 с.
- Известия Верхнеудинского Совета рабочих и солдатских депутатов. — Верхнеудинск, 1917. — № 43.
- Издание Иркутского Губернского Статистического Комитета / Под ред. чл. и секретаря ком-та Д.Д. Ларионова. — Иркутск, 1868. — 346 с.
- Иллюстративное описание быта сельского населения Иркутской губернии / Сост.: И.А. Молодых, П.Е. Кулаков. // Труды по участию Отдела на Всероссийской выставке в 1896 г. Имп. Рус. Геогр. о-во, Вост.-Сиб. отд. — СПб.: Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1896. — 242 с.
- Иркутские губернские ведомости. — № 24 от 24 октября 1857 г.
- Иркутские губернские ведомости. — № 52 от 25 декабря 1865 г.
- Иркутские губернские ведомости. — № 96 от 2 декабря 1875 г.
- Иркутские губернские ведомости. — № 30 от 15 апреля 1877 г.
- Иркутские губернские ведомости. — № 72 от 9 сентября 1877 г.
- Иркутские епархиальные ведомости. Священный памятник событиям 25 Мая 1867 года: Церковь Вознесения Господня на Часовенном острове за Байкалом. — № 3 от 16 января 1871 г. — С. 31–32.
- Иркутские епархиальные ведомости. Историческое описание Посольского Спасо-Преображенского монастыря. — № 13 от 25 марта 1872 г. — С. 162–167.
- Иркутская епархия в XVIII — начале XX века / Науч. ред.: А.В. Дулов, А.П. Санников. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. — 209 с.
- История Северо-Байкальского района / Автор-составитель Т.П. Темникова. Под редакцией И.В. Пухарева. — Улан-Удэ: НоваПринт, 2015. — 599 с.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Том 1. Народы Сибири перед присоединением к Русскому государству. — Л.: Наука, 1968 г. — С. 395–402.
- Исчезновение омуля в оз. Байкал // Вестник рыбопромышленности, 1888. — № 6.
- Кирилов Н.В. Поездка в Нижнеангарск Баргузинского округа на Байкале в 1885 г. // Изв. Вост.-Сиб. отд. Имп. Рус. Геогр. о-ва. — Иркутск, 1886. — Т. 17. — № 1–2. — С. 1–83.
- Кирилов Н.В. Отчет о командировке на Селенгинские рыбные промыслы врача Кирилова в сентябре 1886 г. // Изв. Вост.-Сиб. отд. Имп. Рус. Геогр. О-ва. Иркутск, 1886. — Т. 17. — № 3–4. — С. 106–152
- Кичагов А.В. Очерки байкальского рыболовства // Рыбное хоз-во. — № 2. — 1923.
- Кожов М.М., Спелит К.К. Динамика добычи рыбы в Байкале и его бассейне // Рыбы и рыбное хозяйство в бассейне озера Байкал. — Иркутск: Иркутск. кн. изд-во, 1958. — С. 504–525.
- Кожов М.М., Спелит К.К. Северо-Байкальский промысловый район // Рыбы и рыбное хозяйство в бассейне озера Байкал. — Иркутск: Иркутск. кн. изд-во, 1958. — С. 638–672.
- Коротнев А.А. Отчет по исследованию озера Байкал летом 1900 и 1901 гг. // Юбилейный сборник к пятидесятилетию Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества. — Киев: Типография С.В. Кульженко, 1901 г. — С. 13–42.
- Косых В.И. Дореволюционные источники по хозяйственно-предпринимательской деятельности православной церкви Восточной Сибири в конце XIX — начале XX вв. // Источники по истории освоения Сибири в период капитализма. — Новосибирск: Наука, 1989. — С. 197–209
- Косых В.И. Забайкальская епархия накануне и в годы первой российской революции. — Чита. Изд-во Забайк. гос. пед. ун-та, 1999. — 196 с.
- Кравчук В.А. Биологическое обоснование рыбохозяйственных мероприятий на оз. Байкал в связи с гидростроительством. — Красноярск, 1952. — Рукопись. Фонды ФГБНУ БайкалНИРО. — 90 с.
- Краснощеков С.И. Распределение, численность и воспроизводство омуля в оз. Байкал / Отчет о НИР: Пути увеличения запасов Байкальского омуля. — Красноярск, 1967. — Рукопись. Фонды БайкалНИРО. — Т. 87.
- Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. — Новосибирск, 1996. — Т. 3. — Кн. 2. — С. 110–111.
- Кузнецов И.Д. Забайкальские рыбные промыслы // Ежегодник департамента Земледелия. — Санкт-Петербург: Тип. В. Киришбаума, 1909. — 20 с.

- Куломзин А. Н. Материалы Комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. — СПб., 1898. — Вып. 14. — 373 с.
- Кулаков П. Е. Ольхон. Хозяйство и быт бурят Еланцинского и Кутульского ведомств (бывшего Ольхонского ведомства) Верхоленского округа Иркутской губернии. — СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1898. — 245 с.
- Курбатов А. Статистические сведения о лесной и рыбной промышленности Верхнеудинского округа // Материалы для статистики российской империи, 1841 г. — СПб.: Типография Министерства внутренних дел. — С. 36–45.
- Ларионов Д. Д. Очерк экономической статистики Иркутской губернии. Статистика сельскохозяйственная // Издание Иркутского губернского комитета. Под редакцией неприменного члена Комитета, доктора Н. И. Кашина. — Иркутск, 1870. — 379 с.
- Левин Н. П. Рыболовство и рыбопромышленность на Ольхоне // Известия ВСОИРГО. — Т. XXVII. — № 1. — Иркутск, 1897. — С. 44–79.
- Лоция и физико-географический очерк озера Байкал / Под ред. ген.-майора Ф. К. Дриженко. — Санкт-Петербург, 1908. — 443 с.
- Лукьянов М. А. Край наш Кабанский у Байкала. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. — 175 с.
- Луховцев А. А. Рыбное хозяйство Кабанского района БМ АССР и перспективы его развития (по материалам рыбопромысловой экспедиции 1932 г.). — Красноярск, 1933. — ВСО ВНИОРХ. — Рукопись. — Фонды БайкалНИРО. — 120 с.
- Малинин В. Извлечение из архива Иркутского Генерал-Губернатора, хранящееся в Верхнеудинске: «О работах совещания об урегулировании рыбного промысла на Байкале и реках, в него впадающих». — Иркутск, 1908. — Рукопись. Фонды БайкалНИРО. — 48 с.
- Мальцев В. Н. Бормашенный промысел рыбы в Бурят-Монгольской АССР. — Верхнеудинск, 1934. — Рукопись. Фонды БайкалНИРО. — 10 с.
- Мамонтов А. М. Оценка общих уловов омуля в Байкале // География и природные ресурсы. — Новосибирск, 2009. — № 1. — С. 75–80.
- Маншеев Д. М. Развитие рыболовства у бурят в XIX веке // Иркутский историко-экономический ежегодник. — Иркутск, 2013. — С. 150–159.
- Мартос А. И. Письма о Восточной Сибири. — М.: Университетская типография, 1827. — 200 с.
- Мартос А. И. О ловле омулей // Северная пчела, 1834. — № 25. — 1027 с.
- Машанова Л. В. Русская хозяйственная колонизация Забайкалья в конце XVII — начале XVIII века. — СПб.: Нестор, 1999. — 107 с.
- Мичи А. Путешествие по Амуру и Восточной Сибири с прибавлением ст. из путешествий Г. Радде, Р. Маака и др. — Санкт-Петербург; Москва: М. О. Вольф, 1868. — 351 с.
- Мишарин К. И. Наблюдение за нерестом омуля в речке Безымянка Чивыркуйского залива в 1932 г. — Иркутск. — Рукопись. — Фонды БайкалНИРО — 15 с.
- Мишарин К. И. Отчет о работе и результатах исследования биологии икры и молоди омуля северобайкальской расы на реке Кичере в 1944–1945 гг. — Иркутск, 1945. — Рукопись. Фонды БайкалНИРО. — 45 с.
- Моллесон М. Н. Краткий очерк о летней экскурсии по Джиде в 1912 г. // Труды Троицко-Савско-Кяхтинского отд. Приамурского отдела ИРГО, 1912. — Т. 15. — Вып. 3. — С. 11–25.
- Нанзатова Б. З. Баргузинский округ в XIX в. (вопросы этнической истории региона и этнический состав населения) // Вестник БНЦ СО РАН. Улан-Удэ, 2015. — № 2 (18). — С. 11–30.
- Неронов Ю. В. На байкальской камчатке. — Улан-Удэ: Изд. дом «Экос», 2014. — 70 с.
- Номоконова Т. Ю., Горюнова О. И. Неолитические комплексы многослойного поселения Катунь I (Чивыркуйский залив оз. Байкал) // Известия Лаборатории древних технологий. — Иркутск, 2004. — Вып. 2. — С. 117–123.
- Общий очерк иркутской губернии. — СПб.: Военная типография, 1871. — С. 113–119.
- Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — М. Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — Ч. 1, 2. — 412 с.
- Онгоева Н. И. Рыболовный промысел у бурят в XIX–XX вв. (Опыт историко-этнографического исследования). — Автореферат дис. ... кандидата исторических наук. — Улан-Удэ, 2005. — 22 с.

- Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российской империи. — СПб.: Императорская Академия Наук, 1788. — Ч. 3. — Т. 1—624 с.
- Пантелеев К. Н. Рыбные богатства Байкала // Очерки по изучению Прибайкалья. — Иркутск, 1926. — С. 52—65.
- Паршин А. Поездка в забайкальский край. — Москва: Типография Николая Степанова, 1844. — Ч. 1—2. — 351 с.
- Пежемский П. Рыбная производительность озера Байкал // Вестн. РГО. — СПб., 1853. — Т. 8. — Кн. 4. — 34 с.
- Петри Б. Э. Неолитические находки на берегу Байкала (Предварительное сообщение о раскопках стоянки Улан-Хада) // Сб. МАЭ. — 1916. — Т. 3. — С. 113—132.
- Петров. Топографический дневник // Прибайкальский краеведческий альманах. — М.: Изд-во Эдитус, 2018. — С. 71—79.
- Подлесный А. В. Состояние запасов сиговых рыб в озере Байкал. — Красноярск, 1950. — Отчет о НИР. — Рукопись. Фонды БайкалНИРО. — 310 с.
- Полное собрание законов Российской империи. — Собрание Второе. — Т. XII. — Отделение первое, ст. 500. — СПб., 1838.
- Попов Н. Пища тунгусов. // Сибирская живая старина. — Вып. 1 (5). — Иркутск, 1926. — С. 113—144.
- Попов П. В. Материалы по неучитываемому официальной статистикой рыболовству в водоемах бассейна озера Байкал // Рыбы и рыбное хозяйство в бассейне озера Байкал. — Иркутск: ОГИЗ, 1958. — С. 526—559.
- Попов П. В. Историческая справка о рыболовстве на Байкале // Рыбы и рыбное хозяйство в бассейне озера Байкал. — Иркутск: ОГИЗ, 1958. — С. 33—42.
- Прибыльский Ю. П., Федорченко В. И. Рыбное хозяйство Сибири в годы Великой Отечественной войны. — Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. — 160 с.
- Приказ Минсельхоза России от 7 ноября 2014 г. № 435 «Об утверждении Правил рыболовства для Байкальского рыбохозяйственного бассейна» <http://www.pravo.gov.ru> 05.11.2014 № 0001201411050042.
- Радде Г. И. Озеро Байкал. Извлечено из отчета натуралиста Г. Г. Радде, совершенного им летом 1855 г. путешествии вокруг озера // Вестник Императорского Русского Географического общества. — СПб.: тип. Морского министерства, 1858. — С. 107—156.
- Ремезов С. Е. Чертежная книга Сибири 1701 года. — СПб.: Типография А. М. Котомина у Обуховского моста, 1882. — 60 с.
- Роговской Е. О., Кузнецов А. М. Рыболовство в раннем голоцене на многослойном местонахождении Остров Листвничный (в зоне затопления Богучанской ГЭС) // Известия Иркутского государственного университета, 2013. — С. 15—32.
- Розен А. Е. Записки декабриста. — Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984. — 479 с.
- Романов Н. С. Иркутская летопись 1857—1880 г. г. // Труды ВСОИРГО. — Иркутск, 1914. — № 8. — 410 с.
- Рыбное хозяйство на Северном Байкале. — Красноярск, 1932. — Рукопись. Фонды БайкалНИРО. — 91 с.
- Сабанеев Л. П. Рыбы России: Жизнь и ловля (уженье) наших пресноводных рыб. — Москва: А. А. Карцев, 1892. — Т. 1—2.
- Сабуров Н. Н. Об омуле и состоянии рыбопромышленности на Байкале // Известия ВСОИРГО (Восточно-Сибирское отд-е Рос. Имп. Геогр. о-ва). — Иркутск, 1889. — Т. 19. — № 5. — С. 1—42.
- Свидерская А. К. История развития рыбного промысла на оз. Байкал // Рыбное хозяйство оз. Байкал. Общая часть к листам № 7, 8, 9, и 10 рыбопромысловой карты оз. Байкал. — Наркомпищепром СССР. — Главрыба. — «Совниорх». — Красноярск, 1936. — Рукопись. — Фонды БайкалНИРО. — 156 с.

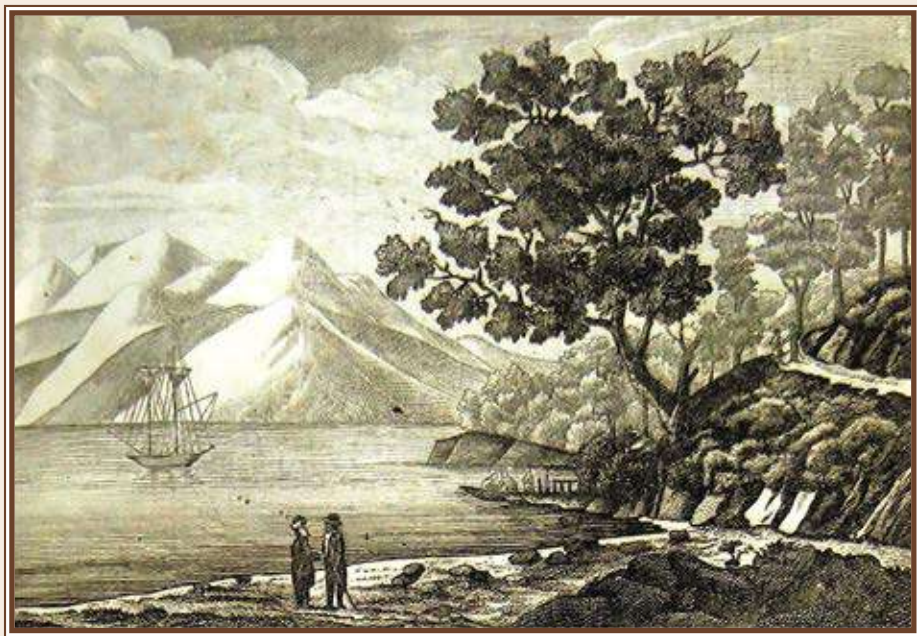
- Сгибнев А.С. Байкал и его судоходство / Военные моряки Байкала: проблемы исторической реконструкции деятельности военных моряков российского флота по физико-географическому изучению и освоению озера Байкал в 18–20 вв. — СПб.: Наука, 2004. — С. 292–335 (цитата, с. 328–329).
- Северная пчела. — СПб., 1854. — № 257 от 12 ноября.
- Сельский И.С. Примечания к статье г. Пежемского «Рыбная производительность озера Байкал» // Вестн. РГО, 1853. — Т. 8. — Кн. 4. — С. 27–34.
- Семивский Н.В. Описание Байкала. Новейшие, любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из чего многое до ныне не было всем известно. — СПб.: Воен. тип. Гл. Штаба Его Имп. Вел., 1817. — С. 80–108.
- Солдатов В.В. Внеземледельческие домашние промыслы сельского населения и сельское рыболовство в Забайкальской области // Тр. Амурской экспедиции. — Хабаровск, 1912. — Вып. 2. — Т. 5. — 313 с.
- Соллертинский Е.С. Новое слово в рыбном хозяйстве БМАССР // «Жизнь Бурятии». — Верхнеудинск: Типография Бурнаркомпромторга, 1926. — № 1–3. — С. 20–25.
- Соллертинский Е.С. Современная обстановка и перспективы рыбного хозяйства Буреспублики // «Жизнь Бурятии». — Верхнеудинск: Типография Бурнаркомпромторга, 1926. — № 11–12. — С. 44–50.
- Соллертинский Е.С. Очерки рыбного хозяйства БМ АССР. — Верхнеудинск: Тип. БГИ, 1929. — 69 с.
- Станиловский А.М. Байкал (Рыба и рыболовство) // Труды Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. — Иркутск, 1912. — С. 44–68.
- Стахеев Д.И. За Байкалом и на Амуре: Путевые картины. — СПб.: Тип. К. Вульфа, 1869. — 347 с.
- Стародумов В.П. Омудевая бочка: Байкальские сказки. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968. — 24 с.
- Степанов Н.Н. С.П. Крашенинников в Бурятии // Этнографический сборник БКНИ СО РАН. — Улан-Удэ, 1962. — Вып. 3. С. 115–124.
- Страницы из жизни бурят Кударинской степной думы. — С сайта Кабанской районной библиотеки (<http://library.kabansk.org/>).
- Суранова О.В. Черта...Черт...Чертовкино... (История ярмарки и поселения). — Шигаево, 2007. — 55 с.
- Суханов Н.В. Северо-байкальский туземный район Бурят-монгольской АССР. // Материалы Северобайкальской научно-промысловой рыбохозяйственной экспедиции 1931 г. — Красноярск, 1933. — Рукопись. — Фонды БайкалНИРО. — 115 с.
- Суханов Н.В., Тюрин П.В. Рыбное хозяйство на Сев. Байкале. // Материалы Северобайкальской научно-промысловой рыбохозяйственной экспедиции 1931 г. — Красноярск, 1933. — Рукопись. — Фонды БайкалНИРО. — 93 с.
- Татаринов М. Описание о братских татарах сочинения морского корабельного флота штурмана ранга капитана Михаилом Татариновым, 1765 г. — Улан-Удэ, 1958. — 78 с.
- Торшина Н.Г. Земля Иркутская. — Иркутск, 2000. — № 14. — С. 72–75.
- Требуховский П.Ф. Детский рисунок туземных народов Сибири // Провинциальная наука: этнография в Иркутске в 1920-е годы. — Москва — Иркутск, 2013. — С. 346–393.
- Тюрин П.В. О причинах снижения запасов байкальского омуля *Coregonus autumnalis migratorius* (Georgi) и неотложных мерах по их восстановлению // Вопросы ихтиологии, 1969. — Т. 9. — Вып. 5 (58). — С. 782–797.
- Тюрин П.В. К истории омулевого промысла на озере Байкал. — Красноярск, 1934. — Рукопись. — Фонды БайкалНИРО. — 33 с.
- Тюрин П.В., Сосинович П.И. Новые данные по биологии байкальского омуля и перспективах рыбобоводных мероприятий на Байкале. По материалам Северобайкальской научно-промысловой экспедиции 1931 г. — Красноярск, 1934. — Рукопись. Фонды БайкалНИРО.
- Тюрин П.В. Реконструкция неводного и сетного рыбного промысла на озерах Б-М. АССР // Проблемы Бурят-Монгольской АССР: труды первой конференции по изучению

- производительных сил Бурят-Монгольской АССР. — М.-Л.: Изд-во акад. наук СССР, 1935. — Т. 2. — 1936. — 448 с.
- Тюрин П.В., Грачев Е.М. Очерк рыбных и звериных промыслов оз. Байкал. — Красноярск, 1932. — Рукопись. — Фонды БайкалНИРО. — 15 с.
- Тюрин П.В. Рыбное хозяйство на Северном Байкале. — Красноярск, 1932. — Рукопись. — Фонды БайкалНИРО. — 91 с.
- Устав сельского хозяйства, статьи 486–488, 500. — СПб., 1912. — Т. 12.
- Федоров В.В. Рыболовные снаряды неолитической эпохи из долины р. Оки // Советская археология. — М.-Л., 1937. — № 2. — С. 61–70.
- Хангалов М.Н. Рыболовство у бурят и Ухан-хат // Собрание сочинений в 3 томах. — Сиб. отд-е АН СССР. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. — Т. 1. — 551 с.
- Хороших П.П. Наскальные рисунки на побережье Байкала // Этнографический сборник. — Улан-Удэ, 1960. — С. 45–58.
- Цивилев Н.И. Историческое прошлое Северобайкальских рыбных промыслов (1880–1916 гг.). — Улан-Удэ, 1993. — 19 с.
- Цыдыпова Л.С. Историко-географические аспекты трансформации хозяйства населения Баргузинской долины в конце 19 — первой четверти 20 века // Известия ИГУ. — Иркутск, 2013. — Т. 6. — № 1. — С. 190–197.
- Черепанов С.И. О рыбном ловле в Сибири. Воспоминания // Библиотека для чтения. — СПб., 1855 г. — Т. 129. — С. 93–130 (цит. Журнал Байкал, 2008 г. — № 6. — С. 128–166).
- Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах: От древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя имп. Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни имп. Екатерины Великия. — Санкт-Петербург, 1785. — Т. 3. — Кн. 1. — 15 с.
- Шахеров В.П. Промыслы и ремесло // Иркутск в панораме веков. Очерки истории города. — Иркутск, 2002. — Иркутская областная типография № 1. — С. 98–108.
- Шмулевич М.М. Очерки истории Западного Забайкалья (XVII — середина XIX в.). — Новосибирск: Наука, 1985. — 286 с.
- Щукин Г. О ловле омулей на реке Селенге в Сибири // Сиб. вестник Г. Спасского. — СПб.: Морская типография, 1821. — Ч. 3. — Кн. 13. — С. 23–36.
- Щукин Н.С. Рыбные промыслы в Восточной Сибири // Журнал МВД. — СПб., 1847. — Ч. 17. — С. 210–225.
- Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири. Каменный век. — Новосибирск: Наука, 1988. — 144 с.
- Элерт А.Х. Георг Вильгельм Стеллер. Описание города Иркутска и окрестных местностей // Наука из первых рук. — Новосибирск, 2004. — № 2 (декабрь).
- Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. — М.: Наука, 1980. — 472 с.

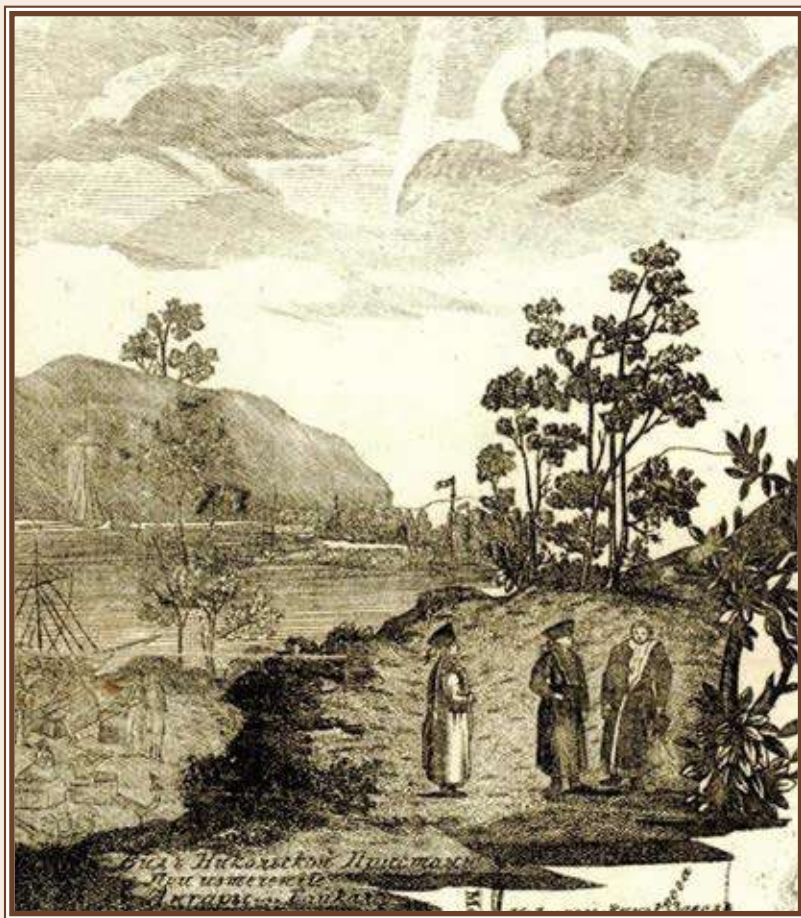
Графика, живопись

Е.А. Мартынов. Вид Прорвы на Байкале, 1805 г.

Вид Байкала от Лиственничного зимовья. Иллюстрация к книге Н.В. Семивского «Описание Байкала», 1817 г.

Вид Никольской пристани при истечении Ангары из Байкала (фрагмент картуши, 1806 г.)

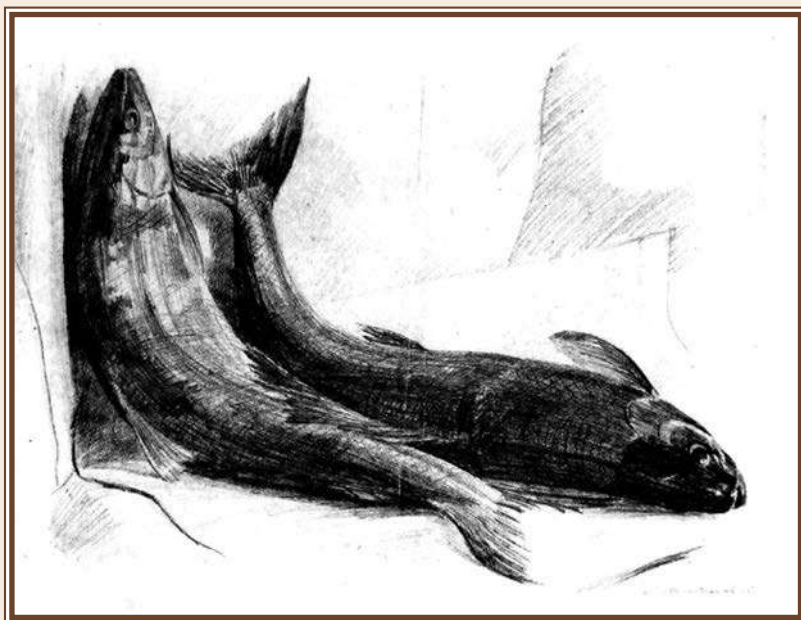
Байкальское озеро и его виды. Пещера у Байкала. Иллюстрация к книге А. Мичи «Путешествие по Амуру и Восточной Сибири», 1868 г.

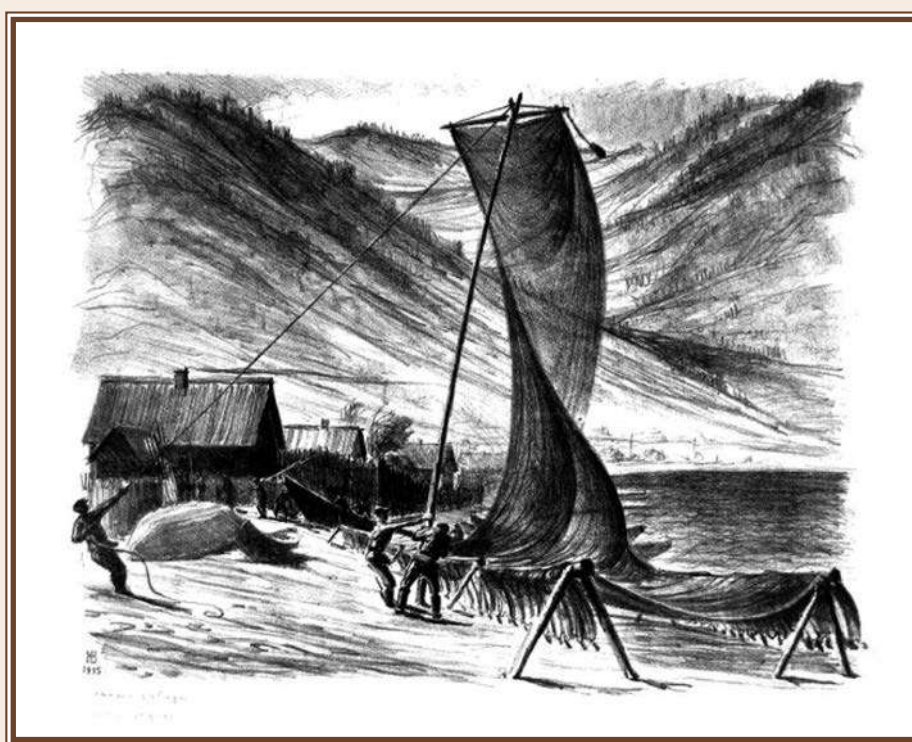
В.С. Житенев. Южный Байкал. Култук, 1927 г.

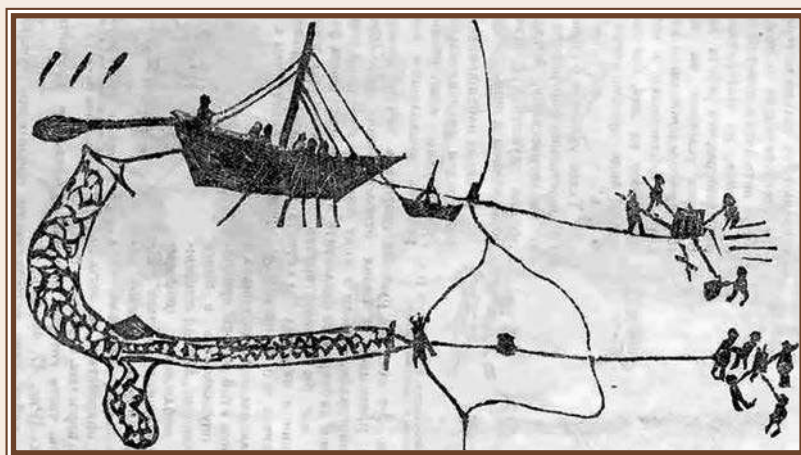
В.С. Житенев. Южный Байкал. Култук, 1927 г.

В.С. Житенев. Южный Байкал. Култук. Омуль, 1927 г.

В.С. Житенев. Южный Байкал. Култук. Сушка невода. 1927 г.

Влад. Андреев (бурятский мальчик с острова Ольхон). Изображена ловля омуля ольхонскими бурятами: невод вытаскивают из воды посредством ворота, 1925 г. (по: Требуховский, 2013)

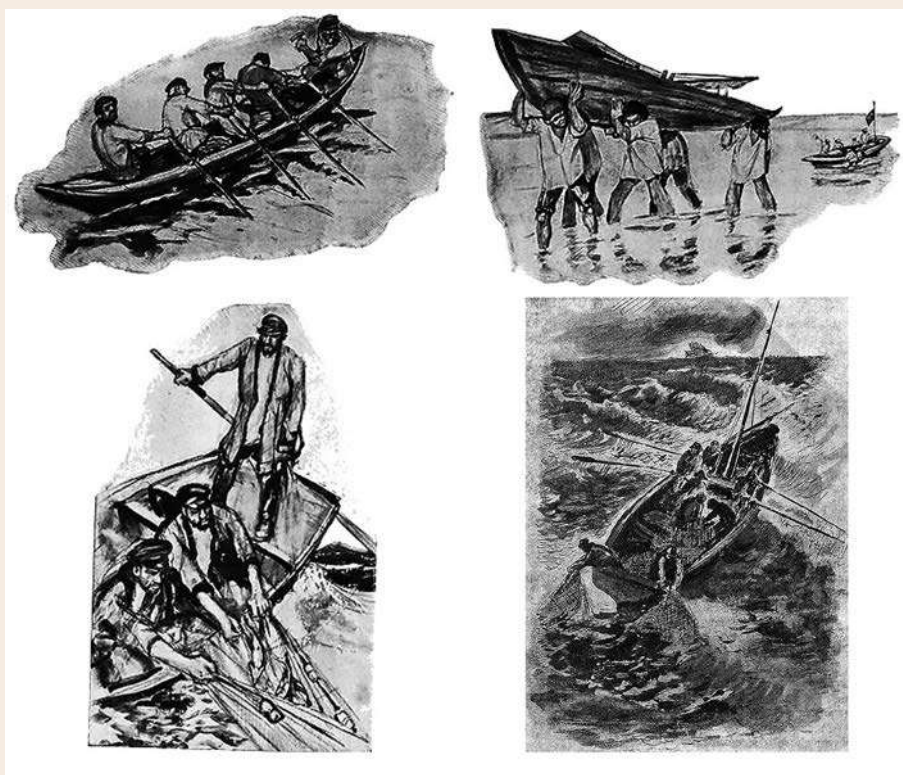

Иллюстрация к путевым заметкам В. Ветова «За байкальским омулем» («Всемирный следопыт», 1928 г., № 9)

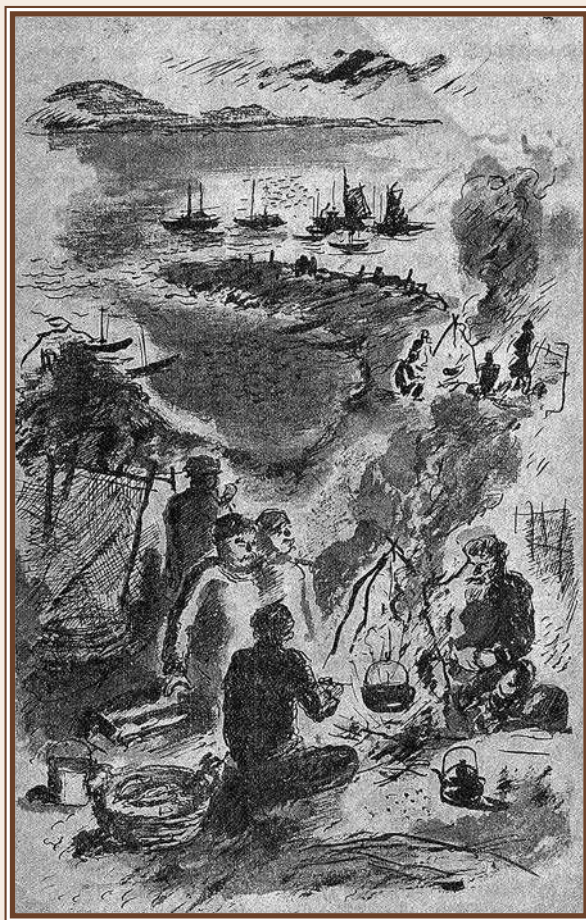
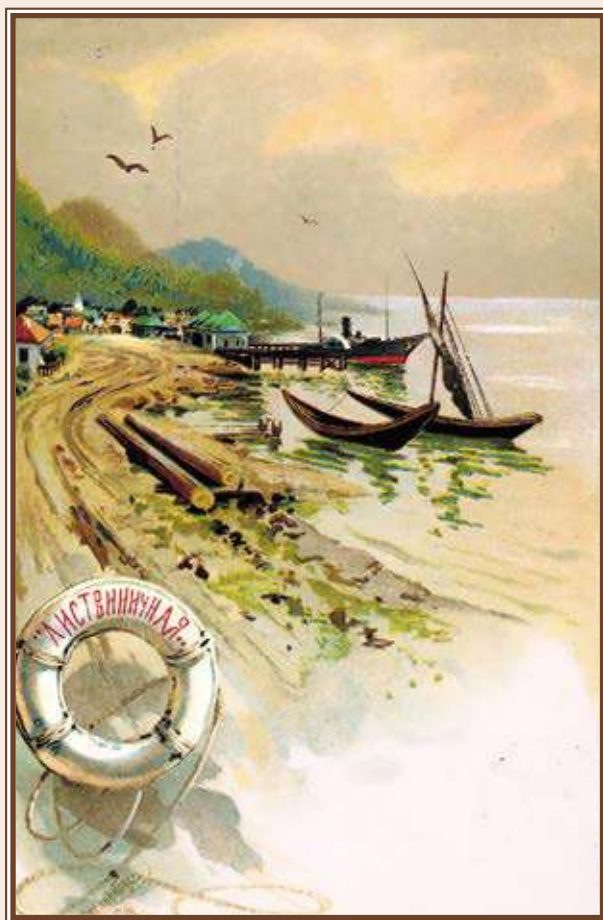

Иллюстрация к путевым заметкам В. Ветова «За байкальским омулем» («Всемирный следопыт», 1928 г., № 9)

В.С. Рогаль. Вечер на Байкале, 1953 г.

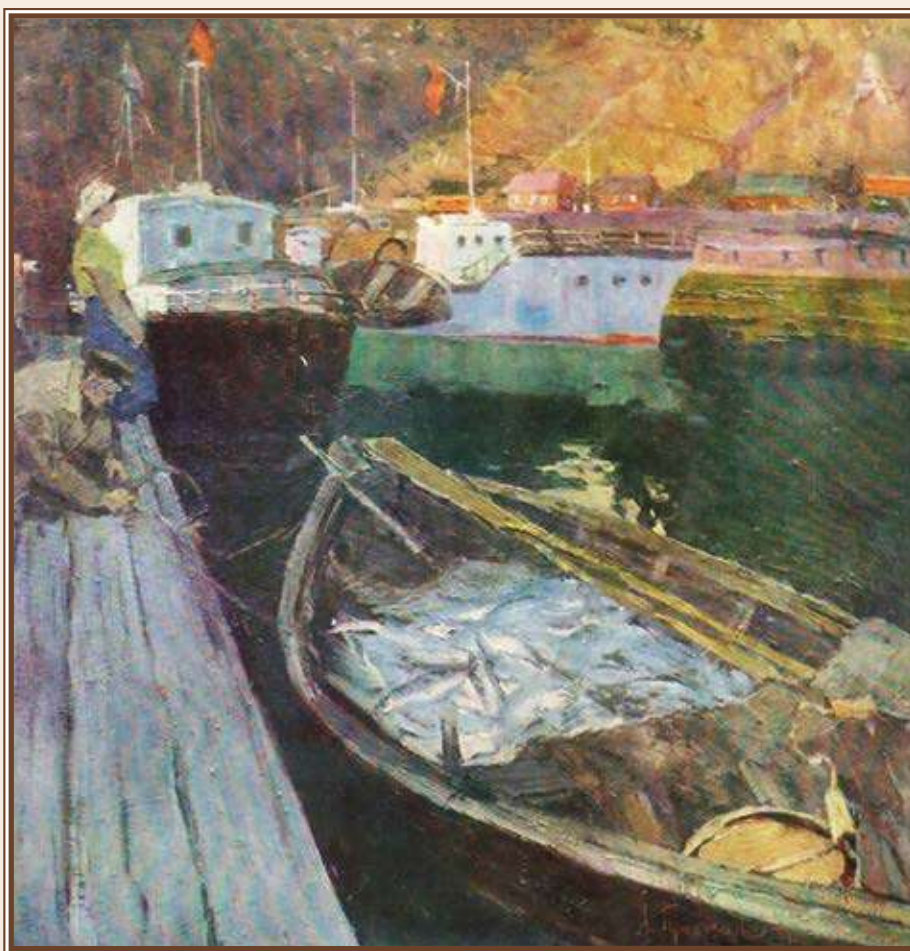
Лиственничное на Байкале. Открытка из серии «Сибирь». Начало 20 в.

А.Ш. Закиров. Байкальский омуль, 1953 г.

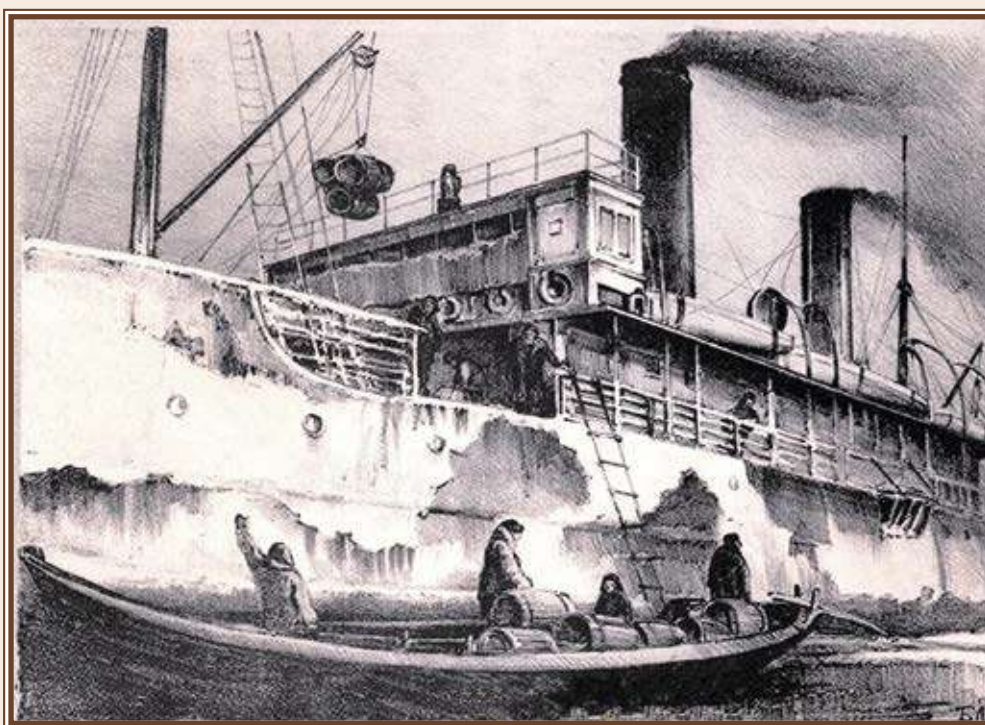
А.К. Руденко. Выход на вечерний лов, 1959 г.

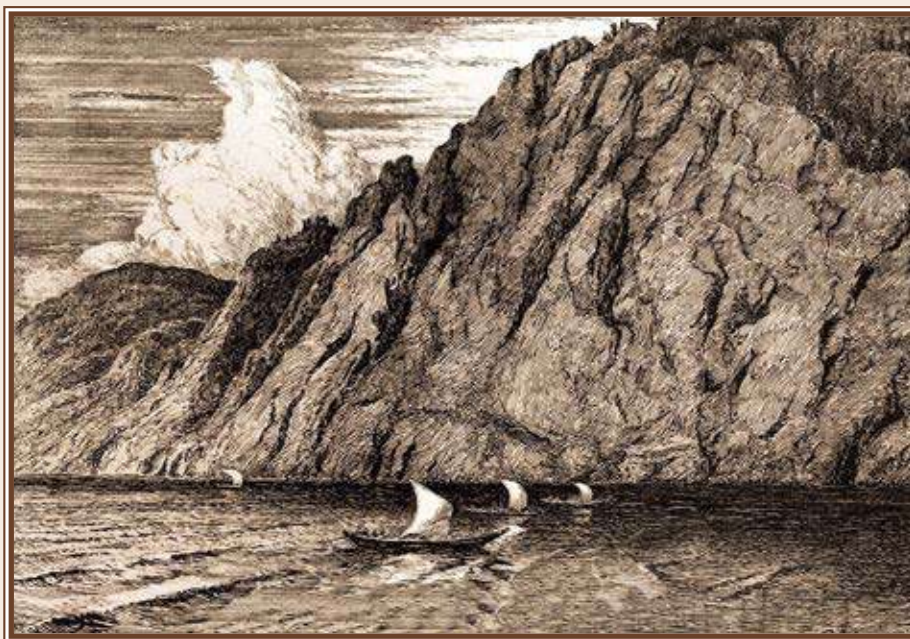
А.И. Гутерзон. У причала, 1960 г.

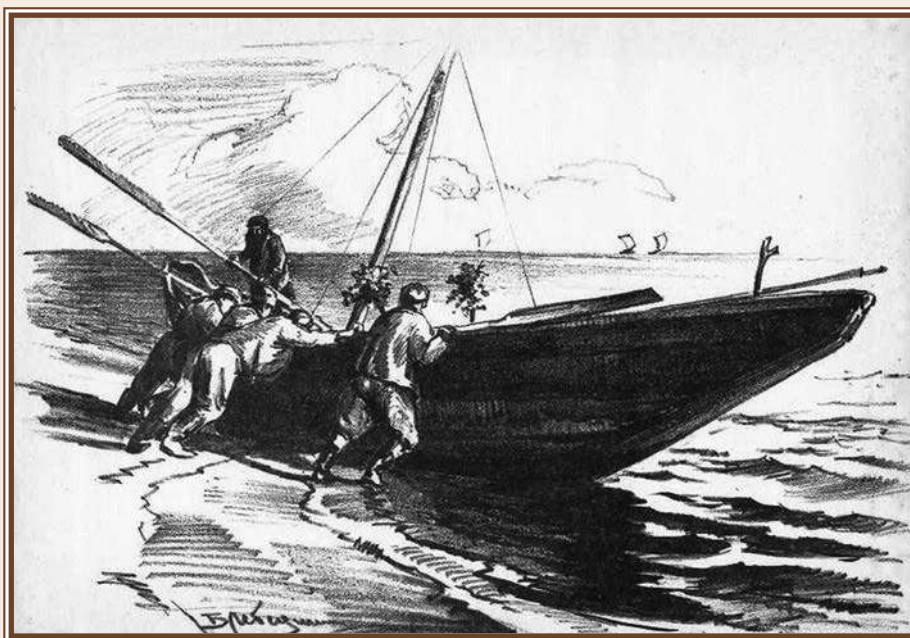
А.В. Казанский. Рыбаки Байкала

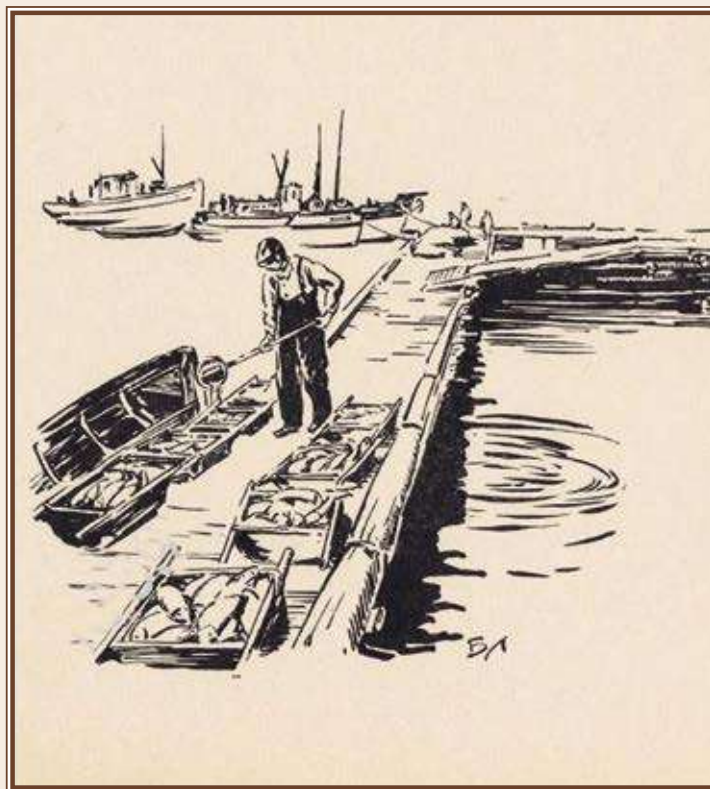
Б.И. Лебединский. Декабрь. Последний рейс парохода «Ангара»

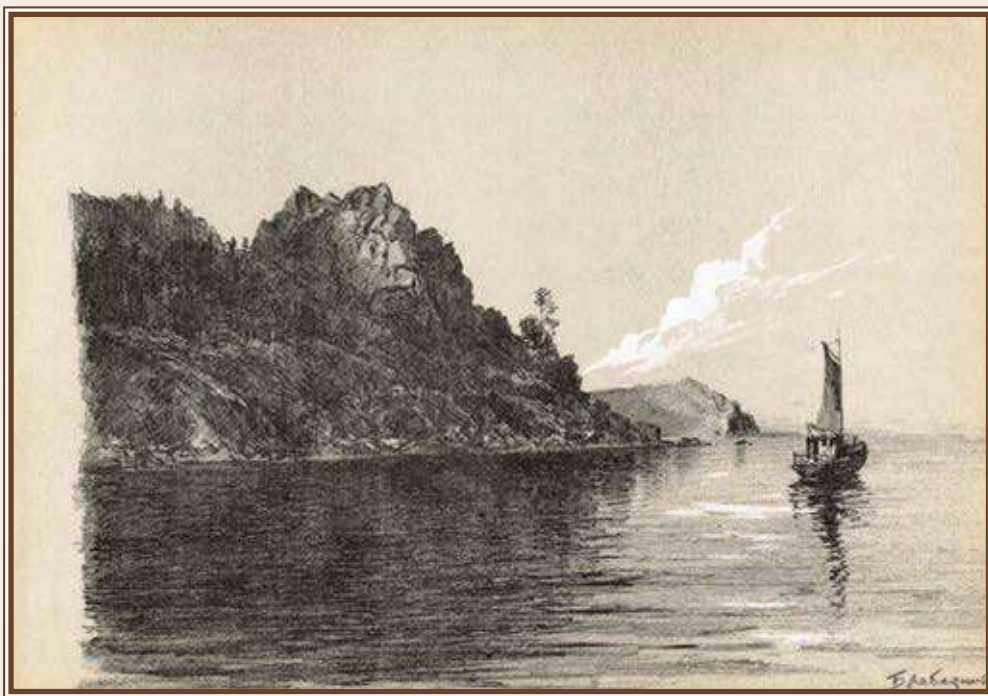
Б.И. Лебединский. Мыс Соболева. Выход рыбаков на лов

Б.И. Лебединский. Выход рыбаков на лов. 1958 г.

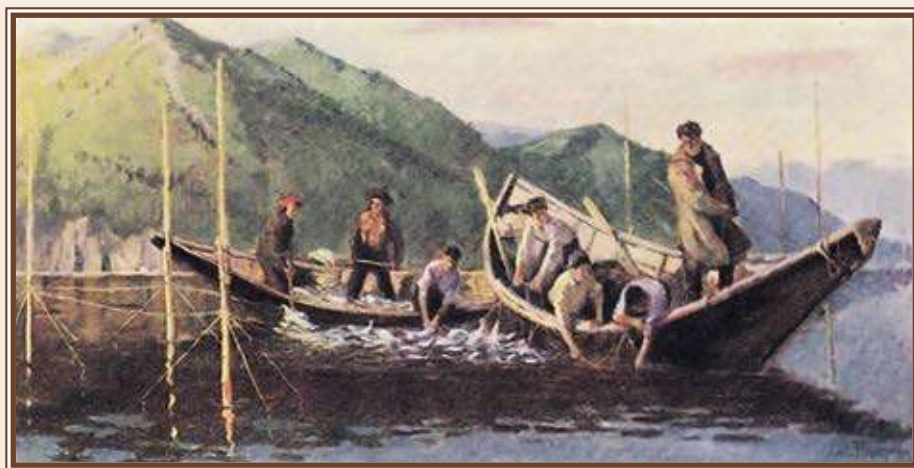
Б.И. Лебединский. Байкал. Улов. Рыбалка. Рыбак. 1966 г.

Б.И. Лебединский. Байкал. Штиль. 1958 г.

Б.И. Лебединский. Рыбачий стан на Байкале. 1966 г.

А.А. Окладников. Байкальские будни. 1959 г.

В.В. Дьяков. Будни Маломорского рыбозавода. п. Хужир. 1990 г.

Андрей Владимирович БАЗОВ

Очерки истории байкальских рыбных промыслов

редактор *О.С. Юрова*

художественный редактор *Ю.С. Яковлев*

технический редактор *Т.Н. Боровик*

компьютерная верстка *Ю.С. Яковлев*

Тираж 300 экз.; формат 60х90/8 ; печ. л. 36,5;
подписано в печать 02.12.2020

Отпечатано в ООО«Book jet»
390046, г. Рязань, ул. Пушкина, 18.
e-mail: info@bookjet.ru. Тел.: +7 (4912) 46-61-51

Автор книги — Андрей Владимирович Базов родился 5 ноября 1962 года на Урале, в городе Нижний Тагил. В 1985 году окончил рыбохозяйственный факультет Астраханского технического института рыбной промышленности и хозяйства по специальности «ихтиология и рыбоводство». По окончании института три года работал на Дальнем Востоке в Тихоокеанском управлении рыболовного и научно-исследовательского флота, участвуя в совместных с учеными ТИНРО экспедициях по изучению биоресурсов Японского и Берингова морей, работал наблюдателем в советско-американской компании по морским ресурсам. С 1988 года — сотрудник Восточно-Сибирского научно-исследовательского и проектно-конструкторского института рыбного хозяйства в городе Улан-Удэ (сегодня это Байкальский филиал ФГБНУ «ВНИРО»). Кандидат биологических наук. Тема диссертации: «Экология воспроизводства селенгинской популяции байкальского омуля». В 2016 году им, в соавторстве с Н.В. Базовой, издана монография «Селенгинская популяция байкальского омуля: прошлое, настоящее, будущее». Начало настоящих «Очерков» заложено в этой книге, где авторы ограничились историей развития рыбного хозяйства в бассейне р. Селенга. В представляемой книге речь идет уже обо всех рыбопромысловых районах Байкала.